ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
П. И. МЕЛЬНИКОВА
(АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО)

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ П. И. МЕЛЬНИКОВА

(АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО)

Первое посмертное полное изданіе, дополненное, сверенное и вновь просмотрѣнное по рукописямъ

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

ОЧЕРКИ ПОПОВЩИНЫ

ЧАСТЬ I

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ — МОСКВА
Гостиный дворъ, № 18 — Кузнецкій мостъ, № 12

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ. Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5—7.

Дозволено цензурою. Спб., 10 ноября 1898 г. Редакторъ-издатель А. М. Вольфъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Начало раскола старообрядства.

Въ старые годы грамотныхъ людей на Руси было очень мало, а полуграмотные переписчики церковныхъ книгъ, по невѣжеству, вносили въ нихъ самыя грубыя ошибки. Къ тексту, исполненному такого рода ошибками, предки наши постепенно привыкали. Черезъ два-три поколѣнія ошибка переписчика дѣлалась уже святынею для набожныхъ людей, строгихъ ревнителей обряда и буквы. Такая порча книгъ началась издавна: такъ называемые «худые номоканунцы» были у насъ еще въ XII вѣкѣ.

То же самое и относительно обрядовъ. Отъ недостатка книжнаго наученья не только міряне, но и духовные путались во множествѣ сложныхъ обрядовъ. Это особенно замѣчалось въ Новгородѣ и Псковѣ. Оттуда и пошли по сѣверной Руси обряды, несогласные съ древними греческими, неизвѣстные въ южной, кіевской Руси, но получившіе значеніе неприкосновенной святыни въ глазахъ ревнителей старины сѣвернаго края. Таковы: сугубая аллилуія, двуперстное сложеніе, ходы посолонь и пр. На сѣверѣ, то есть во всей Великой Россіи, всѣ эти обряды стали сильно распространяться и утверждаться съ 1410 года, или со вре-

мени раздѣленія русской митрополіи на двѣ половины — московскую и литовскую; окончательно же они утвердились во времена первыхъ московскихъ патріарховъ [1]). Ослабленіе связей съ Константинополемъ и потомъ полная, автокеѳальная независимость московской церкви обусловливали невмѣшательство восточныхъ патріарховъ въ великорусскія церковныя дѣла; между тѣмъ литовская половина Руси до конца XVII столѣтія зависѣла вполнѣ и непосредственно отъ цареградской патріархіи и всегда находилась въ болѣе тѣсныхъ связяхъ съ восточными православными церквами, чѣмъ московская. Этимъ объясняется замѣчательное и въ наше время явленіе: въ южно-русскихъ областяхъ не было и нѣтъ испорченныхъ обрядовъ и не образова-

---

[1]) И. Д. Бѣляевъ такъ опредѣляетъ происхожденіе двуперстнаго сложенія, обряда, которому старообрядцы наши придаютъ особенно важное догматическое значеніе. «Двуперстіе распространилось въ XIV вѣкѣ въ Галицкой Руси по случаю распространенія тамъ армянъ-монофизитовъ. Отсюда, въ XV вѣкѣ, оно перенесено въ Новгородъ, и было усвоено многими, какъ оппозиція ереси Схаріи, или такъ называвшихся «жидовствующихъ». Затѣмъ Ѳеодоритъ, ученикъ Св. Зосимы Соловецкаго, написалъ извѣстное *Слово Ѳеодоритово*, вошедшее въ Стоглавъ. (См. *День* 1863, №№ 9 и 10). Двойная аллилуія, другой, важный, по мнѣнію старообрядцевъ, обрядъ пошелъ, какъ извѣстно, изъ Пскова, тоже въ XV столѣтіи. Во время архіепископа новгородскаго Геннадія (1485—1504) и двоили и троили аллилуію, какъ видно изъ слѣдующей отписки къ нему Дмитрія Стараго (Дмитрія Толмача) изъ Рима: «Господину преосвященному архіепископу Новагорода и Пскова, владыцѣ Геннадію, слуга вашъ, святительства твоего, Дмитрій Старой челомъ бьетъ. Велѣлъ еси, господине, отписати къ себѣ о трегубной *алъ илъ уіа*, высмотрѣвъ въ книгахъ. Ино, господине, того и здѣсь въ книгахъ не описано, какъ говорити: трегубно ли, сугубно ли. Но мнѣ ся помнитъ, что и у насъ споръ бывалъ межъ великихъ людей, и они обоя одново осудили *алъ илъ уіа*, и въ четвертое *слава тебѣ, Боже*, является тріипостасное божество и единосущнаго, а сугубное *алъ илъ уіа* являетъ въ двѣ естествѣ едино божество. Іно, какъ глаголетъ человѣкъ тою мыслію, тако добро. *Ал ил уіа* толкуется: *ал*—пріиде, *ил*—явися, *уіа*—Богъ,—пойте и хвалите живого Бога.—Инако толкуется: *ал ил уіа*—хвалите Богу или хвалите Господа или Сущаго хвалите, якоже и Давидъ вопіяше, глаголя: Богъ явѣ пріидетъ, Богъ нашъ не премолчитъ».

лось раскола; до сихъ поръ въ Малороссіи и западномъ краѣ расколъ чуждъ коренныхъ жителей и содержится одними выходцами изъ Великой Россіи.

Еще при Иванѣ Грозномъ искаженіе обряда и буквы въ Московскомъ государствѣ было уже такъ велико и такъ повсемѣстно, что обратило на себя вниманіе самого царя. Вѣрнѣйшимъ средствомъ отвратить дальнѣйшую порчу книгъ малограмотными переписчиками признано было книгопечатаніе. Стали печатать книги въ Москвѣ, но по тѣмъ невѣрнымъ спискамъ, которые были во всеобщемъ употребленіи. Самое же исправленіе книгъ отлагалось отъ времени до времени. Смутное время, въ началѣ XVII вѣка, и послѣдствія его надолго задержали дѣло рѣшительнаго исправленія книгъ. Такъ и шло дѣло до половины XVII вѣка.

Въ это время бархатную мантію съ золотыми источниками надѣлъ Никонъ, мордвинъ, родомъ изъ села Вельдеманова [1]), человѣкъ обширнаго ума и непреклонной воли, «собинный другъ» царя Алексѣя Михайловича. Онъ принялъ рѣшительное намѣреніе—во что бы то ни стало исправить книги и исправленными одновременно и повсемѣстно замѣнить порченныя, какъ печатныя, такъ и рукописныя. Въ 1654 году Никонъ издалъ *Служебникъ*. Въ немъ отмѣнялись нѣкоторые обряды, къ которымъ привыкли и попы, и міряне въ продолженіе не одного столѣтія. Ужасомъ поражены были люди набожные, строгіе ревнители старины и обряда; для ненабожныхъ было все равно. Недовольство патріархомъ обнаружилось тотчасъ же. И гдѣ же? Рядомъ съ патріархіей, въ кремлевскихъ теремахъ, на половинѣ набожной и благочестивой царицы Маріи Ильиничны.

---

[1]) Нижегородской губерніи, Княгининскаго уѣзда, на горѣ Тяпкиной.

Воспитанная въ старыхъ обрядахъ, свято чтимыхъ Милославскими и всѣми ихъ родственниками и свойственниками, набожная, но не развитая, благочестивая, но не наученная книжной мудрости, царица съ негодованіемъ встрѣтила Никоновы «новшества». Всѣ окружавшіе ее, самые близкіе къ ней люди, недоброхотно смотрѣли на дѣло Никона. Старикъ Соковнинъ, ея ближайшій совѣтникъ, завѣдывавшій ея частнымъ хозяйствомъ; сыновья его, бывшіе при царицыномъ дворѣ; его дочери—Морозова и княгиня Урусова, самыя любимыя царицею боярыни, сверстницы ея по воспитанію [1]); вся родня ея, то есть Милославскіе, Хованскіе, были истые ревнители обряда и старины. Съ ненавистью смотрѣли они на Никона и хулили его дѣло въ царицыномъ теремѣ. Самъ духовникъ Марьи Ильиничны, благовѣщенскій протопопъ Стефанъ Вонифатьевъ, прежде пріятель Никона, теперь явно ему воспротивился и много недобраго внушалъ своей духовной дочери о «новосоставленныхъ, Никономъ измышленныхъ» обрядахъ. Главные соборяне кремлевскихъ соборовъ были однѣхъ мыслей съ царскимъ духовникомъ. Такимъ образомъ, при самомъ началѣ церковнаго раздора, во главѣ противниковъ Никона стала царица московская съ ближними къ ней людьми и самое высшее бѣлое духовенство московскаго Кремля.

Царь и бояре, кажется, принимали въ этомъ дѣлѣ мало участія. Со времени изданія *Служебника*, Алексѣй Михайловичъ безъ малаго два года почти безъ выѣзда находился въ Литвѣ, побѣдоносно воюя съ польскимъ королемъ.

Изъ кремлевскихъ теремовъ полился расколъ по московскимъ улицамъ, а изъ Москвы; изо всѣхъ за-

---

[1]) Изъ нихъ Алексѣй Прокофьевичъ вмѣстѣ съ Циклеромъ казненъ Петромъ I; Морозова и кн. Урусова умерли въ Боровскѣ въ тюрьмѣ, гдѣ содержались за расколъ.

ставъ ея, разлился во всѣ стороны по городамъ, по селамъ и деревнямъ. По городамъ во главѣ раскола стало также высшее бѣлое духовенство. Въ числѣ первыхъ расколоучителей видимъ протопоповъ и поповъ: Никиту—въ Суздалѣ, Аввакума — въ Юрьевцѣ, Лазаря — въ Романовѣ, Даніила — въ Костромѣ, Логгина—въ Муромѣ, Никифора—въ Симбирскѣ, Андрея—въ Коломнѣ, Серапіона — въ Смоленскѣ, Варлаама — въ Псковѣ и проч. По селамъ, пріобыкшіе къ старому обряду попы сначала преспокойно положили новоисправленныя книги на клиросахъ и, не заглядывая въ нихъ, пѣли службу по-старому. На первыхъ порахъ сельскій народъ и не замѣтилъ перемѣны. Но въ монастыряхъ, гдѣ иночествующая братія была относительно развитѣе и разумнѣе приходскаго духовенства, новый обрядъ былъ принятъ. Въ монастыряхъ служили по-новому, въ приходахъ — по-старому. Народъ, видя такую разность, соблазнялся. И пошли толки. Между тѣмъ, монахи, патріаршіе десятильники и заказчики доносили святѣйшему, что сельскіе попы «ему ослушны: по новымъ книгамъ его исправленія службы Божіей въ приходныхъ церквахъ не поютъ». По такимъ доносамъ начинались розыски: съ поповъ, уличенныхъ въ службѣ по Іосифовскимъ книгамъ, брали денежныя пени, сажали ихъ по монастырямъ подъ началъ, упорнѣйшихъ держали въ монастырскихъ поварняхъ на цѣпяхъ. Иногда ослушниковъ воли патріаршей смиряли и батогами. Наказанія ожесточали, и попы дѣлались упорнѣе, думая, что страдаютъ за правду, за старую отеческую вѣру. Стали нѣкоторыхъ, болѣе вліятельныхъ, посылать въ ссылки. Народъ смотрѣлъ на нихъ какъ на мучениковъ за «старую вѣру», укрѣплялся въ стояніи за старину и слушать не хотѣлъ никакихъ увѣщаній о покореніи волѣ святѣйшаго Никона. А, между тѣмъ, изъ Москвы, изъ

палатъ и хоромъ политическихъ враговъ патріарха, бывшаго тогда почти полновластнымъ правителемъ государства, неслись по сельщинѣ и деревенщинѣ недобрыя вѣсти: «Никонъ старую вѣру рушитъ»!.. И задумались православные. Задумались и въ Москвѣ, и на Волгѣ, и на Сѣверѣ, и въ Сибири.

И встарь, какъ и теперь, русскій народъ каждое событіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ и близко касающееся его домашняго быта, его собственныхъ дѣлъ, объяснилъ по-своему. Объясненія бывали и бываютъ иногда до крайности нелѣпы, но они всегда замѣчательны, какъ выраженіе народныхъ симпатій даннаго времени. Такъ было и при исправленіи церковнаго обряда Никономъ.

Откуда эти «новшества»? Кто возбудилъ Никона рушить старую вѣру? Чье велѣніе творитъ онъ? Такіе вопросы двѣсти лѣтъ тому назадъ задавали себѣ на Руси ревнители старины. Первымъ виновникомъ оказался, разумѣется, діаволъ, всегда искій, кого поглотити, исконный пакостникъ роду христіанскому. А за нимъ — папа римскій, которому на этотъ разъ, разумѣется, и въ голову не приходило ничего подобнаго. Въ то время и великоруссы и южноруссы были страшно озлоблены противъ поляковъ и римскаго костела. Въ Московскомъ государствѣ у всѣхъ еще на свѣжей памяти были недавнія событія смутнаго времени и фанатическое звѣрство римскихъ католиковъ въ самыхъ стѣнахъ Кремля. Люди Московскаго государства были современниками польскихъ неправдъ и неистовствъ при варварскомъ, насильственномъ, кровавомъ обращеніи южноруссовъ и бѣлоруссовъ въ унію. Малороссія только что поддалась «подъ высокую руку» православнаго царя, избѣгая польско-католическаго ига. Царь въ Литвѣ побѣдоносно мстилъ обиды и многія неправды польскаго короля и пановъ рады. Уже Вильно

и Гродно были наши, сама Варшава трепетала въ ожиданіи очереди сдѣлаться московскимъ пригородомъ. Москвитяне находились въ напряженномъ состояніи. Всякое зло приписывалось ненавистнымъ полякамъ и кознямъ римскаго двора и іезуитовъ. Эта ненависть поддерживалась и усиливалась разными сочиненіями, писанными въ литовской Руси, съ цѣлью охранить православіе отъ католицизма. По тогдашнимъ московскимъ понятіямъ, злѣе, душепагубнѣе латинства во всемъ мірѣ другой ереси не было. И пустили враги Никона по народу слухъ нелѣпый, но за то быстро распространившійся отъ Днѣпра до Байкала и повсюду принятый за истину, не требующую доказательствъ. «Поляки да римскій костелъ, чрезъ врага Божія, Никона, хотятъ замутить русскую землю». И пошли по народу одни толки за другими. И пошла по людямъ мірская молва, что по морю морская волна. И было много смятенія въ людяхъ.

«Православный государь за многія неправды польскаго короля и пановъ рады и всей Рѣчи-Посполитой, съ помощію Божіею и своимъ государевымъ счастіемъ, отмщеніе чинитъ и храбрствомъ своимъ, доброхотствомъ же и многою службою и кровавыми ранами и потомъ христолюбиваго воинства, православныя церкви отъ прелестнаго папежскаго насилія боронитъ, — а на Москвѣ сидитъ мордвинъ и всѣмъ царствомъ мутитъ, держа руку государевымъ злодѣямъ и послѣдуя богоотметному римскому костелу». Такъ говорили въ Московскомъ государствѣ.

«Яко новый Іуда и святыхъ, православныя вѣры догматовъ отметникъ, Исидоръ митрополитъ зломудренный, на злочинномъ флорентскомъ соборѣ латинскую ересь прія и римскому папежу любезно прилѣпися; яко бѣсовскій сынъ и страдникъ Игнатій-грекъ, во дни растригины на патріаршемъ престолѣ бывый

и Божіимъ попущеніемъ, врага же человѣческаго, діавола, дѣйствомъ, жезлъ святителя Петра въ скверной руцѣ своей державый, пагубному костелу и зловѣрнымъ езувитамъ, тако же и папежу римскому себѣ предаде;—тако и сей многомятежный Никонъ, смутитель россійскія земля; латинскую, Богомъ ненавидимую ересь прія, къ римскому костелу прилѣпися, повелѣнія зломудраго папежа творяй, проклятаго папы Формоза и сына погибельнаго Петра гугниваго преданія соблюдаяй, крайнюю лесть богомерзкаго латинскаго ученія... въ людяхъ Московскаго государства проповѣсть, хотяй всѣхъ православныхъ христіанъ широкими путьми пространнаго житія въ кромѣшную бездну адову ко отцу своему, діаволу, привести». Такъ говорили на Москвѣ, такъ говорили по городамъ, по селамъ, по деревнямъ.

«Никонъ, толковали, пріемшій латинскій (четвероконечный) крыжъ, ругаяся истинному и животворящему кресту Господню, трисоставному, осьмиконечному, нашилъ его, святынѣ и Богу Всевышнему ругаяся, на своихъ башмакахъ, да скверныма своима ногама ежечасно попираетъ святое знаменіе, его же бѣси трепещутъ и еже вселенную утверди».

«Никонъ, говорили, отметнувъ святый жезлъ Петра чудотворца, повелѣ его своимъ страдникамъ въ нуждную яму вкинути, а на своемъ скверномъ жезлѣ зміи антихристови нѣмецкою хитростію устрои, и егда свою литургію богоотметную служитъ, благочестивые и христоподражательніи людіе воочію зрятъ, яко не святый омофоръ, но нѣкій мерзкій и престрашный, чермный змій на плещахъ его виситъ, ползая и трегощуще».

Таковы были народные толки о Никонѣ [1]) И раз-

[1]) Все это буквально взято изъ раскольнической рукописи *Пореченія на новоявленнаго Арія, Несторія же и Діоскора, рекше Никона па-*

дался по городамъ и селамъ, по лѣсамъ и пустынямъ, тотъ самый ясакъ [1]), который лѣтъ сорокъ до того «воздвигъ отъ сна уснувшихъ», по выраженію Минина [2]). Ясакъ тотъ былъ: «погибаетъ вѣра православная!» Еще живы были старики, что въ юности порадѣли дѣлу земскому, ходили съ Кузьмой Захарьевичемъ да съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ очищать Москву «отъ польскихъ людей и отъ русскихъ воровъ». «На то ли мы боронили святоотеческую, православную церковь,—говорили они теперь,—чтобы съ Никономъ-отступникомъ зловѣрію послѣдовать и, впадше въ смрадную яму еретичества, душами и тѣлесами погибнуть?» Противленіе патріарху до того дошло, что не только по многимъ церквамъ царствующаго града Москвы, но и въ самомъ Успенскомъ соборѣ священники и причтъ не переставали служить по-старому, по-Іосифовски. При самомъ служеніи патріарха въ этомъ храмѣ, священникъ Иванъ Нероновъ не допускалъ чтецовъ троить аллилую и много разъ споривалъ о томъ съ самимъ Никономъ, къ явному соблазну богомольцевъ. Нероновъ былъ въ милости при дворѣ, и Никонъ въ то время еще не рѣшился строго поступить съ нимъ [3]). «И мнози, говоритъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ раскольническихъ писателей, «яко отъ священныхъ, тако и отъ мірскихъ, о того (Никона) новинахъ смущахуся, и великія молвы и мятежи въ Россійской земли совершаху» [4]).

тріарха. Рукопись въ восьмушку, 152 страницы, безъ конца, новаго письма, нынѣшняго столѣтія; но она, по всему видно, списокъ съ сочиненія, современнаго Никону. Рукопись, какъ видно изъ надписи, принадлежала Тарасу Колосову, старообрядцу Балахонскаго уѣзда, Нижегородской губерніи.

[1]) Кликъ.

[2]) *Елькинскій хронографъ.* См. *Отеч. Записки.* 1842, № 7.

[3]) Семена Денисова, *Россійскій Виноградъ. Повѣсть о Никонѣ патріархѣ.*

[4]) Тамъ же.

А, между тѣмъ, чума ходила по Россіи, и были повсемѣстные неурожаи. Страшная была гибель народа. Мы, современники холеры, не можемъ вполнѣ представить всѣхъ ужасовъ, которыми сопровождалось моровое повѣтріе 1654 года. Города опустѣли; посадскіе люди и крестьяне, которые не умерли, разбрелись врознь. Хоронить было некому; трупы гнили въ домахъ; иныя деревни вымерли поголовно [1]). Поля остались не засѣянными, кустарниками поросли. Оттого голодъ пошелъ, и на все непомѣрная дороговизна. Народъ молился, женщины по ночамъ таинственно опахивали селенія, мужчины по обѣту строили «обыденныя» церкви, обрѣтались чудотворныя иконы и, какъ гласятъ благочестивыя преданія, избавляли цѣлые города отъ мора. Народъ страдалъ и всю бѣду сваливалъ на того же Никона. «То—Божіе наказаніе», говорилъ онъ, «за то, что многіе христіане, послѣдуя за Божіимъ врагомъ, отринули святоотеческіе завѣты и преданія». Стояли необычайные морозы, были страшныя бури, градомъ выбивало поля, а на небесахъ то-и дѣло видимы были знаменія: столпы кровавые ходили, солнце меркло, явилась огромная звѣзда съ метлой... «Зрите, православные, зрите знаменія гнѣва Господня, излія бо Вышній фіалъ ярости своея, грѣхъ ради нашихъ. А за то всеблагій Творецъ родъ христіанскій наказуетъ, что многіе пошли по слѣдамъ врага Божія и Пречистыя Богородицы—волка Никона!»

И малая доля подобныхъ толковъ, проникая въ крестовую патріаршую палату, могла бы смутить всякаго, носившаго жемчужныхъ херувимовъ на головѣ и бархатную мантію на плечахъ, но не таковъ былъ Никонъ. Онъ, ужѣ по природѣ своей, никакъ не могъ своротить съ разъ избраннаго пути, никакъ не могъ

[1]) Акты Нижегородскаго Печерскаго монастыря.

сдѣлать какой-либо уступки,—словомъ, ни одного шага назадъ. Препятствія лишь усиливали его энергію, и онъ, писавшійся «*Божіею милостію великимъ государемъ и патріархомъ*», всѣмъ объемомъ души вѣрилъ въ свое божественное право не только учить, но и повелѣвать. За отсутствіемъ царя, онъ правилъ государствомъ, и передъ нимъ, вельдемановскимъ мордвиномъ, крестьянскимъ сыномъ, волей-неволей преклонялись гордые, заносчивые, родословные люди Московскаго государства. Боярская дума думала такъ, какъ хотѣлось Никону. Во всѣхъ приказахъ творилась воля его; для непокорныхъ же—тюремъ и застѣнковъ было не занимать стать. Врачъ душевный каралъ тѣлеса и каралъ тяжко. Непокорные попы томились въ ссылкахъ или въ монастырскихъ поварняхъ и погребахъ съ цѣпями на шеѣ. Дрожали и вельможи. Сама царица не считала себя вполнѣ безопасною. Здоровье ея сильно разстраивалось.

Никонъ счелъ нужнымъ строго, властію всей церкви, утвердить исправленный обрядъ. По правиламъ, это возможно было лишь посредствомъ помѣстнаго собора. Собору же быть безъ воли и личнаго присутствія государя, по тѣмъ же правиламъ и по всѣмъ бывшимъ примѣрамъ, какъ въ русской, такъ и въ византійской церкви, нельзя. А государь все въ Литвѣ. И невольно медлилъ Никонъ, досадуя, давая волю гнѣву и, въ то же время, постясь, молясь и нося тяжелыя вереги, умерщвлялъ плоть свою. Въ это время онъ начиналъ уже дѣятельную переписку съ восточными патріархами. Объ уступкахъ, о снисхожденіи, объ умиреніи народа патріархъ и не помышлялъ: онъ презиралъ народъ и его желанія не меньше, чѣмъ впослѣдствіи Петръ.

Какъ скоро Алексѣй Михайловичъ воротился въ Москву, Никонъ созвалъ соборъ русскихъ архіереевъ

(1656), еще разъ утвердившій новоисправленный обрядъ, приравнявшій двуперстіе къ ересямъ несторіевой и армянской и проклявшій крестящихся двумя перстами [1]). Тогда же, для повсемѣстнаго прекращенія службы по-старому, Никонъ приказалъ по всѣмъ приходамъ, и городскимъ, и сельскимъ, отобрать старыя книги. Поступая такимъ образомъ, онъ, конечно, имѣлъ въ виду примѣръ патріарха Филарета, не только повсюду отобравшаго, но даже и сжегшаго *Уставъ*, напечатанный въ Москвѣ въ 1610 г. Но что удалось царскому отцу, то не прошло благополучно при сынѣ вельдемановскаго мордвина. Двуперстники на соборную анаѳему отвѣчали анаѳемой, а разосланнымъ для отобранія старыхъ, свято чтимыхъ книгъ «по многимъ городамъ и селамъ не отдавали, и служить по нимъ не переставали». Посланные мѣстами прибѣгали къ насиліямъ; бывали драки и даже увѣчья изъ-за книгъ, а изъ нѣкоторыхъ церквей мірскіе люди тайкомъ брали старыя книги и, какъ драгоцѣнность, уносили съ собой въ лѣса, въ пустыни, въ тундры отдаленнаго сѣвера. До крайности крутая мѣра отобранія старинныхъ книгъ на всемъ пространствѣ Московскаго государства потрясла всѣхъ, а особенно людей простыхъ. «Какъ же,—говорили они,—вѣдь по этимъ книгамъ столько лѣтъ божественную службу правили, вѣдь по этимъ книгамъ святыя тайны совершали и насъ освѣщали, а теперь эти книги не въ книги? По этимъ книгамъ святые отцы Богу угодили, а теперь онѣ негодны стали! Кто же правѣе, кто же святѣе: святые отцы и преподобные или Никонъ?» Вразумлять такъ говорившихъ, что таинство и души человѣческія освящаются не внѣшнимъ обрядомъ и не старыми или новыми книгами, а вѣрою и благодатію, что исправ-

---

[1]) *Скрижаль* I—л. 11, на обор.

леніе обряда необходимо—было совершенно невозможно. Простые сердцемъ и не книжные люди этого не понимали, да и понять не могли. Что же вышло? Всѣ люди набожные, всѣ люди, преданные церкви, уклонились отъ Никона и образовали *расколъ*. Сюда принадлежало преимущественно простонародіе, особенно женщины. Напротивъ, люди, болѣе или менѣе равнодушные, приняли все, введенное Никономъ. Сюда принадлежало большинство людей высшихъ классовъ тогдашняго общества. Не легко было и имъ переучиваться креститься: по привычкѣ, усвоенной съ младенчества, правая рука все складывала для крестнаго знаменія два перста, но понемногу эти люди пріобрѣли навыкъ креститься по-новому.

Никонъ въ своихъ дѣйствіяхъ опирался на авторитетъ восточныхъ православныхъ патріарховъ и надѣялся на нихъ, какъ на каменную стѣну. Но люди Московскаго государства грековъ ставили ни во что. Въ XVII столѣтіи патріархи, митрополиты, архимандриты, монахи и купчины греческіе то и дѣло къ намъ ѣздили: привозили они четки іерусалимскія, иконы, камешки отъ святыхъ мѣстъ Палестины, и взамѣнъ того получали червчатые бархаты венецейскіе, дорогіе аксамиты и алтабасы, сибирскихъ соболей, кафимскій жемчугъ и золотые ефимки. Чтобы получить побольше милостыни отъ набожнаго царя и благочестивыхъ его подданныхъ, греки возбуждали ихъ къ бо́льшой щедрости преувеличенными нерѣдко разсказами о паденіи православія на Востокѣ. «Отъ тѣсноты и гоненія агарянскаго,—говорили они,—померче православія свѣтъ на Востокѣ; только во единой Москвѣ, семъ третіемъ Римѣ, истинняя вѣра сіяетъ, яко свѣтило». Такія рѣчи приходились русскимъ людямъ по-сердцу; онѣ льстили народному самолюбію. Иные греки говорили: къ вамъ, въ Москву, надо ѣздить

учиться благочестію». «Это еще болѣе радовало русскихъ и прибавляло хорошіе лишки къ милостынѣ, подаваемой «разореннымъ грекамъ». Но уважать грековъ—не уважали. Слова: «суть же греци льстивы (то есть обманщики) до сего дня» со временъ преподобнаго Нестора не выходили изъ сознанія русскихъ людей. Бывавшіе въ Москвѣ греческіе патріархи и митрополиты (1649—1654) [1]), видя рознь московскихъ обрядовъ съ греческими, не одобряли ее и совѣтовали Никону поскорѣе приступить къ рѣшительному исправленію. Аѳонскіе старцы тоже говорили, что московскій обрядъ не хорошъ и жгли книги московской печати. Русскій народъ не слушалъ ни патріарховъ, ни аѳонскихъ монаховъ, за то послушалъ старца Арсенія Суханова, своего, русскаго, посланнаго царемъ и Никономъ на Востокъ досматривать тамошніе обряды. Сухановъ все, что видѣлъ, описалъ въ своемъ *Проскинитаріи*, и списки съ этого сочиненія быстро разошлись въ народѣ. Въ немъ русскій паломникъ описалъ всѣ несходства обряда греческаго съ нашимъ, но еще болѣе описывалъ небреженіе грековъ къ обряду. А для русскихъ людей это больше всего значило. Равнодушіе грековъ къ памятникамъ святыни, сообщенія ихъ съ иновѣрцами, несоблюденіе постовъ въ томъ строгомъ видѣ, въ какомъ установились они въ послѣднее время у насъ, на сѣверѣ, странная для московскаго глаза одежда духовныхъ лицъ и самихъ монаховъ, ношеніе мірянами европейскаго платья—все это до глубины души возмущало Суханова, и онъ съ наивностью паломника записалъ свои впечатлѣнія. Осо-

---

[1]) Паисій, патріархъ Іерусалимскій, въ 1649 г.; Гавріилъ, митрополитъ Назаретскій, въ 1652; Аѳанасій, патріархъ Константинопольскій, въ 1653; Макарій, патріархъ Антіохійскій, и Михаилъ, патріархъ Сербскій, въ 1654 г.

бенно поразило нашихъ предковъ, когда они прочитали у Суханова о гречанкихъ. На Москвѣ женщины были особенно набожны и приходили въ церковь не иначе, какъ подъ фатой, и становились особо отъ мужчинъ. Гречанки же, по словамъ Суханова, «ходятъ по-франкски (то есть по французской модѣ), рубашекъ не застегаютъ, груди всѣ голы, вся шея до сисекъ нага и держатъ шею и сиськи чисто гораздо, якобы для прелести. И тако ходятъ не токмо жены, но и дѣвицы. И женятся греки у франковъ и франки у грековъ» [1]). Это на московскіе глаза было самою страшною ересью и самымъ сильнымъ развратомъ. Никогда не пользовавшіеся добрымъ мнѣніемъ нашихъ предковъ, греки, съ появленіемъ Сухановскаго *Проскинитарія*, упали еще ниже. Въ то же время узнали на Руси, что многіе греки признали главенство папы римскаго, что изъ самихъ константинопольскихъ патріарховъ иные склонялись къ латинству, что въ Константинополѣ нѣкоторые греки уклонились и въ кальвинство. Еще двадцати лѣтъ не минуло, какъ тамошній патріархъ, Кириллъ Лукарисъ, явный протестантъ, былъ утопленъ турками. И не только въ западной Руси, въ самой Москвѣ явились было кальвинисты, послѣдователи Лукариса. Хотя дѣло объ этомъ ведено было въ большомъ секретѣ, однакоже слухъ о патріархѣ-кальвинистѣ ходилъ по Москвѣ [2])

«У грековъ вѣра пестра,—говорили двуперстники;—по взятіи турскимъ салтаномъ Царьграда православіе у нихъ погибло, и они теперь, подъ личиною православія, содержатъ ереси: латинскую, кальвинскую и

---

[1]) Арсеній Сухановъ *Проскинитарій*. Описаніе острова Хіо.

[2]) Дѣло о послѣдствіяхъ уклоненія Лукариса въ кальвинство до сихъ поръ, кажется, запечатано, хотя и миновали уже два вѣка послѣ его производства.

армянскую». «А Никонъ къ намъ хочетъ вводить сію пеструю вѣру!» говорили другіе. И когда указывали имъ на восточныхъ патріарховъ, сидящихъ на апостольскихъ престолахъ, что и они содержатъ тѣ самые обряды, которые Никонъ теперь велѣлъ на Москвѣ исполнять, что эти патріархи вполнѣ одобрили новыя книги—слушать ничего не хотѣли двуперстники, начитавшіеся *Проскинитарія*, и отвѣчали увѣщателямъ: «знаемъ мы тѣхъ патріарховъ, знаемъ мы, какъ они съ богомерзкими турками съ одного блюда мясо ѣдятъ». А тутъ Аввакумъ-протопопъ изъ заточенія разсылаетъ грамотки, двуперстники переписываютъ ихъ въ сотняхъ экземпляровъ. И говоритъ Аввакумъ вслухъ всей Россіи; «мудры б—ны дѣти греки; да съ варваромъ турскимъ съ одного блюда патріархи кушаютъ рафленыя курки, а русачки миленькіе не такъ: въ огонь полѣзутъ, а благовѣрія не предадутъ» [1]).

Задавали себѣ русскіе люди, ревнители старины и стараго обряда, вопросъ: православны ли греки? и всегда почти рѣшали такой вопросъ отрицательно. «Вѣдь сами же греки сказывали, что имъ надо ѣздить въ Москву учиться православію, а теперь хотятъ насъ учить»

«Сказываютъ,—толковали на Руси и въ домахъ, и на базарахъ, и на другихъ многолюдныхъ собраніяхъ,—сказываютъ, что и крещены то греки не въ три погруженія, а обливаны, какъ обливаютъ въ римскомъ костелѣ. А крещеніе такое нѣсть крещеніе, но паче оскверненіе. И въ черкасскихъ городѣхъ (Малороссіи) тоже обливаютъ, и въ Кіевѣ водится та же ересь, и у бѣлоруссцевъ, а все отъ того, что тамошніе люди всегда были подъ греческимъ, цареградскимъ патріар-

---

[1]) Аввакумъ: *Второе посланіе къ Симеону*.

хомъ, а не подъ нашими, православными. Оттого святѣйшій Филаретъ, патріархъ московскій, и велѣлъ крестить бѣлоруссцевъ совершенно» [1]).

«Вездѣ нарушена вѣра православная, только въ Московскомъ государствѣ до дней нашихъ стояла она твердо и сіяла яко солнце. А теперь и у насъ врагъ Божій, Никонъ, хочетъ ее извести»...—«Что же это значитъ? Къ чему все это идетъ?» спрашивали громотѣевъ скорбные, упавшіе духомъ люди. Грамотѣи раскрывали свято почитаемую народомъ и опороченную Никономъ *Книгу Вѣры*, собирали вокругъ себя кружки и, возгласивъ: «внемлите, православные!», такъ читали и толковали:

«По тысящи лѣтъ отъ воплощенія Божія Слова бысть развязанъ сатана, и Римъ отпаде со всѣми западными церквами отъ восточныя церкви. Въ 595 лѣто по тысящи жители въ Малой Руссіи къ римскому костелу приступили и на всей воли римскаго папы заруч-

[1]) Ложный слухъ о поливательномъ крещеніи у грековъ введенъ былъ позднѣе въ самый *Проскинитарій* Арсенія Суханова безпоповцами, что много послужило къ распространенію между русскими старообрядцами убѣжденія, будто греки не имѣютъ правильнаго, въ три погруженія, крещенія. Старообрядцевъ, авторъ написаннаго въ 1861 году сочиненія: *Сказаніе о первоначальномъ учрежденіи нынѣ существующей въ нашей древнеправославной церкви священной іерархіи и увѣреніе въ дѣйствительности оной сомнѣвающимся*, такъ говоритъ объ этомъ предметѣ: «Есть выпущенная тетрадь, въ видѣ отрывка Арсеніева въ путешествіи описанія въ которой доказывается, что якобы Арсеній видѣлъ обливательное крещеніе у грековъ, но это совершенная ложь; ибо оная тетрадь, какъ мы безсомнительно дознались, сочинена поморскими безпоповцами съ такою цѣлію, чтобы поддержать свою, на пескѣ основанную, секту. Что въ подлинной книгѣ Арсеніева путешествія, которую мы сами отъ перваго даже до послѣдняго листа съ великимъ прилежаніемъ изслѣдовали, отнюдь не обрѣтается; нѣтъ сего и во всѣхъ списанныхъ съ оной у многихъ частныхъ лицъ находящихся книгахъ. Сверхъ того, тетрадь, доказывая время и мѣсто Арсеніева самовидѣнія, сама открываетъ подлогъ, ибо по описанію самимъ Арсеніемъ путешествія его съ означеніемъ времени и мѣста, когда и гдѣ находился, онъ въ то время там вовсе не былъ». Подлинникъ *Проскинитарія* находится въ библіотекѣ Троицко-Сергіевской лавры.

ную грамоту дали ему. Се второе оторваніе христіанъ отъ восточныя церкви. Егда же исполнится 1666 лѣтъ, да нѣчто бы отъ прежде бывшихъ винъ зла нѣкаковаго не пострадати и намъ».

Роковой годъ приближался. Число 666 есть число апокалипсическаго звѣря. Не народился ли въ лицѣ Никона антихристъ? Такой вопросъ возникъ у двуперстниковъ и былъ рѣшенъ положительно. Возненавидѣли Никона всѣ отъ мала до велика, и не было ему другого имени, какъ врагъ Божій, да антихристъ. А онъ строилъ себѣ свой Воскресенскій монастырь, по подобію великой іерусалимской церкви, спорилъ съ боярами, поссорился и съ царемъ. Самовольно оставивъ престолъ святителя Петра, засѣлъ онъ въ своемъ Новомъ Іерусалимѣ и ни шагу въ Москву. Между тѣмъ, расколъ церковный съ каждымъ днемъ развивался болѣе и болѣе. Государь то и дѣло изо всѣхъ концовъ царства получалъ челобитныя на Никона, съ просьбою возстановить нарушенный имъ обрядъ. Двуперстники твердо были увѣрены, что долго созываемый соборъ для суда надъ Никономъ отвергнетъ его «новшества». Соборъ какъ нарочно собрался въ роковомъ 1666 году. Никонъ былъ осужденъ, но всѣ распоряженія его по исправленію обряда одобрены и утверждены, а ревнители старины преданы анаѳемѣ.

«Погибло православіе!» завопилъ народъ, ревностно преданный старинѣ. И былъ стонъ и плачъ по селамъ и деревнямъ, въ лѣсахъ и пустыняхъ.

Стали ждать съ часу на часъ трубы архангела. «Міръ кончается, антихристъ явился, близокъ часъ страшнаго суда Христова!» говорили повсюду.

При такомъ настроеніи умовъ совершился въ русской церкви *расколъ старообрядства.*

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Первая мысль исканія архіерейства.

На сторонѣ противниковъ Никона, ревнителей упраздненнаго въ господствующей церкви обряда, оказались не исключительно одни бѣлые священники: были и монахи, были даже архіереи. Таковы, по сказаніямъ раскольниковъ, были: Макарій новгородскій (†1663), Маркеллъ вологодскій († 1656), Александръ вятскій († 1679)—три іерарха сѣверной части Великой Россіи, гдѣ первоначально появились, дольше употреблялись и сильнѣе чѣмъ гдѣ-нибудь укрѣпились обряды, отвергнутые Никономъ и проклятые соборомъ 1667 года. Изъ названныхъ архіереевъ дожилъ до этого собора одинъ только Александръ. Онъ былъ призванъ къ соборному суду, раскаялся въ своемъ заблужденіи, былъ принятъ въ общеніе съ церковью, но черезъ семь лѣтъ опять пошелъ по старинѣ, самовольно оставилъ вятскую каѳедру и удалился въ пустыню, подлѣ Сольвычегодска. Не видно однакоже изъ письменныхъ памятниковъ того времени, какъ церковныхъ такъ и раскольничьихъ, не сохранилось и въ преданіяхъ, чтобы архіереи новгородскій, вологодскій и вятскій при самомъ началѣ раскола поставили для старообрядцевъ изначала желаемаго ими архіерея.

Болѣе явно, болѣе гласно воспротивился Никону епископъ Павелъ коломенскій. Онъ былъ землякъ Никону, и у нихъ были старые между собою счеты. Подъ соборнымъ постановленіемъ 1654 года (при изданіи *Служебника*) Павелъ написалъ слѣдующій протестъ: «аще кто отъ обычныхъ преданій святыя каѳолическія церкви отыметъ, или приложитъ, или инако развратитъ, анаѳема да будетъ». Никонъ увлекся: осудилъ личнаго врага своего *безъ собора*, и сослалъ его въ монастырь Палеостровскій, что на берегу Онежскаго озера.

Имѣли старообрядцы поповъ довольно, но не было у нихъ архіерея. Отдѣляясь отъ господствующей церкви не изъ-за догматовъ, не изъ-за формъ церковной администраціи, а лишь изъ-за обряда, они признавали, согласно православному ученію, что въ истинной церкви, которая, по слову Спасителя, будетъ стоять до скончанія міра, необходимо нужны три чина іерархіи: епископскій, іерейскій и діаконскій, съ преемственнымъ отъ самихъ апостоловъ рукоположеніемъ Необходимость имѣть архіерея была для нихъ крайне чувствительна. Потому приходившіе къ Павлу въ палеостровское заточеніе, для собесѣдованія и ради благословенія, старообрядцы-двуперстники просили его о посвященіи имъ архіерея. Видно, Палеостровскій монастырь вовсе не былъ такою крѣпкою тюрьмой, какою представляютъ его нѣкоторые раскольническіе писатели, разсказывая о темничномъ заточеніи страдальца Павла. Къ нему имѣли свободный доступъ. Онъ поучалъ приходящихъ, приказывалъ имъ свято хранить преданія и крѣпко держаться Іосифовскихъ книгъ и старыхъ обрядовъ, поддерживалъ въ нихъ ревность къ старинѣ, ненависть къ Никону и его «новшествамъ», но, вопреки нѣкоторымъ позднѣйшимъ сказаніямъ, рѣшительно отказывался отъ посвященія не только архіерея, но даже и священника.

— Какъ же сохранимся въ благочестіи, владыко святый? — говорили Павлу, слезно рыдая, ревнители стараго обряда. — Какъ же мы сохранимся въ вѣрѣ отцовъ и дѣдовъ нашихъ, понеже ни единъ архіерей подобенъ тебѣ остался? Всѣ они (архіереи) волею и неволею Никоновы книги и новые чины пріяли. Посвяти намъ епископа правовѣрнаго.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Павелъ,—не могу сего сотворити, понеже, хотя безвинно осужденъ есмь, самому же ся отмстить не повелѣно. Уже праведный Судія, Христосъ, Богъ нашъ, будетъ насъ съ Никономъ судить.

— Но какъ же намъ быть безъ епископа, владыко святый?

— Поищите отъ епископовъ,—отвѣчалъ палеостровскій заточенникъ: — хоть они и подписалися Никоновы преданія хранить, но еще благодать Божія, по нуждѣ, за преступленіе, отъ нихъ до времени не отступила.

Много и неу..тѣнно молили Павла старообрядцы, но онъ оставался непреклоннымъ. Безъ сомнѣнія, самъ Павелъ не воображалъ, какъ далеко зайдетъ расколъ церковный впослѣдствіи. Слѣдуя его совѣту, двуперстники искали кого-либо изъ великороссійскихъ архіереевъ, который бы пошелъ къ нимъ, или бы согласился посвятить для нихъ особаго епископа, но «сего сдѣлать, лютаго ради гоненія, не могоша» [1]). Такъ и

---

[1]) Іона Курносый, рукопись XVIII ст. въ 8-ку.—Отсюда взятъ буквально разговоръ старообрядцевъ съ Павломъ коломенскимъ, Въ дальнѣйшемъ разсказѣ разговоры заимствованы мною, также буквально, изъ сочиненія Іоны. Іона Курносый, раскольническій писатель поповщинскаго толка, жилъ во второй половинѣ XVIII ст. въ Комаровскомъ скиту (верстахъ въ 25 отъ города Семенова, подлѣ деревни Елфимовой), основанномъ раскольникомъ Комаромъ, пришедшимъ сюда, на Керженецъ, изъ Тверской губерніи. Въ этомъ скиту была мужская обитель, въ кото-

умеръ Павелъ, не поддавшись на многія и частыя прошенія приходившихъ къ нему старообрядцевъ.

Въ 1667 году московскій соборъ предалъ непокорныхъ господствующей церкви двуперстниковъ анаѳемѣ; они на анаѳему отвѣчали анаѳемой. Дѣло зашло уже слишкомъ далеко, такъ далеко, какъ не думали и не предвидѣли первые поборники стараго обряда, толковавшіе о Никоновыхъ «новшествахъ» въ боярскихъ хоромахъ и въ теремахъ царицы Маріи Ильиничны. Примиреніе сдѣлалось невозможнымъ Отлученные отъ

рой въ половинѣ прошлаго вѣка былъ настоятелемъ старецъ Ефремъ; въ его-то обители и жилъ Іона, одинъ изъ самыхъ умныхъ и начитанныхъ старообрядцевъ того времени. Въ Комаровѣ крѣпко держались правила, чтобы приходящихъ отъ великороссійской церкви поповъ и мірянъ принимать *вторымъ чиномъ,* т. е. посредствомъ мѵропомазанія. Хотя «діаконовщина», требовавшая отъ приходящихъ только «исправы» и проклятія ересемъ» (пріемъ *третьимъ чиномъ*), возникла здѣсь же, на Керженцѣ, отъ Александра-діакона, казненнаго въ мартѣ 1720 года въ Нижнемъ, однако послѣдователей этого толка мало осталось здѣсь: послѣдователи его почти всѣ ушли въ Стародубье; на Керженцѣ же оставались немногіе въ Оленевскомъ скиту, гдѣ и держались даже до 1853 года. Іона Курносый былъ ревностный приверженецъ ученія «перемазыванія» и на московскомъ соборѣ поповщины, бывшемъ въ 1779 году и окончательно утвердившемъ это правило, крѣпко стоялъ за него (Анд. Іоан. Журавлева. *Ист. изв. о раскольникахъ*, стр. 321 и слѣд.). Онъ написалъ для этого собора *Исторію о бывствующемъ священствѣ* и другія сочиненія; его *Исторію о бывствующемъ священствѣ* не должно смѣшивать съ сочиненіемъ Ивана Алексѣева подъ тѣмъ же названіемъ. *Исторія о бывствующемъ священствѣ* Іоны Курносаго напечатана Г. В. Есиповымъ въ приложеніяхъ ко второму тому *Раскольничьихъ дѣлъ XVIII столѣтія*, гдѣ однако не означено почему то имя автора. Рукописная исторія Іоны Курносаго та самая, что напечатана г. Есиповымъ, 20 іюня 1799 года была представлена казанскимъ архіепископомъ Амвросіемъ (см. дѣло московскаго губернскаго архива старыхъ дѣлъ 1799 г. № 181171, на 20 листахъ). У г. Есипова не достаетъ конца исторіи Іоны Курносаго. Особенно важно для исторіи архіерейства у старообрядцевъ *Письмо соборнаго старца, персѣйшаго во время собранія или соборованія о нужнѣйшихъ случаяхъ засѣдателя.* Оно, повидимому, писано было къ заводскимъ старообрядцамъ, т. е. къ ушедшимъ съ Керженца и поселившимся на Уралѣ, на заводахъ Демидова (Нижнетагильскомъ и др.), гдѣ

церкви хорошо понимали, что имъ уже нѣтъ возврата въ ея нѣдра. Но такъ какъ они не отвергали ни догматовъ, ни правилъ православія, ни уставовъ церковныхъ, дѣйствовавшихъ до Никона, а только нѣкоторые обряды внѣшняго богопочтенія совершали по-старинѣ, по-Іосифовски, то естественно должны были озаботиться о полнотѣ священнаго чина въ своей церкви, которую считали единою истинною и православною. Въ священникахъ на первый разъ недостатка у нихъ не было: бѣлаго духовенства, уклонившагося въ расколъ при самомъ началѣ его, было довольно; но

нѣкоторое время жилъ Іона и едва ли не тамъ и писалъ *«Посланіе соборнаго старца»*. На это посланіе мы преимущественно ссылаемся въ этомъ сочиненіи. Въ предисловіи къ посланію говорится между прочимъ: «купно согласовалъ онъ, написатель (Іона), и своему игумену, отцу Ефрему, и прочимъ старцамъ отцемъ, помудренѣе его, написателя». Іона Курносый считается у керженскихъ старообрядцевъ праведнымъ; у его гробницы (въ Комаровскомъ скиту) растетъ большая ель, называемая *Іониною елью*; стволъ ея весь изгрызенъ. Набожные старообрядцы приходятъ на гробницу для поклоненія, поютъ «канонъ за единоумершаго» и молятся. Особенно много ходитъ сюда больныхъ зубами. Приписывая «Іониной ели» силу чудотворенія, они грызутъ ее и, какъ увѣряютъ, исцѣляются. Послѣ Ефрема, Іона былъ настоятелемъ обители, которая съ того времени и получила названіе «Іониной». Въ этой обители до тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія сохранились сочиненія Іоны (см. іеросхимонаха Іоанна. *Духъ мудрованія нѣкоторыхъ раскольническихъ толковъ*. Москва, 1841. стр. 42). Въ 1832 году умеръ послѣдній настоятель Іониной обители, Павелъ. Онъ былъ *тайный православный*, оставаясь ради житейскихъ выгодъ игуменомъ раскольнической обители. По духовному завѣщанію, всѣ строенія и движимое имущество обители, офиціально значившіяся частною его собственностью, завѣщалъ онъ въ церковь села Пафнутова и тамошнему священнику, своему тайному духовнику. Куда при этомъ дѣвались рукописи—неизвѣстно. Оставшіеся монахи и бѣльцы, въ числѣ 8 человѣкъ, послѣ смерти Павла разошлись по сторонамъ. Старая большая деревянная часовня съ колокольнею, построенная еще Іоною, и ветхія деревянныя келіи, со службами, оставлены были безъ всякаго призору и разваливались постепенно; въ 1850 г. въ нихъ уже опасно было ходить; ихъ сломали. Было въ началѣ сороковыхъ годовъ намѣреніе устроить въ нихъ женскую единовѣрческую общину, но, по недостатку денежныхъ средствъ, это не состоялось.

гдѣ же взять епископа, который бы рукополагалъ имъ новыхъ священниковъ, освящалъ муро и антиминсы, судилъ духовныя дѣла и правоправилъ клиромъ и церковью?

Въ первое время послѣ анаѳемы, провозлашенной въ московскомъ Кремлѣ на непокорныхъ двуперстниковъ, заботы ихъ объ отысканіи архіерея не были очень сильны. Тогда, какъ сказано уже, распространилось въ народѣ всеобщее глубокое убѣжденіе въ близкой кончинѣ міра. Повсюду слышались толки, что наступили послѣднія времена, что скоро померкнетъ солнце, звѣзды спадутъ съ неба и сгоритъ земля, а на ней и всѣ дѣла человѣческія. Были твердо и несомнѣнно убѣждены, что царство антихриста началось съ 1666 года, согласно пророченію автора *Книги Вѣры*.

По Апокалипсису же, власть антихриста должна продлиться *ни* болѣе, *ни* менѣе, какъ два съ половиною года. Стало быть, въ 1669 году кончина міра неминуемо должна послѣдовать. И вотъ, по Поволжью, гдѣ особенно силенъ былъ расколъ, а также въ лѣсахъ и пустыняхъ отдаленнаго сѣвера, собираются люди толпами, постятся, молятся, приносятъ другъ другу покаянія въ грѣхахъ, пріобщаются старинными дарами и, простившись съ земнымъ міромъ, ожидаютъ въ страхѣ и трепетѣ трубы архангела. Одни надѣваютъ черныя рясы монашества, другіе отказываются отъ пищи и добровольно умираютъ голодною смертію—«запощеваются». Изстари было и до сихъ поръ повсемѣстно сохранилось въ русскомъ народѣ суевѣрное убѣжденіе, будто кончина міра послѣдуетъ не иначе, какъ ночью, въ самую полночь, или съ субботы на воскресенье передъ масленицей,—въ это воскресенье, въ старину, въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, совершался даже особый обрядъ страшнаго суда,—или въ

ночь на Троицынъ день. Эти ночи въ 1669 году старообрядцы нижегородскіе, а вѣроятно и другихъ мѣстъ, безъ сна проводили въ лѣсахъ и оврагахъ. Надѣвъ чистыя рубахи и саваны, ложились они въ заранѣе приготовленные долбленые гробы и, лежа въ нихъ, пѣли заунывнымъ, протяжнымъ, за душу хватающимъ напѣвомъ:

Древянъ гробъ сосновый,
Ради мене строенъ.
Въ немъ буду лежати,
Трубна гласа ждати,
Ангелы вострубятъ,
Изъ гробовъ возбудятъ.
Я, хотя и грѣшенъ,
Пойду къ Богу на судъ.
Къ судьѣ двѣ дороги,
Широкія, долги;
Одна то дорога —
Во царство небесно,
Другая дорога —
Во тьму кромѣшну. [1])

Другіе по чину церковному сами себя отпѣвали ежеминутно ожидая, что вотъ-вотъ земля потрясется, камни распадутся, солнце и луна померкнутъ, звѣзды, какъ дождь, посыплются на землю, и протекутъ рѣки огненныя, и пожрутъ тѣ рѣки всю тварь земнородную. Не только излишнимъ, но даже богоборнымъ дѣломъ считали забыты о земномъ. Еще съ осени 1668 года забросили поля, не пахали, не засѣвали, а въ 1669 забросили и дома́. Голодная скотина, брошенная на произволъ судьбы, бродила безъ пастуховъ и жалобнымъ мычаніемъ вторила заунывному пѣнію лежав-

[1]) Это—пѣсня такъ называвшихся въ XVIII столѣтіи «гробополагателей», которую они «пѣли во гробѣхъ». Вѣроятно, она перешла къ нимъ изъ описыва мой эпохи.

шихъ въ гробахъ хозяевъ. Ясачная мордва и бортники, а вмѣстѣ съ ними и русскіе люди, не подвергшіеся вліянію нравственной эпидеміи, забирали безпризорный скотъ и расхищали дочиста покинутыя деревни [1]).

Миновали страшныя ночи, миновалъ и ве[illegible]вой годъ, а міръ стоитъ попрежнему.

Что же это? Какъ же не исполнилось святое, не мимо идущее слово Апокалипсиса? Два съ половиной года прошли, а кончины міра не бывало. Не знаемъ, много ли было благоразумныхъ, отрезвившихся при этомъ, но мысль о близкой кончинѣ міра долго и послѣ того не покидала старообрядцевъ. Вспомнили, что *Книга Вѣры* начинаетъ свое пророчественное лѣтосчисленіе съ года Рождества Христова, а вѣдь сатана, говорили они, былъ связанъ въ день спасительнаго воскресенія Іисуса Христа. Разсчитали поэтому, что антихристъ придетъ въ 1699 году, конецъ же міра наступитъ не ранѣе половины 1702 года, ибо тридцать три года было земной жизни Спасителя. Тогда будетъ кончина міра, тогда непремѣнно будетъ антихристъ чувственный, антихристъ, во плоти пришедшій. И завладѣетъ онъ царствомъ, и надѣнетъ на главу свою вѣнецъ, и на мѣстѣ святѣ учинитъ мерзость запустѣнія, Даніиломъ-пророкомъ прореченную, и муками и великими прещеніями истребитъ онъ поклоненіе Господу Іисусу Христу. Это вѣрованіе подготовило Григорія Талицкаго и иныхъ, огласившихъ Петра I антихристомъ и тѣмъ навлекшихъ на раскольниковъ страшныя гоненія со стороны правительства. Начались толки о пришествіи въ 1666 году антихриста не во плоти, не «чувственнаго», а пока еще «духовнаго». Начались выкладки и расчисленія апокалипсическихъ

---

1) Акты Печерскаго монастыря.

двухъ съ половиною лѣтъ и даніиловыхъ седьминъ. День страшнаго суда отсрочили, но не надолго; съ часу на часъ ждали антихриста во плоти. Глава раскола, Аввакумъ, прежде сильною и искреннею рѣчью поддерживалъ въ старообрядцахъ твердую увѣренность въ дѣйствительность совершившагося уже въ 1666 году пришествія «чувственнаго» антихриста. Онъ даже прямо, какъ будто очевидецъ, писалъ прежде своимъ приверженцамъ: «Я, братія моя, видѣлъ антихриста, собаку бѣшеную; право, видѣлъ. Плоть у него вся смрадъ и зѣло дурна, огнемъ пышетъ изо рта, а изъ ноздрей и изъ ушей пламя смрадное исходитъ, по немъ царь нашъ послѣдуетъ, и власти, и множество народа» [1]. Теперь онъ, пустозерскій заточенникъ, заговорилъ иное: «А о послѣднемъ днѣ и о антихристѣ не блазнитеся: еще онъ, послѣдній чортъ, не бывалъ. Нынѣшніе бояре комнатные, ближніе друзья его, еще возятся, яко бѣси, путь ему подстилаютъ и имя Христово выгоняютъ. А какъ вычистятъ вездѣ, такъ еще Илья и Енохъ, обличители, прежде придутъ, а потомъ антихристъ въ свое время» [2]. Слова «изящнаго страдальца» за старую вѣру, «протосингеля россійской церкви», какъ называли раскольники Аввакума Петровича, какъ и самъ онъ называлъ себя, были въ ту пору высшимъ авторитетомъ для отлучившихся отъ общенія съ церковью. Смутное время денно-нощнаго ожиданія архангельской трубы прекратилось, но за то день за день ждали Илію и Еноха, а за ними и настоящаго антихриста.

Но годы шли за годами, а труба архангельская

---

[1]) Аввакумъ: *Посланіе о видѣніи антихриста* (рукопись).

[2]) Онъ же: *Посланіе изящнаго страдальца, преосвященнаго Аввакума, протосингела россійскія церкви, еже посла изъ темницы своея, живши на березѣ океяна* (рукопись).

все не гремѣла, и жизнь міра все попрежнему шла своею обычною чередою. Въ семействахъ старообрядцевъ младенцы возмужали, люди взрослые постарѣли, пожилые сошли въ могилу дряхлыми стариками, не дождавшись свѣтопреставленія. А поповъ съ каждымъ годомъ становилось у нихъ меньше да меньше, къ исходу же XVII вѣка и совсѣмъ вымерли попы, что оставили господствующую церковь при самомъ появленіи никоновскаго *Служебника*, тѣ, которые ни разу не обошли налоя противъ солнца, ни разу не перекрестились тремя перстами. Смерть брала свое.

При такомъ «оскудѣніи священства», однѣ раскольническія общины рѣшились остаться вовсе безъ поповъ. «Самъ Христосъ, говорили они, будетъ для насъ невидимымъ святителемъ, какъ непреложно есть Онъ невидимый глава церкви православной». «Сами себя освящайте, сами себѣ священники бывайте»—эти слова Златоустовскаго *Маргарита* сдѣлались теперь для нихъ основнымъ пунктомъ догматствованія. И, не отвергая священства по принципу, они отвергли его по факту. «Благодать Божія взята на небо,—сказали они,—нѣтъ болѣе ни священства, ни освященія и не будетъ его до кончины міра, она же не закоснитъ». Такъ образовался расколъ *безпоповщины*, вскорѣ распавшійся на многіе толки. Безпоповщина рѣшительно отвергла бракъ и снисходительно отнеслась къ блудной жизни и самому разврату. Идеаломъ ея было общество монаховъ, самый суровый аскетизмъ и всеподавляющая мертвая обрядность. Послѣдователи этого толка явились первоначально въ Заонежскомъ краѣ, въ Поморьѣ, въ лѣсахъ Сѣвера и Сибири, вдали отъ городовъ и большихъ селеній, среди пустынной, унылой, мертвенной природы. Эта суровая, мрачная природа имѣла не малую долю вліянія на ту суровость міросозерцанія, которую истые безпоповщин-

скіе раскольники всецѣло удержали даже до дней нашихъ.

Не то было въ городахъ и большихъ селеніяхъ, и вообще въ мѣстахъ, гдѣ населеніе жило тѣснѣе, гдѣ было больше жизни, гдѣ изстари тѣснѣе были завязаны узы общественныя и семейныя. Тамъ образовалась такъ называемая *поповщина*. Послѣдователи ея не чуждались міра и связей семейныхъ, считая ихъ необходимыми, и необходимымъ считали правильное церковное благословеніе брачнаго сожитія, т. е. таинство брака. Они твердо держали въ своей памяти, что бракъ, какъ и другія таинства, пріемлемыя православіемъ, должны, по слову Спасителя, существовать до скончанія міра. Поэтому считали необходимымъ священство, считали еще болѣе необходимымъ имѣть поповъ, какъ совершителей таинствъ. Но, не имѣя архіерея, преемственно отъ апостоловъ получившаго власть святительскую, который бы имѣлъ право и власть рукополагать новыхъ поповъ, старообрядцы толка поповщины стали привлекать къ себѣ священниковъ отъ господствующей церкви «стараго», т. е. до-Никоновскаго рукоположенія и «стараго» крещенія. Черезъ немного лѣтъ вымерло поколѣніе поповъ, посвященныхъ ранѣе 1654 года, по старымъ книгамъ. Тогда поповщина «нужды ради» стала принимать къ себѣ поповъ «новаго» рукоположенія, но крещенія «стараго». Прошли еще годы, и вымерло почти все поколѣніе людей, родившихся прежде 1654 года и крещенныхъ по Іосифовскимъ книгамъ. Это почти совпало съ тѣмъ временемъ, когда южнорусскія церкви подчинены были духовной власти московскаго патріарха и вслѣдъ за тѣмъ много священниковъ, а особенно архіереевъ, родомъ изъ Малороссіи, явилось по городамъ великорусскимъ. Это были люди ученые, получившіе въ Кіевѣ и другихъ мѣстахъ такое образованіе,

о какомъ и не снилось тогдашнимъ людямъ Московскаго государства. Но раскольники давно уже заподозрили Малороссію въ нѣкоторомъ отступленіи отъ православія, въ уклоненіи къ римскому костелу, чему особенно подавало поводъ «обливательное крещеніе», нерѣдко бывшее въ малороссійскихъ церквахъ, да и въ Великой Россіи, въ крайнихъ случаяхъ, т. е. въ случаѣ болѣзни младенца, допускавшееся «Требникомъ» перваго московскаго патріарха Іова. Обливательное крещеніе, по понятіямъ раскольниковъ, есть еретическое, а крещеніе еретическое, сказано въ старыхъ книгахъ, «нѣсть крещеніе, но паче оскверненіе». Потому, рѣшившись принимать бѣглыхъ поповъ отъ церквей православныхъ, послѣдователи старообрядческой поповщины поставили непремѣннымъ условіемъ принимать поповъ лишь великороссійскихъ, а отнюдь не малороссійскихъ и при томъ такихъ, которые бы получили рукоположеніе отъ архіереевъ-великоруссовъ, крещенныхъ въ три погруженія [1]).

Затѣмъ во́зникъ вопросъ, какъ принимать поповъ великороссійскихъ: перекрещивать ли ихъ, какъ еретиковъ, или мvропомазывать, какъ схизматиковъ, или же ограничиваться одною «исправою» (покаяніе) съ проклятіемъ ересей. Объ этомъ было много толковъ, споровъ и словопреній. Для рѣшенія этихъ вопросовъ собирались на Керженцѣ особые соборы. Первоначально поповъ, переходившихъ въ расколъ, перекрещивали, потомъ принимали ихъ только съ «исправой», затѣмъ стали принимать «вторымъ чиномъ», т. е. посредствомъ мvропомазанія. Такъ ведется и до сего времени, особенно съ 1779 года, когда на соборѣ,

---

[1]) Іона Курносый.

бывшемъ въ Москвѣ, окончательно было рѣшено «перемазаніе».

Но архіереевъ все не было въ поповщинѣ, хотя послѣдователи этого согласія и употребляли много трудовъ, много стараній, чтобы «снискать чинъ епископскій». Мысль, что старообрядчество не есть истинная церковь, ибо не имѣетъ трехъ чиновъ духовной іерархіи, тяготила совѣсть отдѣлившихся отъ православія. Неграмотные или мало сидѣвшіе надъ свято-чтимыми книгами, люди молодые, которымъ было все равно, относились къ этому предмету равнодушно, но пожилые грамотѣи рано или поздно дочитывались въ старыхъ книгахъ, что безъ епископа церковь не церковь, а «самочинное сборище». Они приходили въ ужасъ отъ такихъ словъ, сказанныхъ святыми отцами, и говорили набожнымъ людямъ: «у насъ нѣтъ епископа, стало быть, церковь наша не истинна, стало быть, нѣтъ въ ней спасенія; тщетны наши труды, тщетны наши страданія, напрасны лишенія и самопожертвованія!»...

Въ утѣшеніе ли себѣ, въ подкрѣпленіе ли колеблющихся, старообрядцы еще въ послѣднихъ годахъ XVII вѣка распустили слухъ, что хотя они и не имѣютъ въ Россіи епископа, но есть на землѣ мѣста сокровенныя, Богомъ спасаемые грады и обители, гдѣ твердо и нерушимо соблюдается «древлее благочестіе», и епископы правовѣрные сіяютъ, какъ солнце. «Иначе и быть не можетъ,—говорили они,—вѣдь должна же церковь Христова съ богопреданнымъ священствомъ и епископами стоять до скончанія міра». «Удобнѣйше есть солнцу отъ теченія своего престати, неже церкви Божіей безъ вѣсти быти» [1]). Какая же вѣсть о

---

[1]) *Иріизскій Сборникъ* (рукопись), л. 147 на оборотѣ.

ней? Гдѣ она, эта святая церковь по древлему благочестію? Въ какой странѣ, въ какомъ царствѣ?

«Далеко, далеко, тамъ, на Востокѣ», говорили поборники старообрядства, но гдѣ именно на Востокѣ, точно сказать не умѣли.

И вотъ, Богъ знаетъ, когда, Богъ знаетъ, откуда, распространился слухъ, что не всѣ восточные патріархи отъ притѣсненія турецкаго ослабѣли въ правовѣріи и исказили вѣру Христову латинскою и кальвинскою ересями, что патріархъ антіохійскій, съ подвѣдомственными ему церквами, непреложно и нерушимо хранитъ святоотеческія правила, преданія и обряды во всемъ, и твердо содержитъ «древлее благочестіе». Почему именно старообрядцы отнесли это къ антіохійскому, а не къ другому патріарху, трудно теперь сказать. Развѣ оттого, что Арсеній Сухановъ, не бывъ въ Антіохіи, ничего не говорилъ о ней. Антіохійскій патріархъ, Макарій, два раза былъ въ Москвѣ и даже проѣзжалъ Волгой; жилъ нѣкоторое время въ Желтоводскомъ Макарьевѣ монастырѣ, вокругъ котораго расколъ былъ въ полномъ разгарѣ. Отлучившіеся отъ церкви своими глазами могли видѣть и видѣли, что «патріархъ Божія града Антіохіи» не соблюдаетъ ихъ обрядовъ. Но они говорили: «такъ, Макарій, дѣйствительно, отступилъ отъ православія, это вѣрно; но Господь не допустилъ его до Божія града, да не внесетъ въ него разврата и еретическаго ученія: на пути онъ злою смертію издше, и благочестіе сіяетъ въ Антіохіи попрежнему». Слухъ объ антіохійскомъ патріархѣ былъ принятъ за неоспоримую истину не только поповщиной, но и безпоповцами. Онъ держится даже до сихъ поръ. Въ XVIII столѣтіи, по всей вѣроятности во второй уже половинѣ его, распространилось по раскольническимъ обществамъ рукописное путешествіе безпоповщинскаго инока Марка

изъ монастыря Топозерскаго [1]). Ходилъ этотъ старецъ въ Сибирь, добрался до Китая, перешелъ степь Гоби и добрался до Японіи, до «Опоньскаго царства», что стоитъ на океанѣ-морѣ, называемомъ «Бѣловодіе», на семидесяти островахъ. Искавъ съ долгимъ терпѣніемъ древляго благочестія на Востокѣ, Марко нашелъ его будто бы въ Японіи. Тамъ видѣлъ онъ 179 церквей «асирскаго языка». Тамошніе христіане, говоритъ Марко, имѣютъ своего, православнаго патріарха, антіохійскаго поставленія, и четырехъ митрополитовъ. А русскихъ церквей въ Японіи сорокъ, и русскіе имѣютъ митрополита и епископовъ, которыхъ посвятилъ тотъ патріархъ «асирскаго языка». Отъ гоненія римскихъ еретиковъ много народа (греческаго?) уклонилось въ тѣ самые восточные предѣлы, а россіяне, во время измѣненія благочестія, уклонились сюда изъ Соловецкія обители и изъ прочихъ мѣстъ; много народу отправлялось кораблями Ледовитымъ моремъ и сухопутнымъ путемъ. Богъ наполняетъ сіе мѣсто [2]).

---

[1]) Топозерскій безпоповщинскій скитъ въ Архангельской губерніи, Кемскаго уѣзда, на берегу Топозера, основанный въ концѣ XVII ст. и существовавшій до 1854 г.

[2]) *Путешественникъ, сирѣчь маршрутъ въ Опоньское царство, писанъ дѣйствительнымъ самовидцемъ, инокомъ Маркомъ, Топозерской обители, бывшимъ въ Опоньскомъ царствѣ. Его самый путешественникъ* (рукопись). Вотъ эта замѣчательная рукопись: «Маршрутъ, сирѣчь путешественникъ. Отъ Москвы на Казань, отъ Казани до Екатеринбурга и на Тюмень, на Каменогорскъ, на Выберпумъ деревню, на Избеяскъ, вверхъ по рѣкѣ Катуни на Красноярскъ, на деревню Устьюбу, во оной спросить страннопріимца Петра Кириллова. Около ихъ пещеръ множество тайныхъ, и мало подалѣ отъ нихъ снѣговыя горы распространяются на триста верстъ, и снѣгъ никогда на оныхъ горахъ не таетъ. За оными горами деревня Умьменска (по другому списку, Устьменска) и въ ней часовня; инокъ, схимникъ Іосифъ. Отъ нихъ есть проходъ Китайскимъ государствомъ, 44 дня ходу, чрезъ Губань (Гоби?) потомъ въ Опоньское государство. Тамъ жители имѣютъ пребываніе въ предѣлахъ окіяна-моря, называемое Бѣловодіе. Тамъ жители на островахъ семидесяти, нѣкоторые изъ нихъ и на 500 верстахъ разстояніемъ, а малыхъ островов исчислить

Что въ китайскихъ владѣніяхъ (въ принадлежащей теперь Россіи Амурской области) издавна селились бѣглые изъ Сибири раскольники, это не подлежитъ никакому сомнѣнію: объ этомъ производилось нѣсколько дѣлъ. Но о старообрядцахъ въ невѣдомой Японіи говоритъ, сколько намъ извѣстно, одинъ лишь Марко Топозерскій, да еще въ 1807 году поселянинъ Бобылевъ подавалъ объ нихъ правительству особую за-

---

невозможно. О тамошнемъ же пребываніи онаго народу извѣщено христоподражателямъ древляго благочестія святыя соборныя и апостольскія церкви. Со истиною завѣряю, понеже я самъ тамъ былъ, со двѣмя иноками, грѣшный и недостойный старецъ Марко. Въ восточныхъ странахъ съ великимъ нашимъ любопытствомъ и стараніемъ искали древляго благочестія православнаго священства, которое весьма нужно ко спасенію, съ помощію Божіею и обрѣли асирскаго языка 179 церквей, имѣютъ патріарха православнаго, антіохійскаго поставленія, и четыре митрополита. А россійскихъ до сорока церквей тоже имѣютъ митрополита и епископовъ, асирскаго поставленія. Отъ гоненія римскихъ еретиковъ много народу отправлялась кораблями Ледовитымъ моремъ и сухопутнымъ путемъ. Богъ наполняетъ сіе мѣсто. А кто имѣетъ сомнѣніе, то поставляю Бога во свидѣтеля нашего: имать приноситися безкровная жертва до второго пришествія Христова. Въ томъ мѣстѣ приходящихъ изъ Россіи пріимаютъ первымъ чиномъ; крестятъ совершенно въ три погруженія желающихъ тамъ пребыть до скончанія жизни. Бывшіе со мною два инока согласились вѣчно остаться: приняли святое крещеніе. И глаголютъ оно: «вы всѣ осквернились въ великихъ и разныхъ ересяхъ антихристовыхъ, писано бо есть: изыдите изъ среды сихъ нечестивыхъ человѣки и не прикасайтеся имъ, змія, гонящагося за женою: невозможно ему постигнути скрывшейся жены въ разсѣлины земныя». Въ тамошнихъ мѣстахъ татьбы и воровства и прочихъ противныхъ закону не бываетъ. Свѣтскаго суда не имѣютъ; управляютъ народы и всѣхъ людей духовныя власти. Тамо древа равны съ высочайшими древами. Во время зимы морозы бываютъ необычные съ разсѣдинами земными. И громы съ землетрясеніемъ не малымъ бываютъ. И всякіе земные плоды бываютъ; родится виноградъ и сорочинское пшено. И въ *Шведскомъ путешественникѣ* сказано, что у нихъ злата и серебра нѣсть числа, драгоцѣннаго каменія и бисера драгого весьма много. А оные опонцы въ землю свою никого не пущаютъ, и войны ни съ кѣмъ не имѣютъ: отдаленная ихъ страна. Въ Китаѣ есть градъ удивительный, яко подобнаго ему во всей подсолнечной не обрѣтается. Первая у нихъ столица—Кабанъ».

писку. Не отрицаемъ и не утверждаемъ, во всякомъ случаѣ, любопытнаго извѣстія о русскихъ въ Японіи. Не мудрено, что сибирскіе раскольники и пробрались на Курильскіе острова, а оттуда въ Японію, но патріархъ японскій, и митрополиты, и 179 православныхъ церквей, по всей вѣроятности,—плодъ изобрѣтательной способности старца Марка. Тѣмъ не менѣе, извѣстіе его убѣдило русскихъ старообрядцевъ въ томъ, что у нихъ есть своя іерархія, хотя они и оторваны отъ нея дальностію разстоянія и другими обстоятельствами. Это успокоивало ихъ совѣсть. «У

Шведскій путешественникъ, о которомъ упоминаетъ старецъ Марко Топозерскій, есть подобное же раскольническое сочиненіе о старообрядцахъ, живущихъ въ Финляндіи, Норвегіи и Швеціи. Въ немъ говорится о богатствѣ металлами тѣхъ странъ и затѣмъ присовокупляется, что «на восточныхъ отоцѣхъ, идѣ же отъ древнѣйшихъ временъ блюдется истинная вѣра, злата и серебра и драгоцѣннаго каменія еще множае».

Въ архивѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ есть дѣло объ японскихъ и китайскихъ раскольникахъ, производившееся въ 1807 году (по архивной описи № 1). Въ 1807 году пріѣхалъ въ Петербургъ поселянинъ Томской губерніи Бобылевъ и донесъ министерству, что на-морѣ океанѣ, въ Бѣловодьѣ, живутъ старообрядцы, русскіе подданные, ушедшіе туда во время церковныхъ раздоровъ, бывшихъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, во время осады Соловецкаго монастыря царскими войсками. Тамъ, говорилъ Бобылевъ, они имѣютъ *своихъ епископовъ*, священниковъ и церкви, въ которыхъ служатъ по старымъ книгамъ; при крещеніи младенцевъ и при бракѣ ходятъ посолонь, молятся двуперстнымъ крестомъ, книгъ, напечатанныхъ при Никонѣ-патріархѣ и послѣ него, не принимаютъ, за государя и за войско молятся. Когда дошелъ до нихъ слухъ, что государь Александръ Павловичъ позволилъ старообрядцамъ строить церкви по старому закону, то они изъявили желаніе служить его величеству вѣрно, нести всѣ тягости и повинности и испрашиваютъ за оставленіе отечества прощенія. Живутъ они, по увѣренію Бобылева, въ трехъ мѣстахъ; къ нимъ ѣхать надо по дорогѣ изъ Бухтарминской волости чрезъ китайскую границу; въ одномъ мѣстѣ ихъ слишкомъ тысяча душъ, въ другомъ до семисотъ, а въ «Бѣловодьѣ» болѣе полумилліона. Дани никакому государству не платятъ. Бобылевъ вызывался отправиться къ нимъ и исполнить все, что будетъ ему приказано, для того, чтобы тѣ старообрядцы возвратились въ подданство русскаго императора. Правительство приняло предложеніе Бо-

3*

насъ есть епископы, стало быть, церковь наша истинна», говорили они. Толки о «патріархѣ асирскаго языка», живущемъ въ Японіи, сильнѣй и сильнѣй распространялись впослѣдствіи, и, наконецъ, распространились по всему русскому старообрядчеству, точно такъ-же какъ въ средніе вѣка распространилось и въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій признавалось за неоспоримую истину—существованіе гдѣ-то на востокѣ пресвитера Іоанна. И дѣйствительно, вся обстановка средневѣковаго пресвитера Іоанна вполнѣ сходна съ обстановкой раскольничьяго «асирскаго патріарха, что

былева. Ему дали 150 руб. и приказали явиться къ сибирскому генералъ-губернатору, отъ котораго онъ получитъ дальнѣйшія приказанія. Но Бобылевъ къ генералъ-губернатору не явился и пропалъ безъ-вѣсти. Его разыскивали, но нигдѣ не нашли. Въ декабрѣ 1839 года къ семеновскому исправнику Граве представленъ былъ бродяга, взятый въ Поломскихъ лѣсахъ, гдѣ жили и, вѣроятно. доселѣ живутъ въ землянкахъ раскольническіе пустынножители, близъ керженскихъ скитовъ. На вопросъ, кто онъ такой,—бродяга сказался подданнымъ Японскаго государства и старообрядцемъ. Онъ увѣрялъ, что въ Японіи живетъ много русскихъ людей-старообрядцевъ, что тамъ много церквей старообрядческихъ, есть и архіереи старообрядческіе и даже патріархъ. Разумѣется, все это было принято за сказку. Бродягу, какъ непомнящаго родства (онъ такъ и сказался), сослали на поселеніе въ Сибирь. Въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія многіе изъ жителей Бухтарминскаго края бѣжали въ китайскіе предѣлы для поселенія въ загадочномъ «Бѣловодьѣ». Скитаясь тамъ долгое время по степямъ и истощивъ съѣстные припасы вмѣстѣ съ прочимъ достояніемъ, которое они взяли съ собою, искатели Опоньскаго царства въ самомъ жалкомъ состояніи возвратились въ мѣста своего жительства, не найдя того Эльдорадо, о изобиліи котораго и богатствѣ ходили между ними обольстительные слухи. Впослѣдствіи, по случаю отлучки за границу двухъ инородцевъ Бобровыхъ, находившихся тамъ въ бѣгахъ болѣе трехъ лѣтъ, въ іюнѣ 1861 года изъ деревень Бухтарминской волости, Алтайскаго горнаго округа, начались снова отлучки крестьянъ за китайскую границу для отысканія загадочнаго «Бѣловодья». Бѣжавшіе всѣ были раскольники безпоповщинскаго толка. Вслѣдствіе возврата на родину нѣкоторыхъ изъ ходившихъ и не нашедшихъ «Бѣловодья» и Опоньскаго царства съ «патріархомъ асирскаго языка», въ 1862 году движеніе за китайскую границу и самые толки о загадочной странѣ между бухтарминскими раскольниками нѣсколько уменьшились.

въ Опоньскомъ царствѣ». И тотъ и другой—первосвященники, и тому и другому подсудны всѣ мірскія дѣла. «Тамъ свѣтскаго суда не имѣютъ, говоритъ Марко, управляютъ народы и всѣхъ людей духовныя власти, и преступленій тамъ нѣтъ». Совершенно то же, что и въ царствѣ Іоанна-пресвитера. Далѣе вся обстановка таинственной земли Опоньской, эти земныя разсѣдины, эти необычайные морозы, при которыхъ, однако, растутъ и виноградъ и рисъ, эти землетрясенія и безпрестанные громы и молніи—все это такъ сходно, если не совсѣмъ похоже на средневѣковыя европейскія сказанія о таинственныхъ земляхъ отдаленнаго Востока. Старообрядцы твердо были увѣрены въ дѣйствительности патріарха и епископовъ въ «Бѣловодьѣ», и нерѣдко бывали случаи, что люди недобросовѣстные, въ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія, пользовались увѣренностью раскольниковъ въ дѣйствительности японской іерархіи: самозванцы-попы сказывались священниками, ходившими за посвященіемъ въ Опоньское царство, показывали какія-то ставленныя грамоты отъ небывалыхъ архіереевъ и собирали деньги за исправленіе требъ.

Увеличенію и разнообразію раскольническихъ толковъ о «сокровенныхъ епископахъ древляго благочестія» не мало помогала и народная фантазія. Пошли по народу толки о невидимыхъ городахъ и монастыряхъ, колокольный звонъ которыхъ бываетъ будто-бы слышенъ въ тихія лѣтнія ночи. Пошли толки о Млевскихъ монастыряхъ [1]), о невидимомъ градѣ Боль-

[1]) Млевскіе монастыри въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, Тверской губерніи. Это древніе земляные окопы на р. Метѣ, близъ села Млева. Разсказываютъ, что тутъ были монастыри, но когда-то опустились въ землю, что до сихъ поръ въ нихъ живутъ монахи и монахини, къ которымъ можно пройти, но съ чрезвычайными затрудненіями. Говорятъ, что по большимъ праздникамъ бываетъ слышенъ звонъ невидимыхъ Млевскихъ монастырей.

шомъ-Китежѣ, о старцахъ горъ Архангельскихъ, или Кирилловыхъ, и Жигулевскихъ и т. п. [1]). Ко всѣмъ этимъ и подобнымъ имъ мѣстамъ народная фантазія, подъ вліяніемъ раскола, пріурочивала и «архіереевъ древляго благочестія».

Но сказочное антіохійское старообрядческое архіерейство и разсказы о Японіи, Китежѣ, Млевскихъ монастыряхъ и т. п., не могли вполнѣ удовлетворить старообрядцевъ, искавшихъ не фантастическаго архіе-

---

[1]) Большой Китежъ—невидимый городъ на берегу озера Свѣтлояра, въ нижегородскомъ Заволжьѣ (Макарьевскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, подлѣ села Владимірскаго, имѣнія князя Сибирскаго). Другой Китежъ, Малый, на Кирилловыхъ (по другимъ, на Архангельскихъ) горахъ, въ селѣ Городцѣ (Балахонскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, на Волгѣ). Жигули, или Жигулевскія горы—на Волгѣ же, въ Симбирской и Самарской губерніяхъ. Городъ Китежъ не упоминается въ лѣтописяхъ, но имя его встрѣчается въ народныхъ былинахъ о древнихъ богатыряхъ. (См. *пѣсни* Кирѣевскаго т. I выпускъ 4 прим. стр. CXVIII—CXXXII). Кажется, въ Китежѣ было свое братство богатырей, подобное кіевскому братству при дворѣ Володиміра Краснаго Солнышка. Вообще, Китежъ въ народныхъ преданіяхъ представляется стольнымъ городомъ суздальской великороссійской земли, какъ Кіевъ стольнымъ городомъ кіевской южнорусской. Въ *Китежскомъ Лѣтописцѣ* (рукопись, особенно распространенная между поволжскими раскольниками), говорится, что когда подступилъ къ Большому-Китежу Батый — «градъ сдѣлался невидимымъ, и будетъ онъ стоять невидимымъ до скончанія вѣка». Тамъ есть и церкви, и монастыри, и множество народа; лѣтними вечерами на Свѣтлояромъ озерѣ слышится звонъ китежскихъ колоколовъ. Въ *Китежскомъ лѣтописцѣ* описываются эти церкви, монастыри, городскія стѣны, ихъ длина и пр. Въ большомъ ходу у раскольниковъ, даже и у православныхъ, *Посланіе къ отцу отъ сына изъ онаго сокровеннаго монастыря, дабы о немъ сокрушенія не имѣли и въ мертвы не вмѣняли скрывавшагося изъ міра. Въ лѣто 7209 (1702) іюня въ 20 день.* Приводимъ это посланіе, заимствуя его изъ рукописнаго сборника второй половины XVIII ст. Оно даетъ понятіе о томъ воззрѣніи, какое имѣлъ и имѣетъ нашъ народъ на невидимые монастыри; «Г. І. Х. С. Л. п. н. а. (то есть Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ, аминь). Родителямъ моимъ, батюшкѣ моему, имя рекъ, и матушкѣ моей, имя рекъ. Здрави будите. Пишу вамъ азъ, родители мои, о семъ, что вы хощете меня поминать и псалтирь говорить друга моего совѣтнаго (жену) заставливаете. И вы о семъ престаньте: азъ еще живъ; егда пріидетъ смерть,

рейства. Они съ каждымъ годомъ сильнѣй и сильнѣй чувствовали необходимость епископовъ въ своей средѣ. Вслѣдствіе того еще въ послѣднихъ годахъ XVII столѣтія возникло у нихъ сильное стремленіе какимъ бы то ни было способомъ добыть себѣ архіерея. Но какъ и откуда взять его? За мѣстомъ его водворенія, за безопасностію отъ неминуемыхъ преслѣдованій со стороны правительства дѣло не стало бы. Много было укромныхъ мѣстъ и дома, а еще болѣе за границей. Но къ великороссійскимъ архіереямъ и подступить

тогда я вамъ вѣдомость пришлю, нынѣ же сего не творите. Азъ живу въ земномъ царствіи, съ отцы святыми, въ мѣстѣ покойнѣ. По-истинѣ, родители мои, царство земное. И покой, и тишина, и веселье, и радость духовная, а не тѣлесная. Сіи бо святіи отцы, съ ними же азъ живу, процвѣтоша, яко крини сельные, и яко финики, и яко кипарисы, и яко каменіе драгое и многоцѣнный бисеръ, и яко древа не старѣющіяся, и яко звѣзды небесныя. И отъ устъ ихъ непрестанная молитва къ отцу небесному, яко оиміамъ благоуханный, и яко кадило избранное, и яко мγро доброволыное. И едва нощь пріидетъ, тогда отъ устъ ихъ молитва видима, яко столпы пламенные со искрами огневными, и яко отъ мѣсяца и звѣздъ велій не токмо мѣсту оному свѣтъ, но и всей странѣ оной свѣтъ, яко молнія. Въ то время книги чести или писати можно, безъ свѣщнаго сіянія. Иже возлюбиша Бога всѣмъ сердцемъ и всею душею и всѣмъ помышленіемъ своимъ, тѣмъ и Богъ ихъ возлюби и преклони ухо свое съ высоты святыя своея, и возлюби ихъ, яко мати любимаго си чада, и что просятъ въ молитвѣ своей отъ Бога, все подастъ. Иже возлюбиша безмолвіе и вся добродѣтели исправиша всѣмъ сердцемъ, и Богъ ихъ возлюби, и хранитъ ихъ, яко зѣницу ока, и покры ихъ невидимо дланію своею, иже достойнѣ и праведнѣ Тому припадающимъ, по словеси Господню, могутъ горы преставити съ мѣста на другое мѣсто. Но того убо не похотѣша отцы наши, но паче желаютъ житія на небесѣхъ, ниже богатство временное, но паче возлюбиша богатство на небесѣхъ, егда пріидетъ Господь судити живыхъ и мертвыхъ; и воздастъ имъ за труды ихъ царство небесное и покой, и радость, и веселье. Вы же, родители, чего ради возлюбили сей свѣтъ прелестный и временный, и богатство тлѣнное? Но паче поищите себѣ богатства на небесѣхъ, яже и тля не тлитъ, ни моліе поядаютъ, ни татіе крадутъ. И еще другу моему любимому (женѣ) поклонъ отъ мене отдайте. Аминь». На озерѣ Нестіарѣ (Макарьевскаго уѣзда, Нижегородской губерніи) тоже слышится звонъ невидимыхъ монастырей. Подобныя мѣста есть въ Архангельской губерніи и въ Сибири.

было нельзя съ предложеніемъ перейти въ расколъ; къ малороссійскимъ еще болѣе, да къ тому же они всѣ поголовно заподозрѣны были въ обливанствѣ. Есть преданіе, будто бы нижегородскій митрополитъ Исаія (1699—1707), человѣкъ престарѣлый и набожный, привері енъ былъ къ старымъ обрядамъ и потворствовалъ раскольникамъ [1]), что раскольники питали надежду на его согласіе перейти къ нимъ. Но это преданіе требуетъ подтвержденія, тѣмъ болѣе, что оно, кажется, не отличается древностію, а сложилось въ позднѣйшее время [2]). Былъ еще въ то время архіерей, сочувствовавшій раскольникамъ: Игнатій Тамбовскій, пріятель Григорія Талицкаго, распространявшаго около 1700 года мнѣніе, что Петръ I есть анти-

[1]) Макарія архимандрита: *Исторія Нижегородской іерархіи:* См. *Ниж. Губ. Вѣд.* 1848. № 34.

[2]) Дѣло о ссорѣ митрополита Исаіи съ Ив. Алекс. Мусинымъ-Пушкинымъ и о ссылкѣ его въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь извлечено изъ архивовъ профессоромъ С. М. Соловьевымъ, который въ замѣткѣ своей о «*Старообрядческихъ архіереяхъ*» сказалъ слѣдующее: «Дѣло о ссорѣ митрополита Исаіи съ Мусинымъ-Пушкинымъ извлечено нами изъ архивовъ, и мы считаемъ своею обязанностію поспѣшить разъясненіемъ вопроса, поставленнаго г. Мельниковымъ. Дѣло состоитъ изъ двухъ донесеній: 1) Поручика Тютчева и 2) дьяка Нестерова. 1) 1707 года, мая 9, драгунскаго полка поручикъ, Василій Аоанасьевъ, сынъ Тютчевъ, при разспросѣ сказалъ: 707 года, въ февралѣ мѣсяцѣ, изъ монастырскаго приказа посыланъ онъ былъ въ Нижній-Новгородъ для розыску про нижегородскаго Исаія-митрополита. И онъ, митрополитъ, выслушавъ его слова, на него кричалъ и говорилъ ему такія слова: «Ты овца, вамъ ли, овцамъ, про насъ, пастырей, разыскивать? Бояринъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ напалъ на церкви Божіи, вотчины наши вѣдаетъ, а нынѣ у насъ и данныя, и вѣнечныя деньги отнимаетъ, и если тѣ сборы у меня отнимутъ, и я своей епархіи всѣ церкви затворю и архіерейство покину. Какое мое архіерейство, что мое у меня отнимаютъ? Какъ хотятъ иные архіереи, а я за свое умру, а не отдамъ, а ты по наказу своему разыскивай правдою. И такъ вы пропадаете, что черви; шведы васъ побиваютъ, а все за наши слезы, а за ваши неправды, да и впредь, буде не отстанете отъ неправдъ, шведы васъ побьютъ». 2) Преображенскаго приказа дьякъ Нестеровъ былъ посланъ къ архіерею для допроса, и архіерей сказалъ: «Какъ пріѣзжалъ въ Нижній-Новгородъ боярина Ивана

христъ. Этого Игнатія лишили сана и сослали въ Соловецкій монастырь въ Головленкову тюрьму [1]). Но ни изъ дѣла о немъ не видно, ни преданій не сохранилось, чтобъ онъ былъ въ сношеніяхъ со всѣми раскольниками.

Кажется, всего бы проще было старообрядцамъ избрать изъ своей среды вліятельнаго, уважаемаго и достойнаго человѣка, и возвести его на степень первосвятительства. Но, по первому апостольскому правилу и по шестидесятому карѳагенскаго помѣстнаго собора, необходимо, чтобъ епископъ былъ рукоположенъ епископами и при томъ не менѣе, какъ двумя или тремя. Стало быть, старообрядцамъ надобно было просить православныхъ архіереевъ, чтобъ они посвятили имъ

Алексѣевича Мусина-Пушкина свойственникъ, Василій Тютчевъ, и въ то время, будучи въ мирскомъ домѣ, о своей присылкѣ ему сказывалъ, и онъ, Исаія-митрополитъ, къ тѣмъ его словамъ, ему, Василью, говорилъ разговоромъ, а не крикомъ: «Ты овца, вамъ-ли, овцамъ, про насъ, пастырей, разыскивать?» говорилъ къ тому правила Св. Апостолъ и Св. Отецъ и изложеніе вселенскихъ патріарховъ. И бояринъ Иванъ Алексѣевичъ сыскивать объ немъ прислалъ свойственника своего, нападкою на него, митрополита, мстя недружбу, и напалъ онъ, бояринъ, не на него, митрополита, на церковь Божію, потому, по исконнымъ великихъ государей указамъ опредѣлены на всякія нужды, безъ которыхъ въ церкви пробыть не мочно, безъ вина церковнаго, безъ просвиръ, и воску, и ладону, и масла, и иныхъ вещей, сборы съ церквей, данныя и вѣнечныя деньги отымаетъ, и если тѣ сборы отняты будутъ, соборныя церкви его дому безъ вышеписанныхъ нуждъ онъ затворитъ, и архіерейскому дому правиться будетъ нечѣмъ, и архіерейству быть не у чего, и за неволю архіерейство будетъ покинуто; какое архіерейство, что данное въ домъ отымаютъ? Безъ именного государева указа онъ, Исаія митрополитъ, того сбору вѣнечныхъ и съ церквей данныхъ денегъ не отдастъ. Такъ и о томъ, чтобъ по наказу разыскивалъ онъ правдою и помнилъ бы видимое, лежащее на нихъ за преумноженіе грѣхъ ихъ и неправдъ посѣщеніе, что шведы стоятъ толикое продолжительное время противно». Стало быть, митрополитъ Исаія былъ не поборникъ раскола, а предшественникъ Георгія Дашкова и Арсенія Мацеевича, ростовскихъ митрополитовъ, защитниковъ неприкосновенности духовныхъ имѣній.

[1]) Г. В. Есипова. *Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія.* I, 59—84.

епископа. Иного средства не было. Но ни великороссійскіе, ни малороссійскіе архіереи ни въ какомъ случаѣ не согласились бы исполнить такую просьбу раскольниковъ. Они были довольно обезпечены, а, въ случаѣ согласія на просьбу старообрядцевъ, имъ предстояло бы по меньшей мѣрѣ кончить жизнь на Соловецкомъ островѣ или въ Рогервикѣ. Оставалось обратиться къ православнымъ архіереямъ заграничнымъ, которые, не зная русскаго языка и не разумѣя хорошо, въ чемъ именно состоитъ образовавшійся въ русской церкви расколъ, и что такое значатъ слова «старый обрядъ» и «древлее благочестіе», могли посвятить старообрядцамъ архіерея. Старообрядцы и остановились на этой мысли.

Эта мысль явилась у нихъ еще въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія. Поповщинскія общины рѣшили послать на Востокъ, къ грекамъ, хорошаго человѣка, искуснаго въ церковныхъ уставахъ, чтобъ онъ извѣдалъ, какова въ самомъ дѣлѣ у грековъ вѣра, и можно ли отъ нихъ принять епископа. Выборъ палъ на старца Леонтія. Въ концѣ 1701 года онъ поѣхалъ въ Кіевъ, а отсюда въ февралѣ 1702 года пустился въ заграничное странствіе. Черезъ польскія владѣнія и черезъ Яссы Леонтій проѣхалъ въ Галацъ и отсюда плылъ водой до Константинополя. Пробывъ здѣсь четыре мѣсяца, отправился онъ въ Египетъ и Іерусалимъ и въ іюлѣ 1703 года воротился въ Россію. Вѣсти, привезенныя Леонтіемъ, были не утѣшительны для старообрядцевъ. Онъ не нашелъ нигдѣ на Востокѣ такого православія, о какомъ мечтали наши ревнители «древляго благочестія». Въ его сочиненіи: «*Разгласіе грековъ съ древнимъ святыхъ отецъ преданіемъ восточныя церкви*» гораздо сильнѣе, чѣмъ въ *Проскинитаріи* Суханова, представлены мнимыя отступленія отъ православія восточныхъ христіанъ. Такъ начинается это со-

чиненіе стороobрядческаго паломника: «Греки *въ крещеніи обливаются, а не погружаютъ;* крестовъ на себѣ не носятъ; крестятся въ моленіи неистово, ни на чело, ни на плечо не доносятъ рукою, махаютъ сѣмо и овамо; въ церкви стоятъ въ шапкахъ, не скидаютъ, какъ молятся; въ церкви стоятъ въ стойлахъ [1]), искривяся, гордо, а глядятъ на стѣну, а не ко образамъ святымъ; служатъ литургію на одной просфорѣ, и то на черст вой; мірскіе у нихъ, не говѣвъ, пріобщаются; патріархи, митрополиты и прочій духовный чинъ табакъ піютъ и въ грѣхъ того не ставятъ; патріархи, митрополиты и попы усы себѣ подбриваютъ, и гуменцовъ не подстригаютъ, но нѣкако странно — снизу голову кругомъ подголяютъ до полголовы, какъ обысы махаметанскіе подбриваютъ, такъ бритися у нихъ научилися; въ постъ великій всякія гадины и ползающія животныя въ морѣ и въ рѣкахъ ѣдятъ, и въ прочіе дни также тѣ ползающія ѣдятъ; мірскіе и женскій полъ сквозѣ царскія двери въ алтарь ходятъ, и затворяютъ двери жены, а кадятъ простолюдины по-поповски: когда попъ съ переносомъ идетъ, а мужикъ идетъ передъ попомъ задомъ, кадиломъ машетъ на святыя; греки, когда за трапезу пріидутъ, то сядутъ, «Отче нашъ» сидя говорятъ, также послѣ трапезы за «Достойно» не встаютъ, сидя говорятъ. Евангеліе въ церкви чтутъ, оборотя на западъ. Патріархъ греческій церкви на откупъ погодно отдаетъ по 100 рублевъ и по 200. А кто больше талярей дастъ въ годъ, хоцъ талярь передастъ, такъ тому и церковь отдастъ. Свѣчи у нихъ воскъ съ саломъ, да съ смолою мѣшаютъ, а воскъ бѣлый, а когда въ церкви свѣчи горятъ, свѣжому человѣку зѣло тяжко, а когда свѣтильня

---

[1]) Это такъ называемыя «формы», находящіяся въ греческихъ церквахъ, особенно же монастырскихъ.

на свѣщи нагоритъ, и тогда, снявъ свѣчу съ подсвѣчника, наступя ногою, да и оторветъ свѣтильню—странно зѣло! Часовъ предъ обѣднею не поютъ, развѣ обѣдни не будетъ; греки на заутрени «Богъ Господь» никогда не поютъ, а пѣсни во псалтирѣ предъ канономъ всегда говорятъ; а церкви у нихъ, какъ простая хоромина: крестовъ на нихъ нѣтъ, ни звону нѣтъ, противъ воскресенія ходитъ пономарь по улицамъ, кричитъ, чтобы шли до церкви... а въ домахъ ихъ иконъ нѣтъ, съ турками во всемъ смѣсилися. Греки непостоянны и обманчивы, точію христіанами слывутъ, а и слѣду благочестія въ нихъ, да и не откуду имъ благочестію и научиться, ибо книги имъ печатаютъ латыни въ Венеціи; каковыя пришлютъ латыни, по ихъ и служатъ и поютъ. Греки нравы и поступки внѣшніе и духовные держатъ всѣ съ турецкаго переводу; духовный чинъ у грековъ хуже простого народа. Крестятся странно въ церкви: рукою махаетъ, а самъ то на ту сторону, то на другую озирается, что коза; а митрополиты и въ церкви зѣло неискусны, во время пѣнія со стороны на сторону съ греками говорятъ крикомъ и смѣются, что и пѣнія не слыхать отъ ихъ неискусства... Грекамъ жену или сына поучить и побить нельзя, скажетъ: «я потурчуся». Греки московскихъ людей зѣло не любятъ... Сами греки сказывали Леонтію москвитянину: ни близъ-де христіанства не хранятъ, въ посты, и въ великій постъ, такоже во весь годъ среду и пятокъ мясо ѣдятъ; греческія власти (архіереи) у себя въ келіи красиковъ держатъ, а греки о семъ ихъ весьма злословятъ и поносятъ недобрымъ именемъ. Турки милостивѣе грековъ, и жиды нравами лучше грекъ» и т. д. [1]).

---

[1]) Въ рукописномъ *Цвѣтникѣ* XVIII ст. въ 8-ку (изъ подписи видно, что принадлежалъ добрянскому мѣщанину Петру Тихонову Головневу)

Такого рода «разгласій» греческихъ обычаевъ съ старорусскимъ обрядомъ было больше чѣмъ достаточно

помѣщена вслѣдъ за сочиненіями Аввакума-протопопа противъ грековъ, большая выписка изъ *Проскинитарія* Арсенія Суханова, раскольничьей редакціи, потомъ *Тактіонъ, еже есть чиновникъ, како греки церковный чинъ и пѣніе содержатъ*. За нимъ статья *Изъ похожденія Леонтія старца въ Іерусалимъ. Лѣта 7211. Разгласіе грековъ з древнимъ святыхъ отецъ преданіемъ восточныя церкви.* Начало этой статьи здѣсь напечатано. За нею слѣдуетъ: «Хожденіе было Леонтіево лѣта 7210» и затѣмъ нѣчто въ родѣ поденной записки путешествія. Потомъ въ *Цвѣтникѣ* между прочимъ находится: *Житіе Марка фрягскаго*, *Сказаніе Меѳодія Александрійскаго объ Александрѣ Македонскомъ и о послѣднихъ дняхъ*, *Слово на Рождество Христово обличительное противъ святочныхъ увеселеній* и пр. Въ *Русскомъ Архивѣ*, издаваемомъ на 1863 годъ при Чертковской библіотекѣ П. И. Бартеневымъ, помѣщено: *Путешествіе въ Святую Землю московскаго священника Ивана Лукьянова церкви Покрова пресвятыя Богородицы* и ему предпослана данная ему отъ имени Петра I проѣзжая грамота отъ 15 іюня 1710 года. Оказывается, что *Разгласіе* старца Леонтія и статья изъ *Путешествія Лукьянова* названная *О несогласіи греческомъ съ восточною церковью* (*Русск. Арх.* II, 154—155) одно и то же. Маршрутъ съ означеніемъ чиселъ и мѣсяцевъ хожденія Леонтія и Лукьянова совершенно сходны. Кто же ходилъ въ Палестину: старообрядческій старецъ Леонтій москвитянинъ или московскій попъ Лукьяновъ? Когда было похожденіе? Въ 1702 и 1703, какъ у Леонтія, или въ 1711 и 1712 году, какъ у Лукьянова? Леонтій говоритъ, что онъ выѣхалъ изъ Кіева 3 февраля 7210, то есть 1702 года; Лукьяновъ—3 февраля 1711. Въ томъ же году, 22 марта (и тотъ и другой показываютъ) прибыли въ Константинополь,—въ четвертокъ пятой недѣли поста, прибавляетъ Лукьяновъ. Но въ этомъ году четвертокъ пятой недѣли былъ 29 марта. Леонтій говоритъ, что изъ Іерусалима въ Константинополь онъ пріѣхалъ 1703 года, апрѣля 21 въ день Преполовенія; въ этомъ году, дѣйствительно, Преполовеніе приходилось въ это число. Кто же у кого списалъ хожденіе? Попъ ли Лукьяновъ, ѣздившій въ 1711 и 1712 году, списалъ «хожденіе Леонтія», бывшее въ 1702 и 1703 году, или старообрядцы впослѣдствіи сдѣлали выдержки изъ путешествія Лукьянова и, приписавъ его Леонтію, отнесли къ 1702 и 1703 году? Замѣтимъ, однако, что въ проѣзжей грамотѣ, напечатанной въ *Русскомъ Архивѣ*, № 1 и отнесенной къ 1710 году, говорится, что Лукьяновъ ѣдетъ въ «государство великаго государя Мустафы», и о турецкомъ султанѣ говорится, какъ о союзникѣ. Но Мустафа низложенъ еще 23 августа 1703 года, а въ 1710 году Россія была въ разрывѣ съ Ахмедомъ III, а въ ноябрѣ 1710, то есть еще до выѣзда Лукьянова, Турція объявила войну Россіи. Еще: Лукьяновъ въ 1711 говоритъ о Паліи и Паліевщинѣ, а Палій былъ убитъ въ полтавскомъ сраженіи 27 іюля 1709 года (Конисскаго, *Исторія Руссовъ* стр. 109).

для совершеннаго убѣжденія тогдашнихъ нашихъ раскольниковъ, что ни въ Царьградѣ, ни въ Іерусалимѣ и нигдѣ на Востокѣ нѣтъ истиннаго православія. Особенно смущало ихъ то обстоятельство, что греки, по словамъ Леонтія, совершаютъ обливательное крещеніе. Это всегда смущало русскихъ старообрядцевъ и даже въ настоящее время значительную часть поповщины отвращаетъ отъ бѣлокриницкой іерархіи, главою и источникомъ которой былъ *грекъ* (?) Амвросій, многими заподозрѣнный въ обливанствѣ.

Но нужду въ архіереѣ такъ сильно чувствовали старообрядцы, особенно на Вѣткѣ, что вскорѣ началось исканіе архіерейства—въ Молдавіи

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Зарубежные старообрядцы. Исканіе архіерейства въ Молдавіи.

Въ XVIII столѣтіи, когда старообрядцы поповщинскаго толка начали искать архіерейства, ихъ общины находились уже не только въ разныхъ мѣстахъ Россіи, но и за границей. Преслѣдованія раскола со временъ собора 1667 года, а въ особенности извѣстныя двѣнадцать статей царевны Софіи Алексѣевны 1685 года, апрѣля 7 [1]), были причиной переселеній раскольниковъ за границу.

---

[1]) По этимъ статьямъ полагалось: а) *Жечь въ срубѣ:* тѣхъ, которые хулятъ господствующую церковь и производятъ въ народѣ мятежъ или соблазнъ и остаются упорными, а также и тѣхъ, которые на казни покорятся Св. церкви, но снова обратятся въ расколъ; тѣхъ, которые увлекали другихъ къ самосожигательству. б) *Казнить смертію*: тѣхъ, которые, перекрещивали людей въ свою секту; тѣхъ, которые перекрестившись, не соглашаются возвратиться къ церкви. в) *Бить кнутомъ и ссылать въ дальніе города:* раскольниковъ, скрывающихъ принадлежность свою къ расколу, хотя бы послѣ и раскаялись; всякаго званія людей (т. е. и не раскольниковъ), укрывшихъ раскольниковъ у себя въ домѣ, зная, что они раскольники, и не донесшихъ о нихъ начальству. Имѣніе казненныхъ и ссылаемыхъ конфисковалось на томъ основаніи, что на прогоны и на жалованье «сыщикамъ» по государству раскольниковъ «много шло государевой казны». — См. *Полн. собр. зак. Росс. Имп.* т. I, и *Акты Арх. Эксп.* т. IV.

Раскольники уходили изъ городовъ и селились по лѣсамъ и, какъ нѣкогда казаки, отодвигались далѣе и далѣе отъ Москвы къ украинамъ государства. Вскорѣ отдаленное Поморье и южныя украины на Дону, на Волгѣ, на Яикѣ, въ Сибири—наполнились старообрядцами. Казаки поступили въ расколъ почти поголовно Московское правительство не ослабляло между тѣмъ мѣръ преслѣдованій: костры горѣли, рѣзались языки, рубились головы, удары кнута раздавались въ застѣнкахъ и на площадяхъ, тюрьмы и монастыри были полны раскольниками. Царевна Софія, или, вѣрнѣе сказать, ея богомолецъ, святѣйшій патріархъ Іоакимъ, малороссъ, самый ужасный изъ всѣхъ гонителей раскола, въ 1689 году велѣлъ «смотрѣть накрѣпко, чтобы раскольники въ лѣсахъ и волостяхъ не жили, а гдѣ объявятся — самихъ ссылать, пристанища ихъ разорять, имущества продавать, а деньги присылать въ Москву [1]). Преосвященный Макарій, въ своей *Исторіи раскола*, говоритъ, что «расколъ рѣшительно былъ запрещенъ въ Россіи, и никто ни въ городахъ, ни въ селеніяхъ не смѣлъ открыто держаться его. Потому раскольники или таили вѣру свою, или убѣгали въ пустыни и лѣса, гдѣ заводили для себя пріюты. Но и тамъ ихъ отыскивали, жилища ихъ разоряли, а самихъ приводили къ духовнымъ властямъ для убѣжденій, а, въ случаѣ нераскаянности, предавали градскому суду и часто смерти» [2]). И этихъ словъ достаточно для уразумѣнія того безвыходнаго, страшнаго положенія, въ какомъ находились раскольники, особенно во время Іоакимова патріаршества. Имъ не позволялось жить ни въ городахъ, ни въ волостяхъ, ни въ

---

1) *Акты историческіе*, V, № 223.

2) Макарія, епископа винницкаго (потомъ архіепископа харьковскаго), *Исторія русскаго раскола*, стр. 133.

лѣсахъ, ни въ пустыняхъ. Куда же было дѣваться? Ушли они въ лѣса поморскіе, сибирскіе, печорскіе, чердынскіе, кайгородскіе, керженскіе; ушли туда, гдѣ, быть можетъ, до того и ноги человѣкъ не накладывалъ, но сыщики и тамъ ихъ находили. Ихъ ловили, и если они объявляли себя раскольниками, но не отказывались отъ своихъ вѣрованій, не присоединялись въ виду казни къ господствующей церкви, готовъ былъ срубъ или костеръ. Если не сознавались въ расколѣ, готовъ былъ кнутъ, а за нимъ ссылка и конфискація имѣнія. Если же, наконецъ, они обращались въ православіе, имъ все-таки, на основаніи Софіиныхъ статей 1685 года, «чинили наказаніе», послѣ чего отправляли въ домъ патріарха или епархіальнаго архіерея «ради исправленія» на тяжкія работы, за замки и затворы, на хлѣбъ и на воду. Раскольники бѣгали по лѣсамъ, съ разоренныхъ жилищъ въ глубокія трущобы, за болота, за трясины, но усердные сыщики и здѣсь отыскивали ихъ.

Въ это тяжкое для старообрядцевъ время изъ конца въ конецъ Русской земли раздался голосъ наставниковъ раскола: «за рубежомъ древлее благочестіе во ослабѣ» [1]). И громадныя толпы бросились въ Швецію, въ Пруссію, въ Польшу, въ Турцію, за Кавказъ, въ китайскія владѣнія и даже, если вѣрить Марку Топозерскому, въ Японію.

Переселеніе за рубежъ въ случаѣ какой-либо невзгоды на родинѣ—одно изъ самыхъ старыхъ и самыхъ обыкновенныхъ явленій русской жизни. До XVII столѣтія оно составляло даже весьма важное и въ теченіе долгаго времени упорно отстаиваемое право аристократіи, право, для сокрушенія котораго Иванъ Грозный употреблялъ самыя энергическія мѣры, а

---

1) То есть за границей старообрядство свободно, не преслѣдуется.

все-таки не смогъ въ конецъ сокрушить его. Самая торная, въ продолженіе вѣковъ протоптанная русскими выходцами дорога вела за литовскій рубежъ, въ то время не очень далекій отъ Москвы. По этой то дорогѣ преимущественно и устремились раскольники. Особенно сильно было переселеніе ихъ по кончинѣ царя Ѳедора Алексѣевича.

Московскій попъ Кузьма, прихода Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ, бывшій въ числѣ тѣхъ бѣлыхъ священниковъ города Москвы, которые, съ самаго начала церковнаго раздора, открыто пошли противъ Никона, поддерживалъ въ средѣ уважавшихъ его за добрую жизнь и благочестіе прихожанъ отвращеніе отъ «новшествъ» и ревность къ старому обряду. Прихожане по большей части были посадскіе люди, занимавшіеся городскою промышленностью и мѣстною торговлей. Люди были все достаточные. Когда соборъ 1667 года провозгласилъ анаѳему, попъ Кузьма не захотѣлъ оставаться въ Москвѣ, которую тепорь называлъ «Вавилономъ». Съ двѣнадцатью семействами самыхъ ревностныхъ къ старому обряду прихожанъ бѣжалъ онъ на самый рубежъ литовскій, въ Украйну Стародубскую. Здѣсь у него былъ пріятель, вѣроятно, одинъ изъ сотниковъ стародубскаго полка[1]), Гаврила Ивановичъ. Снисходя къ просьбѣ попа Кузьмы, велѣлъ онъ курковскому атаману Ломакѣ поселить московскихъ выходцевъ въ мѣстечкѣ Понуровкѣ. Подлѣ этого мѣстечка, на рѣкѣ Ревнѣ, явилось въ 1669 году первое раскольническое поселеніе въ Стародубьѣ. Слухъ объ

---

[1]) А не стародубскій полковникъ, как пишетъ Иванъ Алексѣевъ въ своей *Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ* (Н. С. Тихонравова, *Лѣтописи Русской литературы и древности*, т. IV, смѣсь, стр. 56. Ср. преосвященнаго Макарія, *Исторія русскаго раскола* стр. 293). Изъ стародубскихъ полковниковъ не было ни одного, котораго бы звали Гаврилою Ивановичемъ (Маркевича: *Исторія Малороссіи* V—1169).

этомъ прошелъ между старообрядцами въ Москвѣ и въ около-московныхъ городахъ. О Кузьмѣ говорили, какъ о нѣкоемъ святителѣ, странствующемъ «ради старыя вѣры». Въ первый же годъ бѣглые изъ Россіи раскольники, стремившіеся по слѣдамъ попа Кузьмы, населили четыре слободы: Бѣлый Колодезь, Синій Колодезь, Шелому и Замѣшево. Пятнадцать лѣтъ жили они спокойно въ лѣсахъ стародубскихъ. Сюда къ нимъ пришелъ и другой священникъ изъ города Бѣлева, по имени Стефанъ, и съ нимъ много старообрядцевъ изъ нынѣшнихъ Тульской и Калужской губерній. Они основали слободу Митьковку. Царевна Софія и патріархъ Іоакимъ узнали объ этихъ поселеніяхъ. Тамошнему полковнику повелѣно было примѣнить относительно поселившихся въ Стародубьѣ 12 статей 1685 года, и возвращать ихъ на родину. «Таковому указу разгласившуся,—говоритъ одинъ раскольническій писатель,—ревнители древнихъ преданій бѣгу яшася, по разнымъ мѣстамъ разсѣяшася... Гоненію же въ Великороссіи на старообрядцы належащу, мнози оставляюще своя отечества»[1]). Насельники старообрядскихъ слободъ перешли рубежѣ литовскій, бывшій отъ нихъ всего верстахъ въ пятнадцати. Здѣсь, у самой почти русской границы, они нашли для себя удобное мѣсто. На пустомъ островѣ р. Сожи, текущей въ Днѣпръ, недалеко отъ нынѣшняго города Гомеля, они построили первую слободу, названную, по имени острова, Вѣткою. Панъ Халецкій, которому принадлежалъ этотъ островъ, былъ очень радъ пришельцамъ, отвелъ имъ пустовавшую дотолѣ у него землю и, получая за нее отъ старообрядцевъ хорошій чиншъ (оброкъ), защищалъ ихъ, сколько могъ. Это было въ 1685 году.

---

[1]) Иванъ Алексѣевъ. *Исторія о бѣгствующемъ священствѣ* въ *лѣтописяхъ русской литературы и древности*, т. IV. Смѣсь, стр. 58.

Послѣдователи поповщины, жившіе въ Россіи и подвергавшіеся преслѣдованіямъ, узнавъ, что за литовскимъ рубежомъ «старая вѣра во ослабѣ», устремились изъ разныхъ мѣстъ «во оная на Вѣткѣ прославляемая мѣста, изволяюще странствованіе, оземствованія паче утѣшенія своихъ мѣстъ со отступленіемъ. И сицевыми народы пустая мѣста и звѣропаственная населяхуся, и вмѣсто древесъ людей умноженіе показася, трава и тернія растущія въ вертограды и садовія обратишася, гради вторіи показашеся населеніемъ человѣкъ, ими же населишися Косецкая, Романово, Леонтіева» [1]). Всего въ самое короткое время старообрядцы населили четырнадцать большихъ слободъ.

Черезъ десять лѣтъ по основаніи, Вѣтка сдѣлалась средоточіемъ всей поповщины, какъ бы ея митрополіей. Это случилось вслѣдствіе переселенія сюда изъ Керженскихъ скитовъ чернаго попа Ѳеодосія. Много странствовалъ на своемъ вѣку этотъ человѣкъ. При началѣ церковнаго раздора ушелъ онъ изъ Рыльскаго монастыря на Донецъ, но былъ пойманъ, судимъ и, по лишеніи сана, заточенъ въ Кирилловомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ. Здѣсь сидѣлъ Ѳеодосій семь лѣтъ и обратился къ церкви, но когда его заставили читать синодикъ и дали ему нѣкоторую свободу, онъ бѣжалъ въ Поморье, а оттуда въ Керженскіе лѣса, гдѣ вмѣстѣ съ пошехонскимъ дворяниномъ, Ѳедоромъ Яковлевичемъ Токмачевымъ, поселился сначала на Белмашѣ, а потомъ въ скиту Смольяны [2]), который былъ тогда

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Этотъ скитъ былъ основанъ Сергіемъ Салтыковымъ, Ефремомъ Потемкинымъ и другими смольянами, пришедшими изъ Брзюкова монастыря на Керженецъ около 1656 года. Это мѣсто недалеко отъ деревни Ларіонова, что близъ города Семенова. За Шарпанскимъ скитомъ, уничтоженнымъ въ 1853 году, въ густомъ лѣсу, по болоту, есть тропинка. На ней мѣстами уцѣлѣли полусгнившія сосновыя и еловыя кладки.

центромъ всего Керженца и Чернораменья. Прежде жилъ тутъ Діонисій Шуйскій, у котораго былъ довольный запасъ мура и Св. даровъ, освященныхъ еще при патріархѣ Іосифѣ. Это возвысило Діонисія на степень главы старообрядчества, а жительство его, Керженецъ, сдѣлало какъ бы митрополіей всѣхъ послѣдователей поповщины. Не имѣя ни антиминсовъ, ни одиконовъ,—ни Діонисій, ни другіе попы, уклонившіеся въ расколъ, не могли служить литургій, и тотъ, у кого было болѣе старыхъ запасныхъ даровъ, дѣлался самымъ вліятельнымъ человѣкомъ. За дарами пріѣзжали на Керженецъ издалека, и повсюду распространялась слава Діонисія и Керженца, въ то время еще не раздѣлившагося на секты. Ѳеодосій около 1690 года сдѣлался преемникомъ Діонисія и вмѣстѣ съ Токмачевымъ правилъ всѣмъ Керженцомъ: собиралъ соборы; распространялъ и поддерживалъ расколъ, и этимъ обратилъ на себя зоркое вниманіе правительства. Начались розыски. Токмачевъ былъ арестованъ, его судили и сожгли, а другъ и собесѣдникъ его, Ѳеодосій, успѣлъ бѣжать въ Калугу. Смольяные были разорены до тла. Это было въ 1694 году. Ѳеодосій, не имѣя при себѣ

Конной ѣзды, кажется, тутъ никогда и не бывало. Тропинка приводитъ пѣшехода до признаковъ стараго скита, уже поросшихъ матерымъ лѣсомъ. Замѣтны погребныя ямы, слѣды огородныхъ грядъ и кладбища. На кладбищѣ двѣнадцать могилъ, на могилахъ двѣнадцать камней. Тутъ похоронены Діонисій Шуйскій, бывшій нѣкогда главою поповщины, и другіе одиннадцать поповъ. Урочище это называется *Смольяны* или *Смольяные*. Преданіе говоритъ, что тутъ былъ большой скитъ, разоренный еще прежде Питирима, *въ которомъ жили царскіе бояры*, не захотѣвшіе принять Никоновыхъ нововведеній. Это «*Старый Керженецъ*», первый раскольническій скитъ, основанный еще въ 1656 году. Белмашъ, рѣчка впадающая въ Керженецъ (въ Макарьевскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи, на самой почти границѣ съ Нижегородскою). Здѣсь, на устьѣ Белмаша, въ XVII столѣтіи, старообрядцы устроили скитъ, уничтоженный Питиримомъ, который, по указу Петра въ 1708 году, устроилъ тутъ Троицкій Белмашскій женскій монастырь, доселѣ существующій.

ни мура, ни запасныхъ даровъ, которые при скоромъ бѣгствѣ оставилъ въ Смольяныхъ, чувствовалъ, что онъ *лишился* вліянія на старообрядцевъ, что слава его, какъ главы раскола, миновала. Въ Калугѣ представился, однако, ему счастливый и совершенно неожиданный случай поправить дѣла. Выше сказано было, что старообрядцы въ то время нигдѣ не служили обѣдни, и что у нихъ повсюду чувствовался крайній недостатокъ въ святыхъ дарахъ [1]). Въ Калугѣ стояла одна ветхая церковь Покрова Богородицы. Много лѣтъ уже не отправлялось въ ней, за ветхостію, церковной службы; но церковь не была нарушена: въ ней былъ и престолъ и антиминсъ, освященные еще при патріархѣ Іосифѣ, и иконостасъ временъ Ивана Грознаго. Старикъ Ѳеодосій, уже болѣе полувѣка не служившій обѣдни, изыскалъ случай, ночью, въ великій четвертокъ 1695 года, совершить въ этой запустѣлой церкви литургію и освятить запасные дары. Все сдѣлано было сообразно требованіямъ самыхъ строгихъ ревнителей стараго обряда. Въ до-Никоновской церкви, на до-Никоновскомъ антиминсѣ, до-Никоновскаго рукоположенія священникъ совершилъ литургію по старому *Служебнику*. Святость даровъ, освященныхъ Ѳеодосіемъ, была для всѣхъ несомнѣнна; даже самые безпоповцы просили у него совершенныхъ имъ даровъ. Ѳеодосій разослалъ частицы ихъ по всѣмъ сторонамъ, гдѣ жили старообрядцы, и его падавшая было слава возникла въ новомъ, большемъ прежняго блескѣ. Осталось неизвѣстнымъ, какимъ образомъ Ѳеодосій получилъ доступъ въ калужскую церковь, но полагать на-

---

[1]) Запасные дары мѣшали съ мукой, и испеченные изъ этой муки хлѣбы принимали, какъ таинство; тѣсто съ крупицами святыхъ даровъ намазывали на полотно и лоскутками его пріобщались. См. Андрея Іоаннова Журавлева: *Историческое извѣстіе о раскольникахъ*, стр. 279.

добно, что тутъ дѣйствовали деньги, ибо вскорѣ послѣ того Θеодосій сдѣлался владѣтелемъ Іоанновскаго иконостаса, сто лѣтъ слишкомъ находившагося въ калужской церкви, въ которой удалось ему отслужить обѣдню, доставившую ему столько славы и вліянія. Въ русскихъ предѣлахъ съ такими пріобрѣтеніями Θеодосію оставаться было не безопасно; розыски его не кончились. За литовскимъ рубежомъ было не въ примѣръ надежнѣе и безопаснѣе. На Вѣтку усердно звали его тамошніе старообрядцы, свѣдавъ, какимъ сокровищемъ онъ обладаетъ. Вѣтковскіе отцы послали искуснаго старца Пифонта и другихъ въ Калугу, съ просительными письмами къ Θеодосію, приглашая его къ себѣ на жительство. Θеодосій согласился, и въ 1695 году перешелъ литовскій рубежъ и явился на Вѣткѣ, «вси же радостными привѣтствы возблагодариша приходъ его къ нимъ, и вси радостное торжество о немъ сотворяюще, всяко мѣсто и всякъ домъ радостное возглашающе, ликующе, купно и веселящеся на вступленіе того, вси увядшіе печалію весело хождаху». [1]).

Посмотрѣлъ Θеодосій; видитъ — вѣтковская моленная мала, не можетъ вмѣщать всѣхъ богомольцевъ, ибо съ каждымъ днемъ населеніе тамошнихъ слободъ увеличивалось бѣгавшими за границу старообрядцами. И велѣлъ ее распространять. Обрадованные вѣтковцы живо схватились за топоры и въ нѣсколько дней срубили изъ дубоваго лѣса большую церковь. Θеодосій поставилъ въ ней калужскій иконостасъ и вмѣстѣ съ двумя попами — роднымъ братомъ своимъ, Александромъ, и пріѣхавшимъ изъ Москвы Григорьемъ—освятилъ церковь во имя Покрова Богородицы, на антиминсѣ, который былъ на Вѣткѣ еще до водворенія въ

[1]) Иванъ Алексѣевъ: *Исторія о бѣгствующемъ священствѣ*, стр. 62.

ней Ѳеодосія. Предшественнику его, вѣтковскому попу Іоасафу, привезла этотъ старинный антиминсъ, по всей вѣротности выкраденный изъ какой-нибудь православной церкви, старица изъ города Бѣлева, по имени Меланія. Это была первая раскольническая церковь, и литургія, совершенная тремя попами въ день освященія вѣтковской церкви, была первая раскольничья обѣдня.

Вѣтка съ церковью и обѣднями стала быстро возвышаться; толпы за толпами приходили на берега Сожи. Русскіе старообрядцы вскорѣ населили здѣсь четырнадцать большихъ слободъ. Въ нихъ было до сорока тысячъ жителей. Явились монастыри, мужскіе и женскіе. Міряне занимались торговлей и управлялись выборными людьми. Ѳеодосій сдѣлался главою всей поповщины; онъ разсылалъ благословеніе и святые дары по всѣмъ общинамъ, принималъ бѣглыхъ отъ господствующей церкви поповъ и разсылалъ ихъ по разнымъ мѣстамъ. Нигдѣ не могли принять попа безъ благословенія настоятеля вѣтковской Покровской церкви. Самый Керженецъ преклонился передъ Вѣткой: туда, въ это бывшее дотолѣ средоточіе всей поповщины, Ѳеодосій посылалъ грамоты, какъ власть имѣющій. Не доставало мура: старое, Іосифовское, старообрядцы разбавляли деревяннымъ масломъ. Черезъ полвѣка и разбавленнаго такимъ образомъ было очень мало. Ѳеодосій сварилъ и муро.

Во время вторженія Карла XII и измѣны гетмана Мазепы, раскольники вѣтковскіе, а также и оставшіеся въ Стародубьѣ, сами собрались и стали противъ враговъ русской земли. Они оказали услугу Петру I, отбивая у шведовъ обозы, нападая на малые отряды,— однимъ словомъ, ведя въ это время партизанскую войну. Нѣсколько сотъ шведовъ было убито старообрядцами, а захваченныхъ плѣнниковъ жители старо-

дубскихъ слободъ представили лично Петру. Государь былъ доволенъ такимъ доказательствомъ ихъ вѣрности, простилъ бѣглецовъ и утвердилъ за ними тѣ земли Стародубья, на которыхъ они поселились. Вѣтковцевъ онъ не велѣлъ трогать. Это обстоятельство много способствовало къ возвеличенію тамошнихъ раскольническихъ общинъ. Стародубскія слободы, запустѣвшія было за двадцать передъ тѣмъ лѣтъ, вновь заселились больше прежняго. Черезъ нѣсколько лѣтъ онѣ были сильны и вліятельны не менѣе самой Вѣтки.

Гоненія были только въ Москвѣ, на Керженцѣ и по Волгѣ. Петра вооружили противъ тамошнихъ старообрядцевъ распространяемые ими по народу толки о томъ, что Петръ—нѣмецъ, шведъ, подметный царь, антихристъ, что не повиноваться ему «братися съ нимъ, яко со врагомъ Господнимъ, яко съ антихристомъ» самъ Богъ повелѣваетъ. Мы уже говорили, что въ 1669 году, ошибшіеся въ расчисленіяхъ о кончинѣ міра раскольники высчитали, что антихристъ придетъ въ 1699 году, а кончина міра послѣдуетъ въ 1702 году Въ 34 году по Р. X распятъ былъ Спаситель, говорили они, и тогда же связанъ Сатана на тысячу лѣтъ, то есть до 1034 года, когда отпала римская церковь отъ православія. Съ этого времени до явленія антихриста долженствовало исполниться число лѣтъ, равное апокалипсическому числу въ имени антихриста, то есть 666. Итакъ, онъ долженъ явиться въ 1699 или 1700 году, а черезъ два съ половиной года, то есть въ 1701 или 1702 году, должно послѣдовать свѣтопреставленіе. Когда исполнились эти года, Петръ I воротился изъ за границы, обритый, въ нѣмецкомъ платьѣ, и сталъ передѣлывать Русь на «нѣмецкій манеръ». Свѣдали старообрядцы, что, возвратясь въ Москву, онъ, не заѣзжая ни въ Кремль, къ тамошнимъ чудотворцамъ, ни къ Иверской Божіей

Матери, прямо проѣхалъ на Кокуй, въ Нѣмецкую слободу, въ домъ виноторговца Монса, гдѣ съ его дочерью и Лефортомъ прокутилъ цѣлую ночь. На другой день по пріѣздѣ, когда представлялись къ нему бояре, онъ обрилъ ихъ, кромѣ только двухъ, и затѣмъ велѣлъ всѣхъ русскихъ людей бороды лишать и всѣмъ нѣмецкое платье надѣвать. Черезъ пять дней, въ день Новаго года (1-го сентября), вопреки древнему, свято чтимому обычаю, Петръ не явился на кремлевской площади въ царскомъ облаченіи и не принялъ, по древнему обыкновенію, благословенія патріарха и поздравленія отъ бояръ и отъ народа, и самъ не «здравствовалъ народъ» съ новолѣтіемъ. За то въ этотъ самый день былъ на пиру у Шеина, много пилъ и велѣлъ шутамъ рѣзать послѣднія боярскія бороды [1]. Черезъ недѣлю по пріѣздѣ, былъ пиръ у Лефорта, на пиру бритый царь, бритые бояре и нѣмцы съ женами и дочерьми сильно выпили. Музыка гремѣла; царь плясалъ съ нѣмками. Черезъ двѣнадцать дней по пріѣздѣ, не допустивъ царицу на глаза, постригъ ее и заточилъ въ Суздальскій монастырь. Отправивъ такіе пиры, принялся Петръ за кровавый пиръ — за стрѣльцовъ: черезъ три недѣли по возвращеніи его изъ чужихъ краевъ, начался стрѣлецкій розыскъ. Стѣны Кремля были утыканы стрѣлецкими головами, и самъ царь, въ Преображенскомъ, рубилъ головы стрѣльцамъ. Петръ публично ѣлъ скоромное по постамъ. Измѣнилъ исчисленіе, перенесъ Новый годъ съ сентября на январь. Соблазнились и смутились русскіе люди больше, чѣмъ сто лѣтъ передъ тѣмъ смущались они во дни Гришки Отрепьева. «Да впрямь царь ли онъ? Не по-царски поступаетъ. Не новый ли это у

---

[1] Устряловъ. *Исторія царствованія Петра Великаго.* III — 621. Донесеніе Гваріента императору Леопольду отъ 12 сентября 1668 года.

насъ Гришка Растрига объявился?» заговорили въ народѣ. И пошли толки: «благочестивый царь Петръ Алексѣевичъ поѣхалъ въ Стеклянное государство [1]) и тамъ *пропалъ безъ вѣсти»*. Исключительно русское воззрѣніе! Стали спрашивать: «а кто же теперь на Москвѣ царство держитъ?» Отвѣчали: «сказываютъ, что нѣкій жидовинъ отъ колѣна Данова [2]). Какъ скоро-де онъ наѣхалъ на Москву и все сталъ творить по жидовски: у патріарха благословенія не принялъ, въ домъ Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія, на поклоненіе ризѣ Господней, пречестной Владимірской иконѣ Богородицы, писанной Лукой евангелистомъ, и къ цѣльбоносньмъ мощамъ московскихъ чудотворцевъ не пошелъ, потому что зналъ—сила Господня не допуститъ его, окаяннаго, до святого мѣста. Къ Архангелу не ходилъ, гробамъ прежнихъ благочестивыхъ царей не поклонился, для того что они ему чужи и весьма ненавистны. Въ кремлевскіе чертоги не вошелъ, глумяся надъ ними и сожечь ихъ замышляя. Никого изъ царскаго рода: ни царицы, ни царевича, ни царевенъ не видалъ, боясь что они обличатъ его, скажутъ ему, окаянному: «ты не нашъ, ты не царь, а жидъ проклятый». Для того царицу и царевенъ постригъ, а маленькаго царевича, сына благочестиваго царя Петра Алексѣевича, коему бы достояло теперь пріяти великій скипетръ московскаго государства и всея Россіи, нѣмцамъ отдалъ, а потомъ убилъ. Народу въ день новолѣтія не показался, чая себѣ обличенія, якоже и Гришкѣ Растригѣ обличеніе народное было, и во всемъ по-растригиному поступаетъ: святыхъ

---

[1]) Русскіе Стокгольмъ называли «Стекольно», оттуда и Стеклянное царство.

[2]) По сказаніямъ, антихристъ будетъ еврей изъ колѣна Данова и явится на сѣверѣ.

постовъ не содержитъ, въ церковь не ходитъ, въ банѣ каждую субботу не бываетъ, живетъ блудно, съ погаными нѣмцами заедино, и нынѣ на Московскомъ государствѣ нѣмецъ сталъ великъ человѣкъ. Самый ледащій нѣмецъ теперь выше боярина и самого патріарха. Да онъ же, жидовинъ, съ блудницами-нѣмками всенародно пляшетъ. Бояръ перебрилъ и въ нѣмецкіе кафтаны обрядилъ и всѣхъ русскихъ людей велѣлъ бороды лишать и всѣмъ нѣмецкіе кафтаны носить. Пьетъ вино не во славу Божію, а нѣкако нелѣпо и безобразно во пьянствѣ валяяся и глумяся во пьянствѣ; своихъ же, пьяницъ, оваго святѣйшимъ патріархомъ нарицаетъ, овыхъ же митрополитами, и архіепископы и епископы, себя же протодіакономъ, горло веліе имѣяй и срамоты со священными глаголы смѣшивая, велегласно вопія на потѣху своимъ нѣмецкимъ людямъ, паче же на поруганіе святыни. Самъ табакъ пьетъ и другихъ пить сіе треклятое зеліе повелѣваетъ, а при благочестивыхъ царѣхъ тѣмъ, кто табакъ пьетъ, носы рѣзали. Патріаршій чинъ упраздни, и митрополитовъ такожде упраздняя. У Бога восемь лѣтъ укралъ[1]), чая да не явится въ людѣхъ прореченное о немъ тайновидцемъ Іоанномъ Богословомъ исчисленіе временъ, — да не явится антихристомъ, въ міръ пришедшимъ, еже и бысть. Страдничества же того жидовина и всякихъ дѣлъ его нечестивыхъ всѣхъ по ряду не возможно описати, аще бы вся богопротивныя дѣла сего жидовина описати, мню, со евангелистомъ Іоанномъ, міру

---

1) Въ свято чтимыхъ раскольниками старопечатныхъ книгахъ говорилось, что отъ сотворенія міра до Р. Х. не 5508, а ровно 5500 лѣтъ. Когда Петръ замѣнилъ старинное лѣтоисчисленіе отъ сотворенія міра общепринятымъ въ Европѣ счисленіемъ отъ Р. Х. и при этомъ 7.208 годъ стали считать не 1708, а 1700, отъ этого и пошелъ толкъ о томъ, что Петръ I у Бога восемь лѣтъ укралъ. Этотъ толкъ внесенъ во многія раскольническія сочиненія.

цѣлому не вмѣстити пишемыхъ книгъ. Оле! разоренія благочестія, оле! попранія святыни Господней, оле же запустѣнія на мѣстѣ святѣ, прореченнаго Даніиломъ пророкомъ» [1]).

Подъ вліяніемъ подобныхъ толковъ образовалось въ раскольникахъ убѣжденіе, что антихристъ, ожидаемый ими въ 1699 году, не кто другой, какъ Петръ I. Явились грамотѣи, прилежно занявшіеся составленіемъ выписокъ объ антихристѣ изъ разныхъ книгъ, съ примѣненіемъ ихъ къ личности Петра I. Тотчасъ по возвращеніи его изъ за границы такими выписками,

---

[1]) *Сказаніе вкратцѣ о послѣднихъ губительныхъ временахъ крайняго антихриста*—въ сборникѣ XVIII ст., въ которомъ помѣщены и другія раскольническія сочиненія. Изъ преображенскаго приказа видно, что на Керженцѣ и между кержаками, переселившимися въ Пермскую губернію и Сибирь, были такія рѣчи: «Петръ шведъ обмѣнный, потому, догадывайся, дѣлаетъ Богу противно: противъ солнца крестятъ и свадьбы вѣнчаютъ, и образа пишутъ съ шведскихъ персонъ, и поста не можетъ воздержать, и платье возлюбилъ шведское, и со шведами пьетъ и ѣстъ, и изъ ихъ королевства не выходитъ, а паче того догадывайся, что онъ извелъ русскую царицу, и отъ себя сослалъ въ ссылку въ монастырь, чтобы съ ней царевичевъ не было, и царевича Алексѣя Петровича извелъ: своими руками убилъ для того, чтобъ ему, царевичу, не царствовать, и взялъ за себя шведку, царицу Екатерину Алексѣевну, и та царица дѣтей не родитъ, и онъ (Петръ I) сдѣлалъ указъ, чтобы за предбудущаго государя крестъ цѣловать — и то крестъ цѣлуетъ за шведа; одноконечно станетъ царствовать шведъ, родственникъ царицы Екатерины Алексѣевны или братъ; и великій князь Петръ Алексѣевичъ (Петръ II) родился отъ шведки — мѣрою въ аршинъ съ четвертью, съ зубами — не простъ человѣкъ: онъ антихристъ... а онъ (Петръ I) съ царицею Екатериною Алексѣевною сжился прежде вѣнца»... (Г. В. Есиповъ. *Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія* II, 41, 46, 47). Когда царствовала Елисавета Петровна, при которой раскольниковъ преслѣдовали, они говорили, что она не прямая царица... а что настоящій, законный царь есть — Иванъ Антоновичъ, отрасль благочестиваго царя Ивана Алексѣевича, за котораго стрѣльцы стояли и головы свои за него сложили, по той причинѣ, что царь Иванъ Алексѣевичъ будто бы былъ старообрядецъ. За такія разглашенія трое керженскихъ келейныхъ жителей въ 1741 году биты кнутомъ съ вырываніемъ ноздрей и сосланы въ Нерчинскъ на горные заводы.

между прочими, занялся переписчикъ книгъ, Григорій Талицкій [1]). Писанія его одобрялись не только священниками, но даже однимъ архіереемъ—тамбовскимъ Игнатіемъ. Подражателей Талицкому было много: не мало было ихъ и на Керженцѣ и по Волгѣ. Фанатики гибли на кострахъ и плахахъ, умирали съ радостью, утѣшая себя мыслію, что гибнутъ отъ руки самого антихриста, и потому несомнѣнно будутъ удостоены царства небеснаго. По мѣстамъ являлись люди, называвшіе себя, кто Енохомъ, кто Иліей пророкомъ, пришедшими для обличенія антихриста. Въ 1701 году опять явились «гробополагатели» и, лежа

---

1) Выписка изъ дѣла о Григоріи Талицкомъ, представленная въ 1750 году императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, напечатана Г. В. Есиповымъ (*Раскольническія дѣла XVIII столѣтія*, I, 59 — 86). Его пытали на Красной площади передъ народомъ. Желябужскій говоритъ: «въ томъ же году (1701) мученъ разными пытками на Красной площади вѣдомый воръ Гришка Талицкой въ великомъ государственномъ дѣлѣ, и сожженъ; и многіе всякихъ чиновъ люди и отъ приходовъ изъ монастырей дьячки ловлены и пытаны; и розыски были великіе». (Сахарова: *Записки русскихъ людей. Записки Желябужскаго*, стр. 86). Епископъ Игнатій Тамбовскій за сношенія съ Талицкимъ, по лишеніи сана, сосланъ въ Соловки; епархія тамбовская уничтожена, три попа, одинъ пономарь и одинъ иконникъ казнены вмѣстѣ съ Талицкимъ; девять человѣкъ бито кнутомъ и сослано въ Сибирь; жену Талицкаго, двухъ попадей и жену иконника сослали въ Сибирь. Талицкій намѣревался свое сочиненіе выпустить въ видѣ прокламаціи и для того иконникъ вырѣзывалъ его на деревѣ. Кажется, Григорій Талицкій былъ родомъ изъ Талицъ, отчего и прозывался Талицкимъ. Талицы Большія и Талицы Малыя — двѣ смежныя, составляющія одну населенную мѣстность, деревни, Макарьевскаго уѣзда, Костромской губерніи, на границѣ Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, близъ рѣки Узолы, извѣстнаго по своей торговлѣ удѣльнаго села Ковернина. Населеніе Талицъ сплошь раскольническое. Верстахъ въ пятнадцати отъ Талицъ начинались керженскіе и чернораменскіе скиты. Раскольники въ Талицамъ самые закоренѣлые. Въ окрестностяхъ жители, желая сказать о комъ-нибудь, что онъ упорный раскольникъ, говорятъ: «да онъ что̀ твой Талицкой». Мысль, что Петръ I — антихристъ, по сихъ поръ держится въ Талицахъ, и сохранилось преданіе, что кого то изъ нихъ деревни антихристъ-Петръ мучилъ: на Москвѣ живьемъ жегъ.

въ саванахъ, опять отпѣвали себя, опять тоскливо пѣли:

Древянъ гробъ, сосновый,
Ради мене строенъ.
Въ немъ буду лежати,
Трубна гласа ждати...

По городамъ толковали, и Талицкій писалъ, какъ Петръ пойдетъ на войну, начинавшуюся тогда со шведами, то бы разосланнымъ стрѣльцамъ собраться въ Москву и посадить царевича Алексѣя Петровича на царство, а если и онъ въ жидовство пошелъ и нѣмцемъ во всемъ учинился, то выбрать царя православнаго. Указывали даже на кандидата въ цари, на престарѣлаго и богатаго князя Михаила Алегуковича Черкасскаго, которому и Петръ не посмѣлъ обрить бороды. Петръ приказалъ Стефану Яворскому написать книгу «*О знаменіяхъ пришествія антихристова*», чтобы народъ, читая ее, не вѣрилъ раскольническимъ разглашеніямъ, а раскольниковъ объявилъ «лютыми непріятелями, государству и государю непрестанно зло мыслящими». Особенное вниманіе обратилъ онъ на Керженскіе лѣса, которые Св. Дмитрій Ростовскій назвалъ Брынскими [1]). Тамъ было 77 скитовъ и въ нихъ болѣе семисотъ монаховъ и слишкомъ 1800 монахинь; деревенскій же народъ поголовно былъ въ расколѣ. Тамъ писались выписки и слагались розсказни о Петрѣ-антихристѣ, тамъ бывали раскольническіе соборы, тамъ принимались бѣглые отъ церкви попы и разсылались по Россіи.

Въ 1706 году жившій самъ прежде въ кельяхъ на Керженцѣ и находившійся долгое время въ расколѣ,

---

1) Дѣйствительно—*Рымскіе*. Такъ называются сопредѣльные съ Керженскими лѣса въ Макарьевскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи, по селеніямъ Большія и Малыя Рымы, на рѣчкѣ Черный Лухъ, впадающій въ Унжу.

игуменъ Переславскаго Никольскаго монастыря, Питиримъ, посланъ былъ раздраженнымъ Петромъ на Керженецъ для истребленія раскола. Этотъ Питиримъ своими «равно-апостольскими» [1]), по выраженію Петра, подвигами почти въ конецъ разорилъ скиты керженскіе и чернораменскіе. Изъ разоренныхъ имъ скитовъ старообрядцы бросились за рубежъ, на Вѣтку. Питиримъ и до Вѣтки сталъ добираться. Ровно за двадцать лѣтъ до «вѣтской выгонки», въ 1715 году, предлагалъ онъ Петру разорить раскольничьи селенія за рубежомъ, а особенно церковь на Вѣткѣ, говоря, что «велія будетъ въ томъ польза, понеже бѣжать будетъ некуда» [2]). На разорѣніе Вѣтки, находившейся въ чужихъ владѣніяхъ, Петръ, какъ видно, не рѣшился, хотя во время розысковъ надъ несчастнымъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ и посылалъ зачѣмъ то на Вѣтку рекомендованнаго ему Питиримомъ Юрьевца-Поволжскаго Успенскаго монастыря монаха Авраамія [3]). Результаты Аврааміевой поѣздки остались намъ не извѣстны. Вѣтка между тѣмъ благоденствовала. Паденіе Керженца, ослабленнаго Ѳеодосіевою церковью, внутренними раздорами и безпощадными преслѣдованіями Питирима, придало еще болѣе блеска и значе-

---

[1]) Собственноручная резолюція Петра I на донесеніи отъ Питирима 8 марта 1715 года; находится вмѣстѣ съ другими письмами Петра къ Питириму въ Нижегородской духовной консисторіи.

[2]) Г. В. Есипова. *Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія*, II, 220.

[3]) Въ Нижегородской духовной консисторіи въ книгу—*Переписка Петра I съ Питиримомъ*—переплетены: а) пасъ, данный Авраамію 10 марта 1718 года въ Москвѣ, за собственноручнымъ подписомъ Петра (во время розыска о царевичѣ никому не давалось паспортовъ и подорожныхъ иначе, какъ личнаго дозволенія царя и за его подписомъ), и б) подорожная на двѣ лошади, данныя Авраамію 12 марта 1718 за подписомъ графа Ивана Мусина-Пушкина. Въ этой подорожной сказано: «отъ Москвы до Калуги, и до Брянска, и до Стародуба, и до польскаго рубежа... Отпущенъ онъ по Его, Великаго Государя, именному указу, *по желанію его*, въ Польшу».

нія Вѣткѣ. У нея не стало соперника. Въ безопасности своей тамошніе жители были вполнѣ увѣрены. Они платили хорошій чиншъ пану Халецкому, и Халецкій стоялъ за нихъ горою. «У Петра рука долга, а сюда не хватитъ», говорили самодовольные вѣтковцы. «И наста (на Вѣткѣ) тихое житіе и лѣта изобильна» [1]).

Вѣтковцы не довольствовались такимъ, сравнительно съ оставшимися въ Россіи ихъ единовѣрцами, счастливымъ положеніемъ. Они хотѣли бóльшаго блеска, бóльшей славы въ средѣ старообрядцевъ, бóльшаго вліянія на нихъ своей Вѣтки. Они хотѣли сдѣлать ее дѣйствительною митрополіей всѣхъ ревнителей стараго обряда, гдѣ бы они ни жили.

Мысль, что только та церковь истинна, въ которой сохраняются всѣ три чина духовной іерархіи, мысль, что должно имѣть самостоятельную церковь со святителями, а не «обкрадывать церковь великороссійскую», занимала почти всѣхъ вліятельныхъ людей на Вѣткѣ. Отчасти побуждала вѣтковцевъ искать архіерея и увеличивающаяся подлѣ нихъ съ каждымъ годомъ сила Стародубья.

Съ 1715 года началось у старообрядцевъ дѣятельное *исканіе архіерея*. Дѣло. какъ сейчасъ сказано, было начато за рубежемъ. Въ Россіи не всѣ старообрядцы поповщинскаго толка были согласны на исканіе архіерейства. Въ Стародубьѣ нашлось много діаконовцевъ, сочувствовавшихъ вѣтковскому предпріятію, а также въ общинахъ Московской, Тверской, Новоторжской, Ржевской; но Керженецъ, еще не павшій въ то время отъ руки Питирима, и старообрядцы, ушедшіе съ Кер-

[1]) Іона Курносый.

женца на Демидовскіе уральскіе заводы [1]), а также живущіе въ Казани и по Волгѣ, были несогласны на пріемъ архіерея. Не знаемъ, какъ была принята эта мысль на Дону, гдѣ все казачество находилось въ расколѣ. Такимъ образомъ, на востокѣ, вдали отъ зарубежной церкви, оказалось среди старообрядцевъ несогласіе на исканіе епископа, но чѣмъ ближе жили старообрядцы къ литовскому рубежу, тѣмъ болѣе замѣчалось сочувствія къ этому предпріятію. Впрочемъ, и здѣсь многіе блазнились, говоря: «какъ же мы отъ обливанцевъ епископа примемъ? Не будетъ ли сія послѣдняя вещь горше первыя? Не будетъ-ли такое дѣло еретичествомъ, паче самого никоніатства?» Вѣтковскіе старшины, предвидя, какія огромныя выгоды будетъ получать ихъ слобода, если въ ней поселится старообрядческій епископъ, сколько денегъ перевезется на Вѣтку изъ разныхъ концовъ Россіи, сначала и думать не хотѣли объ обливанствѣ, опасенія строгихъ ревнителей называя блажью. Къ тому же, живя въ Бѣлоруссіи и видя, что тамошніе православные священники не поливаютъ, а погружаютъ въ три погруженія, не очень то и довѣряли они тому, что у грековъ содержится обливательное крещеніе. Тѣмъ не менѣе, рѣшились искать архіерейства не у грековъ, а въ Яссахъ, у молдовлахійскаго митрополита: онъ былъ поближе, и при томъ поселившіеся въ Бессарабіи и Молдовлахіи русскіе выходцы, старообрядцы, съ клятвою увѣряли, что въ тамошнихъ мѣстахъ у православныхъ о поливательномъ крещеніи и слуху нѣтъ, а водится оно только у подвластныхъ римскому костелу уніатовъ.

---

[1]) Демидовъ, получивъ отъ Петра I земли на Уралѣ, сзывалъ туда посельниковъ изъ другихъ мѣстъ. Съ Керженца много пришло туда раскольниковъ. Оттого въ Пермской губерніи до сихъ поръ всѣхъ раскольниковъ зовутъ *кержаками*, даже слова «содержать расколъ», «раскольничать» замѣняютъ словомъ «*кержачить*».

По предварительному соглашенію съ Вѣткой, жившіе въ Молдавіи старообрядцы вошли въ сношеніе съ тамошнимъ митрополитомъ Антоніемъ, обѣщавъ ему за поставленіе епископа построить для него въ Яссахъ каменную церковь. Они «удобоприступна себѣ ясскаго митрополита Антоніи обрѣтоша»,—говоритъ Иванъ Алексѣевъ въ своей *Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ*,—«къ нему же тамо живущіе старовѣрцы свободный входъ въ разговоръ имуще, чрезъ многа, тѣмъ и дерзновенно просиша его, да посвятитъ имъ отъ нихъ человѣка во епископа. Онъ же на се соизволи и повелѣ подати доношеніе, кое поданное явѣ сотворено бысть господарю и совѣтникомъ его». Господарь-фанаріотъ былъ не прочь: и онъ, и Антоній едва ли хорошо знали, что такое русскій расколъ, и въ чемъ состоитъ раздѣленіе русской церкви. «И вси радостно соизволяху на то», прибавляетъ Иванъ Алексѣевъ. Это было въ 1730 году.

Молдавскіе раскольники не замедлили сообщить своимъ вѣтковскимъ одновѣрцамъ объ успѣхѣ дѣла. Немедленно черный попъ Власій, игуменъ Вѣтковскаго монастыря, собралъ соборъ изъ духовныхъ и мірскихъ; на соборѣ были и выборные изъ стародубскихъ слободъ діаконовскаго толка. Избрали кандидата и вмѣстѣ съ выборными людьми, какъ вѣтковскими, такъ и стародубскими, въ 1731 году отправили его въ Яссы. Здѣсь явились они и господарю Михаилу [1]), и митрополиту Антонію, тому и другому поднесли грамоты отъ Власія и отъ всего собора. Дѣло совсѣмъ было уладилось, но, на бѣду старообрядцевъ, нежданно-негаданно

[1]) Съ 1716 по 1727 годъ былъ господаремъ Михаилъ Раковица I, а съ 1727 по 1733 — Григорій Гика, оба фанаріоты. Очевидно, старообрядческіе писатели путаются въ хронологіи. Вѣроятно, ихъ попытки были ранѣе 1727 года.

пріѣхалъ въ Яссы константинопольскій патріархъ, въ зависимости отъ котораго были и молдавская митрополія, и Западная Русь, гдѣ находилась Вѣтка. Антоній доложилъ патріарху объ искательствѣ старообрядцевъ. Патріархъ пожелалъ видѣться съ ними и лично переговорить. Старообрядцы представились патріарху, подали и ему прошеніе. Фанаріотъ обошелся съ ними ласково, привѣтливо, ибо люди они были богатые, митрополиту дорогую каменную церковь вызывались построить. Много говорить съ старообрядцами патріархъ не могъ: онъ не зналъ по-русски, они—по-гречески, однакожъ, передалъ имъ черезъ переводчика, что объ ихъ дѣлѣ онъ, по возвращеніи въ Царьградъ, посовѣтуется съ другими вселенскими патріархами и пришлетъ отвѣтъ въ Яссы. Черезъ нѣсколько времени обѣщанный отвѣтъ, дѣйствительно, былъ полученъ Антоніемъ. Это были двѣнадцать пунктовъ, принятіе которыхъ кандидатомъ во епископы патріархи вселенскіе поставляли непремѣннымъ условіемъ. Тутъ произошелъ совершенно неожиданный для старообрядцевъ оборотъ дѣла, такъ хорошо было пошедшаго. Вѣтковцы со стародубскими діаконовцами хотя и заодно пріѣхали и объ одномъ хлопотали, однакоже, не имѣя между собою общенія «ни въ ястіи, ни въ питіи, а тѣмъ паче въ рѣчей согласованіи», дѣйствовали каждая сторона особо. Когда въ Яссахъ получены были патріаршіе пункты, написанные, разумѣется, по-гречески, вѣтковцы, отдѣльно отъ стародублянъ, пришли къ митрополиту. Онъ показалъ имъ пункты. Вѣтковцы просили перевода ихъ на русскій языкъ, и Антоній исполнилъ ихъ просьбу. Получивъ переводъ, вѣтковцы не сказали о томъ стародублянамъ. Эти, въ свою очередь, пошли къ митрополиту узнать, нѣтъ ли какого отвѣта изъ Царьграда. Антоній усумнился, но показалъ имъ патріаршіе пункты. Когда же стародубскіе

старообрядцы также попросили перевода, митрополитъ разсердился и «возмнѣ ширство нѣкое отъ нихъ быти, просто ихъ отсла отъ себе»[1]. Двѣнадцать пунктовъ, или статей, о которыхъ упоминаетъ Иванъ Алексѣевъ при разсказѣ объ этомъ происшествіи, составляли именно то исповѣданіе вѣры, которое, по церковному уставу, всякій новопосвященный архіерей долженъ передъ хиротоніей прочитать вслухъ всѣхъ предстоящихъ въ церкви, въ отвѣтъ на вопросъ старшаго изъ посвящающихъ: «како вѣруеши?»[2] Прочитать вѣтковскому кандидату символъ и правила по-своему— значило бы не получить хиротоніи; читать противное убѣжденію не дозволяла совѣсть и было зазорно отъ своихъ и отъ чужихъ. Вообще, страннымъ представляется поступокъ митрополита, какъ о немъ разсказываетъ Иванъ Алексѣевъ, изъ сочиненія котораго преимущественно заимствовали мы разсказъ о посольствѣ старообрядцевъ въ Яссы 1731 года. Сначала соглашаются на предложеніе и господарь, и митрополитъ, и даже патріархъ, а потомъ вдругъ отказъ изъ-за самой пустой причины, изъ-за того, что старообрядцы во второй разъ попросили перевода. Скорѣй можно было бы предположить, что Антоній, узнавъ точнѣе, въ чемъ состоитъ расколъ, образовавшійся въ великороссійской церкви, не захотѣлъ имѣть дѣла съ его послѣдователями и посвящать для нихъ епископа. Но въ такомъ случаѣ, какъ же онъ послѣ того хотѣлъ было посвятить Варлаама Казанскаго, зная также, что онъ раскольникъ. Не тянулъ ли онъ дѣло нарочно подольше,

---

1) Иванъ Алексѣевъ: *Исторія о бѣгствующемъ священствѣ* въ *Лѣтоп. русск. ист. и древ.* IV, смѣсь, стр 64.

2) Иванъ Алексѣевъ: *Исторія о бѣгствующемъ священствѣ*, стр. 64: «пункты же оные присланные 12 бяху въ таковомъ разумѣ, да хотяй ставится, исповѣданіе дастъ новотворные догматы хранити и въ нихъ спасеніе вѣровати и прочихъ сему научити».

чтобы получить отъ пріѣхавшихъ за архіерействомъ больше денегъ, а когда получилъ ихъ достаточное количество, прогналъ отъ себя старообрядцевъ, придравшись къ ничтожному предлогу. Подобный поступокъ былъ совершенно въ правахъ тогдашней румынской церкви и фанаріотовъ, которыхъ присылали туда изъ Царьграда на митрополичьи и епископскія каѳедры.

Пока вѣтковцы и стародубцы хлопотали въ Яссахъ, у поморскихъ безпоповцевъ также возникло желаніе получить епископа изъ за границы. И ихъ, видно, тяготила мысль, что церковь ихъ не организована сообразно каноническимъ правиламъ и остается безъ пастырей и святителей. Избравъ изъ своей среды благочестиваго и набожнаго старика, Якова Сидорова, большого начетчика и искуснаго въ догматствованіи, они снарядили его въ заграничное путешествіе и дали значительную сумму денегъ для полученія хиротоніи. По приговору ихъ, Сидоровъ долженъ былъ ѣхать не въ Грецію и не въ Молдавію, а къ автокеѳальному патріарху Сербіи, независимому отъ патріарха цареградскаго. Не знаемъ объ обстоятельствахъ поѣздки Сидорова, но она почему то также не увѣнчалась успѣхомъ.

Тогда и поповщина и безпоповщина, испытавъ, каждая въ свою очередь, по неудачѣ, рѣшились дѣйствовать сообща. Соглашеніе происходило въ Стародубьѣ. Послали на Востокъ трехъ выборныхъ: одного изъ вѣтковской поповщины, другого отъ стародубской діаконовщины, третьяго отъ безпоповцевъ поморскаго согласія. Соглашеніе было истиннымъ праздникомъ для старообрядцевъ. Видя то и дѣло вновь возникающіе изъ-за обряда толки и разгласія, видя, что старообрядство болѣе и болѣе распадется на секты, изъ которыхъ одна ненавидитъ другую, они думали, что

наконецъ то настанетъ теперь полное согласіе между всѣми ревнителями стараго обряда, и «будетъ едино стадо и единъ пастырь». Не терпя прежде другъ друга какъ еретиковъ, они вошли теперь въ общеніе, и въ умиленіи душевномъ пѣли за общею трапезой: «се что добро и что красно, но еже жити братіи вкупѣ». Не понравились, однако, такое сближеніе и такіе замыслы безпоповцамъ ни въ Поморьѣ, ни въ Москвѣ, ни на Керженцѣ. Но кого, изъ которой партіи избрать человѣка, который бы сдѣлался у всѣхъ епископомъ и первостоятелемъ церкви? Рѣшеніе этого вопроса, каково бы оно ни было, непремѣнно перессорило бы соединившіяся секты. Отвращая это и зная при томъ уже по опыту, что трудно, даже невозможно получить за границей хиротонію для раскольника, какого бы толка онъ ни былъ, собравшіеся на соборъ въ Стародубьѣ рѣшились на то, что удалось потомкамъ ихъ лишь въ 1846 г. Они приговорили стараться склонить къ себѣ какого-либо безудѣльнаго епископа, какихъ на Востокѣ много и теперь, много было и тогда. И такого епископа, «исправивъ», признать за святителя всѣхъ старообрядцевъ. Главнымъ руководителемъ этого дѣла былъ поморецъ Михаилъ Ивановичъ Витатинъ, одинъ изъ самыхъ вліятельнѣйшихъ людей своего времени, пользовавшійся самымъ высокимъ уваженіемъ не только отъ единомысленныхъ съ нимъ поморцевъ, но и отъ старообрядцевъ прочихъ согласій Это былъ одинъ изъ самыхъ ученѣйшихъ людей, какіе только были въ расколѣ съ самаго начала его. Много онъ странствовалъ и по Россіи и въ чужихъ краяхъ, много видѣлъ, много зналъ и обладалъ необыкновеннымъ даромъ привлекать и искренно привязывать къ себѣ людей, какихъ бы религіозныхъ убѣжденій они ни были. Но и эта попытка не удалась. Долго странствовали соединенные отъ разныхъ согласій посланцы и нигдѣ не

успѣли. Витатинъ умеръ въ 1732 году, 65 лѣтъ отъ роду, въ галицкомъ городѣ Кутахъ, въ небольшомъ раскольническомъ монастырѣ, незадолго передъ тѣмъ построенномъ на тогдашней польско-молдавской границѣ [1]). Спутники его воротились безъ всякаго успѣха.

Вѣтковцы послали новое посольство, не дожидаясь результатовъ поѣздки Витатина. Хотѣлось имъ какъ можно поскорѣе обзавестись архіереемъ. Иниціатива новаго предпріятія принадлежала попу Василію Кондратьевичу Казанскому, незадолго передъ тѣмъ перешедшему литовскій рубежъ [2]). Это былъ чрезвычайно энергическій человѣкъ, гордый, неуживчивый, сварливый, но обладавшій большими свѣдѣніями въ писаніи и необыкновеннымъ даромъ убѣжденія. Бѣжавъ отъ великороссійской церкви, долго онъ священнодѣйствовалъ у старообрядцевъ въ Казани и былъ главою поволжскаго раскола. Оттого и прозвали его Казанскимъ. Онъ не давалъ много воли мірскимъ людямъ, которые по своему богатству и вліянію на народъ

[1]) Куты или Кутъ на галицкомъ берегу рѣки Черемоша, текущаго въ Прутъ и составляющаго границу Галиціи съ Буковиной, а въ XVIII ст. границу королевства Польскаго съ Молдавіей. Противъ Кута, на буковинской сторонѣ Черемоша, городъ Вишница. Это неподалеку отъ знаменитой нынѣ Бѣлой-Криницы, тогда еще не существовавшей. Въ Кутахъ остались ученики Витатина, ѣздившіе съ нимъ. Вѣтковцы и стародубцы воротились по смерти своего предводителя домой, а поморцы такъ любили Витатина, что не хотѣли разстаться съ его могилой. Впослѣдствіи съ ними видѣлся безпоповщинскій писатель Алексѣевъ, авторъ сочиненія: *Тайна брака*. (См. *Описаніе сочиненій, писанныхъ раскольниками*, сочиненіе Александра Б., изданіе Д. Е. Кожанчикова, 1, 269). Но здѣсь г. Александръ Б. смѣшалъ двухъ Ивановъ Алексѣевыхъ: автора *Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ* и автора *Тайны брака*, принявъ два разныя лица за одно. Такая же ошибка перешла въ Энциклопедическій словарь въ статью г. Аристова: «Алексѣевъ». Павелъ Любопытный въ своемъ *Историческомъ словарѣ Старовѣрческой церкви* увѣряетъ, что Витатинъ умеръ въ Палестинѣ. См. *Чтенія Имп. Моск. Общ. Ист. и Древ.* 1863. № 1 стр. 157.

[2]) Онъ былъ рукоположенъ астраханскимъ архіереемъ.

давно господствовали во всѣхъ поповщинскихъ общинахъ и управляли дѣлами секты. Василій Кондратьевичъ, по ссорѣ съ «мірскими правителями», оставилъ Казань, предавъ проклятію своихъ недоброхотовъ, и ушелъ на Керженецъ. Онъ былъ еще не старый человѣкъ, и на Керженцѣ о немъ сомнѣвались, не посвященъ ли онъ епископомъ малороссійскимъ обливанцемъ, хотя въ дѣйствительности рукоположенъ онъ былъ митрополитомъ казанскимъ, Тихономъ, уроженцемъ Нижняго-Новгорода, стало быть, ни въ какомъ случаѣ не обливанцемъ [1]). Раззсорясь съ жителями Керженца и Чернораменья, Василій Казанскій уѣхалъ на Демидовскіе заводы, на Уралъ, но и тутъ, по тѣснымъ постояннымъ связямъ тамошнихъ жителей съ Керженцемъ, былъ заподозрѣнъ въ полученіи своего сана отъ архіерея-обливанца. Тогда, проклявъ и керженскихъ, и заводскихъ старообрядцевъ, поѣхалъ онъ за литовскій рубежъ. На Вѣткѣ, какъ уже замѣчено, не очень вѣрили обливанству, по крайней мѣрѣ, была тамъ сильная партія, не вѣрившая въ обливанство малороссіянъ и бѣлоруссовъ. Василій Казанскій сошелся съ ними и очаровалъ ихъ своимъ умомъ, знаніемъ Св. писанія и учительскими дарованіями. Въ то время сама Москва, въ которой еще и въ заводѣ не было Рогожскаго кладбища, когда на мѣстѣ его еще хоронили тѣла запытанныхъ въ Преображенскомъ раскольниковъ, сама Москва (то есть московскіе старообрядцы) просила Вѣтку прислать въ нее священника, мужа учительнаго и истиннаго пастыря душъ человѣческихъ. Вѣтка послала Василія. Онъ былъ въ Москвѣ, ѣздилъ и по другимъ городамъ и волостямъ

---

[1]) По другимъ, онъ посвященъ астраханскимъ архіереемъ, Лаврентіемъ Горкой, малороссіяниномъ.

«доцдеже наполни чпагъ сребромъ и златомъ» [1]). Возвратясь на Вѣтку съ большими деньгами, попъ Василій Казанскій постригся въ монахи и былъ нареченъ Варлаамомъ. Возвратился онъ на Вѣтку въ то самое время, когда тамъ кипѣло дѣло объ исканіи архіерейства. Василій Казанскій, или теперь уже Варлаамъ, присталъ къ сторонѣ, нетерпѣливо желавшей имѣть какъ можно скорѣе архіерея. Такъ учительно и такъ красно говорилъ онъ о необходимости имѣть епископскій чинъ, такія выказалъ при этомъ способности на соборѣ вѣтковскомъ, что всѣ, даже и не согласные до тѣхъ поръ на новое посольство въ восточныя страны, не дождавшись результатовъ поѣздки Витатина, убѣдились словами Варлаама. Единогласно рѣшили вѣтковцы послать въ Яссы къ митрополиту Антонію кого-либо изъ своихъ, чтобы посвятилъ его въ епископы. Зашла рѣчь о томъ, кого послать, кого епископомъ имѣть. «Ты, отецъ Варлаамъ, поѣзжай», заговорили всѣ въ одинъ голосъ. А онъ тому и радъ: давно желалъ архіерейства.

Варлаамъ поѣхалъ въ Яссы съ своими собственными и вѣтковскими деньгами. Видно, на деньги онъ уже очень надѣялся,—не хотѣлъ смирить своего нрава и передъ митрополитомъ: говорилъ съ нимъ свысока, пускался въ многоглаголаніе, желая учить его; вообще, велъ себя «съ бойствомъ и велерѣчіемъ», какъ, выражается Іона Курносый. Митрополитъ принялъ однако, прошеніе Варлаама, принялъ и «подарунки», то есть подарки, конечно, не дешевые, былъ привѣтливъ и любезенъ съ грубымъ, высокомѣрнымъ, но щедрымъ и богатымъ просителемъ, и сказалъ ему: «Будь готовъ къ посвященію». Варлаамъ сталъ готовиться. Осуществлялось давнишнее, усерд-

---

[1]) Іона Курносый.

ное желаніе старообрядцевъ, исполнялось горячее желаніе властолюбиваго Варлаама. День хиротоніи былъ назначенъ. Наканунѣ призываетъ его митрополитъ и бесѣдуетъ съ нимъ наединѣ.

— Знаю, что ты изъ раскольниковъ,—говоритъ Антоній.—Но когда я посвящу тебя во епископы, какъ ты будешь меня разумѣть? Благочестивъ я или нѣтъ?

Варлаамъ помолчалъ и уклончиво отвѣчалъ митрополиту:

— Твое благочестіе съ тобой пребудетъ, а я въ чемъ стою, то со мной.

Антоній понялъ, въ чемъ дѣло, и оскорбился. Слово за слово, и закричалъ раздражительный грекъ:

— Такъ ты меня благочестивымъ не хочешь не только разумѣть, но даже назвать! Фельдшера сюда!

Фельдшеръ явился по зову, и митрополитъ, указывая на Варлаама, сказалъ:

— Обрѣй этому раскольнику и еретику бороду и волосы. А потомъ въ рудники его, въ шахты, въ оковы!... Пусть, скованный, руду копаетъ.

И обрилъ фельдшеръ въ митрополичьихъ покояхъ честную браду Варлаама Казанскаго, и попалъ будущій вѣтковскій архіерей въ тюрьму. Посланные съ нимъ изъ Вѣтки, видя такой неожиданный оборотъ дѣла, перетрусили и не знали, что дѣлать и какъ быть. А надо же чѣмъ-нибудь пособить обритому кандидату во епископы. Стали ходить съ подарками къ ясскимъ властямъ, стали ихъ улещать и просить, чтобы заступились за Варлаама, походатайствовали бы за него у грознаго митрополита. И едва умоленъ былъ Антоній: не послалъ Варлаама въ рудники. Избавившись отъ бѣды, онъ, съ товарищами и съ пустымъ чпагомъ, наскоро ускакалъ изъ Молдавіи, пожилъ гдѣ то въ укромномъ мѣстѣ, и когда отросла

борода, пріѣхалъ въ Вѣтку. Тамъ, передъ соборомъ духовныхъ и мірскихъ, Варлаамъ и съ нимъ бывшіе разсказали все, что происходило въ Яссахъ. И не похвалили вѣтковцы Варлаама за то, что такъ отвѣчалъ митрополиту. «Ты все дѣло испортилъ», сказали они [1]).

Выбрали другого кандидата и послали въ Яссы.

Видя, однако, по двумъ непріятнымъ опытамъ, что дѣлу ихъ отъ того больше успѣха нѣтъ, что ясскій митрополитъ затрудняется посвятить раскольника, вѣтковцы повелѣли посланному исполнять всѣ обряды, не принятые старообрядцами, и называть себя принадлежащимъ къ великороссійской церкви, только бы получить желаемое архіерейство.

«Послѣ исправу примешь и проклянешь ереси»,—говорили они на соборѣ смутившемуся кандидату.

Онъ затруднялся: человѣкъ былъ совѣстливый, какъ и оба его предшественника.

«Хоть присягу прими,—говорили ему вѣтковцы,—а не дѣлай такъ, какъ Варлаамъ: грѣхъ твой на всю церковь беремъ».

И отправились въ Яссы.

Но въ это самое время по старообрядческимъ общинамъ вдругъ усилились толки о поливательномъ крещеніи у грековъ и, вообще, въ заграничныхъ православныхъ церквахъ. Причиною того была изданная Ѳеофаномъ Прокоповичемъ книга: *Истинное оправданіе правовѣрныхъ христіанъ, крещеніемъ поливательнымъ во Христа крещаемыхъ*. Она возбудила сильные толки. «Стало быть, справедливо,—заговорили старообрядцы даже и на Вѣткѣ,—что въ Малороссіи и въ грекахъ есть поливательное крещеніе, когда Ѳеофанъ, самъ сущій поливанецъ, защищаетъ и похваляетъ таковое,

---

[1]) Іона Курносый. Слова Антонія и Варлаама приведены буквально.

святыми отцами не преданное крещеніе». Много было отъ этой книги Прокоповича соблазна для православныхъ, а еще болѣе для раскольниковъ. Посланный вѣтковцами новый кандидатъ во епископы, прибывъ на мѣсто, сталъ прежде всего разыскивать, какъ крестятъ въ Молдавіи, у грековъ: въ три погруженія или поливательно? Откуда родомъ Антоній, и какъ онъ крещенъ? Вѣрно или не вѣрно сказали ему, что Ясскій митрополитъ крещенъ поливательно. Не желая получить хиротоніи отъ обливанца, посланный воротился на Вѣтку и сказалъ, отчего онъ много не хлопоталъ о хиротоніи. Не понравилось и это на Вѣткѣ, гдѣ всѣмъ, и мірскимъ и духовнымъ, очень хотѣлось хоть какого-нибудь да своего архіерея. «Они, слышавши, прискорбни бѣша», говоритъ Іона Курносый.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Епископъ Епифаній.

Пока Стародубье и Вѣтка, не жалѣя ни денегъ, ни трудовъ, хлопотали въ Яссахъ объ епископѣ, великороссійскіе старообрядцы нашли себѣ архіерея въ самой Москвѣ.

Въ концѣ 1731 года между московскими старообрядцами разнесся неясный вначалѣ слухъ, что при синодальной конторѣ содержится подъ арестомъ одинъ колодникъ, привезенный изъ Кіева, что хотятъ его послать куда-то далеко въ заточеніе, и что этотъ загадочный колодникъ—чуть ли не архіерей. Въ то время подобный слухъ не могъ показаться невѣроятныхъ: по вліянію Прокоповича, незадолго до того одинъ епископъ (Левъ воронежскій) сѣченъ былъ кнутомъ, а четверо (Игнатій коломенскій, Георгій ростовскій, Варлаамъ кіевскій, Сильвестръ казанскій) были лишены сана. Стали старообрядцы разузнавать, какой это архіерей, и за что онъ посаженъ. Начали они ходить въ синодальную контору и покупать у сторожей свиданія съ таинственнымъ лицомъ. Видятъ, — сидитъ старецъ въ оковахъ, небольшого роста, приземистый, толстый, съ блѣднымъ, широкимъ лицомъ, съ сѣрыми глазами, съ

большою черною бородой и съ черными, съ просѣдью, волосами [1]).

— Кто ты такой? — спрашивали старообрядцы у колодника.

— Смиренный епископъ Епифаній,—отвѣчалъ онъ.

— За что же тебя посадили за приставы?

— За то, что въ Яссахъ, въ чужомъ государствѣ, посвящался.

— Какъ твое дѣло?

— Ссылаютъ въ Соловецкій монастырь подъ смиреніе [2]).

Это, дѣйствительно, былъ епископъ Епифаній, посвященный предмѣстникомъ уже извѣстнаго намъ Антонія, ясскимъ митрополитомъ Георгіемъ. Вотъ похожденія этого человѣка, чрезвычайно замѣчательнаго по превратности судьбы. Онъ былъ малороссіянинъ, родился въ Кіевѣ около 1685 года, учился въ школѣ при кіевскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, поступилъ въ число монашествующей братіи Кіевопечерской лавры и былъ нареченъ Епифаніемъ. По отцѣ звали его Яковлевичъ. Черезъ нѣсколько времени Епифаній былъ посвященъ въ іеромонахи. Кіевскій архіепископъ Варлаамъ Ванатовичъ былъ къ нему благосклоненъ, приблизилъ къ себѣ и сдѣлалъ экономомъ своего архіерейскаго дома [3]). Будучи знатокомъ въ приказныхъ дѣ-

---

1) Такъ примѣты его описаны въ указѣ Св. Синода 30 марта 1733 года.

2) Іона Курносый. Разговоръ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, удержанъ буквально.

3) Преосв. Макарій (*Исторія русскаго раскола*, стр. 301) говоритъ, что Епифаній былъ простой монахъ Козельскаго монастыря, но изъ дѣла, о немъ производившагося, изъ *Посланія керженскихъ отцовъ* (раскольн. рукопись) и изъ Іоны Курносаго видно, что Епифаній былъ іеромонахомъ и экономомъ кіевскаго архіерейскаго дома. Н. И. Надеждинъ въ своемъ сочиненіи: *О заграничныхъ раскольникахъ* называетъ Епифанія монахомъ Кіевопечерской лавры.

лахъ, Епифаній завѣдывалъ въ то же время у Ванатовича и его канцеляріей. Были у него, въ Кіевѣ, близкіе родственники, все люди бѣдные, постоянно нуждавшіеся въ средствахъ къ жизни; онъ ихъ очень любилъ и почти все, что́ ни добывалъ, отдавалъ имъ. Къ тому же, хотя и монахъ, а грѣшный человѣкъ — охотникъ былъ до молоденькихъ женщинъ и при томъ любилъ выпить. На все это нужны были деньги и при томъ не малыя. И вотъ однажды послалъ архіепископъ Варлаамъ своего любимаго эконома въ Козельскій монастырь [1]) по какимъ-то хозяйственныхъ дѣламъ. Тамъ Епифаній положилъ въ свой карманъ 240 р. монастырской казны—сумма довольно значительная по тому времени. Эти деньги отдалъ онъ роднѣ. Въ то же время онъ обличенъ былъ въ растлѣніи одной дѣвушки [2]). Какъ ни любилъ Епифанія Варлаамъ, однако, дѣлъ его замять никакъ не могъ: очень ужъ они огласились по Кіеву и произвели большой соблазнъ какъ въ Софійскомъ домѣ, такъ и въ Лаврѣ. Началось слѣдствіе, но пока домашнее. Предвидя неибѣжно дурной исходъ дѣла, Епифаній рѣшился лучше бѣжать кудаднибудь, чѣмъ быть разстриженнымъ или сидѣть въ лаврской тюрьмѣ. Должность эконома Софійскаго дома была весьма почетная; онъ имѣлъ большое вліяніе на духовенство всей обширной Кіевской епархіи, — и вдругъ съ такого мѣста, да въ тюрьму. Но куда бѣжать? Сыщутъ вездѣ. И рѣшился онъ направить стопы

---

[1]) Козельскій Георгіевскій монастырь въ четырехъ верстахъ отъ гор. Козельска, Черниговской губерніи, и въ 70 вер. отъ Кіева, на берегу рѣки Остра, основанъ въ 1654 году.

[2]) Въ *Дѣлѣ объ Епифаніи* сказано: «обличенъ въ блудодѣяніи», а у Іоны Курносаго: «за непорядки, пьянство и за растлѣніе насильно чистыя дѣвы, изъ священства и экономства своими обливанцами извержена быша, и по изверженіи, по сердцу сказующа на своихъ важное дѣло, изловленъ и сидѣвъ долго, приговоренъ къ розыску, и поспѣшившему милостивому указу отъ розыску и сѣденія освобожденъ».

своя за границу. Изъ находившихся въ его вѣдѣніи дѣлъ Кіевской митрополіи отрѣзалъ онъ на всякій случай отъ какой то грамоты львовскаго (что въ Галиціи) православнаго епископа вислую печать, вырѣзалъ поддѣльную печать кіевскаго митрополита и съ ними отправился въ кіевскую губернскую канцелярію выправлять себѣ заграничный паспортъ, будто бы для осмотра зарубежныхъ домовыхъ вотчинъ митрополичьяго дома, бывшихъ неподалеку отъ Триполя [1]). Какъ софійскому эконому, часто ѣздившему для осмотра зарубежныхъ вотчинъ, губернская канцелярія выдала ему паспортъ безпрепятственно. Перебравшись благополучно за границу, Епифаній не зналъ, что́ затѣмъ ему дѣлать: зазорно и не безопасно было ему воротиться въ Кіевъ; горько было также лишиться выгоднаго экономскаго мѣста и при томъ удалиться, быть-можетъ навсегда, отъ родного мѣста и любимыхъ родственниковъ. Въ этомъ раздумьи пришла ему мысль— сдѣлаться *бродячимъ архіереемъ*. Въ то время, при полномъ господствѣ уніи въ южнорусскихъ и западнорусскихъ областяхъ, бывшихъ подъ польскимъ владычествомъ, нерѣдко встрѣчались безудѣльные православные епископы, которые, иногда съ разрѣшенія даже епархіальныхъ уніатскихъ архіереевъ, бродили по православнымъ приходамъ для отправленія богослуженія. Особенно такихъ епископовъ довольно много встрѣчалось въ Подоліи, на Волыни и въ Галиціи, гдѣ населеніе было тогда почти сплошь православное, за исключеніемъ помѣщиковъ и шляхты. Уніаты и уніатскіе

---

[1]) Мѣстечко Триполь въ Кіевскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу Днѣпра, на устьѣ рѣки Красной, извѣстно еще съ 1093 г. Самый Триполь принадлежалъ Россіи съ 1681 года, но митрополичьи маетности, близъ него находившіяся, были въ тогдашнихъ польскихъ еще владѣніяхъ, Теперь Триполь замѣчателенъ только живописнымъ видомъ, если подъѣзжать къ нему изъ Кіева.

епископы съ пренебреженіемъ обращались съ этими «бискупами хлопской вѣры», но въ крестьянскихъ (хлопскихъ) хатахъ для такихъ пастырей всегда былъ готовъ искренній, радушный пріемъ. Для полученія епископскаго сана, Епифаній отправился въ Яссы, къ тамошнему митрополиту Георгію. Въ Бессарабскомъ городѣ Сорокахъ написалъ онъ подложную грамоту отъ имени львовскаго православнаго епископа къ этому Георгію и привѣсилъ къ ней выкраденную въ Кіевѣ львовскую епископальную печать. Написалъ такія же подложныя грамоты будто бы отъ Варлаама Ванатовича къ ясскому митрополиту и молдавскому господарю и привѣсилъ къ нимъ подложныя, имъ вырѣзанныя еще въ Кіевѣ, печати. Представившись обоимъ въ Яссахъ, онъ показывалъ тому и другому тоже подложный, составленный будто бы жителями Чигирина, приговоръ о желаніи имѣть Епифанія у себя епископомъ. Въ подложной грамотѣ, писанной отъ имени Варлаама, Епифаній выражалъ то недовольство кіевлянъ, которое затаенно, дѣйствительно, существовало въ нихъ со времени отчисленія Кіева и Малороссіи изъ вѣдѣнія константинопольскаго патріарха. Учрежденіе святѣйшаго синода и изданіе «Духовнаго регламента», въ которомъ находится не мало антиканоническаго, еще болѣе усилило недовольство мѣстнаго духовенства. Прежде кіевскіе митрополиты были «экзархами патріаршаго ѳрону» и малымъ чѣмъ розпились отъ автокеѳальныхъ первостоятелей церквей. Теперь они были поставлены на ряду съ прочими архіереями и даже изъ митрополитовъ низведены на степень архіепископскую. Упразднивъ санъ патріарха, Петръ I уничтожалъ постепенно и митрополичьи каѳедры, такъ что къ апрѣлю 1724 года, по смерти Тихона казанскаго, во всей Россіи не было ни одного митрополита. Оставался въ живыхъ Сильвестръ смо-

ленскій,—и его перевели въ Тверь епископомъ. Оскорбительно это было и вообще для русскаго духовенства, а для Кіева, гдѣ рядъ митрополитовъ восходилъ до дней самого Св. Владиміра, это было больше, чѣмъ оскорбленіе. Прежде въ Кіевѣ митрополитъ правилъ церковью самостоятельно, а теперь, по указу его императорскаго величества—изъ святѣйшаго правительствующаго синода. Прежде въ Кіевъ съѣзжались къ митрополиту южнорусскіе православные епископы, теперь кіевскій владыка самъ долженъ былъ ѣздить не на соборъ, а на чреду священнослуженія въ далекій и новый Петербургъ. Членами святѣйшаго синода были не только архіереи, но и архимандриты, даже протопопы и іеромонахи [1]), между тѣмъ какъ архіереи первенствовавшей со дней Св. Владиміра каѳедры не были синодальными членами и находились въ зависимости не только отъ великорусскихъ архіереевъ, но и отъ петербургскихъ протопоповъ. Все это въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ расписалъ Епифаній въ подложномъ письмѣ отъ Ванатовича. «Избраніе во епископа, по правиламъ апостольскимъ и Св. вселенскихъ соборовъ, писалъ онъ, должно происходить въ присутствіи *митрополита,* какъ 19 правило святаго Антіохійскаго помѣстнаго собора повелѣваетъ. По 4 правилу перваго вселенскаго собора, утверждати епископа довлѣетъ *митрополиту,* и тогда лишь совершается рукоположеніе. Поставленный же *безъ соизволенія митрополита* не долженъ быть епископомъ по 6 пра-

---

1) Напримѣръ: Иванъ, протопопъ Троицкой церкви въ Петербургѣ по 1723 годъ; Петръ, протопопъ Петропавловской крѣпости по 1726; іеромонахъ Варлаамъ Овсянниковъ, впослѣдствіи лишенный сана; іеромонахъ Ѳеофилъ Кроликъ; іеромонахъ Анастасій Кондоиди, грекъ, выѣхавшій изъ Молдавіи съ княземъ Кантеміромъ до 1728 года; протопопъ Иванъ московскаго Успенскаго собора съ 1730 по 1733 годъ; протопопы московскаго Благовѣщенскаго собора: Иванъ (1730—1737), Петръ (1738—1747).

виду перваго вселенскаго, что въ Никеѣ, собора. А у насъ нѣтъ митрополита нигдѣ, во всей Великой и Малой Россіи, и азъ, смиренный владыка и пастырь святыя славныя и великія церкви кіевскія и всея Малой Россіи — точію *архіепископъ*, власти епископы поставлять, по божественному писанію, не имѣю». Въ заключеніе присоединена была просьба *архіепископа* Ванатовича къ *митрополиту* Георгію совершить епископомъ Епифанія, мужа благоговѣйна, съ давняго времени испытанна въ словѣ вѣры и въ житіи, сообразномъ правому слову, какъ подобаетъ по 12 правилу Лаодикійскаго помѣстнаго собора, безбрачнаго же и прошедшаго низшія степени служенія благоговѣйно и не зазорно. Цѣль посвященія Епифанія въ епископы объяснялась тѣмъ, чтобъ онъ могъ рукополагать во священники и діаконы для зарубежныхъ приходовъ кіевской митрополіи, о которыхъ и знать не хотѣли ни петербургскій синодъ, ни великороссійскія власти.

Посланіе, въ такомъ духѣ написанное, не могло не польстить самолюбію молдовлахійскаго митрополита. Подкрѣплено оно было «великими подарунками», которые, по свидѣтельству Ивана Алексѣева, поднесъ Епифаній и митрополиту и господарю [1]). Кіевскій экономъ достигъ желаемаго: въ Ясскомъ каѳедральномъ соборѣ 22-го іюля 1724 года Георгій возложилъ на него омофоръ. Получивъ епископскій санъ, Епифаній писалъ къ львовскому и владимірскому (на Волыни) уніатскимъ епископамъ, прося ихъ позволенія жить въ ихъ епархіяхъ и посвящать въ попы и затѣмъ отправился въ Украйну. Здѣсь онъ познакомился съ раскольниками, которые, нуждаясь въ священникахъ, просили Епифанія посвятить избранныхъ ими лицъ.

---

[1]) *Исторія о бѣгствующемъ священствѣ* въ *Лѣтописяхъ русск. ист. и древн.* т. IV, смѣсь, стр 65.

Епифаній согласился, разумѣется, не даромъ, и въ продолженіе какого-нибудь мѣсяца поставилъ имъ 14 поповъ и діаконовъ. Въ сентябрѣ того же 1724 года онъ былъ схваченъ людьми прежняго своего благодѣтеля Ванатовича и посаженъ подъ арестъ въ Кіевѣ.

Кіевскій архіепископъ донесъ объ Епифаніи святѣйшему синоду. Синодъ потребовалъ его въ Петербургъ. Весной 1725 года Епифаній былъ привезенъ въ столицу; но не до него тогда было святѣйшему синоду: вступленіе на престолъ Екатерины I и процессъ новгородскаго митрополита Ѳеодосія на нѣкоторое время отдалили рѣшеніе его дѣла. Сентября 3-го, наконецъ, синодъ лишилъ Епифанія священства и монашества и, какъ міранина, передалъ гражданскому суду въ юстицъ-коллегіи. И здѣсь дѣло продолжалось не малое время: лишь въ іюнѣ слѣдующаго 1726 года послѣдовалъ о немъ приговоръ «высокаго сената», по которому «велѣно онаго Епифанія для поминовенія блаженныя и вѣчнодостойныя памяти императорскаго величества (Петра I)[1]), по мнѣнію юстицъ-коллегіи, отъ розыска и наказанія учинить свободна; только за оныя его важныя вины на волю его не освобождать, но сослать въ Соловецкій монастырь и держать тамо до смерти неисходно и употреблять въ работу, въ какую будетъ удобенъ»[2]). Изъ юстицъ-коллегіи препроводили Епифанія въ синодъ, и черезъ семнадцать дней послѣ сенатскаго приговора, синодъ, или вѣрнѣе Ѳеофанъ Прокоповичъ, еще разъ помиловалъ земляка своего: для того же поминовенія Петра I, велѣно было возвратить ему клобукъ и камилавку и быть попрежнему монахомъ.

---

[1]) А не Екатерины I (ум. 1727), какъ сказано у преосвященнаго Макарія въ *Исторіи русскаго раскола*, стр. 302

[2]) Изслѣдованіе поступковъ Епифанія производилось въ святѣйшемъ синодѣ, и перечень ихъ отосланъ въ сентябрѣ 1725 г. въ юстицъ-колле-

Въ Соловкахъ прожилъ Епифаній почти три года, въ числѣ монастырской братіи. Не сидѣлось пылкому чернецу на уединенномъ островѣ Бѣлаго моря. Исполнилось пять лѣтъ, какъ онъ все сидѣлъ да сидѣлъ въ заточеніи то въ Кіевской лаврѣ, то въ Петербургской крѣпости, то на Соловецкомъ островѣ, гдѣ хотя и пользовался свободой, но ни подъ какимъ предлогомъ не могъ съѣзжать на материкъ. Тянуло чернеца на волю,

---

гію. Вотъ онъ: «1) Будучи въ Кіевской епархіи, въ Козельскомъ монастырѣ забралъ монастырской казны 210 рублей и родственникамъ своимъ роздалъ монастырское имущество. 2) Обличенъ въ блудодѣяніи. 3) Взялъ изъ кіевской канцеляріи паспортъ о пропускѣ его на заставѣ черезъ караулъ, будто до Триполя для смотрѣнія домовой вотчины, и, проѣхавъ караулъ, отъѣхалъ за границу лодкой. 4) За Днѣпромъ, будучи въ городѣ Сорокѣ, писалъ своеручно письмо отъ лица кіевскаго архіерея къ ясскому митрополиту, чтобы тотъ посвятилъ его во епископы, и именемъ его подъ тѣмъ письмомъ подписался и печать софійскую нарисовалъ и вырѣзалъ, и то письмо самъ воровски запечаталъ. Также другія фальшивыя письма писалъ, будто люди города Чигирина желаютъ и просятъ его къ себѣ во епископы. 5) Въ томъ же письмѣ написалъ онъ ложныя на св. синодъ клеветы, а именно: все де духовенство на Украйнѣ желаетъ попрежнему митрополита; а св. синодъ, невѣдомо, чего ради, убавилъ чести митрополіи кіевской и учинилъ архіепископство, запретили де во всей Россіи за патріарховъ молитися и почитати ихъ, а наипаче де отъ синода установлено—кіевскому архіерею ѣздить къ Москвѣ на годовую священно-служенія чреду; а въ Кіевѣ де для постановленія поповъ быть некому. 6) Пріѣхавъ въ Яссы, подалъ вышеписанному митрополиту оное письмо своеручно, имъ самимъ писанное, и тѣмъ митрополитомъ по тому письму во епископы на Украйну, въ Чигиринъ въ 1724 году, іюля 22-го дня посвященъ. 7) Отъѣхавъ отъ того митрополита изъ Яссъ, посвятилъ на Украйнѣ въ іеродіаконовъ и поповъ больше четырнадцати человѣкъ раскольниковъ. 8) Онъ же, будучи въ Волосской землѣ, писалъ ко львовскому и володимірскому епископамъ письма,—а оные епископы уніаты,—рекомендуя себя подъ ихъ протекцію и прося о позволеніи житія въ ихъ епархіяхъ, для посвященія въ попы». Все это составлено на основаніи сношеній съ ясскимъ митрополитомъ кіевскаго архіепископа, которому синодъ велѣлъ войти въ эти сношенія. Въ архивѣ Св. синода дѣла объ Епифаніи нѣтъ: оно находится въ сенатскомъ архивѣ. Выдержки изъ него напечатаны у Андрея Іоаннова Журавлева (*Историческое извѣстіе о раскольникахъ*, стр. 228—243), но Андрей Іоанновъ, повидимому, заимствовалъ его изъ кіевскаго консисторскаго архива.

туда, на далекій югъ, на берега днѣпровскіе, въ Кіевъ, гдѣ бы можно было повидаться съ горячо любимыми родственниками, въ Заднѣпровскую Украйну, гдѣ бы можно было снова архіерействовать. Каждое лѣто, какъ извѣстно, на Соловецкій островъ стекается множество богомольцевъ на поклоненіе Свв. Зосимѣ и Савватію. Толпами приплываютъ они въ монастырь на карбасахъ, толпами и отплываютъ на матерую землю. Какъ то, улучивъ удобное время, Епифаній, въ іюлѣ 1729 года, вмѣшался въ толпу отъѣзжавшихъ богомольцевъ и благополучно переправился на материкъ. Въ Соловкахъ его хватились; началась тревога, послали погоню, но Епифанія и слѣдъ простылъ. Много труда и не мало лишеній принялъ онъ, странствуя по Архангельскимъ пустынямъ, бродя окольными путями, для избѣжанія поисковъ, наконецъ, присталъ къ богомольцамъ, которые, помолясь въ Соловкахъ, шли на другой конецъ Россіи поклониться святой Кіево-Печерской лаврѣ и Кіевскимъ Печерскимъ угодникамъ. Въ Кіевѣ Епифаній былъ тайно принятъ своими родными, съ которыми такъ давно не видался, о которыхъ изболѣло его сердце и въ Петропавловской крѣпости, и на Соловецкомъ островѣ. Долго оставаться въ Кіевѣ ему было опасно, и опять пошелъ онъ знакомыми дорогами за рубежъ, а одѣтъ былъ въ монашеское платье и сказывался іеромонахомъ Софійскаго дома, Антоніемъ. Пришелъ онъ на заставу и ужъ получилъ было дозволеніе на пропускъ, но дѣло вдругъ приняло неожиданный оборотъ. Въ то время, какъ Епифаній говорилъ съ заставнымъ офицеромъ, въ заставномъ домѣ прилучился одинъ монахъ Красногорскаго Зазуловскаго монастыря [1]), который, на бѣду нашего странника, лично

[1]) Красногорскій Зазуловскій монастырь находился въ подгородной города Золотоноши (Полтавской губерніи) слободѣ, Зазуловкѣ. Упраздненъ въ 1786 году.

зналъ и Антонія, и самого Епифанія. Зазуловскій монахъ сказалъ тихонько офицеру, что прохожій его обмануть хочетъ, что онъ вовсе не Антоній, а извѣстный Епифаній, что онъ взятъ былъ въ Петербургъ и по суду заточенъ въ Соловки. Епифанія задержали на форпостѣ и отправили подъ крѣпкимъ карауломъ въ Кіевъ. Здѣсь началось о бѣглецѣ новое дѣло. Почему то не сочли нужнымъ или возможнымъ держать его подъ стражей въ Кіевѣ; отправили въ Переяславль и посадили въ тамошнемъ Михайловскомъ монастырѣ [1]). Здѣсь монастырская братія была вся знакома бывшему кіевскому отцу-эконому: все друзья да пріятели, помнившіе хлѣбъ-соль Епифанія, когда онъ былъ во времени. Надзоръ за нимъ былъ слабъ, больше все кутили смиренные иноки, поминаючи прежнее житье-бытье Епифанія, ублажая своего «братчика» и браня, на чемъ свѣтъ стоитъ, правительство за то, что оно унижаетъ духовенство и вздумало еще вмѣшиваться въ управленіе монастырскими вотчинами, во что не только что гетманы, да и сами короли польскіе, за ихъ панованье въ Кіевѣ, не вмѣшивались. Съ вѣдома ли, безъ вѣдома ли добрыхъ своихъ пріятелей, Епифаній изъ монастыря «утікъ». Выбравшись благополучно изъ Переяславля, перешелъ онъ и рубежъ, спустившись по Днѣпру на лодкѣ. Въ Заднѣпровской Украйнѣ, въ вотчинахъ Пустынно-Николаевскаго монастыря [2]),

---

[1]) Михайловскій монастырь былъ въ городѣ Переяславлѣ (Полтавской губерніи). Основанъ въ 1069 году и былъ въ XI и XII ст престольною митрополіей кіевскою, ибо кіевскіе митрополиты тогда жили болѣе въ Переяславлѣ да и монастырь Михайловскій былъ въ то время гораздо лучше Кіевопечерской лавры. Потомъ онъ былъ каѳедральнымъ монастыремъ епископовъ переяславскихъ,—теперь же городской соборъ уѣзднаго города.

[2]) Пустынно-Николаевскій монастырь находился въ Кіевѣ, на берегу Днѣпра. Онъ основанъ Св. Владиміромъ тотчасъ по принятіи христіанства. Во время отъема монастырскихъ имуществъ, оставленъ первоклас-

началъ онъ было ужъ и обѣдни по-архіерейски служить, но отслужилъ ихъ не очень много. Его схватили и опять привезли въ Кіевъ. Дѣло его, по обыкновенію, тянулось, и не ранѣе 1731 года Епифаній, по требованію святѣйшаго синода, отправленъ былъ въ Москву, гдѣ и посаженъ подъ арестъ въ синодальной конторѣ, въ арестанской, по-тогдашнему названію въ «бѣдности». Въ этой «бѣдности» содержался чигиринскій епископъ цѣлые полтора года: съ ноября 1731 до половины февраля 1733 г. Въ это время и познакомились съ нимъ московскіе старообрядцы.

— Хочешь ли ты къ намъ?—спрашивали они Епифанія.

— Куда?

— У насъ есть монастырь въ Польшѣ. Слыхалъ ли? На Вѣткѣ.

— Да вѣдь вы раскольники?

— Мы только по старопечатнымъ книгамъ послѣдуемъ.

И пошли толки, и совѣщанія, и соглашенія. Все, какъ водится.

Задумался Епифаній. Какъ ни противны были ему церковные отщепенцы, но впереди ему были двѣ дороги: въ Соловецкую тюрьму, изъ которой ужъ ввѣкъ не убѣжать, и архіерейство, богатство и — что для него важнѣе всего—возможность помогать своимъ бѣднымъ кіевскимъ родственникамъ. Для нихъ онъ готовъ былъ на все.

Приходили къ нему старообрядцы не разъ и не два, и все соблазняли на переходъ въ расколъ. Епифаній, не любившій раскольниковъ, долго колебался.

сіямъ, а въ 1831 году императоромъ Николаемъ I переданъ въ вѣдѣніе кіевскаго коменданта съ переименованіемъ сей древней обители въ *военный* соборъ. Братія при этой перемѣнѣ переведена въ Кіево-Слупскій монастырь.

— Хорошо бы такъ, какъ говорите вы,—сказалъ онъ, наконецъ.—Но какъ же тому быть? Вѣдь я подъ судомъ и подъ неволею.

— Ты только дай намъ слово, что хочешь къ намъ,— отвѣчали ему,—только согласись быть нашимъ епископомъ, а ужъ на волѣ будешь. Это дѣло наше [1]).

Епифаній согласился и далъ слово. И стали ходить къ нему въ «бѣдность» каждый день московскіе старообрядцы и благословенія отъ него просили. «Онъ же приходящихъ къ нему всякаго чина людей благословлялъ и отправлялъ въ епитрахили часы по чину священническому» [2]). Старообрядцы учили непривычнаго кіевлянина своимъ старымъ обрядамъ, чтобы послѣ, когда будетъ священнодѣйствовать на Вѣткѣ, не произвелъ онъ какого-нибудь соблазна никоніанскимъ своимъ служеніемъ.

Вмѣстѣ съ Епифаніемъ содержался въ Московской синодальной «бѣдности» архимандритъ Спасо-Преображенскаго, что въ Казанскомъ кремлѣ, монастыря, отецъ Питиримъ [3]). Онъ видѣлъ и слышалъ все и *репертовалъ* обо всемъ по начальству. Это было 26 іюня 1732 года. Епифанія съ тѣхъ поръ стали держать строже, но деньги старообрядцевъ были, видно, сильнѣе доносовъ Питиримовыхъ и попрежнему доставляли богатымъ старообрядцамъ доступъ въ «бѣдности» къ будущему ихъ архипастырю.

---

1) Разговоръ изъ Іоны Курносаго.

2) Дѣло юстицъ-коллегіи въ сенатскомъ архивѣ.

3) Питиримъ былъ келейникъ митрополита казанскаго Сильвестра, бывшаго изъ роду Волынскихъ, восьмидесятилѣтняго старика, враждовавшаго съ казанскимъ губернаторомъ, едва ли не родственникомъ своимъ, извѣстнымъ Артеміемъ Петровичемъ Волынскимъ. Сильвестръ былъ подчиненъ вліянію Питирима. Членъ святѣйшаго синода (1725—1735), архимандритъ Спасо-Преображенскаго въ Казани монастыря Іона (потомъ разстрига Іоасафъ Сальникѣевъ), былъ обличенъ Сильверстомъ въ расхищеніи монастырскаго имущества. Питиримъ во время производства надъ

8 января 1733 года, состоялось въ Москвѣ рѣшеніе по дѣлу Епифанія. Вотъ оно: «Монаха Епифана Яковлева, учиняя ему жестокое наказаніе плетьми, отослать въ Соловецкій монастырь *на его коштъ* и тамо содержать его всегда скована, не выпуская отнюдь изъ монастыря, и о томъ изъ святѣйшаго правительствующаго синода конторы въ С.-Петербургъ святѣйшему правительствующему синоду вѣдѣніе того же января 9 дня сообщено».

Въ Петербургѣ взглянули на дѣло Епифанія гораздо строже. «Февраля 22, святѣйшій правительствующій синодъ, разсуждавъ онаго Епифанія вины, и что уже за показанными къ нему, какъ бы святѣйшаго правительствующаго синода милосердіями, дерзнулъ изъ онаго Соловецкаго монастыря уйти, и съ нема-

---

Іоною слѣдствія, по словамъ Арт. Петр. Волынскаго, который называлъ его плутомъ, «неправыя выписки сочинялъ, и подьячихъ архіерейскаго приказа справливать неволею и страхомъ принудилъ». Сильвестръ этого любимца своего назначилъ на мѣсто Іоны Сальникѣева архимандритомъ Спасо-Преображенскаго монастыря. Вражда двухъ Волынскихъ, казанскаго губернатора и митрополита, происходила въ 1730 году. Въ это время въ синодѣ производилось дѣло о воронежскомъ епископѣ, Львѣ Юрловѣ. По проискамъ всемощнаго тогда Прокоповича, къ этому дѣлу былъ привлеченъ членъ синода, коломенскій митрополитъ Игнатій (Смола), который «за медленіе дѣла о Львѣ Юрловѣ», по лишеніи сана, былъ сосланъ въ Свіяжскій монастырь Казанской епархіи. Здѣсь Сильверстъ, митрополитъ и наперсникъ его Питиримъ обращались съ Игнатіемъ не какъ съ разстригою, а какъ съ архіереемъ, при чемъ однажды Сильвестръ порицая дѣйствія Анны Іоанновны, низложившей при самомъ началѣ царствованія четырехъ архіереевъ (Льва воронежскаго, Игнатія коломенскаго, Георгія ростовскаго, Варлаама кіевскаго), выразился рѣзко. За это онъ отправленъ былъ въ Петербургъ, гдѣ 31-го декабря 1731 г. низложенъ и заточенъ въ Александро-Невской лаврѣ, гдѣ и умеръ. Его несчастію много содѣйствовалъ врагъ его, тогда сильный Артемій Волынскій. Питиримъ же, наперсникъ Сильвестра, былъ отправленъ въ Москву, гдѣ и содержался при конторѣ синода одновременно съ Епифаніемъ. (См. *Дѣло святѣйшаго синода о воронежскомъ епископѣ Львѣ*. Ср. *Чтеніе Императорскаго Москов. Общ. Исторіи и Древностей*. 1861 года, IV, смѣсь, стр. 125 и 126).

лымъ трудомъ пойманъ, и чтобы потому-жъ и нынѣ обыкновенной утечки учинить не могъ, *приказали*: синодальное января 8 дня объ ономъ монахѣ Епифаніи опредѣленіе отмѣнить, и его, Епифанія, паки въ Москву, въ канцелярію святѣйшаго синода возвратить; и, по возвращеніи, за продерзости его, монашескаго чина лишить, и съ прописаніемъ всѣхъ винъ его отослать въ свѣтскій судъ, для ссылки на сибирскіе горные заводы въ вѣчную работу, при указѣ, безъ продолженія времени». Вѣдѣніе изъ синода послано въ Москву, 26 февраля, получено 5 марта. Но Епифаній въ это время скакалъ уже на перемѣнныхъ, подставныхъ лошадяхъ въ зарубежную Вѣтку.

Московскіе старообрядцы снеслись съ вѣтковцами о согласіи Епифанія перейти въ расколъ, сдѣлаться архипастыремъ всего старообрядства. Вѣтковскій игуменъ Власій и все тамошнее общество духовныхъ и мірскихъ было очень радо, тѣмъ болѣе, что водвореніе у нихъ Епифанія, какъ они надѣялись, скрѣпило бы тѣснѣе московскихъ старообрядцевъ съ вѣтковскими, въ то время, по причинѣ нѣкоторыхъ обрядовыхъ споровъ, замѣтно поколебавшееся. Московскіе употребили всѣ зависѣвшія отъ нихъ средства и не малыя деньги, чтобы приговоръ надъ Епифаніемъ былъ немедленно исполненъ. Епифанія высѣкли плетьми и послали въ Соловки, не дожидаясь отвѣта изъ Петербурга. Это было 14 февраля.

Замѣчательно, что Епифанія, высѣченнаго плетьми, везутъ въ Соловки на его счетъ, не по пересылкѣ, какъ обыкновенно отправляли подобныхъ людей, а на почтовыхъ лошадяхъ (ямскихъ подводахъ). Правда. его везли скованнаго, подъ карауломъ двухъ солдатъ (Николая Лапандина и Семена Честнова), но везли на *двухъ* подводахъ; на одной сидѣлъ Епифаній съ солдатомъ, на другой его имущество съ другимъ кара-

ульнымъ. Не такъ возили въ то время другихъ, посылаемыхъ въ ссылку людей. Вѣроятно, все было предусмотрѣно и предупреждено старообрядцами.

Повезли Епифанія на Ярославль. Нѣсколько старообрядцевъ, у которыхъ за атамана былъ нѣкто Артемій Андреевъ, на вольныхъ лошадяхъ, запряженныхъ въ кибитки парами, выѣзжали изъ Москвы одновременно съ пересыльнымъ Епифаніемъ. Дорòгой они сказывались купцами и такъ пригоняли время, чтобы каждый разъ останавливаться на ночлегъ на одномъ постояломъ дворѣ съ колодникомъ. Тогда этаповъ еще не было: по селамъ и деревнямъ, да и въ самыхъ городахъ, пересылаемыхъ колодниковъ обыкновенно помѣщали въ частныхъ домахъ, большею частью на тѣхъ же постоялыхъ дворахъ, на которыхъ останавливались и проѣзжавшіе по своимъ надобностямъ. Такимъ образомъ и доѣхали старообрядцы до Ярославля, гдѣ и ночевали вмѣстѣ съ Епифаніемъ съ 16 на 17 февраля. Чѣмъ свѣтъ поднялись они и выѣхали изъ Ярославля часами тремя раньше Епифанія. Не доѣзжая первой станціи по вологодскому тракту, Вокшерскаго Яму, они своротили въ сторону, въ Коломинскій лѣсъ [1]), верстахъ въ 25 отъ Ярославля, и засѣли вблизи дороги. Одна пара съ мнимыми купцами осталась въ Ярославлѣ и выѣхала изъ города вмѣстѣ съ Епифаніемъ. Ѣхала она впереди. Зима тогда была снѣжная, вьюжная, въ февралѣ нанесло большіе сугробы; дорога изъ Ярославля въ Во

---

1) Деревня Вокшерскій Ямъ, подлѣ села Сандырева, находится въ Романовскомъ уѣздѣ, въ 30-ти верстахъ отъ Ярославля. Коломинскій (а не Коломенскій, какъ у преосв. Макарія въ *Исторіи русскаго раскола*, стр. 302) лѣсъ и волокъ начинаются верстахъ въ 18 отъ Ярославля. Деревня Коломино, по имени которой лѣсъ этотъ называется, вправо отъ большой ярославско-вологодской дороги, на границѣ Ярославскаго и Романовскаго уѣздовъ. На спеціальной картѣ Шуберта она есть.

логду была узенькая: ѣздили по ней гуськомъ. Когда доѣхали до условленнаго мѣста засады,—а это было на разсвѣтѣ,—передняя пара остановилась, старообрядцы поставили свою кибитку поперекъ дороги и вывернули оглоблю. Наѣзжаютъ повозки съ Епифаніемъ и солдатами. Ни разъѣхаться, ни объѣхать нельзя. Ямщикъ Дмитрій Ивановъ, везшій Епифанія, закричалъ: «прочь съ дороги! что сталъ?» Начались обычныя перебранки. Вдругъ, заслышавъ крикъ Дмитрія Иванова, высыпали старообрядцы изъ-за лѣса, кто съ дубиной, кто съ кольями. А атаманъ мнимыхъ разбойниковъ, Артемій Андреевъ, былъ впереди и кричалъ:

— Коли ихъ! Руби завертки! Руби гужи! Вяжи солдатъ!

Окружили повозку; солдаты не защищались. Дмитрій Ивановъ и другой ямщикъ, Иванъ Ивановъ, стояли у лошадей, понуривъ головы. Дѣлать было нечего: разбойниковъ много.

— Эй ты, голоусый!—крикнулъ Артемій Андреевъ, солдату.—Кто у васъ тутъ сидитъ?

Солдатъ не отвѣчалъ; Артемій хватилъ дубиной по кибиткѣ и крикнулъ ясакъ:

— Лшипьи, шомуйке! [1]).

---

[1]) Это на такъ называемомъ тарабарскомъ языкѣ, который въ извѣстныхъ случаяхъ, а также и въ перепискѣ, до сихъ поръ употребляется раскольниками. Это тотъ же русскій языкъ, но согласныя буквы въ каждомъ словѣ замѣняются однѣ другими, гласныя остаются тѣ-же. Вотъ ключъ тарабарскаго языка:

б,	в,	г,	д,	ж,	з,	к,	л,	м,	н,
щ,	ш,	ч,	ц,	х,	ф,	т,	с,	р,	п.

Надобно брать *б* вмѣсто *щ*, *щ* вмѣсто *б*, *в* вмѣсто *ш* и т. д. Есть люди, бѣгло говорящіе на этомъ языкѣ. Тарабарскій языкъ давно у насъ въ употребленіи: есть памятникъ его, относящійся даже къ XV вѣку (см. Востокова: *Описаніе Румянцовскаго Музея*, стр. 255). *Лшипьи! шо-*

Мнимые разбойники мигомъ выбрали изъ повозки имущество Епифанія. Вытащили и его самого.

— Заколоть его! — крикнулъ Артемій Андреевъ. На Епифанія бросились. — Постой, постой! — крикнулъ атаманъ. — Здѣсь, на дорогѣ, нельзя: кровь на снѣгу замѣтятъ.

И, бросивъ въ сани колодника, умчали его въ лѣсъ. Остались на дорогѣ два солдата, да два ямщика, и сначала придумать не могли, что это за разбойники, что у нихъ колодника отбили, а рѣзать въ лѣсъ утащили [1]).

На другой день, т. е. 18 февраля, и солдаты и ямщики явились въ ярославскую провинціальную кан-

---

муйкс! сзины! воруйте! Нынѣ раскольники для секретной переписки, а иные и устно, употребляютъ три тайные языка: *тарабарскій*, *офеньскій* и *иносказательный*. Офеньскій—это языкъ ходебщиковъ, тряпичниковъ, вязниковцевъ, которые съ тесемочками, пуговками и всякимъ другимъ мелочнымъ товаромъ кустарной промышленности ходятъ по Россіи отъ Кяхты до Варшавы. Языкъ этотъ образовался болѣе 150 лѣтъ и раздѣляется на нѣсколько вѣтвей: собственно *офеньскій* (во Владимірской губерніи), *галиванскій* (въ Галичѣ, Костромской губерніи) и *матрайскій* (въ Нижегородской и Рязанской губерніяхъ). Языкъ этотъ, подобно языку петербургскихъ мазуриковъ, приволжскихъ праховъ и т. п., искусственный: слова придуманы (напримѣръ, *Стосъ* — Богъ, *грутсцъ* — отецъ, *возгранъ*—городъ), а грамматика русская. Въ иносказательномъ языкѣ каждое слово имѣетъ не прямое, а другое, условное значеніе. Нерѣдко соединяютъ иносказательный языкъ съ тарабарскимъ. Для разговора на такомъ языкѣ нужно необыкновенно быстрое соображеніе. Вотъ примѣръ двойного тайнаго языка раскольниковъ: «*ры тушиси лось ца лымую, нмолувиси па мочохтажъ и ллынаси инъ луліьтъ*». По переводу съ тарабарскаго языка это будетъ: «мы купили соль, да сырую, просушили на рогожкахъ и ссыпали въ сусѣкъ». На иносказательномъ языкѣ *соль* значитъ священникъ (вы есте соль земли), *сырая*—неисправленный, великороссійскій, *сушить* — исправить, совершить пріемъ бѣглаго попа, *рогожка*—Рогожское кладбище въ Москвѣ, *ссыпать* — помѣстить, водворить, *сусѣкъ* — часовня, моленная. Такимъ образомъ, приведенная фраза означаетъ: «мы достали попа, но не исправленнаго, исправили его въ Москвѣ на Рогожскомъ кладбищѣ и помѣстили при часовнѣ». Иногда, но это уже только въ письмѣ, употребляется тройное тайнописаніе, т. е. и тарабарское, и иносказательное, и офеньское.

[1]) Іона Курносый. Разговоры и крики удержаны буквально.

целярію. Оба солдата и ямщикъ Иванъ Ивановъ показали, что у нихъ Епифанія воровскіе люди отбили, а ихъ, солдатъ, били и увѣчили. Другой же ямщикъ, Дмитрій Ивановъ, на допросѣ показалъ и на очныхъ ставкахъ уличалъ солдатъ и своего товарища, что они Епифанія отпустили своею волею, а воровскіе люди того колодника не отбивали и воровскихъ людей они не видали. Изъ этого можно заключить, что Честновъ и Лапандинъ были подкуплены старообрядцами, а также и ямщикъ Иванъ Ивановъ. Солдатъ отправили въ Петербургъ въ синодъ «для подлиннаго слѣдствія»; затѣмъ виновные были преданы военному суду, наказаны шпицрутенами и сосланы въ «сибирскіе гарнизоны».

Между тѣмъ какъ изъ синода по всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ и по всѣмъ ставропигіальнымъ монастырямъ разсылались циркулярные указы (30 марта) «о крѣпкомъ колодника старца Епифанія во всѣхъ мѣстахъ взысканіи, о поимкѣ и о присылкѣ его въ св. синодъ, въ Москву, подъ опаснымъ и добрымъ конвоемъ»,—Епифаній былъ уже за рубежомъ. Везли его, однако, не торопясь: больше трехъ мѣсяцевъ. Отбили его 18 февраля, а доставили вѣтковскимъ отцамъ 28 мая. Вѣроятно, опасаясь розысковъ по горячимъ слѣдамъ, держали Епифанія гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ, въ самой ли Москвѣ, или въ ея окрестностяхъ, а когда опасность поимки на дорогѣ миновалась, повезли свою добычу за рубежъ. На Вѣткѣ были рады дорогому гостю. Игуменъ Власій и Варлаамъ Казанскій, уже отроствшій бороду въ прежнюю мѣру, думали: «ну, теперь онъ насъ во епископы поставитъ». Монахи вѣтковскіе тому были рады, что теперь, при архіереѣ, монастырь ихъ еще больше процвѣтетъ, прославится и разбогатѣетъ отъ подаяній, какъ изъ Россіи, такъ и отъ зарубежныхъ

старообрядцевъ. Рады были и причетники и бѣльцы: «поставитъ, говорили, насъ владыка святый въ попы, и жены наши матушки-попадьи будутъ». Но тогда же среди мірянъ и другія рѣчи слышались. «*Епифанъ* родомъ изъ Кіева, говорили они, мнится, не обливанецъ ли онъ, не опоганить бы намъ души свои его архіерействомъ». Вообще, водвореніе епископа на Вѣткѣ было, повидимому, дѣломъ одного старообрядческаго духовенства — монаховъ, поповъ и причетниковъ. Міряне, кажется, были въ сторонѣ. Поэтому то вѣтковскіе отцы и не держали пока Епифанія въ самой Вѣткѣ, а помѣстили его въ какой то пустынькѣ, бывшей неподалеку. Пришлось старцу, уже девять лѣтъ переходившему изъ тюрьмы въ тюрьму, и здѣсь жить болѣе года почти какъ въ темничномъ заключеніи. Скучно было ему; не такой жизни онъ ожидалъ. До того была ему тяжела такая жизнь, что онъ, просидѣвъ цѣлый годъ въ пустынькѣ, писалъ въ Кіевъ письма, прося взять его отъ раскольниковъ и предавая себя въ руки правительства. Письма эти, посланныя лѣтомъ 1734 года, разумѣется, секретно и отъ мірянъ и отъ вѣтковскихъ отцовъ, имѣли, какъ увидимъ, весьма важныя послѣдствія; но, не получая на нихъ долго отвѣта и даже не зная навѣрное, дошли ли они по назначенію, Епифаній покорился своей участи.

Между тѣмъ, міряне, провѣдавъ, что сидитъ въ пустынькѣ архіерей, привезенный московскими старообрядцами изъ Ярославля, стали ходить къ нему и допытываться, кто онъ такой, откуда, какого града былъ епископомъ, и, слыша его малороссійское произношеніе, тотчасъ же спрашивали: «А тебя какъ крестили? Обливали или погружали въ три погруженія?»

А Епифаній, дѣйствительно, какъ кажется, былъ крещенъ обливательнымъ крещеніемъ; и такъ какъ былъ онъ человѣкъ простодушный, безхитростный, и

могъ пожалуй наговорить приходящимъ и такого, отъ чего по людямъ пошла бы большая молва и крамола, то главные затѣйщики дѣла, московскіе старообрядцы, что отбивали его въ Коломинскомъ лѣсу и привезли за рубежъ, учили его, какъ отвѣчать любопытнымъ и что говорить въ ѳеодосіевой, вѣтковской церкви, когда его будутъ принимать и исправлять. «Когда будутъ тебя вопрошать: како крещенъ, обливанъ ли или погруженъ, то скажи: «погруженъ»; а вопросятъ: ты какъ вѣдаешь? скажи: малыя дѣти, на улицѣ играя, «утопленникомъ» дразнили, и отецъ и мать дразнили сызмаленька «утопленникомъ» [1]).

Былъ созванъ соборъ на Вѣткѣ въ тамошнемъ монастырѣ. Игуменъ Власій предсѣдательствовалъ, засѣдали священно-иноки: Іовъ, Варлаамъ Казанскій, Варсонофій, Исаія, Савва, казначей Павелъ и рядовые старцы. Было на соборѣ не мало и мірскихъ людей. Совѣщались о томъ, какъ и какимъ чинамъ принять Епифанія. Единогласно рѣшили: принявъ Епифанія, по исправѣ и проклятіи имъ всѣхъ ересей, требовать, чтобы онъ рукоположилъ другого епископа «да корень епископства возрастаетъ». Затѣмъ, не приступая пока къ пріему, послали вѣрныхъ людей въ Петербургъ, въ Москву, въ Кіевъ, въ Яссы, чтобы подкупами и просьбами добыть вѣрныя справки изъ дѣлъ о личности Епифанія. Справки собирались довольно долго—болѣе года, а Епифаній все сидѣлъ, да сидѣлъ, какъ въ затворѣ какомъ, въ пустынькѣ, скучалъ, томился неволею, бранился съ старообрядцами. «Ужъ лучше бы было мнѣ въ Соловкахъ сидѣть, чѣмъ у васъ, въ раскольнической темницѣ», говорилъ онъ имъ. «Потерпи, владыко святый,—отвѣчали ему,—скоро такого дѣла сдѣлать не можно». И прежде любилъ

---

[1]) Іона Курносый

Епифаній выпить, теперь же въ горѣлкѣ отказу не было: только постное ѣшь, а пей водку, сколько душѣ угодно. И сталъ Епифаній съ горя да съ печали пить темную, и допился до водянки. Очень сталъ хворать, а все пилъ.

Между тѣмъ, справки о немъ вѣрными людьми были собраны. До того, что Епифаній обокралъ Козельскій монастырь, составлялъ подложныя письма и растлилъ какую то дѣвочку, старообрядцамъ дѣла не было. Обокралъ и обманулъ онъ «враговъ Божіихъ, никоніанъ»,—разсуждали они,—то не грѣхъ; дѣвчонка—и это не грѣхъ, а только паденіе; изъ писанія видно, что многіе святые отцы впадали въ блудъ, да угодили Богу покаяніемъ. Извѣстный выводъ старообрядцевъ всѣхъ толковъ!... Важно было для вѣтковцевъ то, что Епифаній, по справкамъ, оказался не самозванцемъ, что онъ, дѣйствительно, былъ хиротонисанъ митрополитомъ Георгіемъ. Одного не могли дознаться никакими справками, обливанецъ Епифаній или въ три погруженія крещенъ? А это было всего важнѣе для старообрядцевъ: если онъ обливанъ, то его слѣдуетъ крестить вновь. А по правиламъ вселенскихъ соборовъ, кто крестится вновь, тотъ хиротоніи не сохраняетъ.

Въ то довольно продолжительное время, которое употреблено было вѣтковскими отцами на собраніе справокъ о личности пріобрѣтеннаго ими епископа, они сдѣлали и другое дѣло. Желая, чтобы отысканный послѣ столь долгихъ и тщетныхъ ожиданій епископъ былъ принятъ всѣми старообрядцами поповщинскаго толка единодушно, чтобы не произошло между ними изъ-за него какого-либо раздора или раздѣленія, вѣтковскіе отцы «да будетъ то дѣло общимъ дѣломъ всего христіанства древляго благочестія», писали въ Москву и къ старшимъ отцамъ на Керженецъ; а

также по городамъ: въ Тверь, въ Торжокъ, въ Казань, въ Тулу и другіе. Все происходило въ глубочайшей тайнѣ. Съ стародубълянами сносились не только письменно, но лѣсами неоднократно ходили къ нимъ за рубежъ для совѣта. Съ Керженца былъ полученъ рѣшительный отказъ признать Епифанія за епископа. Тамошніе отцы писали вѣтковскимъ, что они «къ совѣту ихъ пристати, яко Богу не угодну, не токмо не спасительну, но народодушепагубну отказашась не соизволивше» [1]). Въ Стародубьѣ одни были согласны на пріемъ Епифанія, другіе—нѣтъ; такое же разногласіе было и въ Москвѣ и Торжкѣ. Но Тверь и Тула согласились; Казань, едва ли не по вліянію керженскихъ жителей, отказалась. Всѣ эти переговоры и ссылки Вѣтки съ разными старообрядческими общинами продолжались годъ и два съ половиной мѣсяца. Много было денегъ изъѣзжено, много денегъ на поѣздки и всякія хлопоты истрачено. Наконецъ, 6 августа, въ день Преображенія Господня, 1734 года, Епифаній былъ привезенъ изъ пустыньки на Вѣтку и торжественно принятъ въ старообрядство [2]) Черный попъ Іовъ [3]), старшее духовное лицо на Вѣткѣ (игу-

---

[1]) Іона Курносый.

[2]) Иванъ Алексѣевъ, *Исторія о бѣгствующемъ священствѣ въ Лѣтописяхъ русской исторіи и древности*, т. IV. смѣсь, стр. 69. Онъ говоритъ, что Епифаній, «въ нѣкіихъ пустынькахъ» до пріема пробылъ десять недѣль, значитъ, съ конца мая по 6 августа. Но онъ ошибается ровно на одинъ годъ, полагая, что Епифаній отбитъ въ Коломинскомъ лѣсу, въ февралѣ 1734 г., между тѣмъ какъ изъ дѣла объ Епифаніи видно, что это было въ 1733 г.

[3]) Попъ Иванъ, въ постриженіи Іовъ. Онъ былъ взятъ при «первой выгонкѣ» раскольниковъ и разореніи Вѣтки въ 1735 году. Іовъ былъ однимъ изъ самыхъ главныхъ учителей и проповѣдниковъ старообрядства на Вѣткѣ. По опредѣленію св. синода 21 декабря 1736 года, онъ, закованный въ кандалы, былъ отправленъ въ Николаевскій (въ Переславлѣ Залѣсскомъ) монастырь «для достодолжнаго о его суевѣріи разглагольствія и увѣщанія къ соединенію святѣй, правовѣрной церкви,

монъ Власій не имѣлъ священства) привелъ Епифанія къ исправѣ. Принимаемый епископъ торжественно, при всемъ духовенствѣ и огромномъ стеченіи народа, проклялъ ереси [1]) и затѣмъ былъ введенъ въ алтарь

понеже того монастыря настоятель то съ нимъ разглагольствіе имѣть можетъ». Въ этомъ монастырѣ Іовъ долженъ былъ содержаться въ цѣпяхъ. Но такъ какъ онъ, «по довольномъ увѣщаніи, отъ раскольническаго своего заблужденія ко обращенію ко святой церкви явился непокоривъ и состоялъ въ раскольнической своей ереси не превратенъ», то, по опредѣленію св. синода, 11 февраля 1737 года сосланъ въ Валдайскій Иверскій монастырь для неисходнаго въ кельѣ заключенія подъ крѣпкимъ карауломъ и съ пресѣченіемъ всякихъ сношеній съ другими лицами. Здѣсь Іовъ и умеръ, но когда—неизвѣстно.

[1]) Вотъ формула исправы, которую въ XVIII ст. читали принимаемые въ расколъ попы и Епифаній въ 1734:

«Предстоятель кладетъ *начало* (семь поклоновъ), и потомъ приходящій такожде семь поклоновъ. Предстоятель начинаетъ, глаголя: *За молитвъ святыхъ*, *Царю небесный*, *трисвятое* и по *Отче нашъ*, — *Пріидите поклонимся* трижды, псаломъ 50: *Помилуй мя, Боже*. И поставляетъ его передъ церковію, откровенну гласу вынуща. И повелитъ ему исповѣдатися явѣ и отрицатися, и укоряти, и проклинати богомерзкую вѣру, въ ней же былъ, и вся законы ихъ, и обычаи, въ нихъ же совратишася и осквернишася. И начинаетъ проклинати ереси отъ яковитовъ, сице глаголя: «азъ, имя рекъ, отъ гнусныя яковитовъ и ханцыцарскія ереси, и отъ мудрствующихъ съ латины и пріобщающихся отчасти еретическому и папежскому ученію — днесь прихожду ко истинному, православному христіанскія вѣры закону, преданному отъ Св. апостолъ и утвержденному богоносными отцы святыхъ вселенскихъ седьми соборовъ. Прихожду же не отъ нужды, или бѣды, или тѣсноты, или страха, или налога, или нѣкоей вещи, на мя воздвизаемѣй, или чести ради мірскія, и благодарованій нѣкихъ обѣщаемыхъ, или лѣностію, или лицемѣріемъ, но отъ всея души и сердца и чиста неблазненна, Христа любяще и того истинныя вѣры животнаго закона желая получити. Прежде отрицаюся мудрствующихъ и сообщающихся отчасти еретическому ученію. Проклинаю отрекшихся Ісуса и почитающихъ его равноухимъ, вѣрующихъ во Іисуса и святую аллилуію тройственну четверящихъ: да будутъ прокляти. Проклинаю творящихъ развратно святое крещеніе, аще и во имя Отца и Сына и Святаго Духа глаголютъ, но обаче крещаютъ водою во едино погруженіе, а трижды не погружаютъ, иніе же только обливаютъ водою; и почитающихъ всякое омываніе крещеніемъ, а въ трехпогрузительномъ нужды нѣсть: да будутъ прокляти. Аще кто ся не креститъ въ два перста, яко же и Христосъ, да будутъ прокляти. И творимое нѣкое благословеніе, пятію персты, а Христомъ преданное

Покровской церкви игуменомъ Власіемъ и Варлаамомъ Казанскимъ. Не выходя изъ церкви, онъ соборне отслужилъ обѣдню по старопечатнымъ книгамъ. Затѣмъ, служа довольно часто, онъ посвятилъ 12 поповъ и 6 діаконовъ, и сварилъ мvро [1]).

двуперстное почитающихъ отъ нѣкоего чорта изданнымъ: да будутъ прокляти. Проклинаю богоненавидимую и блуднаго образа прелесть, еже остригати браду, но и всегда поощряющихъ остригати брады своя, и усы притинати постригалы и бритвами. Проклинаю вся враги, крестъ Христовъ нарицающихъ «брынскимъ», а кланяющихся латинскому крыжу; иже не исповѣдуютъ безкровныя жертвы суща тѣлеси Господа нашего Іисуса Христа. Иже аще ястъ млеко и яйца въ великій постъ, въ субботу и недѣлю; съ ними же и иную всякую ересь проклинаю, явную и неявную, и иже прежде соборовъ, или послѣжде на церковь благочестивую возсташа и люди Господни отсѣкати и отторгати начинающе, вси еретицы сопротивно мысляще святымъ всея вселенныя седьми соборовъ: да будутъ прокляти».

«И вопрошаетъ предстоятель: «обѣщаешелися Христу?» И отвѣщаетъ имя рекъ: «обѣщаваюся Христу». И глаголетъ: *вѣрую во единаго Бога Отца* весь до конца, трижды, *Господи помилуй* сто; и паки глаголетъ: «И тако вѣрую и исповѣдую святую единосущную Троицу истинною любовію, всею душею моей, и всѣмъ сердцемъ моимъ, и всѣмъ помышленіемъ моимъ, не имѣя въ себѣ никоего лукавства. И тако покоряюся и прилагаюся благочестивому преданію святыхъ отецъ право исправльшихъ слово истинны, иже на всѣхъ седми соборѣхъ вселенскихъ и помѣстныхъ. И тако причитаюся святѣй и апостольской церкви, единомудренно со всѣми правовѣрными, душевное тщаніе имѣя, требую совершенно святымъ, истиннымъ покаяніемъ очищенія отъ всѣхъ еретическихъ совращеній и оскверненій, всякихъ прегрѣшеній плотскихъ и душевныхъ. Еще же желаю, со страхомъ и трепетомъ и радостію сердечною, причастникъ быти святыхъ и животворящихъ таинъ тѣла и крове Христа Бога нашего, яко да будетъ ми во освященіе души и тѣлу моему, и до кончины живота моего въ наслѣдіе живота вѣчнаго царствія небеснаго, молитвами Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и присно дѣвы Маріи и всѣхъ святыхъ, иже отъ вѣка Богу угодившихъ. Аминь». (Рукописный сборникъ конца XVIII столѣтія, писанный на Иргизѣ). Въ XIX или въ концѣ XVIII ст. эта формула нѣсколько измѣнена. Она будетъ приведена въ своемъ мѣстѣ.

[1]) Іона Курносый: «во время принятія Епифаніева и посвященія имъ поповъ и діаконовъ и *священія мvра* и масла». Стало быть, Епифаній варилъ мvро не въ великій четвертокъ, какъ слѣдуетъ по уставу. Онъ былъ принятъ 6 августа 1734 года, а великій четвертокъ 1735 г. былъ

Великая была радость на Вѣткѣ. Всѣ духовныя лица ликовали и много гордились тѣмъ, что, наконецъ, добыли епископа, имѣютъ, наконецъ, святителя и архипастыря. «Нельзя теперь про насъ сказать, что церковь наша хрома: всѣ три чина имѣемъ,—и честное діаконство, и боголюбивыхъ іереевъ, и самого преосвященнаго епископа», говорили они. Поповъ, рукоположенныхъ Епифаніемъ, немедленно разослали по городамъ и волостямъ,—разумѣется, за хорошія деньги, данныя за то общинами старообрядцевъ,—и крѣпко надѣялись все старообрядство такимъ средствомъ подчинить своему вліянію и власти. Одного попа повезъ въ Москву самъ Варлаамъ Казанскій, имѣвшій большой вѣсъ у томашнихъ старообрядцевъ. Игуменъ Власій со всѣмъ соборомъ вѣтковскимъ приговорили, чтобы Варлаамъ утвердилъ всѣхъ московскихъ старообрядцевъ въ правильности архіерейства Епифаніева и, подчинивъ такимъ образомъ усиливавшуюся московскую общину Вѣткѣ, пріѣзжалъ какъ можно скорѣй домой, гдѣ Епифаній долженъ былъ хиротонисать его въ епископы. Таково было желаніе и мірянъ Вѣтки, изложенное въ особомъ приговорѣ, зарученномъ многочисленными подписями.

Скучно было Епифанію у старообрядцевъ. Десять лѣтъ онъ уже архіереемъ и почти всѣ десять лѣтъ провелъ въ тюрьмахъ кіевскихъ, московскихъ, въ петербургской крѣпости, въ Соловкахъ, а потомъ еще годъ и два съ половиной мѣсяца въ пустынькѣ, гдѣ его тоже держали почти какъ колодника. Не лучше ему пришлось и въ самой Вѣткѣ. Онъ

---

3 апрѣля, Вѣтка же была занята Сытинымъ и Епифаній взятъ 1 апрѣля, то есть во вторникъ на страстной недѣлѣ. Да при томъ еще ранѣе, новаго январскаго 1735 года у Епифанія были уже большіе нелады съ вѣтковцами, и онъ ужъ не служилъ въ Покровской церкви.

былъ совершенно чуждъ раскольникамъ, не только не раздѣлялъ ихъ убѣжденій, но и, ставъ во главѣ ихъ, кажется, довольно смутно понималъ, изъ-за чего они отдѣлились отъ церкви. Все разъединяло его съ новою его паствой; и образъ жизни, и привычки. Сердце его лежало къ Кіеву, а тутъ долженъ былъ онъ выстаивать длинныя службы, къ которымъ не привыкъ въ Кіевѣ, вести строгую жизнь и ни подъ какимъ видомъ не давать воли своему веселому, пылкому характеру. Тоска по родственникамъ мучила его, и хотя вѣтковскія дѣвицы, по отзыву самихъ старообрядцевъ, не отличались цѣломудріемъ, а Епифаній былъ охотникъ до женщинъ, но за епископомъ зорко слѣдили сотни глазъ, и ему рѣшительно было невозможно завести съ какою-либо вѣтковскою красавицей нѣжныхъ отношеній. А больше всего противны были Епифанію обряды вѣтковцевъ. Уже былъ онъ принятъ ими въ общеніе, уже служилъ обѣдни и рукополагалъ поповъ, какъ два уніата, жившіе по сосѣдству съ Вѣткой, перешли въ расколъ, и, какъ обливанцы, на основаніи заповѣди Филарета патріарха, перекрещены старообрядческимъ попомъ въ три погруженія. Противно на это было смотрѣть Епифанію. Когда новокрещенные выходили изъ церкви, позвалъ онъ ихъ къ себѣ въ келію и принялся кричать, понося ихъ непотребными словами: «Благочестивое крещеніе,—говорилъ онъ имъ,—отложили, раскольничьимъ крестились во второе. А первое то вамъ развѣ не крещеніе было?» [1]).

И былъ большой соблазнъ отъ того на Вѣткѣ. Пошли объ этомъ слухи и на сторону. «Какой же это епископъ?—говорили міряне:—это не пастырь, а волкъ». Много журили вѣтковскіе отцы своего епископа за такую выходку. Епифаній отмалчивался. Оттого то и

---

[1]) Іона Курносый.

хотѣлось вѣтковскимъ отцамъ, чтобы онъ поскорѣй посвятилъ имъ Варлаама. Тогда бы Богъ съ нимъ, съ Епифаніемъ; дали бы ему денегъ и пустили бы на всѣ четыре стороны: иди, куда знаешь,—и зажили бы съ своимъ епископомъ, отъ всей души и всего сердца преданнымъ старому обряду.

Не понравился Епифаній иноку Аѳанасію, древнему старцу, живущему въ Вѣткѣ съ первыхъ годовъ ея существованія. При самомъ заведеніи Вѣтки былъ онъ уставщикомъ, и когда попъ Ѳеодосій освящалъ Покровскую церковь, онъ надписывалъ антиминсъ старицы Меланіи. Больше сорока лѣтъ былъ Аѳонасій уставщикомъ, зналъ правила и уставы лучше всѣхъ, строго наблюдалъ за совершеніемъ «уставной службы» въ вѣтковской церкви и теперь, на старости лѣтъ, увидя, какъ старые уставы нарушаются завезеннымъ на Вѣтку епископомъ, много ссорился съ игуменомъ и отцами, и, не стерпя больше «злочинія церковнаго», ушелъ изъ Вѣтки въ Россію. Аѳанасій пробрался въ Москву, гдѣ Варлаамъ Казанскій утверждалъ тогда старообрядцевъ въ правильности Епифаніева епископства. И въ Москвѣ, въ Гуслицахъ [1]) ходилъ старецъ Аѳанасій изъ дома въ домъ и разсказывалъ старообрядцамъ, что дѣлается на Вѣткѣ съ того дня, какъ владыкою тамошнимъ учинился Епифаній. Онъ утвердительно называлъ его «вѣдомымъ обливанцемъ»; много говорилъ и противъ Варлаама Казанскаго, главнаго поборника Епифаніева, ходившаго съ попомъ его поставленія. «Блюдитеся, — говорилъ старецъ: — блюдитеся опасно ихъ, яко не сущимъ попамъ имъ, но волкамъ». А Варлаама знали и почитали въ Москвѣ очень

---

[1]) Гуслицы, или Гуслицкая волость, въ Богородскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, почти сплошь населенная раскольниками поповщинскаго толка.

многіе; знали его и по городамъ околомосковнымъ, и по волостямъ. Вездѣ у него было много духовныхъ дѣтей, и его очень уважали за строгую, подвижническую жизнь, за горячую преданность старымъ обрядамъ и «древлему благочестію», за его слово учительное, «преизящно философіею и мудростію христіанскою украшенное». Ходя съ Епифаніевымъ попомъ изъ дома въ домъ, ночуя то тамъ, то тутъ, онъ каждое утро, возставъ отъ сна, и каждый вечеръ, ложась спать, по молитвѣ, сначала самъ благословлялъ своего спутника, а потомъ отъ него принималъ благословеніе. И дѣлалъ это всегда такъ, чтобы всѣ видѣли и не сомнѣвались бы о попѣ Епифаніева рукоположенія: такой же де онъ, какъ и я, попъ. Служа всенощныя и молебны по домамъ старообрядцевъ, Варлаамъ всегда на ектеніяхъ поминалъ епископа Епифанія, и если кто изъ его духовныхъ дѣтей изъявлялъ хоть малѣйшее сомнѣніе въ правильности Епифаніева архіерейства, тому онъ съ яростью говаривалъ: «проклятъ буди, кто изъ сыновъ моихъ духовныхъ и дщерей къ Епифаніевымъ ставленнымъ попамъ не пойдетъ подъ руку и на духъ! Богъ благословитъ! Мы рачимъ и стараемся, чтобы священство умножить и благочестіе расплодить, а вы мятежъ чините!» Но какъ ни великъ былъ авторитетъ Варлаама, а много въ Москвѣ и въ Гуслицахъ явилось сомнѣвающихся въ Епифаніи. Стали толковать ужъ и о томъ: «да ужъ сохранилось ли древлее благочестіе на Вѣткѣ, не пошли ли старообрядцы за рубежомъ широкимъ путемъ никоніанства?» А это все уставщикъ Аѳанасій разсѣивалъ сомнѣнія. Не мало употребили московскіе и гуслицкіе старообрядцы денегъ на то, чтобы собрать подъ секретомъ самыя точныя справки объ Епифаніи въ синодальной конторѣ и списать копіи со всѣхъ дѣлъ, о немъ производящихся. Нашли, что, дѣйствительно, онъ

посвященъ ясскимъ митрополитомъ въ епископы, а обливанъ онъ или крещенъ въ три погруженія, того доискаться не могли, а между тѣмъ молва, что Епифаній обливанецъ, росла болѣе и болѣе. А распускалъ ее все-таки тотъ же Аѳанасій.

Разъ, въ Гуслицахъ, призвалъ Варлаамъ Аѳанасія къ себѣ на квартиру. Аѳанасій не ухоронился, пришелъ.

— Какъ ты смѣешь,—закричалъ Варлаамъ,—учить моихъ дѣтей духовныхъ, чтобы не ходили они къ попамъ Епифаніевымъ? Какъ ты смѣешь ихъ волками нарицать?

— Волки они и есть,—смиренно, но рѣшительно отвѣчалъ Аѳанасій.

Пылкій Варлаамъ не вытерпѣлъ, схватилъ палку и началъ колотить сѣдого, дряхлаго старика. И билъ его, сколько хотѣлось. Аѳанасій, по иноческому смиренію, не защищался отъ ударовъ, но какъ ни горячился, лютуя надъ нимъ, Варлаамъ, Аѳанасій кротко, но громко, одно говорилъ:

— Волки они, а не пастыри стада Христова, и Епифаній-обливанецъ такой же волкъ!

Были свидѣтели этого происшествія. Слухъ о побояхъ, претерпѣннымъ престарѣлымъ вѣтковскимъ, уставщикомъ отъ дюжей руки Варлаама Казанскаго, распространился по Москвѣ и во всей Гуслицкой волости. Пали вѣсти о томъ и на Вѣтку. Нигдѣ не хвалили Варлаама, и еще сильнѣе пошло сомнѣніе въ правильности Епифаніева архіерейства. На Вѣткѣ также произошелъ большой раздоръ изъ-за него. Мы уже сказали, что пріемъ Епифанія былъ дѣломъ поповъ и монаховъ: міряне мало принимали въ немъ участія. Теперь, когда пошли слухи объ его обливанствѣ, о томъ что онъ не настоящій архіерей, не такой, какой имъ требуется,—міряне заволновались.

Поступокъ Епифанія съ уніатами (быть можетъ, и дѣйствительно Епифаній на тотъ разъ выпилъ лишнюю чарку горѣлки, какъ старались оправдать его отцы передъ мірянами) увеличилъ ропотъ, волненія и раздоры. Во главѣ враговъ Епифанія сталъ нѣкто Заверткинъ, крѣпкій ревнитель «древляго благочестія», бѣжавшій за рубежъ съ Уральскихъ заводовъ, куда пришелъ съ Керженца, другъ и почитатель Аѳанасія-уставщика. Онъ всенародно порицалъ Епифанія, называя самый пріемъ его великимъ соблазномъ для всей старообрядческой церкви и браня вѣтковскихъ отцовъ, еще державшихъ сторону своего епископа. Онъ и другіе міряне укоряли Власія и соборныхъ старцевъ за то, что они такого волка пустили въ стадо Христово, твердо пребывавшее дотолѣ въ «древлемъ благочестіи». Съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе народа стало чуждаться Епифанія, а рукоположенныхъ отъ него поповъ и діаконовъ не пускали близко и къ домамъ своимъ, и стали отбирать у нихъ даже силою данныя имъ отъ Епифанія ставленныя грамоты. Были и такіе міряне, которые преданы были Епифанію. «И бысть,—говоритъ Іона Курносый,—мятежъ и молва на Вѣткѣ не мала: сталось раздѣленіе между собою у нихъ даже до драки». Сойдутся, бывало, противники на улицѣ; одни станутъ похвалять Епифанія и хвастаться тѣмъ, сколь великую славу получило мѣсто ихъ, богоспасаемая Вѣтка, отъ водворенія въ ней епископа, а принадлежавшіе къ совѣту Заверткина пойдутъ спорить и укорять ихъ, говоря, что Епифаній обливанецъ и сущій еретикъ, не пастырь добрый, а евангельскій волкъ въ овчей шкурѣ. Пойдутъ споры, книги изъ домовъ вытащатъ, отъ писанія доказательства каждый свои читаетъ, а толпа увеличивается, и словопреніе обыкновенно оканчивалось тѣмъ, что спорщики примутся въ кулаки да за дубины, и пойдетъ свалка и

ной. Бывали и тяжкія увѣчья, даже смертоубійства изъ-за Епифанія. И день за день таково было на Вѣткѣ. Епифаній пересталъ служить, ибо Заверткинъ и его сообщники громко кричали на улицахъ: «за волосы его, пса, вытащу изъ святаго алтаря, убью до смерти, только смѣй онъ служить».

Нѣкоторые изъ братіи, особенно же казначей Павелъ, сами стали сомнѣваться въ искренности перехода въ старую вѣру Епифанія и въ томъ, что онъ крещенъ правильнымъ крещеніемъ, и стали сознавать вины свои, говоря, что не дѣло сдѣлали, съ такими хлопотами и издержками добывъ себѣ нехорошаго епископа. Епифаній сидѣлъ въ своей кельѣ, какъ заточенникъ, пилъ и перебранивался, но всегда съ обычнымъ своимъ добродушіемъ.

По старообрядческимъ общинамъ въ Великой Россіи тоже не мало было споровъ и толковъ по поводу Епифаніева архіерейства. Керженецъ, Казань, Поволжье, Демидовскіе заводы — еще болѣе утвердились «въ своемъ противленіи новопреданному архіерейству». Въ Москвѣ и въ Гуслицахъ произошло большое раздѣленіе, и съ каждымъ днемъ рѣдѣли ряды людей, бывшихъ сначала за Епифанія. Варлаамъ, побивъ Аѳанасія, много потерялъ авторитета. Тверь, Торжокъ и Ржевъ были совершенно равнодушны къ дѣлу. Стародубье почти поголовно отступилось отъ Епифанія.

Вѣтковскіе отцы лучше другихъ, отдаленныхъ отъ нихъ одновѣрцевъ знали поведеніе своего епископа. Но, чтобы не погрѣшить, рѣшились они предварительно искусить своего архипастыря. Главное, хотѣлось имъ вывѣдать отъ него, обливанъ онъ или въ три погруженія крещенъ; еще хотѣлось узнать, искренно ли онъ принялъ старообрядство и не держится ли въ тайнѣ никоніанства, исполняетъ ли установленные посты, келейное правило и другіе уставы. Хоти они,

послѣ соблазнительнаго поступка Епифанія съ уніатами, послѣ ропота мірянъ и укоровъ Заверткина съ товарищами, значительно охладѣли къ Епифанію, но совершенно отступиться отъ него и торжественно, передъ всѣмъ народомъ, сознаться въ винѣ своей, въ той опрометчивости, съ которою они приняли его къ себѣ за архипастыря, рѣшились не прежде, какъ по совершенномъ увѣреніи въ томъ, что онъ, дѣйствительно, обливанецъ, или что не исполняетъ положенныхъ правилъ принятаго имъ старообрядчества. Призвалъ къ себѣ казначей Павелъ Епифаніева келейника и говоритъ ему:

— Искуси ты его, не пожелаетъ ли курочки ясти?

Келейникъ, истый вѣтковецъ, принялся за искушеніе. Говоритъ однажды онъ сидѣвшему, какъ въ темницѣ, воли и власти не имѣющему епископу, и крѣпко разболѣвшемуся:

— Неможешь ты, святый владыко, все хвораешь, худо кушаешь. Не желаешь ли курочки жареной?

— Свѣдаютъ ваши,—грустно отвѣчалъ Епифаній,—крамолить будутъ. Вѣдь у васъ епископы не вкушаютъ...

— Я не монахъ, а бѣлецъ,—отвѣчалъ келейникъ,—мнѣ можно ѣсть курочку. Повели, владыко святый, я, пожалуй, припасу, какъ бы про себя, а ты и покушай.

Лакомый епископъ охотно согласился на предложеніе келейника. Давно не ѣдалъ онъ вкусной пищи. Келейникъ такъ и сдѣлалъ, какъ говорилъ. Ожаривши монастырскую курочку, подалъ на столъ епископу; но въ то самое время, когда Епифаній занялся запретнымъ блюдомъ, по знаку, непримѣтно для него данному искусителемъ - келейникомъ, вошли одинъ за однимъ казначей Павелъ съ другими старцами. Вошли, посмотрѣли и, слова не сказавъ, пошли вонъ изъ

кельи, будто за надобностію какою приходили, да не во-время. А Епифаній, какъ скоро они ушли, пеняетъ келейнику:

— Что бы тебѣ дверь то запереть, а ты не заперъ.

А келейникъ его, какъ малаго ребенка, уговариваетъ:

— Ничего, владыко святый. Ты вѣдь больше ихъ— они тебѣ не указъ.

Епифаній согласился съ келейникомъ.

Казначей Павелъ съ прочими свидѣтелями соблазнительной трапезы вѣтковскаго епископа не пустили дѣла въ огласку. Имъ нужнѣе всего было то, чтобы навѣрное узнать, обливанъ Епифаній или погруженъ, и дѣйствительно ли онъ приверженъ къ старообрядству. Дали келейнику, которому добродушный епископъ совершенно ввѣрился, новое наставленіе.

Однажды Епифаній, здоровье котораго таяло какъ свѣчка, сидѣлъ грустный, задумчивый. Подошелъ къ нему келейникъ.

— А что, владыко святый,—спрашиваетъ,—есть ли у тебя родственники въ Кіевѣ?

Этотъ вопросъ за живое тронулъ Епифанія. У него вся душа была въ родныхъ. Сердце у него было доброе и довѣрчивое, и пустился онъ въ откровенные разговоры съ келейникомъ.

— Есть же, кажу,—отвѣчалъ онъ со вздохомъ,— есть племянники и внучата есть...

На то келейникъ ему:

— Худое тебѣ житье здѣсь, владыко. Не взлюбили тебя и попы и старцы.

— И самъ я вижу, что не взлюбили, — отвѣчалъ Епифаній, — и что дѣлать, право, не знаю и не придумаю.

— Да напиши ты къ своимъ письма,—сказалъ келейникъ,—увѣдомь о себѣ, что живъ. Они о тебѣ обрадуются и попекутся о тебѣ.

«Простъ онъ былъ человѣкъ,—замѣчаетъ, передавая этотъ разговоръ, Іона Курносый:—повѣрилъ келейнику. Сейчасъ же сѣлъ за столъ и сталъ писать письмо. Написавъ, говоритъ:

— Я, кажу, написалъ, да съ кѣмъ пошлю?

— Повѣрь мнѣ, владыко, письмо твое,—сказалъ келейникъ,—я добрыхъ людей отыщу».

Довѣрчивый простодушный Епифаній отдалъ письмо, а келейникъ прямо его къ казначею Павлу.

Читаютъ вѣтковскіе отцы письмо Епифанія. Пишетъ онъ, «какъ раскольники его обольстили, и какъ разбоемъ на пути отнятъ, и какъ въ Польшу его препроводили, и привезли до своихъ *еретическихъ вертеповъ*, гдѣ церковь ихъ и раскольническій монастырь и слобода жителей-раскольниковъ. «Учинили меня раскольники епископомъ, и поставилъ имъ по ихъ просьбѣ двѣнадцать поповъ и шесть діаконовъ, чего душа моя рсскольниковъ изъ младенчества ненавидѣла. Они же меня и возненавидѣли и держатъ подъ карауломъ. И не иное что помышляю себѣ отъ нихъ, токмо какъ смерти.» [1])

Тогда на Вѣткѣ и послѣдніе оставшіеся у Епифанія сторонники отступились отъ него. Но нашлись благопріятели въ иномъ мѣстѣ.

Неподалеку отъ Вѣтки было мѣстечко (нынѣ уѣздный городъ) Гомель, населенное тоже русскими выходцами, раскольниками. Гомельскіе старообрядцы и числительностію, и богатствомъ, и связями превосходили вѣтковскихъ, но Вѣтка все-таки была какъ бы столицей всего старообрядства, ибо въ ней въ одной была церковь,

---

[1]) Іона Курносый.

въ ней одной служилась обѣдня. Пребываніе при ней архіерея еще болѣе возвысило эту слободу, и Гомелю при всемъ богатствѣ невозможно было съ нею соперничать. Завидуя Вѣткѣ и не будучи очевидцами соблазновъ, которые тамъ производилъ Епифаній, но узнавъ объ охлажденіи къ нему вѣтковцевъ, міряне Гомеля предложили ему переселиться къ нимъ. Епифаній съ радостью согласился. Построили они деревянную церковь, во всемъ подобную вѣтковской; Епифаніевы попы освятили ее во имя Преображенія Господня, а Епифаній, еще до размолвки съ вѣтковскими отцами освятившій нѣсколько антиминсовъ, послалъ одинъ для гомельской церкви [1]. Когда вѣтковскіе міряне стали чуждаться поповъ и дьяконовъ Епифаніева рукоположенія, гомельскіе жители приняли ихъ всѣхъ и рѣшились во что бы то ни стало сдѣлать свою Преображенскую церковь каѳедральнымъ соборомъ старообрядческаго епископа. И усиленнѣе прежняго звали Епифанія къ себѣ. Но Вѣтка не давала его, ибо не дешево ей стоилъ Епифаній. Гомельскіе жители хотѣли купить у вѣтковцевъ архіерея и денегъ не жа-

---

[1]) Іона Курносый. Онъ въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія говоритъ, что самъ Епифаній святилъ эту церковь, а въ другомъ, что Епифанію некогда было освятить ее, а святили Варлаамъ Казанскій съ попами Епифаніева поставленія. Послѣднее извѣстіе болѣе сообразно съ ходомъ дѣла. Послѣ каждой выгонки зарубежныхъ раскольниковъ, гомельская церковь (1735) была перевезена въ Стародубье, но не потонула, какъ вѣтковская, ибо строена была не изъ дуба. Объ этомъ Іона Курносый такъ разсказываетъ: «Ону церковь сломаше, по совѣту неправильныхъ поповъ своихъ (то есть Епифаніемъ рукоположенныхъ), Іоакима и священно-инока Матвѣя, склавше плотами, по той же рѣцѣ (Сожу) приплавивше къ слободѣ поставиша, какъ и на мѣстѣ стояла. И приспѣвшу времени священія, Іоакимъ попъ повелѣ свящати сыну своему духовному Матвѣю. Онъ собралъ соборъ отъ обливанцевъ Епифаніева согласія, какъ и онъ Матвѣй, и съ ними ону церковь освятилъ и сталъ въ ней служить и пречистыя тайны совершать». Поставлена была эта церковь въ двухъ верстахъ отъ слободы Клинцовъ.

лѣли, но вѣтковцы не брали никакихъ тысячъ за Епифанія, предвидя, что въ случаѣ пріобрѣтенія гомельцами епископа, много убавится блеска у вѣтковской церкви.

— Да отдайте же намъ епископа Епифанія, когда вамъ не надобенъ,—говорили гомельскіе старообрядцы.

— Не отдадимъ. Онъ ваши души опоганитъ, потому что онъ обливанецъ. Погибните вы душами вашими, когда его возьмете,—отвѣчали вѣтковцы.

— Не ваше дѣло; коли грѣхъ, такъ тотъ грѣхъ на насъ будетъ. Отдайте Епифанія и берите что хотите.

— Не надо намъ никакихъ тысячъ, — стояли на своемъ вѣтковцы,—а Епифанія-обливанца не отдадимъ, грѣха на себя не приемъ: соблазна въ васъ не усилимъ; сказано бо въ Св. писаніи: «горе тому человѣку, имъ же соблазнъ въ міръ придетъ, унѣе тому человѣку да обѣсится камень жерновый о выю его и ввергнется въ море». И подъ такою клятвою самого Господа нашего Іисуса Христа быть мы не хотимъ и обливанца-еретика вамъ въ пастыри не отдадимъ.

И много было ссоры, много раздора и крамолы между вѣтковскими и гомельскими старообрядцами; нерѣдко бывали между ними и драки. Священнодѣйствовавшіе въ гомельской Преображенской церкви попы, особенно же бѣлый Іоакимъ и черный Матвѣй, оба рукоположенные Епифаніемъ, стали во главѣ гомельцевъ. Пріѣхавъ изъ Москвы, Варлаамъ Казанскій много уговаривалъ вѣтковцевъ отдать Епифанія гомельцамъ, когда имъ не угоденъ. Вѣтковцы и слушать не хотѣли. Тогда гомельскіе слобожане, желая, чтобы въ наступающій великій четвертокъ (3 апрѣля) Епифаній сварилъ въ ихъ церкви муро, собрались въ вербное воскресенье (30 марта) и пошли къ Вѣткѣ—вооруженною рукою добывать муроварителя.

Но дѣло вдругъ приняло неожиданный оборотъ: 1 апрѣля 1735 года не стало ни Вѣтки, ни Гомеля, ни епископа Епифанія.

Мы уже сказали, что лѣтомъ 1734 года, когда непринятый еще въ старообрядчество Епифаній проживалъ въ пустынькѣ, онъ, стосковавшись по горячо любимымъ племянникамъ и внучатамъ, писалъ къ нимъ въ Кіевъ письмо. Въ это письмо вложилъ онъ другія два: одно къ старинному своему пріятелю, духовнику софійской каѳедры Іакову, другое къ самому Рафаилу, тогдашнему архіепископу кіевскому. Епифаній, кажется, не сознавалъ вполнѣ своей виновности ни передъ церковью, ни передъ правительствомъ, и писалъ эти письма, прося взять его отъ раскольниковъ и поставляя условіемъ, чтобъ ему «при софійской каѳедрѣ житіе имѣть свободное, по прежнему» (то есть какъ было до перваго побѣга его въ 1724 году). Съ кѣмъ и какъ отправилъ онъ эти письма, мы не знаемъ, но, не получая на нихъ долго отвѣта, онъ, наконецъ, въ августѣ принялъ старообрядство, ставилъ поповъ, святилъ муро и антиминсы и, разумѣется, не сказывалъ никому про посланныя письма. А дѣло по поводу нхъ въ Кіевѣ и въ Петербургѣ шло своимъ обычнымъ чередомъ. «Невѣдомый человѣкъ», то есть по всей вѣроятности племянникъ или внукъ Епифанія, подалъ письма духовнику Іакову, а духовникъ—архіепископу 12 іюля 1734 года. Черезъ два мѣсяца, 18 сентября, Рафаилъ донесъ объ этомъ синоду, и потомъ вслѣдствіе синодскаго указа писалъ къ Епифанію письмо и звалъ къ себѣ въ Кіевъ. Это было уже въ началѣ 1735 года. Черезъ кого кіевскій архіепископъ пересылался съ старообрядческимъ вѣтковскимъ епископомъ, и получилъ ли даже послѣдній письмо отъ Рафаила, не знаемъ; но извѣстно, что Епифанію никакъ не удавалось, по приказу Рафаила, секретно уйти отъ старо-

обрядцевъ. Въ это время изъ-за него разгорѣлась вражда между Вѣткой и Гомелемъ, и вѣтковцы держали несчастнаго Епифанія въ кельѣ, какъ въ тюрьмѣ, уже совсѣмъ безвыходно. Хотя и не знали они, что Епифаній хочетъ бѣжать въ Кіевъ, но крѣпко боялись, чтобъ онъ не ушелъ въ Гомель.

Когда въ Петербургѣ узнали о пребываніи Епифанія на Вѣткѣ, правительство Анны Ивановны озаботилось не столько о «колодникѣ Епифаніи, скраденномъ воровскими людьми въ Коломинскомъ лѣсу», не столько о томъ, что у старообрядцевъ явился, наконецъ, давно желанный ими архіерей, сколько о зарубежныхъ раскольническихъ поселеніяхъ. Уже нѣсколько лѣтъ знали въ Петербургѣ, что въ однѣхъ слободахъ Вѣтковскихъ живетъ болѣе 40,000 бѣглыхъ русскихъ людей и сверхъ того заселены такими же бѣглыми старообрядцами слободы въ Кіевскомъ воеводствѣ по рѣкѣ Припети [1]), на Волыни, въ окрестностяхъ Житоміра и Новгорода-Волынскаго [2]), въ Подоліи, по берегамъ рѣкъ Буга [3]) и Днѣстра [4]) и даже въ Бессарабіи и Молдавіи. Не столько политическія, сколько экономическія соображенія побудили русское правительство внимательнѣе заняться этимъ дѣломъ. Еще въ 1733 году именемъ императрицы Анны Ивановны было объявлено зарубежнымъ раскольникамъ, чтобъ они возвращались въ Россію безбоязненно, что государыня вины ихъ имъ отдаетъ и ихъ совершенно прощаетъ. Но ни одинъ изъ зарубежныхъ старообряд-

---

[1]) Черноболь, Замоштье, Красиловка.

[2]) Роговка, Ягоденка, Желѣзняки, Пилипы, Коровинцы.

[3]) Слобода Борская, Курникъ, Краснянка, Ефямовка, Перепеличье, Чертятинъ, Жуковцы, Петрошн, Женишковцы, Людовка, Матвѣйковская, Пеньковская, Бушинка, Сорокодубье, Шуры.

[4]) Ставучаны, Хребтовка или Хребтѣева, Хилипоны, Кулишовка, Грубное, Вѣтрянка, Чобурчи.

цевъ не воспользовался этимъ приглашеніемъ; напротивъ, многіе изъ старообрядцевъ, жившихъ въ Россіи, избѣгая тяжелыхъ податей и частыхъ рекрутскихъ наборовъ, значительными толпами устремились заграницу. Въ 1734 году приглашеніе было повторено, но также безуспѣшно. Тогда рѣшено было принять самыя энергическія мѣры относительно вѣтковскихъ слободъ и во что бы то ни стало возвратить бѣжавшихъ туда на родину. Польша въ это время давно уже отжила красные дни свои и быстро клонилась къ паденію, раздираемая внутренними междоусобіями. Политическія обстоятельства благопріятствовали правительству Анны Ивановны: въ 1733 году умеръ польскій король Августъ II и начались обычные шляхетскіе рокоши и усобицы въ Рѣчи-Посполитой, по случаю избранія новаго короля. Для поддержанія кандидатства саксонскаго курфирста Августа противъ Станислава Лещинскаго, поддерживаемаго Франціей, императрица послала въ Польшу русскія войска подъ командою фельдмаршала Ласси. Русскіе заняли самую Варшаву; наше войско стояло и въ Литвѣ, и въ Польшѣ, и русское правительство распоряжалось за литовскимъ рубежомъ, какъ у себя дома. Не считали нужнымъ и входить въ какія-либо дипломатическія сношенія: просто велѣли полковнику Якову Григорьевичу Сытину, стоявшему съ своимъ драгунскимъ полкомъ въ Стародубьѣ,—«очистить Вѣтку», для чего и дали ему подъ команду отрядъ, состоящій изъ пяти полковъ[1]). Съ ними, въ февралѣ 1735 года, Сытинъ перешелъ границу. Это никого не удивило: ни коренныхъ жителей Бѣлорусскаго края, ни раскольниковъ.

Московскіе старообрядцы предостерегали вѣтков-

---

[1]) Драгунскій, два казацкихъ и два тысячныхъ: Стародубскій и Черниговскій.

цевъ. Но на Вѣткѣ не всѣ послушались этихъ предостереженій. Впрочемъ, многіе ушли далѣе: на Волынь, въ Подолію и даже въ Молдовлахію. Февраль и мартъ полки Сытина переходили вокругъ Вѣтковскихъ слободъ изъ селенія въ селеніе, а въ этихъ слободахъ никто и не догадывался, что опасность дѣйствительно близка и неизбѣжна. Полки окружаютъ, наконецъ, слободы со всѣхъ сторонъ, а между Вѣткой и Гомелемъ идутъ ссоры и драки изъ-за Епифанія, и самъ виновникъ этихъ ссоръ, больной, измученный душевною пыткой, сидитъ взаперти и ждетъ не дождется, какъ бы убраться куда-нибудь изъ Вѣтки.

Марта 30-го, гомельскіе жители, какъ уже сказано, пошли на Вѣтку отбивать вооруженною рукой для своей церкви святителя Епифанія. Но дорогой видятъ они на другой день, что полки Сытина со всѣхъ окружныхъ мѣстъ двинулись и идутъ на Вѣтку и на другія слободы. Спрашиваетъ гомельская рать у солдатъ: куда они идутъ?—«Походъ сказанъ въ Бѣлую-Церковь,—отвѣчаютъ солдаты. Походъ въ Бѣлую-Церковь» дѣйствительно былъ, нарочно невѣрно, объявленъ солдатамъ, чтобъ они не разболтали настоящей цѣли похода. А Сытину надо было отвлечь вниманіе раскольниковъ, а затѣмъ внезапно и разомъ окружить слободы, чтобы врасплохъ захватить всѣхъ слобожанъ безъ изъятія. Гомельцы, однако, видно догадались, къ чему идетъ дѣло, и воротились домой. Рано утромъ, 1 апрѣля, Вѣтка была окружена войсками. Къ Покровской церкви и къ монастырю приставили караулы, отцовъ привели къ Сытину. Епифаній былъ въ числѣ ихъ.

— Гдѣ вашъ епископъ? — строго спросилъ командиръ у отцовъ вѣтковскихъ.

Они указали на Епифанія. А этотъ стоитъ ни живъ, ни мертвъ, не понимая, что вокругъ него дѣлается.

Сытинъ подошелъ къ Епифанію подъ благословеніе и сказалъ:

— Ты не бойся, преосвященный, государыня послала насъ тебя выручить.

Епифаній ожилъ. Радостью загорѣлись его живые, черные глаза. Перекрестился онъ и сказалъ, съ низкимъ поклономъ, Сытину:

— Слава Богу! Благодарю нашу всемилостивѣйшую государыню и вѣкъ долженъ за нее Бога молить.

Отцовъ разсадили по кельямъ подъ караулъ, а Епифанію дали нѣкоторую свободу и обращались съ нимъ почтительно, какъ съ дѣйствительнымъ архіереемъ.

Когда разсвѣло, вошелъ Сытинъ въ Покровскую церковь и велѣлъ выносить книги и записывать число ихъ, а также образа, ризы, сосуды, снялъ съ колокольни колокола и запечаталъ церковь [1]). Всего въ слободахъ захватилъ онъ сорокъ тысячъ народа. Такимъ образомъ совершилась *первая вѣтковская выгонка*.

Епифаній былъ крѣпко нездоровъ. У него, какъ уже было сказано, развилась водяная болѣзнь. Съ конвоемъ, состоявшимъ изъ драгунъ, подъ командой поручика, отправили его въ Кіевъ, но имущество осталось на Вѣткѣ: 250 рублей денегъ, одежда разная, серебра на 300 рублей, саккосъ, омофоръ, митра. Дорогой обращались съ нимъ хорошо, поручикъ и солдаты называли его не иначе какъ преосвященнымъ; вообще были внимательны къ нему, предупредительны. Поручикъ былъ особенно почтителенъ къ Епифанію; по всей вѣроятности, онъ и не зналъ, что сопровождаетъ лишеннаго сана іеромонаха и считалъ его за дѣйствительнаго архіерея. Добродушный Епифаній искренно полюбилъ поручика, и дорогой, откровенно

---

[1]) Іона Курносый.

разговаривая съ нимъ о своемъ житьѣ-бытьѣ у раскольниковъ, со слезами благодарилъ императрицу за то, что приказала она его выручить, по его выраженію, изъ того вертепа, въ которомъ былъ онъ два года, яко Даніилъ во рвѣ львиномъ. Бѣднякъ былъ и въ самомъ дѣлѣ увѣренъ, что войска приходили въ Вѣтковскія слободы единственно для его выручки. Въ первыхъ числахъ мая привезъ его поручикъ въ Кіевъ. Здѣсь Епифанія посадили въ крѣпость. Тутъ только увидалъ онъ, что не жить ему свободно при софійской каѳедрѣ, на что онъ такъ сильно надѣялся. Такое разочарованіе до того потрясло больного старика, что онъ слегъ въ постель и уже не вставалъ. Мая 31-го написалъ онъ письмо къ архіепископу Рафаилу. Говоря, что чувствуетъ приближеніе смертнаго часа, Епифаній просилъ прислать къ нему духовника. Его исповѣдали, пріобщили и на другой день онъ умеръ. Такъ кончилась многомятежная жизнь Епифанія, исходившаго русскую землю отъ Дуная до Бѣлаго моря и пересидѣвшаго въ десяти тюрьмахъ, не считая пустыньки и Вѣтки.

Умирая, онъ все просилъ, чтобы взять оставшееся у него на Вѣткѣ имущество и отдать ого племянникамъ и внукамъ. Добрый старикъ не позабылъ и приласкавшаго его дорогой поручика. У него ничего не было въ крѣпости, кромѣ пуховыхъ подушекъ. Онъ завѣщалъ ихъ офицеру [1]).

Епифанія схоронили возлѣ церкви Св. Ѳеодосія въ Кіевопечерской крѣпости. Отпѣвали, какъ мірского человѣка.

Варлаамъ Казанскій, самый горячій, самый ревностный защитникъ Епифанія, остался вѣренъ ему и по

---

1) Іона Курносый и указъ изъ синода къ Рафаилу, 21 іюля 1735 года.

смерти. Будучи высланъ въ Россію, онъ поселился съ попами Епифаніева поставленія и съ большею частію гомельскихъ приверженцевъ покойнаго въ слободѣ Клинцахъ [1]). Сюда перевезли они гомельскую Преображенскую церковь и въ двухъ верстахъ отъ слободы, рядомъ съ нею, поставили другую — во имя Николая Чудотворца. При этихъ церквахъ устроили старообрядческій Николо-Пустынскій монастырь, существовавшій до пятидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Варлаамъ клятвенно всѣхъ увѣрялъ, что Епифаній старообрядство принялъ искренно и умеръ, не принявъ передъ смертію православнаго священника [2]). То же проповѣдывали и попы Епифаніева поставленія, Іоакимъ и Матвѣй. Послѣдній былъ настоятелемъ Николо-Пустынскаго монастыря. Они пѣвали по Епифаніи панихиды, какъ по епископѣ «древляго благочестія», и даже распускали молву, будто онъ принялъ кончину мученическую, крѣпко стоя за старую вѣру. Скоро огласили его святымъ и начали ходить въ Кіевъ на поклоненіе его могилѣ. Варлаамъ жилъ не болѣе года въ Стародубьѣ. Когда узнали о его прошломъ и о томъ, какое значеніе имѣетъ онъ у раскольниковъ, его арестовали и, по опредѣленію синода, 11 февраля 1737 года отправили въ заточеніе въ Нижегородскій Печерскій монастырь, гдѣ онъ и умеръ.

Попы Іоакимъ, Матвѣй и другіе, поставленные Епифаніемъ, продолжали священнодѣйствовать въ Клинцахъ. Въ этомъ посадѣ число принимавшихъ правильность Епифаніева архіерейства до того было значительно, что въ 1789 году они выстроили въ посадѣ еще церковь Михаила Архангела, которую и освятилъ, 10 февраля, бѣглый отъ великороссійской церкви попъ,

---

[1]) Нынѣ Клинцовскій посадъ, Черниговской губерніи.
[2]) Іона Курносый.

Данило Воскобойниковъ[1]). Попъ Епифаніева постановленія, Іаковъ, дожилъ въ Клинцахъ до 1790 года. Онъ былъ послѣднимъ.

Почитавшіе за свято память Епифанія и принимавшіе поповъ его рукоположенія въ XVIII столѣтіи были извѣстны подъ именемъ *епифановщины*[2]), гдѣ образовалось ихъ средоточіе. Не мало ихъ было въ возобновленной Вѣткѣ и другихъ зарубежныхъ мѣстахъ, были въ Москвѣ и въ Гуслицахъ. Явились они даже и на Керженцѣ, гдѣ при жизни Епифанія и слышать о немъ не хотѣли. Въ Никанориной обители Оленевскаго скита (Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи), уничтоженной въ 1853 году, до послѣдняго дня существованія этой обители свято сохранялась память Епифанія, и его имя было записано въ синодикахъ рядомъ съ именемъ Павла Коломенскаго. Такіе синодики случалось намъ видѣть у нѣкоторыхъ старообрядцевъ Владимірской, Московской и Черниговской губерній.

Въ настоящее время, когда возникла въ Бѣлой-Криницѣ старообрядческая іерархія, извѣстная болѣе

---

[1]) Андрея Іоанновича Журавлева *Историческое извѣстіе о раскольникахъ*, стр. 337.

[2]) Монастырь епифановщины, Николо-Пустынскій, существовалъ до послѣдняго времени, но уже находился въ самомъ жалкомъ состояніи. Вотъ что писалъ о немъ извѣстный ученый статистикъ нашъ К. И. Арсеньевъ, въ 1850 году обозрѣвавшій стародубскіе старообрядческіе монастыри: «Монастырь Никольскій, въ 2 верстахъ отъ Клинцовъ, не пользуется никакимъ уваженіемъ окрестныхъ жителей: въ немъ живетъ 6 монаховъ и 12 бѣльцовъ, дряхлыхъ и увѣчныхъ отъ 60 до 90 лѣтъ, одинъ только инокъ 46 лѣтъ и обличенъ въ блудной жизни и прижитіи дѣтей; другой казначей монастыря, обманываетъ убогихъ стариковъ и употребляетъ монастырскіе доходы преимущественно на свое семейство въ посадѣ Клинцахъ. Монастырь этотъ походитъ болѣе на богадѣльню, чѣмъ на обитель иноковъ». Любопытная записка К. И. Арсеньева находится въ архивѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ. (Дѣло 1850 года № 140).

подъ именемъ *австрійства*, добрая память о добродушномъ Епифаніи возстановлена во мнѣніи всѣхъ принявшихъ эту новую іерархію. Они не хотятъ вѣрить, чтобъ Епифаній тяготился своимъ положеніемъ на Вѣткѣ, чтобъ онъ тайно переписывался съ Кіевомъ, даже съ самимъ Рафаиломъ, и чтобъ умеръ, возвратившись въ нѣдра православной церкви. Ихъ ни мало не соблазняетъ его обливанство, такъ много смущавшее ихъ прадѣдовъ, они совершенно объ этомъ умалчиваютъ и представляютъ Епифанія великимъ святителемъ, положившимъ душу свою за овцы своя, мученикомъ, страдальцемъ за «древлее благочестіе» и за старый обрядъ. Такъ, напримѣръ, въ новое сочиненіе объ основаніи бѣлокриницкой іерархіи, написанное недавно (въ 1861 году), и уже весьма распространенное между старообрядцами[1]), введенъ слѣдующій разсказъ объ Епифаніи. Къ достиженію же сей цѣли (отысканія архіерея) предпринимали разныя средства. Первыя покушенія у нашихъ христіанъ для отысканія епископа были еще въ царствованіе Петра I, для чего они обращались въ Молдавію и Грецію, но безуспѣшно. Потомъ достигли своего желанія. Рукоположенный въ Молдовлахіи ясскимъ митрополитомъ Антоніемъ, въ 1724 г., епископъ Епифаній обратился въ нашу православную вѣру и, по общему всѣхъ вѣтковскихъ христіанъ согласію, принятъ былъ въ Покровскомъ монастырѣ, что на Вѣткѣ, священникомъ Іовомъ, въ лѣто 7232 (1724?). И по принятіи, епископъ Епифаній совершилъ божественную литургію и отправлялъ святительскую должность: онъ рукоположилъ до четырнадцати человѣкъ въ священнослужители, то есть въ

---

1) *Сказаніе вкратцѣ о первоначальномъ учрежденіи нынѣ существующей въ нашей древлеправославной церкви священной іерархіи и увѣреніе въ дѣйствительности оной сомнѣвающимся.*

попы и дьяконы. Но какъ только разнесся объ этомъ слухъ, то вдругъ на сего православнаго епископа наведено со стороны правительства строжайшее преслѣдованіе; онъ былъ взятъ и послѣ разныхъ изнурительныхъ послѣдствій скончался въ Кіевѣ. Рукоположенные же имъ священники дѣйствовали даже до конца жизни».

Не такъ смотрѣли на Епифанія его современники. Въ XVIII столѣтіи значительное большинство старообрядцевъ поповщинскаго толка и въ Россіи и въ зарубежныхъ мѣстахъ ни мало не уважали памяти Епифанія, и въ нѣкоторыхъ раскольническихъ сочиненіяхъ Вѣтка подвергалась сильнымъ укорамъ за принятіе этого епископа [2]).

Вотъ, напримѣръ, что говорилъ, лѣтъ черезъ пятьдесятъ послѣ Епифанія, Іона Курносый, который можетъ считаться отголоскомъ не только Керженца, гдѣ онъ писалъ свое сочиненіе, но и вообще старообряд-

---

[1]) Есть у раскольниковъ сочиненіе: *Альфа и Омега въ седьми толковомъ Апокалипсисѣ прореченная, отъ него же нѣчто на исправленіе прорекъ сущимъ во Асіи Малороссійской.* Она написана въ Стародубьѣ въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія и заключаетъ въ себѣ обличеніе старообрядцевъ семи слободъ: Клинцовъ, Злынки, Климовой, Зыбкой, Вѣтки, Крупца и Воронка. Здѣсь Епифаній послужилъ поводомъ для укора Вѣткѣ. Вотъ обличеніе ея: «Ангелу вѣтковскія церкви напиши: вѣмъ твои дѣла, яко ни студенъ еси, ни теплъ; сего ради изблевати тя имамъ, зане, *егда держался еси благочестія лавры Кіева* и догматовъ Аввакумовыхъ, то *стяжалъ еси епископа и владыку еси и посѣялъ еси, идѣ же не сѣялъ.* Но егда вознесся еси паче Капернаума, то и низпалъ еси, яко же блудница оная вавилонская, отъ вина же ея любодѣянія упишася никоніане и языцы мнози. Но и ты исполнилъ еси мѣру ихъ, чего ради отъята бысть благодать твоя и преселена во обитель Климовскую (намекъ на перенесеніе первой раскольнической Покровской церкви послѣ выгонки 1735 года изъ Вѣтки въ стародубскую слободу Климову), яже есть Новый Іерусалимъ. И ты убо притецы и припаде къ сосуду моему избранному, Михаилу блаженному (попъ Михаилъ Калмыкъ, одна изъ замѣчательныхъ личностей въ расколѣ, жившій въ слободѣ Климовой), да спасешися отъ недуга своего и исцѣлѣеши. Имѣяй уши слышати, да слышитъ».

цевъ по поповщинѣ, жившихъ въ восточной части Европейской Россіи: «Нынѣшніе епифаняне попы и послѣдущіе имъ и понынѣ исчезнувшу Епифанію въ отступленіи, вѣру къ нему мертвому душою и тѣломъ, яко аріане Арію, въ проходѣ пораженну, главу въ порты забиту, вѣру храняху, сице епифаняне къ Епифанію. А понеже отцы наши (керженскіе) до пріему Епифаніева вѣтковскихъ поповъ согласія отказашеся и причастія ихъ служенія пріимати отрекошася и во время требованія совѣта къ пріятію Епифанія за епископа отказашеся и общимъ совѣтомъ положиша ѣздящимъ въ Москву къ попамъ московскимъ подъ руку ко благословенію не ходите, и во время ихъ служенія за службу молитися не ходите, ни съ дѣтьми духовными ихъ ни ясти, ни пити, ни молитися, якоже и было, и быти неотложно сему узаконенію тверду быти. Но понеже, яко же пишется, пастыремъ о овцахъ небреженіе и людское ко священникомъ непокорства належаніе, зане вси по своей волѣ ходятъ, особливо здѣшній народъ, не хощетъ время плачевное призвати—время опасное сѣтовное. Пользовахомся священствомъ, священниками, священноиноками, и иноками честными и инокинями, глубокою старостію и сѣдинами и разумомъ духовнымъ украшенными, егда быша священноинокъ Никифоръ, священноіерей Іоаннъ (иже потомъ отъ Никифора постриженъ священноинокомъ) Іовъ [1]) и съ нимъ Василій Торжковецъ и по нихъ

---

1) Іовъ ушелъ потомъ на Уралъ къ раскольникамъ, на Демидовскіе заводы, и пользовался огромнымъ уваженіемъ тамошнихъ старообрядцевъ. Похороненъ онъ въ половинѣ прошлаго столѣтія, на старообрядческомъ кладбищѣ Нижнетагильскаго завода, и признается святымъ. Ежегодно, 29-го мая, на день его ангела, и 4-го сентября, на день его смерти, стекается до пяти тысячъ народа для его поминовенія и для поклоненія его гробницѣ. (См. дѣло департам. об. дѣлъ мин. вн. дѣлъ, 1837 года 17-го мая, № 64).

Іаковъ Варламовъ, не ошибиться бы, мнится Аврааміемъ Галицкимъ принятый, но много разнства видится отъ тогда бывшихъ священниковъ и отъ сущихъ нынѣ. Тіи сами не хотяще своя души погубити, знавше премѣну благочестія оставляюще приходы, приходяще ко священноинокомъ, священникомъ и инокомъ, хотяще токмо при нихъ спасти своя души, а не паствити, учитися, а не учите; и по усмотрѣнію отецъ умоляеми, народныя ради пользы и принуждаеми нужды ради спасительная исправлять и не хотяще; а нынѣшнихъ посылаютъ искати яко на положенное и припасенное. Сыскавъ умоляемъ: «Поѣдемъ, речемъ имъ: видно скудное житіе твое, и у насъ и тысящи нажить можешь». И привезши соборуемъ, како исправимъ. И аще мы до глубокой старости ищемъ ихъ по подобію, яко по чужимъ житницамъ не зерны, но охоботіе и паздеріе собираемъ, а младыя дѣти гдѣ получати будутъ и сыскивати, что не отъ обливанцевъ? Всѣ говоримъ: «невозможно безъ попа быти: Господь не умираетъ и священство его не престаетъ». Подлинно у епифановщины не перестанетъ. Почто перестать? Вся вселенная полна поповъ, не токмо поповъ, но и большаго чина всякаго полна вселенная, церковнаго причта».

Еще сильнѣе были укоры со стороны безпоповщинскихъ раскольниковъ; напримѣръ, Ивана Алексѣева въ *Исторіи бѣгствующаго священства*. Многіе самые горячіе приверженцы Епифанія и поставленныхъ отъ него поповъ стыдились черезъ нѣкоторое время сознаваться, что они когда-то принадлежали къ согласію епифановщины.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Аѳиногенъ.

Какъ паденіе стараго Керженца способствовало возвышенію Вѣтки, такъ въ свою очередь паденіе Вѣтки было причиною быстраго возвышенія слободъ Стародубскихъ. Здѣсь поселилась большая часть выведенныхъ Сытинымъ изъ-за литовскаго рубежа старообрядцевъ. До того въ Стародубьѣ мало было поповъ, и жившіе въ тамошнихъ лѣсахъ старообрядцы такъ одичали, что болѣе походили на какихъ-то грубыхъ инородцевъ, чѣмъ на русскихъ людей. Грамотныхъ у нихъ вовсе почти не было, и кто съ трудомъ и запинаясь на каждомъ словѣ умѣлъ читать *Часословъ*, тотъ считался уже великимъ богословомъ. Старики правили службу только по *Часослову* и *Псалтыри*, другихъ книгъ и знать никто не хотѣлъ. Такъ, когда однажды въ слободу Злынку привезъ одинъ старообрядецъ изъ Москвы старопечатный *Октоихъ* и велѣлъ читать по немъ канонъ, то едва успѣли сказать начальныя слова первой пѣсни: «Колесницегонителя Фараона погрузи», поднялся страшный шумъ. «Что это за книга?» кричали злынковскіе старообрядцы: «Зачѣмъ она здѣсь? Что въ ней за колеса да Фараонъ? Это по новой вѣрѣ! Это книга никоніанская, еретическая. Въ печь ее, да сжечь!» Когда же поселились здѣсь вѣтковскіе рас-

кольники, жизнь въ Стародубьѣ измѣнилась: явились промышленность и торговля, завелись вскорѣ и фабрики. Въ Клинцахъ особенно развилась фабрикація суконъ. Начались дѣятельныя сношенія съ Москвой и Петербургомъ, явились значительные капиталы. Построеніе церквей и появленіе поповъ въ достаточномъ количествѣ придало большой блескъ Стародубью, и оно сдѣлалось средоточіемъ всей разсѣянной по Руси и по зарубежнымъ мѣстамъ поповщины. Неблагосклонно смотрѣли, однако, коренные стародубляне. Когда зарубежные выходцы стали у нихъ въ слободахъ ставить церкви, они возроптали и произвели мятежъ. «Зачѣмъ намъ церкви?» говорили они. «Наши отцы отъ церкви изъ Россіи ушли; у насъ церквей слыхомъ не слыхано, видомъ не видано, а нынѣ церкви и въ нашихъ мѣстахъ строятъ» — и чуть не сожгли ихъ. Когда въ новопостроенныхъ церквахъ начали служить обѣдню, большой ропотъ опять поднялся отъ коренныхъ жителей Стародубья:

— Что это за попъ? говорили они. — Самъ причастье работаетъ! Развѣ это можно? У насъ было причастье старое, а это все новая вѣра!

Спустя нѣсколько лѣтъ смягчились немного нравы стародубскихъ дикарей, и они мало-по-малу слились съ зарубежными пришельцами въ однѣ общины. Упорныхъ осталось не много. Но въ нѣкоторыхъ слободахъ [1]) все-таки никакъ не могли рѣшиться на постройку церквей, довольствуясь часовнями, хотя имѣли въ свое время полную возможность и достаточно средствъ къ устройству церквей.

---

[1]) Въ Воронкѣ, Ардонѣ, Святской, Радулѣ, Млинкѣ, Митьковкѣ, Шеламѣ, Чуровичахъ, Деменкѣ и Тимошкиномъ Перевозѣ. Тутъ были только часовни. Церкви были въ Климовой, Зыбковой, Злынкѣ, Клинцахъ, Лужкахъ, Еленкѣ и Добрянкѣ.

Въ слободѣ Зыбкой (нынѣ уѣздный городъ Новозыбковъ, Черниговской губерніи) была въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія часовня діаконовщины, на мѣстѣ которой, не ранѣе 1771 года, построена была церковь Рождества Христова. При ней, съ 1739 года, былъ бѣглый попъ Патрикій, ревностный послѣдователь дьякона Александра, казненнаго, въ 1720 году, въ Нижнемъ Новгородѣ, на Нижнемъ базарѣ. Патрикій былъ человѣкъ хитрый, умный, начитанный и честолюбивый. Онъ пріобрѣлъ огромное вліяніе на старообрядцевъ діаконовскаго согласія, какъ въ Россіи, такъ и за границей. Высокій ростомъ, съ бѣлыми волосами, съ бородой едва не до колѣнъ, сановитый, съ важною поступью,—онъ внушалъ къ себѣ чрезвычайное уваженіе. Жизни былъ строгой, подвижнической и самыхъ честныхъ правилъ. Его называли даже «патріархомъ». И во всемъ «діаконовомъ согласіи» онъ дѣйствительно былъ верховнымъ правителемъ духовныхъ дѣлъ: назначалъ поповъ, судилъ ихъ и міранъ, разсылалъ увѣщательныя и обличительныя посланія. Словомъ, Патрикій стоялъ во главѣ сильной еще тогда діаконовщины.

Тревожила нерѣдко и Патрикія мысль, не оставлявшая издавна старообрядцевъ. «Вѣдь только та церковь свята и истинна, думалъ онъ, гдѣ преемственно сохраняются всѣ три чина духовной іерархіи: а гдѣ у насъ епископы»?

Въ 1749 году явился въ Зыбкую молодой монахъ, по говору великоруссъ, человѣкъ пылкаго характера, остраго ума, отлично знавшій церковные уставы, краснорѣчивый, ученый, знавшій даже по-латыни, говорившій по-французски и по-польски. Наружность его была чрезвычайно красива: высокаго роста, дородный, съ блѣднымъ лицомъ, съ блестящими умными глазами, съ черными, какъ смоль, волосами и съ такою же ши-

рокою, длинною, окладистою бородой. Голосъ у него былъ свѣтлый и громкій, держалъ онъ себя сановито и имѣлъ самыя изящныя манеры, доказывавшія, что онъ, если не постоянно, то весьма часто обращался въ хорошемъ обществѣ. Молодой чернецъ говорилъ, что происходитъ онъ изъ дворянской фамиліи, какой— мы не знаемъ. И это было вѣрно, что онъ хорошаго роду. Платье на этомъ чернецѣ-дворянинѣ было обыкновенное монашеское, старообрядческое, но камилавка и кафтырь какъ-то особенно ловко сидѣли на немъ. На кафтырѣ и на келейной мантіи, которую старообрядческіе монахи и монахини носятъ какъ пелеринку, обычная красная оторочка въ родѣ кантика выложена была изъ яркаго кармазиннаго сукна, бросавшагося издали въ глаза. Все было на чернецѣ такъ чисто, такъ опрятно, такъ щеголевато. Называлъ онъ себя священноинокомъ (то есть іеромонахомъ) Аѳиногеномъ, говоря, что, познавъ истину «древляго благочестія», презрѣлъ онъ почести и славу и пошелъ, Бога ради, странствовать, изыскивая хорошаго мѣста между ревнителями стараго обряда, гдѣ бы могъ проводить до конца дней своихъ тихое и безмятежное житіе.

Въ Зыбкой приняли новаго пришельца. Тамъ всякаго принимали. Съ первыхъ же дней замѣтилъ Аѳиногенъ, что зыбковскіе слобожане имѣютъ слѣпую вѣру къ Патрикію. Что̀ Патрикій скажетъ, то и законъ для всѣхъ. И сталъ онъ употреблять всѣ средства, чтобы понравиться стародубскому «патріарху». Старику Патрикію крѣпко по душѣ пришелся красивый, скромный, ученый молодой чернецъ; онъ полюбилъ его, какъ сына, и даже помѣстилъ у себя въ домѣ, проводя съ нимъ все время въ разумныхъ и учительныхъ бесѣдахъ. Аѳиногенъ совершенно очаровалъ Патрикія своимъ бойкимъ умомъ и обширными свѣдѣніями, а вмѣстѣ съ

тѣмъ необыкновенною набожностію и подвижничествомъ.

Патрикій нахвалиться не могъ своимъ нареченнымъ сынкомъ. «Его самъ Богъ ровно съ небесъ послалъ къ намъ», говаривалъ онъ и прочилъ Аѳиногена себѣ въ преемники. И быстро разнеслась добрая слава объ Аѳиногенѣ по всему Стародубью и во вновь возникшихъ на пеплѣ разоренныхъ Сытинымъ слободахъ Вѣтковскихъ. Однажды, въ задушевной бесѣдѣ, Патрикій высказалъ сынку своему тяготившую его мысль о необходимости имѣть правильнаго епископа. Молодой чернецъ совершенно соглашался съ Патрикіемъ, но съ какою-то таинственностью постоянно уклонялся отъ дальнѣйшихъ разговоровъ.

Еще казалось страннымъ Патрикію, что несмотря на доброе и спокойное житье въ Зыбкой, подъ крылышкомъ самого Патрикія, Аѳиногена все тянуло за границу. Таинственно намекалъ онъ, что у него въ Петербургѣ есть сильные враги, власть имѣющіе, которые никакъ не простятъ того, что онъ позналъ «древлее благочестіе» и ушелъ странствовать, что они опасаются, чтобъ Аѳиногенъ не разсказалъ кое-чего ему извѣстнаго, а отъ этого-де пойдетъ по государству великая крамола и многимъ сильнымъ людямъ не сносить тогда головы. Хитро намекалъ Аѳиногенъ и на то, что вотъ недавно по милости Епифанія разорили Вѣтку и всѣ зарубежныя слободы, а если про него въ Петербургѣ узнаютъ, гдѣ онъ находится —во всемъ Стародубьѣ камня на камнѣ не останется. «А я не желаю, чтобъ изъ-за меня грѣшнаго пострадали православные христіане, свято хранящіе древніе уставы».

— Но кто же ты такой? Какія у тебя обстоятельства были съ сильными міра сего?—спрашивалъ у Аѳиногена Патрикій.

— Честный отче! — отвѣчалъ чернецъ:—ты видѣлъ мои бумаги, знаешь, что я не кто другой, какъ грѣшный священникъ Аѳиногенъ. Не искушай меня болѣе. Мое со мной и останется.

И заводилъ Аѳиногенъ рѣчь о томъ, какъ, при бывшихъ недавно перемѣнахъ въ правленіи, лица, стоявшія на самыхъ высокихъ степеняхъ, падали и въ Сибирь отсылаемы были на вѣчное житье, что самъ бывшій императоръ Иванъ Антоновичъ и мать его, бывшая правительница государства, томятся въ безвѣстномъ заключеніи.

— А если бы,—говорилъ онъ,—Анна Карловна [1]) съ Божіею помощію возвратилась, и сѣлъ бы на престолѣ царь Иванъ Антоновичъ, процвѣло бы тогда «древлее благочестіе», такъ же какъ и при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, потому что и Анна Карловна и царь Иванъ Антоновичъ, въ несчастіи находясь, истинную вѣру познали.

Патрикій, въ свою очередь, уклонялся отъ подобныхъ разговоровъ. Въ то время за подобныя слова угрожала тайная канцелярія, кнутъ, и если не смертная казнь, то ужь навѣрное сибирскіе рудники или неисходное житье въ какомъ-нибудь Рогервикѣ или Шлиссельбургѣ.

Пріѣхалъ въ Зыбкую зарубежный старообрядецъ, по имени Марко, и привезъ отъ жителей главной побужской слободы, Борской, просительную грамоту на Вѣтку, въ которой они умоляли тамошнихъ отцовъ, «на утѣшеніе духовныхъ печалей, яко народъ жаждетъ священника» для исправленія духовныхъ требъ прислать достойнаго іерея. Побужскій посланецъ на Вѣткѣ, едва возникшей послѣ разгрома 1735 года, нашелъ «великое оскудѣніе священства». Оттуда не-

---

1) Анну Леопольдовну въ народѣ звали больше Анной Карловной.

кого было послать на Бугъ: тамошніе отцы сами просили у стародублянъ попа своего согласія. Марко поѣхалъ далѣе, перебрался черезъ границу и прибылъ въ Стародубье. Зная, что у Патрикія много было стараго причастія, Марко обратился къ нему, прося его пріѣхать на время въ Борскую слободу или же прислать кого-либо за себя съ достаточнымъ запасомъ причастія. Честолюбивому Патрикію было очень лестно такое приглашеніе, но самому нельзя было предпринять дальнюю поѣздку: и преклонность лѣтъ, и необходимость пребыванія въ Стародубьѣ, гдѣ кипѣли тогда раздоры между старообрядцами, препятствовали его поѣздкѣ, да стародубляне его согласія, пожалуй, и не пустили бы его. Онъ придумалъ послать вмѣсто себя любимаго сынка своего. Когда онъ сказалъ о такомъ намѣреніи Аѳиногену, тотъ смиренно отвѣчалъ, что чувствуетъ себя недостойнымъ идти на такой великій, апостольскій подвигъ, но готовъ творить волю пославшаго.

Вотъ что писалъ Патрикій старѣйшинамъ Борской слободы, Пимену Ивановичу и Ивану Кондратьевичу:

«Господамъ моимъ, предавшимъ себе за свидѣтельство Ісусъ Христово, Пимену Ивановичу, Ивану Кондратьевичу, и всѣмъ православнымъ христіаномъ слободы Борской благодать Божія и благословеніе да умножатся. Извѣстившеся чрезъ посланнаго отъ васъ, раба Божія Марка, съ писаніемъ на Вѣтку, яко зѣльнѣ народъ жаждетъ священника, на утѣшеніе духовныхъ вашихъ печалей, обрѣтше священноинока Аѳиногена, посылаемъ вамъ въ пастыря, котораго для нѣкоторыхъ нуждъ, понеже должно послать въ Великую Россію, того ради какъ пріидетъ время, молю васъ самого дѣля Христа Господа, ему споспѣшествуйте, самого же его, аки мою утробу, пріимите, повиную-

щеся во страсѣ Божіи; несомнѣнно бо уповаемъ, яко егда получите его, и дѣло православнаго ученія и послуженія со страхомъ Божіимъ будетъ въ васъ содѣлываемо. Возвѣщаемъ же, братія, яко древлее наше благочестіе отвсюду гонимо, въ пастырехъ скудость, а овцы всюду умножаются. Тѣмъ же съ сущею въ васъ церковію молитеся, да не внидемъ въ напасть, но да здравы, обще съ вами, мирно потерпимъ дне Господня. Аминь. Всегда молящійся о душахъ вашихъ и промышляющій о добрѣ ихъ вѣчномъ, свидѣтель Господа нашего Іисуса Христа іерей, *Патрикій*. 1750 года».

Другое подобное посланіе писалъ Патрикій на Вѣтку въ Пахоміевъ, что на рѣкѣ Сожѣ, въ 8 верстахъ отъ Вѣтковской слободы, діаконовскаго согласія монастырь [1]), къ тамошнему настоятелю, черному попу Игнатію съ братіей, которымъ рекомендовалъ Аѳиногена. «Слышахомъ, писалъ онъ, васъ болѣзнующихъ лишеніемъ духовнаго пастыря и отца (вѣроятно, Пахомія, основателя монастыря, незадолго передъ тѣмъ умершаго), болѣзнь вашу съ нашею соединяемъ и купно состраждаемъ и зѣльнѣ соболѣзнуемъ... до толѣ страдахомъ и рыдахомъ, доколѣ всеблагій промышленникъ не услыша насъ и плача нашего не остави и бездѣльно возвратитися въ нѣдра наша, и не посла въ общее утѣшеніе ваше и наше, *аки свыше*, священноинока Аѳиногена. То получивше, отрохомъ слезы наша, зане обрѣтохомъ и православно мудрствующа, и готова суща, рекше послушествовати къ вамъ, его же абіе и послахомъ» [2]).

Перейдя рубежъ, Аѳиногенъ вздохнулъ свободнѣе,

---

[1]) Нынѣ упраздненъ. Въ немъ двѣ запечатанныя церкви, моленная и кельи—все деревянное, ветхое.

[2]) У Андрея Іоаннова Журавлева, стр. 287—290.

ибо были въ его жизни обстоятельства, по которымъ ему дѣйствительно было не безопасно оставаться въ русскихъ предѣлахъ. Пробывъ нѣкоторое время въ Гомелѣ и Пахоміевомъ монастырѣ, онъ проѣхалъ на Бугъ и тамъ, въ слободѣ Борской, старшины Пименъ Ивановичъ и Иванъ Кондратьевичъ и всѣ старообрядцы встрѣтили его съ большимъ почетомъ. Поселившись здѣсь, вскорѣ успѣлъ онъ привлечь къ себѣ всѣхъ жителей побужскихъ слободъ. Это люди были богатые, зажиточные; хорошее житье у нихъ было Аѳиногену. Одного только не доставало имъ: давно желали они имѣть вмѣсто часовенъ хоть одну церковь, на что не пожалѣли бы никакихъ денегъ, да антиминса не было, стало быть и церковь нельзя было святить. Узнавъ о такомъ желаніи ихъ, Аѳиногенъ сказалъ однажды на общемъ сходѣ: «у меня есть древній антиминсъ, стройте церковь, а я могу освятить ее». Въ Борской слободѣ построили деревянную церковь, и Аѳиногенъ освятилъ ее во имя Знаменія Богородицы. Благодарные старообрядцы щедро вознаградили Аѳиногена за антиминсъ и освященіе церкви, при которой онъ и остался священнодѣйствовать. Здѣсь онъ велъ самую строгую жизнь, что въ глазахъ старообрядцевъ составляетъ главное. Блѣдное лицо говорило о его постничествѣ, и онъ дѣйствительно былъ великій постникъ и неуклонно исполнялъ всѣ обѣты монашества и всѣ правила устава. Говорилъ онъ красно, учительно, поражалъ грубыхъ, малосвѣдущихъ старообрядцевъ блестящимъ умомъ и обширными свѣдѣніями по разнымъ отраслямъ знаній, удивлялъ ихъ бѣглымъ разговоромъ по-польски и основательнымъ знаніемъ латинскаго языка. Дѣйствительно, кромѣ поморскихъ расколоучителей, князей Мышецкихъ, расколъ до того времени не имѣлъ еще такого ученаго человѣка, каковъ былъ Аѳиногенъ. Уваженіе къ нему росло, можно

сказать, съ каждымъ днемъ. Водясь съ старообрядцами уже два года, онъ замѣтилъ, какъ всѣ они чувствуютъ необходимость имѣть своего епископа, и притомъ такого, который бы не былъ обливанцемъ, подобно Епифанію. Почти всѣ зарубежные старообрядцы рѣшительно желали епископства; въ Россіи главнымъ мѣстомъ проповѣди о необходимости имѣть святителя было Стародубье, и именно тѣ общины, которыя держались діаконовскаго толка. Оттуда еще въ 1745 году разсылались увѣщательныя письма о томъ, чтобы всѣми силами и общими средствами искать правильнаго архіерея. Одно изъ такихъ посланій сохранилъ о. Журавлевъ въ своемъ сочиненіи: [1]) «желаемъ отъ васъ тщаніе о лучшемъ, «сказано въ немъ», сіе есть елико сила ходатайствовать святительство: источникъ священства». Замѣтивъ, что и поселившіеся на Бугѣ старообрядцы весьма желаютъ получить епископа, Аѳиногенъ рѣшился сдѣлаться архіереемъ. Искать хиротоніи у ясскаго или у другого какого-либо митрополита было затруднительно, и мало было надежды на успѣхъ, а потому и рѣшился онъ на поступокъ небывалый до того времени въ средѣ старообрядцевъ,— сдѣлался самозванцемъ-епископомъ. Ловкій Аѳиногенъ очень хитро повелъ дѣло. Придутъ, бывало, къ нему въ келью съ какою-нибудь надобностью, а онъ сидитъ задумавшись и, услышавъ шаги вошедшихъ, какъ бы опомнится и благословитъ обѣими руками, по-архіерейски, а потомъ смутится, замѣшается и поведетъ рѣчь о чемъ-нибудь постороннемъ. Положитъ, бывало, въ углу подъ образами вмѣстѣ съ епитрахилью и омофоръ, чтобы приходившіе къ нему могли это замѣтить. Аѳиногенъ очень любилъ дѣтей; встрѣтитъ, бывало,

---

[1]) Андрей Іоанновичъ Журавлевъ. *Историческое извѣстіе о раскольникахъ*, стр. 280—285.

на слободской улицѣ ребятишекъ, непремѣнно подойдетъ къ нимъ, каждаго порознь благословитъ, въ головку поцѣлуетъ, орѣхами, пряниками и другими лакомствами всѣхъ одѣлитъ. Мальчики полюбили добраго попа, стали къ нему въ келью ходить; онъ ихъ грамотѣ училъ, гостинцами одѣлялъ. Такая любовь къ дѣтямъ, разумѣется, еще болѣе увеличила приверженность родителей къ Аѳиногену. Иной разъ распахнутся нежданно двери его кельи, вбѣжитъ рѣзвая толпа дѣтей, и станутъ мальчики, молча, какъ вкопаные: ихъ добрый попъ, ихъ любимый учитель молится Богу въ епитрахили и омофорѣ. Дѣти и говорятъ дома, что застали они попа на молитвѣ, а стоитъ онъ и молится не въ одной, а въ двухъ епитрахиляхъ— одна какъ надо быть у попа, а другая еще на плечахъ положена. Пошли таинственные толки. Заводятъ, наконецъ, старики рѣчь съ Аѳиногеномъ объ одномъ предметѣ, но онъ всячески уклоняется отъ разговоровъ. Говорятъ ему про дѣтскіе разсказы, а онъ отвѣчаетъ, улыбаясь: «что про нихъ говорить! Извѣстное дѣло, — малыя дѣти, неразумныя. Мало ли чего они, по глупости своей, не наскажутъ!» Пришелъ Троицынъ день; Аѳиногенъ въ Знаменской церкви служилъ обѣдню и вечерню. Въ эту вечерню читается особая молитва св. Духу. У насъ, въ православной церкви, во время чтенія ея всѣ стоятъ на колѣняхъ, а у старообрядцевъ, по ихъ обряду, «лежатъ на листу», то есть падаютъ ницъ на цвѣты и листья, которыя держатъ въ рукахъ, и остаются въ такомъ положеніи до самаго конца молитвы. Кончивъ ее, Аѳиногенъ благословилъ лежащій народъ обѣими руками, какъ епископъ. Это было замѣчено; пошелъ новый говоръ, сильнѣе прежняго, но какъ ни приставали къ Аѳиногену, онъ рѣшительно отказался отъ всякихъ объясненій, говоря, что видѣвшимъ, будто онъ благослов-

ляетъ обѣими руками, должно быть почудилось. Через нѣсколько времени проѣзжалъ черезъ Борское старообрядческій попъ. Аѳиногенъ воспользовался случаемъ, чтобъ исповѣдаться. Духовникъ сталъ его исповѣдвать какъ священноинока [1]); Аѳиногенъ остановилъ его.

— Отче,—сказалъ онъ,—азъ есмь епископъ, а потому исповѣдать, разрѣшать и молиться за меня, грѣшнаго и недостойнаго, изволь надлежащимъ порядкомъ. Я епископъ Лука...

Въ смущеніе пришелъ духовникъ. И не смѣлъ много его спрашивать. Аѳиногенъ самъ сказывалъ:

— Получилъ азъ, смиренный, великаго архіерейства хиротонію отъ сибирскаго митрополита Антонія [2]), удѣльной епархіи у себя не имѣлъ, а находился при нѣкоемъ великоважномъ темничникѣ. И узнавъ старую правую вѣру, оставилъ всю честь свою и достоинство, и предпріялъ Бога ради странствовать.

— Кто же этотъ темничникъ?—спросилъ духовникъ.

— О немъ никому неизвѣстно,—отвѣчалъ колѣнопреклоненный Аѳиногенъ, смиренно поникнувъ головой.

---

[1]) Послѣдованіе исповѣди архіерейской, по уставу, нѣсколько отлично отъ исповѣди священнической.

[2]) Преосвященный Макарій въ своей *Исторіи русскаго раскола* (стр. 309) говоритъ, что Антонія, митрополита сибирскаго, не бывало. Напротивъ, въ XVIII ст. было два Антонія, митрополита сибирскихъ. Одинъ, по фамиліи Стаховскій, изъ архимандритовъ Новгородсѣверскаго Спасскаго монастыря, рукоположенъ въ санъ архіепископа черниговскаго въ 1713 году; въ 1720 онъ переведенъ былъ въ Тобольскъ, гдѣ и былъ, именуясь «сибирскимъ и тобольскимъ» митрополитомъ, до 27 марта 1740, когда скончался. Другой, по фамиліи Нарожницкій, изъ намѣстниковъ Троицко-Сергіевской лавры посвященъ въ митрополиты сибирскіе 26-го сентября 1742 года и скончался въ Тобольскѣ 9 октября 1748 года. Аѳиногенъ говорилъ, конечно, о Нарожницкомъ. (См. преосвященнаго Амвросія *Исторію россійской іерархіи* т. I, стр. 111, 112).

— Но рцы ми тайну сію,—возразилъ духовникъ.— Мнѣ, какъ отцу твоему духовному, *подобаетъ* знати вся сокровенная души твоей, не мнѣ бо, недостойному, глаголати будеши, но самому Господу Богу и Спасу нашему Іисусу Христу.

— Дай мнѣ того Господа нашего во свидѣтели,— отвѣчалъ исповѣдникъ,—что когда я объявлю тебѣ нѣкую о себѣ тайну, тебѣ-бы оную никому не открыть.

— Даю во свидѣтели Господа нашего Іисуса Христа,—сказалъ попъ.

— Присягни же передъ животворящимъ крестомъ и святымъ Евангеліемъ.

Попъ присягнулъ и снова спросилъ Аѳиногена:

— Какой же это темничникъ, при коемъ мало что священноіерея, а даже и епископа нарочно держатъ?

Аѳиногенъ склонился еще ниже передъ священникомъ и едва слышнымъ голосомъ сказалъ:

— Императоръ и самодержецъ всероссійскій Іоаннъ Антоновичъ.

— Гдѣ же онъ?

— Въ Сибири [1]), въ дальнихъ мѣстахъ, томится въ заключеніи вмѣстѣ съ своею родительницею, великою княгиней Анною Карловною. Долго находился я при ихъ высокихъ особахъ; уразумѣвъ же древлее благочестіе, бѣжалъ изъ дворца ихъ императорскаго величества и переименовалъ себя Аѳиногеномъ [2]).

---

[1]) Въ то время никто не зналъ, гдѣ содержится бывшій императоръ Іоаннъ и мать его Анна Леопольдовна. Мѣсто заключенія ихъ сохранялось въ глубочайшей тайнѣ. Вообще же полагали, что они въ Сибири. Поэтому и Аѳиногенъ, разсказывая вымышленную имъ исторію, говоритъ тоже о Сибири. Притомъ же принцессы Анны въ то время уже не было въ живыхъ. Она скончалась въ Холмогорахъ 7-го марта 1746 года; тѣло ея привезено въ Петербургъ и похоронено публично въ Александро-Невской лаврѣ со всѣми должными почестями.

[2]) *Дѣло святѣйшаго синода* 1757 года. По архивной описи № 337. Письмо лжеепископа Анѳима къ ясскому митрополиту Іакову, отъ 12-го декабря 1756 года. Въ 1744 году было покушеніе похитить трехлѣтняго

И сталъ духовникъ исповѣдвать *епископа Луку* по чину архіерейскому.

Духовникъ ли огласилъ тайну исповѣди, самъ ли Аѳиногенъ,—неизвѣстно, но молва объ его архіерействѣ росла болѣе и болѣе. Въ разговорахъ же съ старообрядцами Борской слободы онъ попрежнему держалъ себя уклончиво, избѣгая разспросовъ объ его прежней судьбѣ, но въ то же время писалъ много писемъ въ разныя зарубежныя старообрядческія мѣста, не называя прямо себя архіереемъ, «но хитро давая знать о себѣ нѣчто великое». Таинственность, которою окружилъ Аѳиногенъ свою личность, увеличивала съ каждымъ днемъ число его приверженцевъ.

По зарубежнымъ старообрядческимъ общинамъ пошелъ сильный говоръ о новоявившемся епископѣ и достигъ до Молдавіи. Въ этой странѣ тогда уже было много бѣглыхъ русскихъ раскольниковъ, какъ поповщинскаго, такъ и безпоповщинскаго толка. Въ Сучавскомъ цинутѣ, верстахъ въ двѣнадцати отъ города Фольтичени, близъ большой дороги изъ Яссъ въ Буковину, они построили большую слободу Мануиловку, которая и теперь считается главнѣйшимъ мѣстомъ старообрядцевъ, живущихъ въ Румынскихъ княжествахъ. У нихъ было два мужскихъ и одинъ женскій монастырь и, сверхъ того, приходская церковь во имя покрова Богородицы. Кромѣ того, въ самой молдавской столицѣ, въ Яссахъ, старообрядцы населили особое

Ивана Антоновича и увезти его за границу. Покушеніе это сдѣлалъ какой-то монахъ. Его и Ивана Антоновича поймали въ Смоленскѣ. Что сдѣлалось съ монахомъ—неизвѣстно, а несчастнаго ребенка переименовали въ Григорія и увезли въ Шлиссельбургъ. (Ср. Вейдемейера. *Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи*. Спб. 1835, т. III, стр. 96). Нѣтъ ли тутъ чего общаго съ Аѳиногеномъ? Дѣла объ Аѳиногенѣ въ св. синодѣ нѣтъ, и мнѣ неизвѣстно, въ какомъ архивѣ находится изслѣдованіе объ этомъ загадочномъ человѣкѣ.

предмѣстье Забахлуйское. Въ городахъ Буташанѣ, Тыргуль-Фрумосѣ, Хирлеу, Бакео, Вислуѣ, Херце, Дорохоѣ, Романѣ, Бырлатѣ, Текуче, Фальчи, Хушѣ, Пятрѣ и Нямецѣ, старообрядцы составляли болѣе или менѣе значительную часть мѣстнаго населенія, а нѣсколько деревень, называвшихся Липовенами [1]), подобно Мануиловкѣ, были сплошь населены старообрядцами [2]). Такія же исключительно старообрядческія селенія были Браташти и Костешти, близъ дороги изъ Яссъ въ Буковину. Въ нынѣшней Бессарабской области, тогда принадлежавшей Молдавіи, въ такъ-называемой Хотинской Раи, были также значительныя поселенія старообрядцевъ, въ селеніи Вѣтрянка былъ у нихъ монастырь, а въ селеніи Долгая-Поляна—церковь. Даже въ Валахіи явилось нѣсколько старообрядческихъ поселеній—деревня Липовени близъ Букареста, другая подлѣ Браилова, третья на Дунаѣ противъ Черноводы. Въ городахъ Браиловѣ и Фокшанахъ также жили русскіе старообрядцы и имѣли свои часовни. Всѣ молдовлахійскіе старообрядцы были довольно зажиточные; занимались они городскими промыслами, ремеслами и торговлей; весьма немногіе поселившіеся въ деревняхъ занимались хлѣбопашествомъ. Собственныхъ земель у нихъ не было, но они занимали угодья у разныхъ владѣльцевъ, а большею частію у православныхъ монастырей и церквей. Народъ все ловкій, смышленый, проворный.

Молдовлахійскіе старообрядцы тоже желали имѣть особеннаго епископа, и когда дошелъ до нихъ слухъ

[1]) Липовенами или Липованами зовутъ въ Румынскихъ княжествахъ Австріи и Пруссіи русскихъ раскольниковъ. Иначе «Пилипоны», что по всей вѣроятности происходитъ отъ слова «Филипповщина», послѣдователи которой были одни изъ первыхъ переселенцевъ за границу.

[2]) Подлѣ города Бутушаны, подлѣ города Вислуй и три деревни около Галаца.

объ Аѳиногенѣ, послали къ нему звать его въ Волощину (такъ называли русскіе въ то время Молдовлахію или нынѣшнія дунайскія княжества. Посланцы пріѣзжали не одинъ разъ въ Борскую слободу и представляли Аѳиногену жизнь въ Волощинѣ въ такомъ привлекательномъ видѣ, что онъ съ тѣхъ поръ только и думалъ, какъ бы поскорѣе перебраться за рѣку Прутъ. Но старообрядцы побужскихъ слободъ не выдавали своего сокровища запрутскимъ единовѣрцамъ. Эти хотѣли было силою отнять у нихъ Аѳиногена, и оттого бывали въ Борской слободѣ драки,—чудь до смертоубійства дѣло не доходило. Повторилась такая же вражда изъ за епископа, какая была лѣтъ пятнадцать передъ тѣмъ между слобожанами вѣтковскими и гомельскими.

Аѳиногенъ, однако, перехитрилъ жителей Борской слободы. Онъ всѣмъ говорилъ, что не хочетъ въ Волощину, что, найдя у нихъ спокойное жительство, желаетъ жить и умереть въ Борской, и такимъ образомъ совершенно увѣрилъ ихъ, что онъ и не подумаетъ уйти отъ нихъ. Поэтому за нимъ не присматривали, и онъ разъѣзжалъ свободно. Вдругъ получаетъ онъ извѣстіе, что отецъ Патрикій послалъ вѣрныхъ людей въ Петербургъ и Москву для собранія справокъ объ его личности. Тогда онъ выѣхалъ изъ Борской слободы куда-то по сосѣдству, для исправленія духовныхъ требъ, и очутился за Прутомъ. Сначала онъ былъ въ Мануиловкѣ, потомъ жилъ въ Яссахъ, гдѣ представился господарю и митрополиту. Оба повѣрили, что Аѳиногенъ дѣйствительно русскій епископъ, и господарь далъ ему особую грамоту. Съ этою-то грамотою и разъѣзжалъ онъ по молдавскимъ и валахскимъ старообрядческимъ слободамъ, но чаще всего находился близъ Хотина, въ слободѣ Вѣтрянкѣ. Здѣсь онъ ли, его ли приближенные—распустили

молву, что онъ посвященъ во епископы не въ Россіи, а въ турецкомъ городѣ Рени, проживавшимъ тамъ православнымъ браиловскимъ митрополитомъ Даніиломъ [1]). Слава о старообрядческомъ епископѣ распространилась по всѣмъ зарубежнымъ слободамъ: изъ Польши и изъ Молдовлахіи многіе пріѣзжали къ нему для поставленія поповъ, для испрошенія мура и антиминсовъ. На послѣдніе, однако-же Аѳиногенъ былъ очень скупъ. Богатѣлъ же онъ не по днямъ, а по часамъ.

Но возвратимся въ Стародубье, въ слободу Зыбкую, къ отцу Патрикію. Туда, въ 1750 году, переѣхали изъ Орла и Коломны нѣсколько богатыхъ купцовъ; одинъ ихъ нихъ, орловскій выходецъ, Ѳедоръ Григорьевичъ Сусловъ, отличался ревностью къ старому обряду, доходившею до фанатизма, и обширною начитанностью. Сусловъ и пріѣхавшіе съ нимъ вошли въ тѣсную связь съ Патрикіемъ. Они также сознавали, что церковь не можетъ быть безъ архіерея, и много хлопотали объ отысканіи епископа. Но исторія Епифанія научила ихъ быть крайне осторожными. Заподозривъ всю Малороссію въ обливанствѣ, они непремѣннымъ условіемъ поставляли, чтобъ отыскиваемый ими архіерей непремѣннно былъ родомъ изъ Великой Россіи, и стало-быть несомнѣнно крещенный въ три погруженія. Но въ это время (1750) изъ всѣхъ православныхъ архіереевъ только четверо было природныхъ великоруссовъ: Алексѣй рязанскій, Илларіонъ астраханскій, Варсонофій архангельскій и Ѳеофилактъ воронежскій. Всѣ остальные были или малороссіяне или греки. Конечно, ни на одного изъ этихъ четырехъ епископовъ-великоруссовъ старообрядцы не могли разсчитывать, и потому старались какимъ бы то ни было

---

[1]) Такъ доносилъ нашъ резидентъ, находившійся въ Турціи, въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. *Дѣло святѣйшаго синода* (1757 г., № 337)

образомъ доставить кому-либо изъ своихъ архіерейскій санъ. Сусловъ, бывъ по какимъ-то дѣламъ въ Борской слободѣ, говорилъ объ этомъ съ Аѳиногеномъ и чрезвычайно обрадовался, когда узналъ отъ него за великую тайну, что онъ, будучи кореннымъ великоруссомъ по-происхожденію, будучи крещенъ въ три погруженія, имѣетъ санъ епископа. Говоря о своемъ архіерействѣ, Аѳиногенъ разсказалъ и Суслову придуманную имъ сказку о мнимомъ пребываніи при низложенномъ императорѣ. О чемъ такъ много и напрасно думали, на что едва смѣли надѣяться старообрядцы, само безъ хлопотъ явилось.

— Увѣрьте въ истинѣ словъ моихъ отца Патрикія,— говорилъ Аѳиногенъ, прощаясь съ Сусловымъ,—и убѣдите его пріѣхать поскорѣе ко мнѣ въ Борскую; я преподамъ сему свѣтильнику церкви архіерейскую хиротонію. Но скажите ему, чтобъ онъ не медлилъ. За великую тайну скажу вамъ, что мнѣ и здѣсь, въ областяхъ польскаго короля, отъ вашей русской царицы не безопасно. Хочу уѣхать подальше.

Съ Сусловымъ онъ послалъ къ Патрикію письмо, въ которомъ, увѣряя въ преданности, прямо объ архіерействѣ своемъ не писалъ, и даже подписался іеромонахомъ, но упомянулъ, что Суслову извѣстно, кто онъ. Вотъ это письмо:

«Всемогущаго Бога избраннѣйшему іерею и таинъ Его вѣрному служителю, благочестивѣйшему господину, господину Патрикію, червь, а не человѣкъ, землекасательное поклоненіе. Аще добраго пастыря долгъ, оставя девяносто и девять овецъ въ пустыни, сотной пойдтить, еже взыскивать, и обрѣтше оную на рамо возложа ко Отцу привесть, то сего словеснаго стада пастырю, владыко твой Христосъ взыскуетъ по тебѣ. Сіе пишу, не уча духопросвѣщенную твою душу, но горящею спасенія жаждою мысль хотя прохладити.

Имѣеши мя, ожидающа благословенія твоего, имѣеши душу, самовольно пришедшую во овчарню Христову, имѣеши, наконецъ, человѣка, иже, кромѣ тебя, никому же можетъ открыти *тайну, всему благочестію необходимо нужную*. Что же объявлено отъ меня Божію угоднику, присланному отъ васъ, Ѳедору Григорьевичу, и то только о лицѣ моемъ, а не о намѣреніи. Пріидс убо, свѣтильниче міра, ниже презри написаннаго, аще же укоснишн или не послушаеши, то Богъ отъ руку твоею многи души взыщетъ. Цѣлованіе устъ моихъ ногамъ твоимъ, цѣлованіе единомысленной братіи, ихъ же имена въ книгѣ животнѣй. Азъ, оканчивая, пребываю, грѣшный о вашемъ здравіи молитвенникъ, іеромонахъ *Аѳиногенъ* [1])

Патрикій, какъ ни хотѣлось ему самому сдѣлаться архіереемъ, медлилъ отъѣздомъ въ Борскую слободу. Чтобы не впасть въ обманъ, рѣшили собрать предварительно въ Москвѣ и Петербургѣ справки о личности Аѳиногена. Ѣхали туда двое изъ коломенскихъ купцовъ, переселившихся въ Стародубье; имъ и поручено было развѣдываніе.

Прождавъ понапрасну не мало времени Патрикія, Аѳиногенъ послалъ къ нему новое приглашеніе черезъ старшину Борской слободы, Ивана Кондратьевича, которому также сказалъ про себя, что онъ епископъ Лука, находившійся при императорѣ Іоаннѣ. Но и на этотъ разъ въ письмѣ, посланномъ въ Зыбкую, онъ не называлъ себя архіереемъ, на нѣкоторое время «хотя (оставаться), какъ писалъ онъ, подъ образомъ прикровеннымъ, страха ради отъ лжебратіи, и ради своихъ же». Патрикій, получивъ это письмо, сказалъ Ивану Кондратьевичу, что ужь послано въ Москву и

---

[1]) Ант. Іоанн. Журавлева *Историческое извѣстіе о раскольникахъ*. стр. 295—296.

Петербургъ для удостовѣренія въ истинѣ сказываемаго Аѳиногеномъ, а до полученія оттуда вѣрныхъ свѣдѣній, ни онъ, ни стародубляне его согласія не предпримутъ ничего рѣшительнаго. Какъ скоро Аѳиногенъ узналъ, что старообрядцы, жившіе въ Стародубьѣ, не такъ легковѣрны, какъ онъ полагалъ, то, ожидая, что справки о немъ будутъ вовсе не въ его пользу, уѣхалъ изъ Борской слободы. Находясь уже въ Яссахъ, онъ послалъ въ Зыбкую къ отцу Патрикію своего старца Митрофана съ новымъ пригласительнымъ письмомъ, въ которомъ уже называлъ себя епископомъ. Настоятельно просилъ онъ Патрикія, а также уставщика Григорія Яковлевича и другихъ изъ стародубской братіи, пріѣхать къ нему, чтобъ получить отъ него архіерейскую хиротонію «дабы тѣмъ возстановить чинъ церковной и не быти отъ иновѣрныхъ въ томъ поруганіи, въ которомъ даже донынѣ пребываемъ». Пользуясь покровительствомъ господаря, Аѳиногенъ уже не опасался за свою личность и просилъ Патрикія, прочитавъ публично его посланіе, разослать «точно списанное безъ прибавки и убавки въ великороссійскіе грады, дабы чтущіе и слышащіе оное прославляли Бога, творящаго дивная и ужасная, великая же и славная».

Но не пришлось Патрикію разсылать письма Аѳиногеновы по городамъ Великой Россіи. Коломенцы воротились въ Стародубье и привезли объ Аѳиногенѣ нехорошія вѣсти: онъ оказался самозванцемъ.

Случилось посланному изъ Стародубья ѣхать въ Петербургъ вмѣстѣ съ однимъ офицеромъ [1]). Они раз-

---

[1]) Можетъ быть съ Гурьевымъ, который въ 1745 году отвозилъ Іоанна и его родителей изъ Ораніенбаума (а не Ранепбурга). Впрочемъ, подлежитъ большому сомнѣнію, чтобъ офицеръ сталъ въ то время разговаривать о «секретной комиссіи» съ какимъ-нибудь попутчикомъ. Изъ сохранившихся дѣлъ о содержаніи подъ стражею Брауншвейгской фамиліи

говорились, и коломенскій купецъ узналъ отъ него, что онъ отвозилъ императора Іоанна. Тогда, заклиная офицера Богомъ живымъ, купецъ просилъ сказать ему, былъ-ли сосланъ съ Іоанномъ кто-либо изъ духовнаго чина. Офицеръ съ клятвою увѣрилъ купца, что никого изъ духовныхъ тутъ не было. Добравшись до Петербурга, стародубскій посланецъ отыскалъ брата встрѣтившагося съ нимъ офицера и его тоже разспрашивалъ. И тотъ сказалъ, что дѣйствительно братъ его былъ посыланъ при Іоаннѣ, но духовнаго чина при немъ не было. А изъ Москвы были получены извѣстія еще хуже. Тамъ свѣдали и въ дѣлахъ синодальной конторы выправили, что Аѳиногенъ не Аѳиногенъ и не Лука, не епископъ, и даже не попъ, а іеродіаконъ Амвросій, бывшій въ Новомъ Іерусалимѣ ключаремъ, растратившій монастырское имущество и, изъ опасенія законнаго наказанія, убѣжавшій къ зарубежнымъ раскольникамъ [1]).

Стародубье было озадачено такими извѣстіями. Очень боялись розысковъ и преслѣдованій со стороны

извѣстно, что всѣ по какимъ-либо случаямъ выбывавшіе изъ этой коммиссіи давали подписку въ томъ, что не будутъ ни съ кѣмъ говорить объ этомъ предметѣ, подъ опасеніемъ смертной казни за малѣйшую нескромность. Изъ духовныхъ лицъ при Брауншвейгскомъ семействѣ былъ одинъ іеромонахъ Илларіонъ.,

1) Іона Курносый говоритъ: «не попусти Богъ, ради препростыхъ душъ, сицевымъ прелестникомъ прельщати христіанъ, ибо въ то самое время пріиде справка изъ Москвы, что онъ, Аѳиногенъ, въ епископахъ не бывалъ, ни во іеромонахахъ, но церковь, при ней же діакономъ былъ, окралъ драгія вещи, каменіе, привѣсы, и въ Польшу бѣжа». Въ доношеніи коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ святѣйшій синодъ, 27 мая 1757 года, сказано: «бѣжавшій напередъ сего изъ московскаго Воскресенскаго, называемаго Новый Іерусалимъ, монастыря іеродіаконъ Анвтиногенъ (sic) за границу, въ польскую раскольническую слободу Вѣтку, а оттуда въ Волощину, и, назвавъ себя архіереемъ, многихъ посвящалъ въ іереи и діаконы». См. *Дѣло святѣйшаго синода* 1757 года, № 337. Но на Вѣткѣ Аѳиногенъ не бывалъ, только временно былъ въ Пахоміевомъ монастырѣ, близъ города Гомеля.

правительства, если узнають, что у нихъ, въ Зыбкой, нашелъ себѣ убѣжище такой преступникъ и довольно долгое время скрывался между тамошними старообрядцами. Тѣ, у которыхъ любезный сынокъ отца Патрикія исправлялъ требы, крайне соблазнялись, ибо оказалось, что онъ не только архіереемъ, но и попомъ никогда не бывалъ. Попы-самозванцы бывали между старообрядцами,—это не было какою-нибудь чрезвычайною новостью, но такого грѣха, такого соблазна, чтобъ явился лжеепископъ, еще не бывало. Посыпались на поповщину рѣзкіе укоры и язвительныя насмѣшки изъ слободы Злынки, отъ жившихъ тамъ безпоповцевъ. Ѳедоръ Сусловъ, дотолѣ приверженецъ Аѳиногена, привозившій изъ Борской слободы къ Патрикію его пригласительное письмо и на словахъ передавшій вѣсть объ его архіерействѣ, проклиналъ теперь лжеепископа и сталъ проповѣдывать о самомъ строгомъ изслѣдованіи прежнихъ обстоятельствъ, не только по отношенію къ епископамъ, но и попамъ, говоря, что правильные попы и архіереи не только должны быть непремѣнно великороссіяне, но притомъ такіе, которые бы рукоположеніе имѣли по восходящей линіи постоянно отъ архіереевъ-великороссіянъ, несомнѣнно въ три погруженія, а не обливательно крещенныхъ, до временъ патріарха Іосифа, безъ участія малороссіянъ, поголовно подозрѣваемыхъ въ обливанствѣ [1]). Отъ проповѣди Суслова произошли раздѣ-

[1]) Проповѣдь Суслова произвела раздѣленіе въ поповщинѣ. Образовалось такъ называемое *Суслово мнѣніе*, особенно принятое въ стародубскомъ посадѣ Лужкахъ и оттого въ настоящее время извѣстное подъ именемъ *Лужковскаго согласія*. Іона Курносый принадлежалъ, кажется, къ этому согласію; онъ въ своемъ сочиненіи говоритъ, что въ его время былъ одинъ только архіерей великороссіянинъ, Дмитрій Сѣченовъ, да и тотъ рукоположенъ обливанцемъ Стефаномъ Яворскимъ: поэтому ни новыхъ поповъ, ни новыхъ архіереевъ, по его мнѣнію, быть болѣе не мо-

ленія и раздоры въ поповщинскихъ общинахъ, какъ зарубежныхъ, такъ и великороссійскихъ.

О самозванствѣ Аѳиногена навѣрное узнали не ранѣе 1753 года. Патрикій немедленно написалъ къ нему письмо, въ которомъ не только не называетъ его епископомъ, но даже и іеромонахомъ, обращаясь къ нему, какъ къ монаху, съ обычнымъ титломъ: «пречестный отецъ», и даже не посылая своему любезному сынку благословенія. Вотъ это письмо, замѣчательное по чрезвычайной уклончивости:

«Пречестному отцу Аѳиногену лицеземное поклоненіе. Вѣдомо ти буди, писаніе ваше чрезъ старца Митрофана и другое, нынѣ чрезъ посланнаго вашего человѣка, я получилъ, въ которыхъ о себѣ объявляешь и Бога свидѣтеля поставляешь, что сущая истина, и желаешь насъ прибыти къ вамъ; но обаче, пока не провѣдаемъ, не буду. А о чемъ прежде посланные наши, прибывшіе отъ васъ [1]), возвѣстили намъ о вашей фамиліи [2]), слыша о васъ, и о чинѣ [3]), чрезъ кого бы увѣдомитися, то изнарочно отъ насъ посыланъ былъ человѣкъ до Москвы и до Петербурга, и того всего не сыскалось. Тожъ случилось ему ѣхать изъ Москвы до Петербурга съ офицеромъ, который де офицеръ между прочимъ въ разговорахъ дорогою о себѣ извѣстилъ, что былъ онъ посыланъ съ показаннымъ тобою лицомъ, а духовного де чина съ нимъ не было; то де онъ на его словахъ не утвердился, но проѣхалъ до Петербурга, ходилъ изнарочно къ брату

жетъ. Но онъ ошибается, что Сѣченовъ рукоположенъ Яворскимъ. Онъ получилъ хиротонію при императорѣ Іоаннѣ, 1 сентября 1741 года, т. е. 19 лѣтъ по смерти Яворскаго, но посвящали его Амвросій Юшкевичъ, архіепископъ новгородскій, и Стефанъ Калиновскій, епископъ псковскій,— оба малороссіяне.

1) Сусловъ и Кондратьевъ.

2) О недошедшей до насъ дворянской фамиліи Аѳиногена.

3) То есть объ епископскомъ санѣ.

его родному, который тамо живетъ. И онъ тоже показалъ, что братъ его посыланъ былъ при томъ лицѣ, а духовнаго де чина такова при немъ не имѣлось. И потому люди наипаче пришли въ сомнѣніе, а больше мнятъ *о имени Амвросіевѣ*, и нынѣ еще намѣрены послать до васъ человѣка изнарочно, да явиши ему чрезъ кого-бъ именно, о чемъ сказуешь, въ Нѣжинѣ грековъ и старцевъ, и бѣльцовъ увѣдомитись свидѣтельствомъ [1]), чтобы что́ о тебѣ подлинно дознати и самую истинную правду показати могъ, понеже вещь сія не малая, и дѣло сіе суда правильна. Того ради, не испытавъ извѣстно, безъ сомнѣнія быти не возможно. Самъ разсуди праведно. И аще суть истина, яко же ты глаголеши, то не скрый отъ насъ, но яви подлинно кѣмъ увѣдомиться, безъ того бо о тебѣ единомъ увѣритися сомнительно. При семъ вамъ доброжела́тельный и отецъ духовный іерей *Патрикій* кланяюсь. Не поскорбѣти о семъ и не гнѣватися» [2]).

Слухи о самозванствѣ Аѳиногена распространились еще быстрѣе, чѣмъ предшествовавшіе имъ слухи объ его архіерействѣ. Они росли съ каждымъ днемъ, ряды приверженцевъ лжеепископа значительно рѣдѣли. Напрасно жившій у молдавскихъ старообрядцевъ, бѣглый изъ Россіи попъ Варлаамъ съ клятвою увѣрялъ всѣхъ своихъ единовѣрцевъ, что Аѳиногенъ есть истинный и правильно поставленный епископъ; напрасно онъ увѣрялъ, что Аѳиногенъ, бывъ у него на исповѣди, присягу въ томъ принималъ; напрасно попы, рукоположенные лжеепископомъ, горячо стояли за своего архіе-

---

[1]) Обстоятельство, остающееся необъясненнымъ. Вѣроятно, Аѳиногенъ въ чемъ-нибудь ссылался на Нѣжинскихъ грековъ въ доказательство мнимаго своего архіерейства. Нѣтъ ли тутъ рѣчи о посвященіи его греческимъ митрополитомъ Даніиломъ въ Рени?

[2]) Андр. Іоан. Журавлева *Историческое извѣстіе о раскольникахъ*, стр. 303, 304.

рея и громогласно проповѣдывали о дѣйствительности принятаго имъ на себя сана, — слухи о его недобросовѣстности, объ обманѣ простодушныхъ, но ревностныхъ къ старому обряду людей до такой степени усилились въ Яссахъ, что самъ господарь, считая и себя обманутымъ этимъ ловкимъ пройдохою, велѣлъ его поймать и хотѣлъ повѣсить. Аѳиногенъ во время свѣдалъ о грозившей ему опасности и, наскоро собравшись, бѣжалъ въ Буковину, а оттуда пробрался въ покинутую было имъ Борскую слободу. Но и здѣсь старообрядцы встрѣтили его холодно, а ревностнѣйшіе хранители стараго обряда хотѣли даже убить его за соблазнъ, сдѣланный всему христіанству древляго благочестія. Перетолковывая евангельскія слова о тѣхъ, посредствомъ которыхъ вносятся въ міръ соблазны, они намѣревались въ самомъ дѣлѣ привязать ему жерновъ на шею и, за неимѣніемъ поблизости моря, бросить въ Бугъ. Но Аѳиногенъ счастливо избѣгнулъ и этой опасности, бѣжалъ и изъ Борской слободы, но куда ни приходилъ, вездѣ встрѣчалъ или холодный пріемъ, или даже угрозы схватить его и выдать русскому правительству. Онъ воротился было на Вѣтрянку, но и тамъ не могъ долго оставаться. Приходилось лжеепископу разстаться съ своимъ омофоромъ. Онъ такъ и сдѣлалъ. «Отъ стыда и срамоты,—говоритъ Іона Курносый, — борзо собрався и склався, на возъ сѣдши, погна борзо», и, прискакавъ въ первый пограничный городъ королевства Польскаго, Каменецъ-Подольскій, скинулъ здѣсь архіерейское платье, принялъ католическую вѣру, обрился, надѣлъ парикъ и записался въ каменецкій гарнизонъ жолнеромъ. Изъ самозванца-архіерея вышелъ красивый, блестящій жолнеръ. Ловкость обращенія, пріятныя манеры, достаточное образованіе и значительныя деньги, добытыя архіерействованіемъ у старообрядцевъ, открыли Аѳи-

ногену входъ въ дома шляхетскіе и даже вельможные; ему покровительствовали іезуиты, въ награду за обращеніе въ римскую церковь, а женщины были въ восторгѣ отъ красавца-авантюриста. Дочь одного богатаго пана влюбилась въ бывшаго архіерея. Увѣрившись въ ея любви, онъ посватался было, но гордый панъ наотрѣзъ отказалъ ему. Аѳиногенъ, однако, женился на своей возлюбленной, и, кажется, не безъ романическихъ приключеній. Съ богатымъ приданымъ жена принесла ему связи съ значительными людьми, посредствомъ которыхъ бывшій старовѣрческій епископъ въ короткое время сдѣлалъ большіе успѣхи въ королевской службѣ. Чрезъ четыре года послѣ того, какъ онъ бѣжалъ въ Каменецъ-Подольскій (въ 1757 г.), онъ былъ уже капитаномъ въ Краковѣ и жилъ тамъ съ женою и дѣтьми въ довольствѣ и роскоши. Потомъ, если вѣрить раскольническимъ сказаніямъ, былъ онъ полковникомъ и даже генераломъ [1]).

Изъ какой фамиліи былъ Аѳиногенъ — не знаемъ, но что онъ былъ дворянскаго происхожденія, это положительно вѣрно, иначе онъ не могъ бы поступить въ королевскую службу и такъ скоро сдѣлаться капитаномъ, а можетъ быть и генераломъ. Въ Польшѣ это

---

[1]) Доношеніе коллегіи иностранныхъ дѣлъ святѣйшему синоду, 27 го мая 1757 г. въ дѣлѣ синода 1757 г. № 337. «По подлинному удостовѣренію отъ посланныхъ въ Россію двухъ человѣкъ раскольниковъ явилось, что Анвтиногенъ (sic) лживо назвалъ себя бывшимъ въ Россіи епископомъ, который, услыша многое на него отъ раскольниковъ роптаніе, изъ Волощины въ польскій пограничный городъ Каменецъ-Подольскій бѣжалъ, и оставя тамъ епископскій чинъ, принялъ католицкій расколъ и записался въ томъ городѣ въ гарнизонъ жолнеромъ, а нынѣ находится капитаномъ и посланъ оттуда въ Краковъ, гдѣ и до сего времени жительство имѣетъ съ женою и дѣтьми, о чемъ того посылаемаго изъ Кіева увѣрилъ и находящійся въ польскомъ мѣстечкѣ Могилевѣ комендантъ». Іона Курносый: «Доѣхавъ (Аѳиногенъ) до нѣкоего панства, къ пану приступивъ, дары драгіе поднесе, прошаше пріятися во услуженіе; онъ же, панъ, пріявше его Аѳиногена, пристави его надъ своими жолнерами полковни-

было невозможно. Вѣроятно, въ архивѣ московской синодальной конторы или въ Новомъ Іерусалимѣ сохранилось какое-нибудь дѣло о расхищеніи ключаремъ Амвросіемъ монастырскаго имущества и объ его побѣгѣ. Въ немъ, конечно, есть извѣстіе и о томъ, изъ какой фамиліи происходилъ этотъ ловкій авантюристъ.

комъ». Изъ Борской слободы старообрядцы такъ писали впослѣдствіи къ Патрикію въ Зыбкую: «Во отцѣхъ отцу, священноіерею Патрикію, желаемъ вашего отеческаго благословенія и пр. Нужное вашему благословенію возвѣщаемъ вкратцѣ и слезно вашего пастырства просимъ, нынѣ мы осиротѣхомъ безъ священства. Который отъ вашего благословенія священникъ Савва, по пріѣздѣ Андреяна, и отъ насъ ушелъ, и въ поступкахъ христіанскихъ весьма былъ непостояненъ, и теперь остаемся безъ священства, и просимъ твое благословеніе всѣ слезно: Господа ради, чтобы ты насъ посѣтилъ и ты бы наше сомнѣніе рѣшилъ объ Аѳиногенѣ, понеже онъ нынѣ генераломъ и ходитъ по нѣмецки, и въ парикахъ, и борода обрита, и тамъ многіе люди были и видѣли; Яковъ Яковлевичъ Панкѣевъ былъ тамъ и сказывалъ намъ, что сватался у пана къ дочери, и онъ не отдалъ. Осадчій слободы Приворотни видѣлъ и говорилъ съ нимъ, что онъ уже обритъ. И пишемъ самую сущую правду». Апд. Іоанн. Журавлева *Историч. извѣстіе о раскольникахъ*, стр. 306, 307. Преемникъ Аѳиногена, Анфимъ, такъ говоритъ объ этомъ поступкѣ своего предмѣстника въ письмѣ къ молдавскому митрополиту Іакову, отъ 12-го декабря 1756 года: «Мужъ въ поученіи хитръ, обаче въ вѣрѣ непостояненъ: не стерпѣ бо зрѣти суевѣрій липованскихъ, еще же убояся сильныя руки императорскія, вдался до римскихъ бископовъ, у которыхъ пребываетъ даже и до днесь, кромѣ святительскихъ дѣйствъ, въ лицѣ панства». *Дѣло о раскольническомъ арх. Анфимѣ*, въ архивѣ синода 1757 года, № 337.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Анфимъ.

Смиренный епископъ, преобразившійся въ ловкаго капитана, цѣломудренный постникъ, женившійся на польской красавицѣ, произвелъ громадный скандалъ во всемъ русскомъ и зарубежномъ старообрядствѣ. Всѣ и повсюду признали его обманщикомъ и самозванцемъ, кромѣ поповъ, имъ рукоположенныхъ, которымъ не хотѣлось разстаться съ полученнымъ священствомъ, доставлявшимъ хорошія средства къ жизни. Но и имъ плохо приходилось: ихъ никто не принималъ въ домы съ требами, надъ ними смѣялись, называя въ шутку «капитанами» и «жолнерами». Но Аѳиногенъ былъ не послѣднимъ лжепископомъ. Вслѣдъ за нимъ явился новый, называвшій себя *архіепископомъ кубанскимъ и Хотинскія Раи*. Звали его Анфимъ.

Какъ Аѳиногенъ отличался своею красивою, привлекательною наружностію, такъ преемникъ его неблагообразіемъ. Лѣтъ пятидесяти отъ роду, средняго роста, плечистый, лицо полное, красное, обезображенное оспой и покрытое угрями, глаза кровавые, небольшая черная борода, длинные черные волосы и рваныя

калачомъ ноздри—вотъ наружность новоявленнаго у зарубежныхъ старообрядцевъ епископа [1]).

Родомъ былъ онъ съ Дону, но неизвѣстно, изъ казаковъ или изъ поповичей. Былъ человѣкъ начитанный, свѣдущій въ Писаніи и церковныхъ уставахъ—качества, весьма цѣнимыя старообрядцами и во всякое время доставлявшія въ средѣ ихъ большой авторитетъ тому, кто обладалъ ими. Но въ то же время Анфимъ, по выраженію современника его, Ивана Алексѣева, былъ «мужъ забѣглаго ума» своенравенъ и безсовѣтенъ». Великую извѣстность, великое уваженіе получилъ онъ сначала между старообрядцами, ибо много пострадалъ за старый обрядъ и «древлее благочестіе», что́ доставило ему и славу «страдальца». Сдѣлался онъ столпомъ старообрядчества, и вдругъ гордость и любоначаліе до того обуяли его, что натворилъ онъ дѣлъ необычайныхъ, какихъ «вѣдущіе его отнюдь и въ мысли имяху». Предметъ всеобщаго благоговѣйнаго уваженія сдѣлался предметомъ смѣха. «Велію, говоритъ Иванъ Алексѣевъ, тотъ Анфимъ науку собою показа внимающимъ, что́ дѣетъ любоначальство, и коимъ концомъ любящіе мірскія чести овѣнчеваютъ» [2]).

По словамъ самого Анфима [3]), онъ тридцати лѣтъ отъ роду рукоположенъ былъ воронежскимъ епископо́мъ,

---

[1]) Указъ изъ московской конторы святѣйшаго синода кіевскому преосвященному 1751 года 24 го іюня: «а примѣтами оный Анфимка: ростомъ средняго, плечистъ, лицо круглое, угреватое, побитое рябинами, ноздри съ обѣихъ сторонъ рваныя, пытанъ, глаза кровавые, волосы на головѣ черные, длинные, борода малая, лѣтъ въ пятьдесятъ». Посланный кіевскимъ вице-губернаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ Костюринымъ, въ Яссы и Хотинъ въ 1757 г., для развѣдываній объ Анфимѣ, донесъ о примѣтахъ его такъ: «среднихъ лѣтъ, плечистъ, борода малая, обѣ ноздри рваныя, лицо полное, угреватое, въ словахъ рѣчистъ». (См. *Дѣло святѣйшаго синода о раскольническомъ арх. Анфимѣ* 1757 года).

[2]) Иванъ Алексѣевъ: *Ист рія о бѣгствующемъ священствѣ* въ *Лѣт. русск. ист и древн.* т. IV, смѣсь, стр. 65 и 66.

[3]) *Дѣло святѣйшаго синода о раскольн. архіерсѣ Анфимѣ.*

несчастнымъ Львомъ Юрловымъ (1727—1730), въ дьячки, а вскорѣ потомъ поступилъ въ число братіи Кременскаго монастыря [1]), и здѣсь воронежскимъ же епископомъ, Іоакимомъ Струковымъ (1730—1742), посвященъ въ іеродіаконы и іеромонахи. Познакомившись съ старообрядцами, которыхъ и тогда, какъ и теперь, на Дону было много, Анфимъ ушелъ къ нимъ, но, не оставаясь долго между донцами, отправился странствовать по Россіи. О первоначальныхъ похожденіяхъ его между старообрядцами намъ ничего не извѣстно, но въ концѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія мы находимъ его уже схимникомъ. Принявъ схиму, конечно, въ какомъ-нибудь старообрядческомъ скитѣ, Анфимъ, вслѣдствіе сенатскаго указа 1746 года, декабря 13, о томъ, чтобы «сыскивать богопротивной ереси наставниковъ и предводителей и ихъ сообщниковъ, а по сыску, заковавъ въ ручныя и ножныя желѣза, отсылать ихъ въ слѣдственную о раскольникахъ коммиссію (бывшую въ Москвѣ при синодальной конторѣ) въ самой скорости, безо всякаго задержанія», былъ гдѣ-то пойманъ и представленъ въ Москву. Его судили, пытали, присудили къ кнуту, вырванію ноздрей и ссылкѣ въ Сибирь на каторжную работу. Съ каторги-ли, на пути-ли въ Сибирь, того не знаемъ, ему удалось бѣжать, и онъ послѣ того долгое время попрежнему странствовалъ между старообрядцами. Позорныя клейма, наложенныя рукой палача, рваныя ноздри, слѣды кнутовыхъ рубцовъ на спинѣ Анфима—были чествуемы ревнителями «древляго благочестія», какъ святыя, доблія

---

[1]) Кременскій Вознесенскій монастырь, нынѣ Донской, а тогда Воронежской епархіи, былъ основанъ въ 1711 году на правомъ берегу рѣки Дона, въ 10 верстахъ отъ Кременской станицы. Онъ былъ упраздненъ въ 1788 г., но по просьбѣ Донскихъ казаковъ возстановленъ въ 1798 году. Онъ въ 3 классѣ и есть единственный во всей Землѣ Войска Донского мужской православный монастырь; содержится на счетъ войска.

раны великаго страдальца за имя Христово. Лишь только появлялся онъ гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ, среди горячихъ своихъ почитателей, какъ уже сходились къ мученику за «старую вѣру» и старъ и младъ, и мужчины, и женщины, и дѣти; какъ святыню, со слезами лобызали они слѣды ранъ Анфимовыхъ и отверзтою душой слушали его поученія. А онъ былъ рѣчистъ. Помнилось каждое слово учительнаго схимника, честно хранилась каждая незначительная вещь, даваемая странникомъ-страдальцемъ на благословеніе. Но не долго продолжался этотъ второй періодъ странствій Анфима: въ 1750 году его опять поймали и опять переслали въ Москву, въ комиссію.

Сидитъ Анфимъ-страдалецъ въ московской тюрьмѣ каменной, приходитъ народъ къ колодникамъ сотворить святую милостыню и слышитъ учительныя слова Анфима; слышитъ о томъ, какъ прежде былъ мучимъ краснорѣчивый схимникъ за «древлее благочестіе», какъ впереди предстоятъ ему новыя, еще бóльшія страданія. Старообрядцевъ множество посѣщало Анфима въ «бѣдности», приходило множество и православныхъ. И эти заслушивались рѣчей краснорѣчиваго Анфима, и они удивлялись «разуму ученія его».

Въ «бѣдности» у Анфима было особое помѣщеніе, и къ нему приставленъ былъ для караула особый сержантъ. Приходившіе къ «батюшкѣ»-Анфиму старообрядцы давали тому сержанту «почесть», то есть, попросту сказать, подкупали его, чтобы онъ не препятствовалъ бесѣдамъ ихъ съ «страдальцемъ» Одна богатая старуха, вдова, дворянскаго рода, часто посѣщала «батюшку-Анфима» и приводила къ нему жившихъ у нея двухъ дѣвушекъ; одна изъ нихъ была дочь купеческая, другая—секретарская. «Онъ же упользова ю, сказуя древляго благочестія содержимыя церковныя узаконенія и обычаи, измѣненные Никономъ». Всѣ три

почувствовали сильную привязанность къ страдальцу Анфиму и, прельщенныя его словами, уклонились въ расколъ. Анфимъ, зная, что московская барыня очень богата, вздумалъ съ помощію ея освободиться изъ тюремнаго заключенія, избавиться отъ неминуемаго тяжкаго наказанія и укрыться вмѣстѣ съ нею и ея богатствами въ какомъ-либо надежномъ, недоступномъ для московскихъ преслѣдователей мѣстѣ [1]).

И сталъ онъ ее уговаривать, чтобы «ей съ нимъ убраться въ польскіе предѣлы, паче же на Вѣтку, мня пріятъ быти тамошними отцы». Всѣ мысли, всѣ помышленія барыни-старушки были въ волѣ Анфима; она въ религіозномъ фанатизмѣ, увлекшись учительными словами «батюшки-страдальца», своей воли болѣе не имѣла, и возражать ему, не только словомъ, но и мыслію, не могла. Обѣ дѣвушки были въ такомъ же настроеніи духа. Но побѣгъ изъ крѣпкой тюрьмы былъ возможенъ лишь при участіи караульнаго сержанта. Хоть и сержантъ смотрѣлъ на своего заключенника, какъ на святого, однако-же его не такъ легко было подговорить къ бѣгству за границу. Понемножку, исподволь, осторожно сталъ Анфимъ склонять его къ побѣгу, представляя въ самыхъ обольстительныхъ красках будущее ихъ житье-бытье на Вѣткѣ. «Съ нами бы поѣхала одна богатая барыня, денегъ у нея счету нѣтъ, не то что намъ—тысячи человѣкамъ достанетъ на самый долгій вѣкъ прожить на эти деньги во всякомъ удовольствіи и спокойствіи. Тамъ, за рубежомъ, нѣтъ ни службы, ни грознаго начальства; тамъ всякій человѣкъ самъ себѣ господинъ, а здѣсь, на солдатской своей службѣ, знаешь ты только горе да недостатки, каждый день не доспишь, и отъ начальства муку принимаешь, а тамъ, только на умъ вспадетъ — все

---

1) Іона Курносый.

будетъ тотчасъ же готово по твоему желанію». Сержантъ не малое время колебался, но обѣщаемое будущее такъ было привлекательно, что онъ далъ свое согласіе... Тогда барыня наскоро собралась съ двумя дѣвушками, будто-бы въ Кіевъ на поклоненіе тамошнимъ угодникамъ, и поѣхала изъ Москвы. Сержантъ избралъ удобное время и ночью на 27 августа 1750 года бѣжалъ вмѣстѣ съ Анѳимомъ. На дорогѣ пристали они къ барынѣ. Опасаясь погони, бѣглецы ѣхали на перемѣнныхъ лошадяхъ до Стародубья, и здѣсь навремя нашли надежный пріютъ у старообрядцевъ. Нѣсколько дней спустя, они, перебравшись черезъ литовскій рубежъ, благополучно достигли Вѣтки [1]).

Можетъ быть успѣхъ Аѳиногена подалъ мысль честолюбивому Анѳиму сдѣлаться зарубежнымъ старообрядческимъ епископомъ. Славолюбіе, такъ долго питаемое уваженіемъ старообрядцевъ, доходившимъ чуть не до обожанія, возрастило въ сердцѣ его гордость и страстное желаніе начальствовать, повелѣвать. Но при первомъ шагѣ за границу его гордости нанесенъ былъ сильный ударъ. До Вѣтки и вообще до зарубежныхъ старообрядческихъ слободъ не достигла еще слава Анѳима-«страдальца», столь громкая на Дону, на Волгѣ и въ Сибири. Его приняли какъ обыкновеннаго выходца. Это оскорбило Анѳима, непривыкшаго къ равнодушнымъ встрѣчамъ. «Постой же, думалъ онъ, коли такъ, примете же вы меня, павши ницъ передо мною». И онъ сказался вѣтковскимъ отцамъ, что получилъ онъ въ Великой Россіи великую архіерейства хиротонію и просилъ принять его въ соединеніе, общеніе и согласіе по древлецерковному благочестію. Проученные уже

---

1) Іона Курносый и допросъ казаку волжскаго казачьяго войска. Семену Чижову, снятый въ астрахарской губернской канцеляріи 30 мая 1763 г. См. *Дѣло о раскольнич. архіереѣ Анфимѣ.*

Епифаніемъ, вѣтковцы отвѣчали Анфиму, что въ скоромъ времени принять они его не могутъ. «Просто, какъ мірянина, принять тебя нельзя, потому что объявляешь себя епископомъ, а чтобы за епископа тебя признать, то, по божественному Писанію и по правиламъ, достоитъ намъ справиться, на которой ты епископіи и въ которомъ градѣ былъ и которымя епископами поставленъ». Анфимъ, видя, что вѣтковцы не такъ легковѣрны, какъ онъ предполагалъ, замолчалъ, ибо не зналъ, какъ и сказать, въ какомъ онъ городѣ былъ архіереемъ и какими епископами рукоположенъ. «Пойдутъ справки въ Россіи, думалъ онъ, и ложное показаніе рано или поздно обличится». Съ досадой, съ плохо скрываемымъ озлобленіемъ ушелъ онъ съ собора вѣтковскихъ отцовъ и тотчасъ же далъ волю своему пылкому, своенравному, нетерпѣвшему ни малѣйшихъ противорѣчій характеру. Что ни день, то новая какая нибудь ссора происходила у Анфима съ вѣтковцами, которымъ въ короткое время онъ до того надоѣлъ, что они не знали, какъ и отдѣлаться отъ незванаго гостя. То-и-дѣло онъ ругалъ и злословилъ ихъ, «изрицая поносная, ругательная, изметая отъ злаго сокровища сердца своего злая глаголанія».

— Вы бѣглецы—!кричитъ, бывало, на вѣтковскихъ отцовъ самъ такой же бѣглецъ Анфимъ:—забились сюда, въ чужую державу, какъ сверчки!

И прискорбны были такія слова отцамъ вѣтковскимъ, и писали отцы въ Москву, жалобясь на выѣхавшаго оттуда обидчика и ругателя. Въ Москвѣ старообрядцы не мало дивились вѣтковскимъ вѣстямъ и никакъ не могли понять, что бы такое могло случиться съ такимъ, славнымъ учительствомъ своимъ и страданіями, человѣкомъ. Между тѣмъ, увидавъ, что ужиться съ вѣтковцами невозможно, Анфимъ уѣхалъ отъ нихъ съ своими домочадцами стыскивать такого попа, кого-

рый бы отвелъ ему въ своихъ маетностяхъ хорошенькое мѣстечко для заселенія его новою слабодой русскихъ старообрядцевъ, которые тогда во множествѣ переходили за рубежъ [1]). Бѣлорусскіе землевладѣльцы находили для себя весьма выгоднымъ отдавать участки довольно пустынныхъ и притомъ неплодородныхъ земель своихъ подъ старообрядческія слободы, ибо получали отъ этихъ поселенцевъ такой доходъ, какого не могли бы извлечь изъ своего имѣнія никакими средствами. Поэтому они съ большою готовностію и позволяли имъ водворяться за извѣстный чиншъ на своихъ земляхъ, и потомъ, когда образовывались слободы, берегли ихъ, какъ самыя лучшія доходныя статьи свои. При такихъ условіяхъ, богатому богатствомъ московской барыни Анфиму нисколько не затруднительно было найти ясновельможнаго пана, который пустилъ бы его на свою землю. И ему не нужно было очень далеко ѣздить: сосѣдній землевладѣлецъ, князь Чарторыйскій, владѣлецъ мѣстечка Гомеля, отвелъ ему прекрасное и удобное мѣсто въ шести миляхъ отъ Вѣтки, внизъ по рѣкѣ Сожу, въ урочищѣ, называемомъ Боровицы, гдѣ находилась и старая пустая часовня, едва-ли не оставшаяся еще послѣ вѣтковскаго разоренія 1735 года. На деньги московской барыни, Анфимъ въ самое короткое время привелъ Боровицу въ блестящее состояніе. Въ часовнѣ явились древнія иконы съ дорогими окладами, богатая ризница, полный кругъ богослужебныхъ книгъ, драгоцѣнные сосуды, дискосы и другая утварь. Анфимъ немедленно началъ отправ-

---

[1]) Все о побѣгѣ изъ Москвы и о пребываніи въ Вѣткѣ заимствовано у Іоны Курносаго. Согласно съ Іоной, что Анфимъ тотчасъ по прибытіи на Вѣтку назвался епископомъ, показалъ при допросѣ, 30 мая 1763 года, въ астраханской губернской канцеляріи, казакъ волжскаго казачьяго войска—Чижовъ.

лять въ этой часовнѣ богослуженіе, а между тѣмъ приступилъ къ постройкѣ церкви и двухъ монастырей — мужского и женскаго. Кельи были немедленно выстроены для того и другого. Въ мужскомъ сдѣлался настоятелемъ самъ Анфимъ. За братіею дѣло не стало; слухъ о несмѣтныхъ, неизсчетныхъ богатствахъ строителя Боровицкихъ монастырей быстро распространился по Россіи; чернецы, уставщики, послушники немедленно явились въ Анфимовомъ монастырѣ. Приходили къ нему даже съ отдаленныхъ береговъ низовьевъ Волги [1]). Въ женскомъ монастырѣ игуменьей сдѣлалась московская барыня; ее постригъ Анфимъ и назвалъ въ иночествѣ Елизаветой; пріѣхавшія съ ней дѣвушки также приняли монашество и поступили въ Боровицкій монастырь: одна наречена Анфимомъ при постриженіи Андра (?) Пелагеей, другая Алкаветой (?); чрезъ нѣсколько времени Анфимъ рукоположилъ обѣихъ въ древній санъ діакониссъ [2]). Кромѣ нихъ, было не мало и другихъ монахинь и бѣлицъ въ новоустроенной обители матушки Елизаветы. Вокругъ обоихъ монастырей вскорѣ образовалась довольно многолюдная слобода.

Анфимъ былъ такой человѣкъ, что если разъ заберетъ онъ что-нибудь себѣ въ голову, такъ ужь чего бы то ни стоило, а пойдетъ добиваться задуманнаго до послѣдней крайности. Не было силы, которая бы могла остановить его: упрямый былъ человѣкъ, гордый и, считая себя умнѣе всѣхъ, не слушался ничьихъ совѣтовъ. «Мужъ безсовѣтенъ былъ», сказалъ о немъ Иванъ

---

[1]) Показаніе Семена Чижова, казака волжскаго казачьяго войска: «и я, будучи въ Боровицахъ, во всеночной на клиросѣ пѣлъ, а братъ мой, Иванъ Оловянишниковъ, стихѣры разсказывалъ подъ Николинъ день»

[2]) Показаніе казака Чижова въ *дѣлѣ синода, 1757 г. о раск. арх. Анфимѣ*.

Алексѣевъ, можетъ быть знавшій его лично. Страсть повелѣвать, ненасытное желаніе видѣть толпу преклоняющуюся, благоговѣйно слушающую каждое его слово, принимающую каждое его велѣніе безпрекословно, безъ разсужденія—этотъ духъ любоначалія преобладалъ въ Анфимѣ. Этотъ-то духъ гордыни и вовлекъ его въ тѣ поступки, которые, въ глазахъ даже самыхъ приверженныхъ къ нему старообрядцевъ, наложили темное пятно на память этого «великаго страдальца». Удовлетворить его любоначаліе теперь могъ только архіерейскій омофоръ; его-то и сталъ онъ искать всѣми средствами, не разбирая ихъ нравственнаго достоинства. Ѣхать въ Яссы и, подобно Епифанію, получить тамъ архіерейскую хиротонію—сдѣлалось цѣлью его жизни; онъ былъ увѣренъ, что рано-ли, поздно-ли, но такими или иными средствами, а ужъ достигнетъ онъ архіерейства, и безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, съ совершеннымъ спокойствіемъ, сталъ называть себя «нареченнымъ епископомъ». Какъ въ старину «нареченные епископы» управляли церковью и дѣйствовали посвятительски, воздерживаясь только служить по-архіерейски и рукополагать священниковъ и дьяконовъ [1]), такъ и Анфимъ сталъ теперь управлять въ Боровицахъ по-епископски, тайно сносясь съ молдавскими старообрядцами и собирая свѣдѣнія, какъ, гдѣ и отъ какого греческаго митрополита удобнѣе будетъ получить хиротонію. Онъ имѣлъ въ виду и митрополита ясскаго, и митрополита браиловскаго, и архіепископа крымскаго. Подкупность фанаріотовъ была ему хорошо извѣстна, и, располагая заплатить за омофоръ деньгами Елизаветы въ такомъ размѣрѣ, какого они потребуютъ, Анфимъ, у котораго на памяти были всѣ церковные уставы, не смущался правилами, по которымъ за деньги

---

1) Такъ, напримѣръ, дѣлалось это въ древнемъ Новгородѣ.

рукополагающій во епископы и рукополагаемый оба подлежатъ лишенію сана и изверженію изъ церкви [1]). Не каноны смущали его, а затруднительность дѣла. Надо ѣхать за Днѣстръ или Крымъ, надо просить господаря или хана, надо ожидать неминуемыхъ препятствій со стороны мѣстныхъ липованъ или же искать ихъ любви и покровительства, а это было для него невозможно: его гордая, высокомѣрная натура никогда бы не допустила его до такого, по его мнѣнію, униженія. Въ это время (въ 1752 г.) былъ въ предѣлахъ польскихъ Аѳиногенъ. Анѳимъ и обратился къ нему за хиротоніей. «Не вѣмъ, кому дивится», говоритъ по этому случаю Иванъ Алексѣевъ въ своей *Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ*, «народному-ли нечувствію или толикой страшной дерзости Анѳимовѣ? Яко толикій мужъ вѣдущій, и толико терпѣніе за древнее пострадавый, легкими юзами любоначальства связанъ, тако паде и многимъ смѣхъ на себѣ привлече, разумнымъ же страхъ, яко тако скорыма ногама къ подложному епископу притече и неиспытно веліе на себе обязательство оному даде, во вся дни потати и покорятися тому и прочая [2]).

Аѳиногенъ, получивъ значительную сумму денегъ изъ сундука московской барыни, преобразившейся въ раскольническую игуменью, обязалъ горделиваго Анѳима клятвою послушанія себѣ и посвятилъ, но только пока еще въ санъ архимандрита, обѣщаясь, впрочемъ, современемъ произвести его и въ архіереи. Дѣлать было нечего; смирился передъ молодымъ красавцемъ старикъ Анѳимъ, никому не покорный, но служа, какъ архимандритъ, святительствовалъ, какъ «нареченный епископъ». Надѣвъ архимандричью шапку, «нареченный

[1]) Вселенскаго IV собора 2 правило, Вселенскаго VI собора 22 правило, Вселенскаго VII собора 5 и 19 правила. Правило апостольское 22.

[2]) Иванъ Алексѣевъ, *Исторія о бѣгств. священ.* стр. 66.

ный епископъ» не очень стѣснялся въ правахъ своихъ: тотчасъ же, по извѣстію Іоны Курносаго, началъ поповъ святить и разсылать ихъ по старообрядческимъ зарубежнымъ слободамъ. При крайнемъ недостаткѣ поповъ, старообрядцы и ихъ принимали: у нихъ былъ достаточный запасъ святыхъ даровъ, совершаемыхъ Анфимомъ въ Боровицахъ, а этого было уже слишкомъ достаточно для тогдашнихъ старообрядцевъ. Въ попы на первый разъ онъ поставилъ только двухъ самыхъ приверженныхъ себѣ и болѣе другихъ угождавшихъ его властолюбивому характеру людей: родныхъ братьевъ — Михаила и Іосифа Буркиныхъ. Съ ними вмѣстѣ и со всѣмъ своимъ церковнымъ кругомъ и съ діакониссами, освятилъ онъ новую Боровицкую церковь и постригалъ чернецовъ [1]). Въ это время получилъ онъ извѣстіе, что въ Москвѣ старообрядцы крайне нуждаются въ священникахъ, и немедленно послалъ одного изъ поповъ своего поставленья въ Гуслицкую волость. Анфимовскій попъ пріѣхалъ въ Гуслицу и тотчасъ же принялся за поповское дѣло: сталъ исповѣдовать, крестить, вѣнчать, хоронить. Не мало нашлось и для него духовныхъ дѣтей. Но скоро и въ Москвѣ, и въ Гуслицѣ свѣдали, чтó за архіерей такой Анфимъ-страдалецъ и чтó за попъ его ставленникъ. Воротили попа за рубежъ къ пославшему его и велѣли говорить Анфиму: «почто ты, отецъ архимандритъ Анфимъ, поповъ поставляешь? Вѣдь архимандриту поповъ поставлять писанія и правилъ нѣтъ». И умолчалъ Анфимъ, видя, что дѣло его худо и другимъ не спасительно [2]). Послѣ этого онъ пуще прежняго сталъ добиваться у Ѳеіногена архіерейской хиротоніи. Ѳеі-

---

[1]) Показаніе казака Семена Чижова въ *Дѣлѣ святѣйшаго синода о раск. арх. Анфимѣ.*

[2]) Іона Курносый.

ногену нельзя было для этого ѣхать въ Боровицу; мы уже знаемъ, въ какомъ положеніи находился онъ въ исходѣ 1752 и началѣ 1753 г.: онъ уже бѣгалъ тогда изъ мѣста въ мѣсто, ежечасно опасаясь за самую жизнь свою. Анфиму же ѣхать за Днѣстръ и принимать хиротонію отъ находившагося въ столь незавидномъ положеніи епископа тоже было не безопасно. Какъ же помочь горю, какъ выйти изъ безвыходнаго почти положенія?

Старообрядцы въ своихъ дѣйствіяхъ весьма часто держатся правила Св. Писанія: «по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ» [2]). Поэтому они хотя и говорятъ, что всѣ правила и уставы церковные должны сохраняться неуклонно и точно, однакоже, «нужды ради», въ случаѣ необходимости, допускаютъ большія уклоненія отъ правилъ. Не находя положительныхъ правилъ въ уставахъ, они ищутъ примѣровъ въ церковномъ преданіи; если ихъ не отыскиваютъ, обращаются къ примѣрамъ церковной практики, ищутъ какихъ-либо исключительныхъ случаевъ, бывшихъ въ древней христіанской церкви. Такъ, напримѣръ, за неимѣніемъ церкви, допускаютъ они иногда совершеніе литургіи въ домѣ, примѣняясь къ тому, что Св. Лукіанъ даже въ темницѣ на своихъ персяхъ совершилъ евхаристію; такъ, принимая бѣглыхъ поповъ, ссылаются они на житіе Саввы Освященнаго и другіе примѣры церковной исторіи и т. д. Словомъ, совершеніе дѣйствія, неузаконеннаго правилами, но въ то же время и не воспрещеннаго прямо, имѣетъ для нихъ въ извѣстныхъ случаяхъ совершенную силу закона. Случается, и довольно нерѣдко, что примѣрамъ, взятымъ изъ церковной исторіи, они даютъ широкое и даже слишкомъ широкое толкованіе, оправдывая себя

[1]) Посланіе къ евреямъ VII, 12.

въ такомъ случаѣ тѣми же словами апостола Павла: «по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ». Въ правилахъ Вселенскихъ соборовъ и Св. Отецъ нигдѣ не говорится о дозволеніи совершать хиротонію заочно, но и нигдѣ не воспрещена заочная хиротонія. А церковная практика представляетъ примѣръ подобнаго посвященія, совершеннаго епископомъ Федимомъ [1]) надъ Св. Григоріемъ Неокесарійскимъ. Анфимъ ухватился за этотъ примѣръ, какъ утопающій за соломинку. Написалъ къ Аѳиногену посланіе, въ которомъ, приводя въ примѣръ Св. Григорія, просилъ его послѣдовать, нужды ради, примѣру епископа Ѳедима и рукоположить его заочно [2]). «Благодать Святаго Духа, писалъ онъ, всегда немощная врачующая и не оскудѣвающая, не стѣсняется предѣлами земными, но вездѣ и присно дѣйствуетъ. Служи божественную литургію въ предстоящій великій четвертокъ въ своей церкви и въ положенное время читай молитвы святой хиротоніи, азъ же, смиренный, въ тотъ самый часъ буду возлагать на себя одежды архіерейскія». При посланіи приложено было золото [3]), Аѳиногенъ согласился. Увѣдомилъ онъ Анфима, чтобы готовился онъ къ хиротоніи и возлагалъ бы на себя священныя одежды архіерейскаго сана въ великій четвертокъ 11 апрѣля 1753 года.

Наступилъ этотъ день. Анфимъ началъ въ Боровицкой церкви служить литургію соборнѣ съ своими попами, какъ архимандритъ. Послѣ малаго входа съ Евангеліемъ, вошелъ онъ въ алтарь и сталъ на колѣна предъ престоломъ, наклонивъ голову. Въ церкви было молчаніе. Знали, что въ эти минуты тамъ, далеко, за

---

[1]) Минея Четя подъ 17 ноября.

[2]) Ивана Алексѣева *Исторія о бѣгств. священствѣ*, стр. 66.

[3]) Іона Курносый говоритъ—20 червонцевъ, а Андрей Іоанновичъ Журавлевъ въ *Историч. изв. о раскольникахъ* упоминаетъ о цѣломъ мѣшкѣ съ червонцами.

Днѣстромъ, въ иномъ государствѣ, епископъ Аѳиногенъ, положивъ руку на разогнутое Евангеліе, возглашалъ молитву хиротоніи... Анфимъ всталъ, священники подали ему омофоръ, егколпій, митру, и онъ надѣвалъ ихъ, при пѣніи клира «аксіосъ». Затѣмъ взялъ въ руки свѣчи троеплетенную и двуплетенную [1]), вышелъ на амвонъ и осѣнилъ предстоящихъ при громогласномъ пѣніи «*исъ полла эти деспота*». Народъ палъ ницъ предъ епископомъ. Кончая литургію, какъ архіерей, Анфимъ тогда же посвятилъ попа и діакона. Это было сдѣлано гласно, открыто, торжественно, отнюдь не тайкомъ. Никто не сомнѣвался въ правильности обряда, ибо напередъ было объявлено, что совершается такой обрядъ нужды ради, гонительнаго ради належанія отъ еретикъ, по примѣру Федима епископа, посвятившаго нѣкогда подобнымъ образомъ Св. Григорія во епископы Новой Кесаріи.

Анфимъ достигъ цѣли—былъ архіереемъ, былъ владыкою старообрядцевъ; ненасытное его самолюбіе вполнѣ было удовлетворено. Успокоивъ совѣсть примѣромъ Св. Григорія, онъ искренно вѣрилъ въ несомнѣнную правильность принятаго имъ сана, посвящалъ много поповъ и дьяконовъ и разсылалъ ихъ по старообрядческимъ слободамъ. Михаила Буркина и Іосифа онъ «дополнилъ чиномъ», то есть вновь рукоположилъ, уже какъ епископъ. Увѣренныхъ въ правильности его архіерейства было много даже въ самой Вѣткѣ, гдѣ такъ не возлюбили было вначалѣ Анфима; начались толки о томъ, не слѣдуетъ-ли сего «страдальца за древлее благочестіе» признать православнымъ епископомъ... И вдругъ... каково это было узнать Анфиму? Приходитъ вѣсть, что 11 апрѣля, когда Анфимъ въ Боровицкой церкви надѣвалъ архіерейское облаченіе,

---

1) Трикирій и дикирій.

Аѳиногенъ не только не служилъ обѣдни, но уже былъ католикомъ и, обритый, щеголялъ по улицамъ Каменца Подольскаго въ ловко-сшитомъ кунтушѣ польскаго жолнера? «И остался Анфимъ въ скорби и печали о неполученіи нарекованія епископомъ», говоритъ Іона Курносый. Скинуть омофоръ, торжественно надѣтый, было несообразно съ своенравнымъ характеромъ Анфима; оставаться въ литовско-бѣлорусскихъ краяхъ, гдѣ всѣ знали, какъ и въ какой именно день посвященъ Анфимъ, было также невозможно. Въ этихъ мѣстахъ никто не повѣрилъ бы правильности его архіерейства. При такихъ обстоятельствахъ, рѣшился онъ кинуть только-что устроенную имъ Боровицу и ѣхать подальше отъ мѣстъ, гдѣ онъ возложилъ на себя архіерейское облаченіе. Анфимъ рѣшился ѣхать туда, гдѣ въ послѣднее время находился Аѳиногенъ, чтобы вѣрнѣе узнать, въ какой именно день бѣжалъ онъ въ Каменецъ и совершалъ ли онъ заочную хиротонію. Въ случаѣ же неблагопріятныхъ для себя по сему случаю извѣстій, онъ намѣревался искать новой хиротоніи или утвержденія въ архіерейскомъ санѣ отъ ясскаго митрополита Іакова.

Показанія двухъ старообрядческихъ писателей прошлаго вѣка, сохранившихъ извѣстіе о старообрядческихъ архіереяхъ того времени, совершенно противорѣчивы. Иванъ Алексѣевъ, безпоповецъ, писавшій по слухамъ и притомъ съ видимою цѣлію показать нелѣпость исканія поповщиной архіерейства, говоритъ, что Анфимъ удовольствовался небывалымъ заочнымъ рукоположеніемъ польскаго жолнера. «Въ то мнимое его (Анфима) поставленіе, говоритъ онъ, уже Аѳиногенъ не епископомъ, но у нѣкоего пана капитаномъ сотворися, обаче нѣкоимъ слѣпымъ Анфимъ за епископа вмѣнился и дѣйствова епископьская и во діаконы и въ попы поставляша, кои попы имяху не малыя подзоры (подозрѣнія), ихъ же онъ постави и донынѣ священная

дѣйствуетъ» [1]). Охтенскій протопопъ Андрей Іоанновъ Журавлевъ, имѣвшій, какъ видно, нѣкоторые неизвѣстные намъ источники, говоритъ объ Анѳимѣ весьма кратко, но такъ-же, какъ и Иванъ Алексѣевъ, замѣчаетъ, что онъ удовольствовался заочною хиротоніей Аѳиногена [2]). Но Іона Курносый въ своемъ «Посланіи», основываясь также, конечно, на слухахъ, распространенныхъ по старообрядству Анѳимовыми приверженцами, говоритъ, что Анѳимъ «много думая и мысля— и яко отъ духа нечиста паде ему на умъ: поѣду въ Яссы, негли могу желаніе получити—во епископы поставлюся. И сему бывшу, продолжаетъ Іона, прибывъ въ Яссы, подаде исповѣданіе согласно, яко такожде вѣруетъ и исповѣдуетъ, яко и онъ, ясской, подавъ прошеніе и дары не малы—все госпожи оныя нажитіе; онъ же, епископъ ясскій, посвяти его, Анѳима, епископомъ и отпусти, куда ему годѣ». Но не совсѣмъ такъ было на самомъ дѣлѣ. Изъ дѣла объ Анѳимѣ, находящемся въ архивѣ синода, видно, что основанныя на слухахъ извѣстія Ивана Алексѣева, Іоны Курносаго и отца Андрея Журавлева одинаково не точны: ни въ томъ, ни въ другомъ, ни въ третьемъ нѣтъ настоящей истины. Въ дальнѣйшемъ описаніи судьбы Анѳима, этого «мужа забѣглаго ума», будемъ держаться преимущественно этого дѣла.

«Епископъ Лука, переименовавшій себя въ Аѳиногена, мужъ въ наученіи хитръ, обаче въ вѣрѣ непостояненъ, не стерпѣ зрѣти суевѣрій липованскихъ, еще же убояся сильныя руки императорскія, вдался до римскихъ бископовъ, у которыхъ пребываетъ даже и доднесь, кромѣ святительскихъ дѣйствъ, въ лицѣ пан-

---

[1]) Иванъ Алексѣевъ *Исторія о бѣгствующемъ священствѣ*, стр. 66.

[2]) Андр. Іоанн. Журавлевъ *Историч. извѣстіе о раскольникахъ*. стр. 304—305.

ства. И преподаде намъ, смиреннымъ, великое сумнѣніе и *неимовѣрство* о своемъ святительствѣ, понеже намъ, смиреннымъ, хиротонисаннымъ бывшимъ имъ епископомъ Лукою, отъ игуменскаго степени даже до епископства. И нужда мнѣ належала вдатися до святительскаго суда, и принять своему сумнѣнію рѣшеніе и *дѣйствительное благословеніе.* Въ которомъ намѣреніи 7261 (1753) изъ державы Польскія поѣхалъ до вашего преосвященства (въ Яссы) и достигъ даже до Рущеръ, что въ повѣтѣ Сочавскомъ, въ митрополіи вашего преосвященства. И тамо живущіе липоване много мнѣ препятствія сотворили, чрезъ которое ихъ препятствіе мы, смиренніи, не могли видѣтися съ вашимъ преосвященствомъ и пріять отъ васъ благословеніе и сомнѣнію своему рѣшеніе». Такъ писалъ Анфимъ къ ясскому митрополиту Іакову въ 1756 году, когда между ними началась переписка. [1]) Само собою разумѣется, что Анфиму во всемъ вѣрить нельзя, что препятствія со стороны липованъ, не допустившихъ будто-бы его до свиданія съ Іаковомъ, были имъ придуманы впослѣдствіи, какъ-бы въ видѣ оправданія. По всей вѣроятности, дѣло было такъ: Анфиму нельзя было оставаться въ вѣтковскихъ и гомельскихъ предѣлахъ. Оставивъ поповъ Буркиныхъ и Елизавету съ діакониссами Андрой-Пелагеей и Алкаветой въ Боровицахъ, онъ одинъ поѣхалъ за Днѣстръ, къ молдовлахійскимъ старообрядцамъ, сказавъ, что ѣдетъ въ Яссы за *дѣйствительнымъ благословеніемъ*, то есть за довершеніемъ хиротоніи посредствомъ ясскаго митрополита. Прибывъ же въ Молдавію, онъ, умалчивая объ Аѳиногенѣ, «объявилъ о себѣ, яко-бы онъ, будучи въ Россіи, отъ

---

[1]) *Дѣло святѣйшаго синода о раск. арх. Анфимѣ*, 1757 годъ, по архивной описи № 337. Письмо Анфима къ ясскому митрополиту Іакову 12 декабря 1756 года.

святѣйшаго правительствующаго синода посвященъ епископомъ»[1]). Въ Мануиловкѣ и другихъ старообрядческихъ молдавскихъ слободахъ, а равно и въ Забахлуйскомъ предмѣстьи города Яссъ, онъ не могъ въ то время найти себѣ приверженцевъ. Объ его «крѣпкомъ стояніи за древлее благочестіе и святоотеческія преданія», объ его «страданіяхъ» и великомъ подвижничествѣ въ отдаленныхъ странахъ Россіи тамъ не знали и даже не слыхали, а извѣстіе о мнимомъ посвященіи его петербургскимъ синодомъ приняли недовѣрчиво. Еще полугода не прошло съ тѣхъ поръ, какъ между ними былъ другой такой же «свѣжакъ»[2]) и тотъ также разсказывалъ про себя, что посвященъ онъ въ Россіи, однако-же архіерейство его оказалось самозваннымъ, и онъ, избѣгая достойной за свой обманъ кары, перешелъ въ католичество, и, къ небывалому еще, безпримѣрному соблазну, женился и поступилъ въ военную службу. Анфимъ былъ встрѣченъ въ Молдавіи насмѣшками. Не легко было перенести это такому славолюбивому и своенравному человѣку. Онъ возненавидѣлъ молдавскихъ липованъ и, не доѣзжая Яссъ, поворотилъ изъ Рущера назадъ, за Прутъ. Здѣсь, въ Хотинскомъ цинутѣ, въ слободѣ Вѣтрянкѣ, встрѣтилъ онъ радушный пріютъ у тамошнихъ старообрядцевъ, и въ 1753 году основалъ тутъ свое пребываніе.

Въ Вѣтрянкѣ онъ обдумалъ планъ своихъ дѣйствій. Православнымъ румынамъ, славянамъ и грекамъ разсказывалъ, что онъ — русскій архіерей, удалившійся изъ отечества, и не распространялся о прежнихъ своихъ обстоятельствахъ. Да и не для чего было рас-

---

1) Доношеніе коллегіи иностранныхъ дѣлъ святѣйшему синоду 27 мая 1757 года въ *Дѣлѣ о раск. Анфимѣ* № 337.

2) Такъ заграничные раскольники зовутъ недавнихъ выходцевъ изъ Россіи.

пространяться: въ Россіи часто низлагали въ то время епископовъ и почти всегда безвинно; не мало было и такихъ, которые сами удалялись изъ епархіи. Самые слѣды публичнаго наказанія на лицѣ Анфима не могли особенно удивить молдавскихъ православныхъ, ибо у нихъ ходили даже преувеличенные слухи о «гоненіи русскихъ епископовъ» Прокоповичемъ, «вдавшимся въ люторскую ересь», и единомышленниками его Бирономъ и иными нѣмцами. Знали и то, что рукоположившій Анфима въ дьячки Левъ воронежскій былъ сѣченъ кнутомъ публично и притомъ безвинно [1]). Да и вообще молдованъ и грековъ не могли особенно удивлять ни клейма на лбу и скулахъ Анфима, ни рваныя его ноздри, ни покрытая кнутовыми рубцами спина: и у нихъ, во владѣніяхъ турецкаго султана, бывали архіереи съ рѣзаными ушами. Это за важное не считалось. Анфиму легко было сказаться однимъ изъ русскихъ низложенныхъ архіереевъ передъ греками и румынами, но не такъ легко было огласить это среди жившихъ въ Молдовлахіи раскольниковъ: они бы навели, хотя-бы посредствомъ Вѣтки или Стародубья, справки въ Петербургѣ и Москвѣ, и ложь Анфима, рано или поздно, открылась бы. Ему нужно было, чтобы румынскіе архіереи признали его за архіерея, за своего брата и сослужебника: тогда не послали бы за справками въ Россію. Съ этой цѣлью,

---

[1]) Никогда не было у насъ такъ много низлагаемо архіереевъ, какъ въ теченіе сорока лѣтъ, съ 1718 по 1758. Въ это время казненъ смертію Досиѳей ростовскій 1718; сѣченъ кнутомъ Левъ воронежскій 1730; лишены сана и заточены: Ѳеодосій новгородскій 1725; Игнатій коломенскій 1730; Сильвестръ казанскій 1731; Георгій ростовскій 1731; Варлаамъ кіевскій 1731; Ѳеофилактъ тверской 1735; Досиѳей бѣлогородскій отлученъ 1735; Геннадій костромской отрѣшенъ 1757; удалились въ монастыри: Ааронъ корельскій 1721; Филоѳей тобольскій 1727; Иродіонъ черниговскій 1734; Илларіонъ тоже черниговскій 1738; Варлаамъ псковскій 1738; Петръ бѣлогородскій 1742; Леонидъ крутицкій 1742; Гавріилъ устюжскій 1748.

вскорѣ по водвореніи въ Вѣтрянкѣ, поѣхалъ онъ въ Буковину, въ знаменитый тамошній православный монастырь Драгомирну, что на рѣкѣ Сучавѣ. Здѣсь жилъ въ то время на покоѣ престарѣлый митрополитъ Мисаилъ, бывшій прежде радауцкій [1]. Анфимъ обратился къ этому добродушному, кроткому старцу, нуждавшемуся въ средствахъ, какъ вообще нуждаются на Востокѣ не имѣющіе епаршескихъ доходовъ архіереи. За подарками дѣло не стало,—казны московской барыни было еще много у Анѳима, но одними подарками нельзя было склонить Мисаила. Потому Анфимъ, явясь къ нему, какъ архіерей, ищущій ради успокоенія совѣсти святительскаго суда, просилъ исповѣдать его грѣхи и преподать въ нихъ разрѣшеніе. Мисаилъ принялъ его на духъ.

— Вамъ извѣстно, преосвященный владыко,—говорилъ ему Анфимъ,—что въ здѣшнихъ предѣлахъ есть много христіанъ восточныя вѣры, именуемыхъ липованами. Они не суть какіе-либо еретики, но отдѣлились отъ Великороссійскія церкви единственно изъ-за грамматическихъ разгласій и нѣкоторыхъ внѣшнихъ обрядовъ, которые почитаютъ за свято и за велико. По простотѣ своей, ибо нѣтъ между ними людей ученыхъ и разумныхъ, они разгласіе свое съ Великороссійскою церковью поставляютъ нѣкіимъ догматствованіемъ и не могутъ соединиться съ Россійскою церковью во едино стадо. Россійскіе же епископы мнятъ силою ихъ въ общеніе привести и токмо паче раздражили ихъ до того, что, избѣгая мукъ и страданій, они оставляютъ свое отечество и забѣгаютъ въ чужія государства, какъ и въ сіи. Но, слѣдуя апостолу Павлу,

---

[1] Радауцъ или Редовуцъ—городъ въ Буковинѣ, на рѣкѣ Сучавѣ, недалеко отъ монастыря Драгомирны и нынѣшней старообрядческой митрополіи—Бѣлой-Криницы.

иже съ немощными былъ, яко немощенъ, нѣкоторые изъ нашея братіи, епископовъ, оставя честь свою и сѣдѣніе во славѣ, пошли къ тѣмъ липованамъ пасти церковь Христову, да не погибнетъ какая-либо изъ овецъ заблудшихъ. Таковъ былъ въ Липованахъ епископъ Лука, который бѣжалъ изъ Великой Россіи, изъ дворца ихъ императорскихъ величествъ, и преименовалъ себя Аѳиногеномъ,—мужъ въ наученіи хитръ, обаче въ вѣрѣ непостояненъ: не стерпя бо зрѣти суевѣрій липованскихъ, еще же убояся сильныя руки императорскія, вдался до римскихъ бископовъ, у которыхъ пребываетъ даже и доднесь, кромѣ святительскихъ дѣйствъ, въ лицѣ панства. Отъ того епископа Луки, когда онъ въ благочестіи еще пребывалъ, получилъ я хиротонію по всѣмъ степенямъ отъ игуменства даже до епископства. И отступленіемъ своимъ до римскихъ бископовъ преподаде онъ, епископъ Лука, намъ, смиреннымъ, великое сумнѣніе и неимовѣрство о своемъ святительствѣ. И потому нужда мнѣ подлежала вдатися до твоего святительскаго суда и принять своему сумнѣнію рѣшеніе и дѣйствительное благословеніе,—подобаетъ ли мнѣ священнодѣйствовати, какъ епископу?

Митрополитъ Мисаилъ, видя, что дѣло идетъ только о томъ, что хиротонисовавшій Анфима, уже послѣ его хиротоніи, уклонился въ римское католичество, отвѣчалъ:

— Не умретъ сынъ, отца ради, но душа согрѣшившая, та въ грѣхѣ.

Исповѣдавъ, далъ Анфиму разрѣшеніе въ грѣхахъ и, благословивъ его, написалъ ему разрѣшительную грамоту.

Анфимъ и то сказалъ Мисаилу, что онъ, по затруднительнымъ случаямъ, нужды ради и гоненія и тѣсноты обстоянія, рукоположенъ епископомъ Лукою не лично, но заочно, подобно тому, какъ Федимъ епископъ

рукополагалъ Св. Григорія въ санъ архіепископа Новой Кесаріи.

— Дѣйствительна-ли моя хиротонія,—спрашивалъ онъ старца митрополита,—и что должно мнѣ дѣлать, чтобъ она была совершенна?

— Для этого,—совѣтовалъ Мисаилъ,—надо, чтобы митрополитъ какія-либо области благословилъ тебя съ рукоположеніемъ и молитвами, не хиротонисуя вторично, ибо, какъ человѣкъ дважды не родится, такъ и хиротонія не повторяется.

Анфимъ просилъ Мисаила совершить надъ нимъ этотъ обрядъ, но тотъ уклонился, говоря, что это должно сдѣлать правительствующему митрополиту, сидящему на престолѣ своемъ, а ему, Мисаилу, того сдѣлать не можно, потому что онъ съ своей митрополіи сошелъ и въ Драгомирнѣ пребываетъ на покоѣ. И совѣтовалъ ему обратиться къ Іакову, митрополиту молдавскому, въ Яссахъ пребывающему, «во еже прияти отъ него дѣйствительное благословеніе». На Іакова Мисаилъ указалъ, по всей вѣроятности, потому, что монастырь Драгомирна, гдѣ происходила бесѣда его съ Анфимомъ, находился тогда въ епархіи ясскаго митрополита.

«И многу пользу и разсужденіе пріяхъ отъ его святыни»,—говорилъ послѣ Анфимъ о Мисаилѣ.

Но опасаясь ли старообрядцевъ Забахлуевскаго предмѣстія, не надѣясь ли на Іакова, Анфимъ и теперь въ Яссы не поѣхалъ, а воротился въ свою Вѣтрянку. А можетъ быть онъ и то соображалъ, что такъ какъ Вѣтрянка, гдѣ онъ жилъ, и весь Буджакъ (нынѣ Бессарабія) принадлежали къ епархіи браиловскаго, а не ясскаго митрополита, то ужь лучше и правильнѣе просить руковозложенія у него, у браиловскаго. Кстати же онъ вскорѣ и прибылъ въ Хотинъ, обозрѣвая свою митрополію. Звали этого митрополита Даніиломъ, жилъ

онъ въ монастырѣ при городѣ Рени, и, какъ отзывался о немъ въ 1757 году ясскій митрополитъ русскому агенту, посланному въ Молдавію для развѣдываній объ Анфимѣ, «человѣкъ былъ ученый, постоянный и всякой чести достойный, которому по его благочестію знатная епархія поручена» [1]).

Анфимъ, этотъ высокомѣрный человѣкъ, не признававшій никого выше себя, требовавшій отъ всѣхъ одного поклоненія и нѣмого раболѣпства, теперь смиренно, рабски предсталъ предъ Даніиломъ въ Хотинѣ, съ разрѣшительною грамотой Мисаила въ рукахъ. Извѣстно, какъ и зачѣмъ разъѣзжали и разъѣзжаютъ фанаріоты-епископы по своимъ вотчинамъ-епархіямъ. Анфимъ предсталъ предъ Даніиломъ, какъ непредвидѣнная въ митрополичьемъ бюджетѣ статья, и потому неудивительно, что липованскій архіерей былъ любезно принятъ и предупредительно выслушанъ браиловскимъ владыкой. Анфимъ подалъ ему особую бумагу, въ которой изложилъ всѣ свои обстоятельства въ такомъ видѣ, какъ разсказывалъ Мисаилу, еще подробнѣе говорилъ онъ Даніилу «на рѣчахъ» и подалъ грамоту, добытую въ Драгомирнѣ. Браиловскій митрополитъ нисколько не усумнился, похвалилъ разсужденія Мисаила и, согласившись совершить надъ Анфимомъ обрядъ руковозложенія для подкрѣпленія заочной его хиротоніи, велѣлъ приходить въ слѣдующее воскресенье въ хотинскій соборъ.

Полонъ былъ этотъ соборъ въ назначенное время. Много собралось туда старообрядцевъ той стороны. Даніилъ служилъ литургію, сослужителемъ былъ Анфимъ. Во время «трисвятаго», когда, по обычаю православной, церкви совершается архіерейская хиротонія, Даніилъ возложилъ на коленопреклоненнаго Анфима

---

1) *Дѣло святѣйшаго синода о раск. арх. Анфимѣ.*

руки и прочиталъ надъ нимъ молитву благословенія. Обѣдню дослужили оба вмѣстѣ. Повѣщенные напередъ Анфимомъ старообрядцы изъ Вѣтрянки и слободъ, находящихся близъ Каменца, были при этомъ обрядѣ и разгласили повсюду о *хиротоніи* Анфима. Даніилъ благословилъ послѣ того Анфима управлять духовными дѣлами липованъ, живущихъ въ Браиловской епархіи, и во утвержденіе подписалъ грамоту, данную ему Мисаиломъ [1]).

---

1) Впослѣдствіи, именно въ 1757 году, ясскій митрополитъ о руковозложеніи, совершонномъ Даніиломъ, такъ говорилъ агенту, посланному для развѣдываній объ Анфимѣ отъ кіевскаго вице-губернатора: «а въ прошломъ 1756 году каковы прислалъ означенный лжеархіепископъ (Анфимъ) къ нему, ясскому митрополиту, два письма; оные, такожь и грамоту, по которой будто онъ, Анфимъ архіепископъ, посвященъ, показывалъ и о грамотѣ упоминалъ, то оная фальшивая и ежели-бъ она была подлинная, то должна-бъ быть на греческомъ діалектѣ». Но грамота, о которой говоритъ здѣсь Іаковъ (она помѣщена ниже въ примѣчаніи), дана была Анфиму впослѣдствіи не на санъ архіерея: эта грамота «избирательная» въ «архіепископы всего православія», то есть въ главные архіереи надъ всѣми, бывшими тогда, старообрядческими архіереями. Не зная по-русски, Іаковъ вѣроятно принялъ эту грамоту за настольную на епископство, или за благословенную отъ Мисаила и Даніила. Но вѣдь Анфимъ писалъ-же Іакову, что эту грамоту отнялъ у него католическій епископъ въ Радомыслѣ. Напротивъ, если-бы грамота, которую представилъ Анфимъ Іакову, была писана по-гречески, она бы должна была почесться за фальшивую, ибо старообрядческіе архіереи ни въ какомъ случаѣ не написали бы ее по гречески. Далѣе Іаковъ говоритъ русскому агенту: «А чтобы браиловскій греческій митрополитъ объявленнаго лжеца въ архіепископы посвятилъ, то неправда: оный митрополитъ Даніилъ человѣкъ ученый, постоянный и всякой чести достойный, которому по его благочинію знатная епархія поручена, и чтобы такого плута въ такое знатное архіепископство посвятилъ и подумать нельзя, да и безъ патріаршаго благословенія никакъ митрополиту въ архіепископы посвятить не можно». Однако-же Епифаній былъ посвященъ ясскимъ митрополитомъ безъ патріаршаго благословенія. Отъ самого Даніила посланный изъ Кіева узнать ничего не могъ, ибо онъ въ то время (1757) уже пропалъ безъ вѣсти. Этому посланному такъ говорилъ митрополитъ Іаковъ: «А объявленный греческій митрополитъ Даніилъ въ прошломъ году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, былъ въ турецкомъ городѣ Бѣлградѣ, и оттуда куда и зачѣмъ отъѣхалъ и гдѣ нынѣ находится, или отъ разбойниковъ на дорогѣ убитъ,—о томъ никакого объ немъ слуху въ Яссахъ и понынѣ не имѣется».

Анфимъ, утвердившій, какъ сказано, свое мѣстопребываніе въ Вѣтрянкѣ, съ согласія Даніила, выхлопоталъ въ Портѣ фирманъ на построеніе въ этой слободѣ большой каменной церкви, которую задумалъ сдѣлать митрополіею всѣхъ липованъ, живущихъ во владѣніяхъ турецкаго султана. А такъ какъ липоване молдавскіе не захотѣли бы имѣть его своимъ главою, то властолюбивый и своенравный Анфимъ думалъ подчинить ихъ властію свѣтскою и православныхъ митрополитовъ. Въ старообрядческихъ обществахъ вездѣ, а особенно за границей, и тогда, какъ и теперь, всякаго рода дѣла рѣшаются выборными отъ міра старшинами, которые ворочаютъ всѣмъ. Духовныя лица тамъ только исполнители распоряженій старшинъ и находятся въ совершенной зависимости отъ богатыхъ и вліятельныхъ прихожанъ. Это не могло нравиться Анфиму, желавшему повелѣвать и требовавшему, чтобы каждое его слово исполнялось, какъ велѣніе свыше. Отсюда цѣлый рядъ столкновеній его съ липованами, кончившійся гибелью этого властолюбиваго и гордаго человѣка.

Первымъ дѣйствіемъ липованскаго архіерея въ Бессарабіи было запрещеніе священнодѣйствовать попамъ, поставленнымъ Аѳиногеномъ [1]). Такъ высоко почиталъ Анфимъ руковозложеніе Даніила, что уже не признавалъ дѣйствительности хиротоніи Аѳиногеновой, хотя и не отрицалъ впослѣдствіи, что самъ отъ него получилъ архіерейство. Весьма можетъ быть, что попы Аѳиногенова посвященія не хотѣли признать Анфима своимъ владыкою, и онъ за то наложилъ на нихъ запрещеніе.

Окончательно рѣшившись утвердить свою каѳедру въ Вѣтрянкѣ, Анфимъ собрался ѣхать въ вѣтковскіе

---

[1]) Доношеніе коллегіи иностранныхъ дѣлъ синоду. *Въ дѣлѣ о расн. арх. Анфимѣ* 1757 года № 733.

предѣлы, въ свою Боровицу, гдѣ давно ожидали его Елизавета съ діакониссами и попы Буркины, гдѣ много было у него церковной утвари, которою теперь намѣревался онъ украсить новую свою вѣтрянскую церковь, гдѣ наконецъ находилась значительнѣйшая часть богатства, вывезеннаго Елизаветой изъ Москвы. Уже онъ совсѣмъ было собрался въ путь, какъ совершенно неожиданное обстоятельство заставило его отложить поѣздку.

Въ 1753 году, къ нему явилось посольство отъ кубанскихъ старообрядцевъ [1]). Они, узнавъ о старо-

1) Въ царствованіе Петра I произошелъ на Дону извѣстный бунтъ Кондратія Булавина (1708). Когда это возмущеніе, принявшее было громадные размѣры, было подавлено воеводой кн. Долгоруковымъ, одинъ изъ главныхъ предводителей возстанія, атаманъ Игнатъ Некрасовъ, съ 2.000 казаковъ, убѣжалъ на р. Кубань, подвластную тогда крымскому хану подъ верховнымъ владычествомъ султана турецкаго. Всѣ бѣглецы были старообрядцы по поповщинѣ. Пришедши на Кубань, они въ такъ называемыхъ Гребеняхъ завели много станицъ и заселили край, поступивъ въ подданство султана. Къ нимъ на «вольныя, обѣльныя земли» стали во множествѣ приходить казаки-старообрядцы съ Дона, Волги и Яика. Переселеніе на Кубань было такъ значительно, что обратило на себя вниманіе русскаго правительства, тѣмъ болѣе, что Кубанскіе казаки, съ вѣдома крымскаго хана и съ помощію кубанскихъ татаръ, дѣлали частыя вторженія въ предѣлы Россіи. Объ этомъ Петръ I писалъ въ іюлѣ 1710 года султану Ахмету III, но напрасно. Во время войны Петра съ Турціей, кубанцы, утѣсняемые русскими войсками, во множествѣ переселились вмѣстѣ съ Некрасовымъ въ Турцію. Построивъ каики, они переплыли Черное море и явились въ Константинополѣ, прося у султана земель для поселенія и предлагая службу противъ враговъ его, а въ особенности противъ Петра I. Просили они поселиться поближе къ русскимъ казакамъ и Запорожью. Имъ отведены были мѣста въ Добруджѣ и Бессарабіи по устьямъ Дуная, по рукаву Дуная, Дунавцу, и при озерѣ Разельмъ. Въ Добруджѣ они заселили три большія слободы. Серакой (по-русски Серяково), гдѣ теперь больше 600 домовъ, такой же величины слободу Слава и третье, Журилово, съ 500 домами. Другая, меньшая часть вышедшихъ въ Турцію съ Некрасовымъ казаковъ была поселена между Мраморнымъ моремъ и Архипелагомъ, неподалеку отъ устья рѣки Марицы, впадающей въ Эносскій заливъ. Тамъ, близъ города Эноса (родина перваго бѣлокриницкаго митрополита Амвросія), есть селеніе Каваккъ-Кіой. Третья, также небольшая часть кубанскихъ казаковъ, поселена

обрядческомъ епископѣ, живущемъ въ Хотинской Раѣ, обратились къ нему, прося пріѣхать къ нимъ и у нихъ, въ Гребеняхъ, построить и освятить церкви, и устроить церковный причетъ. Вмѣстѣ съ просьбою кубанцевъ, посланцы привезли Анфиму приглашеніе и отъ крымскаго хана, въ завѣдываніи котораго находились кубанцы. Анфимъ съ радостью принялъ сильно льстившее его самолюбію приглашеніе и немедленно собрался въ путь. Пріѣхавъ въ Крымъ, онъ прежде всего явился къ тамошнему православному архіепископу Гедеону, жившему въ Херсонесѣ, что близъ нынѣшняго Севастополя. Это крайне не понравилось сопровождавшимъ его гребенскимъ кубанцамъ, которые во всякомъ сближеніи съ православнымъ духовенствомъ видѣли самое большое нарушеніе своей вѣры. Подозрѣніе въ томъ, не придерживается ли Анфимъ никоніанства, запало въ душу этимъ грубымъ людямъ, но Анфимъ былъ не изъ такихъ, чтобы сталъ обращать на подобныя вещи вниманіе. Гедеонъ принялъ его любезно, много бесѣдовалъ съ нимъ, и далъ грамоту,

---

была въ Малой Азіи. Тамъ, неподалеку отъ Мраморнаго моря, есть большое селеніе, ими занимаемое, Банъ-Эвле, на рѣчкѣ Мандрозѣ. Другое поселеніе старообрядцевъ въ Малой Азіи, называемое Казакъ-Кіой, находится близъ устья р. Кизиль-Ирмака. Третье, тоже называемое Казакъ-Кіой,—близъ черноморскаго лимана Деркозъ, куда по зимамъ выѣзжаютъ старообрядцы изъ Банъ-Эвле для рыбной ловли. Во время войны султана Махмуда II съ египетскимъ пашой Мегеmедъ-Али, 3000 казаковъ отправлены были въ Сирію, и которые уцѣлѣли въ сраженіяхъ, тѣ поселились въ Сиріи и Киликіи. Наконецъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, русскіе старообрядцы есть въ Египтѣ, даже въ самомъ Каирѣ, и около Багдада. Кубанцы въ Турціи извѣстны подъ именемъ *Игнатъ-Казаковъ* (по имени предводителя ихъ Игната Некрасова), по-русски же больше называются *некрасовцами.* Это народъ грубый и невѣжественный, но сохранившій всецѣло русскую народность во всѣхъ условіяхъ своего домашняго и общественнаго быта. Изъ Кубани не всѣ казаки выселились съ Некрасовымъ въ Турцію. Потомки оставшихся и до сихъ поръ входятъ въ составъ кубанскаго казачьяго войска. Всѣ они старообрядцы. Называются также «Гребенскими казаками». Къ ихъ-то предкамъ и ѣздилъ Анфимъ въ 1753 году.

которою передавалъ въ его вѣдѣніе всѣхъ старообрядцевъ, жившихъ въ обширной его митрополіи, съ тѣмъ чтобъ онъ дѣйствовалъ среди нихъ архіерейски, ни отъ кого независимо. Еще не доѣзжая Крыма, въ Добруджѣ, гдѣ въ слободахъ Славѣ, Журиловкѣ и Серяковой жили также кубанцы, переселившіеся сюда съ своимъ атаманомъ Некрасовымъ, и потому называвшіеся «некрасовцами», онъ встрѣтился съ другимъ старообрядческимъ архіереемъ—Ѳеодосіемъ и поладилъ съ нимъ. Этотъ Ѳеодосій былъ посвященъ въ санъ раскольническаго «епископа кубанскаго и терскаго», то есть для оставшихся на Кубани гребенскихъ казаковъ—архіепископомъ крымскимъ. Гребенскіе кубанцы, чувствуя нужду въ епископѣ и слыша, что въ другихъ зарубежныхъ мѣстахъ, у одновѣрцевъ ихъ, есть такіе, обратились къ самому султану, прося его, чтобы онъ велѣлъ патріарху или крымскому архіепископу рукоположить имъ архіерея. Султанъ велѣлъ Гедеону исполнить желаніе кубанцевъ, а имъ приказалъ везти въ Херсонесъ выборнаго человѣка, котораго они считаютъ достойнымъ быть у нихъ архипастыремъ. Они привезли монаха Ѳеодосія. Гедеонъ всячески уклонялся отъ посвященія его, но когда посланный султаномъ паша съ янычарами вошелъ въ церковь и именемъ султана велѣлъ Гедеону рукоположить его, крымскому владыкѣ дѣлать было нечего, и онъ неволею рукоположилъ Ѳеодосія въ санъ епископа кубанскаго и терскаго [1]). Но почему то Ѳеодосій не остался у гребенскихъ кубанцевъ, а водворился у кубанцевъ-некрасовцевъ, жившихъ въ Добруджѣ..

---

[1]) Инокъ Парфеній въ своей книгѣ «*О Промыслѣ Божіемъ*», Москва 1757 г., стр. 185, хотя и говоритъ, что крымскій архіепископъ (а не митрополитъ) посвятилъ Ѳеодосія только во іеромонахи, но изъ дѣла синода 1757 года № 337, видно, что Ѳеодосій былъ епископомъ.

Изъ Крыма Анфимъ отправился на Кубань съ проѣзжею грамотой отъ хана, которому представлялся въ Бахчисараѣ. Сначала кубанцы приняли дорогого гостя радушно и съ великими почестями. Онъ устроилъ для нихъ монастырь и посвятилъ архимандрита, а по слободамъ—многое число поповъ, и далъ имъ универсалы, чтобъ имѣть имъ по своимъ обрядамъ церковное служеніе. Потомъ рукоположилъ для Кубани двухъ епископовъ [1], имена которыхъ намъ неизвѣстны. Не долго, однако, продолжалось доброе согласіе Анфима съ гребенскими казаками. Онъ хотѣлъ властвовать, хотѣлъ стать во главѣ всего тамошняго казачества, требовалъ, чтобы не только другіе начальные люди, но и самъ атаманъ ничего не дѣлалъ безъ его благословенія, а кубанцы хотѣли, чтобъ архіерей зналъ свою церковь да поповъ, а въ ихъ дѣла не мѣшался. Пошли ссоры, брань, своенравный Анфимъ слушать никого не хотѣлъ, и каждый день являлись съ его стороны новыя требованія и притязанія, а при малѣйшемъ противорѣчіи онъ грозилъ анаѳемой. Ужиться ему съ кубанцами было невозможно; притомъ же эти грубые, закоренѣлые въ невѣжествѣ полудикари, суевѣрные до крайней степени, заподозрили его въ никоніанствѣ, потому что у него былъ *Чиновникъ архіерейскаго служенія*, напечатанный въ Москвѣ во времена Петра I. Всѣ Гребени возмутились.— «Какъ кричали казаки,—по еретической книгѣ намъ поповъ наставилъ да и самъ по ней служитъ! Мы отъ такихъ книгъ изъ Россіи ушли, а онъ, еретикъ, врагъ Божій, сюда къ намъ ихъ завезъ! Въ куль, его да въ воду и съ книгами то!» Анфимъ бѣжалъ, и казаки едва не пожгли всѣ церкви, имъ освященныя, называя ихъ еретическими, никоніанскими. Волненіе, однако, чрезъ нѣкоторое время

---

[1]) Доношеніе коллегіи иностран. дѣлъ синоду, 27 мая 1737 года.

утихло: нашлись между казаками люди благоразумные и притомъ вліятельные на ихъ кругахъ, которые убѣдили толпу, что Анфима прогнали они безъ достаточнаго основанія. Кубанцы раскаялись и послали къ нему новыхъ посланцевъ съ письменнымъ всенароднымъ моленіемъ, прося у него прощенія за свой поступокъ и приглашая его снова на Кубань. Они догнали его на дорогѣ, но Анфимъ былъ не изъ такихъ, чтобы прощать подобныя обиды. «Аще изгонятъ васъ изъ града, бѣгайте въ другой,—отвѣчалъ онъ посланнымъ.—Нога моя не будетъ у васъ, крамольники. Мира и благословенія вамъ не даю,—ступайте откуда пришли». И воротились посланные ни съ чѣмъ. Рукоположенные Анѳимомъ два епископа продолжали, однако, архіерействовать на Кубани. Намъ неизвѣстна дальнѣйшая судьба ихъ, но, судя по нѣкоторымъ толкамъ старообрядцевъ позднѣйшаго времени, можно предполагать, что поставленные Анфимомъ архіереи въ свою очередь посвятили другихъ, и что такимъ образомъ на Кавказѣ раскольническая іерархія, происшедшая отъ Анфима, не прекращалась [1]).

---

[1]) Еще до начала Бѣлокриницкой митрополіи раскольники поповщинскаго согласія были несомнѣнно увѣрены, что на Кавказѣ, въ недоступныхъ русскому правительству мѣстахъ, есть старообрядческія поселенія, а тамъ и архіереи. Въ одномъ *сказаніи о заграничныхъ раскольникахъ* говорится о старообрядцахъ, живущихъ гдѣ-то около Багдада, гдѣ у нихъ три епископства, и затѣмъ прибавлено: «есть христіане между землею Турскою и Персидскою при рѣкѣ Курѣ, именуемые *стрѣльцы*». (См. Дѣло въ архивѣ московскаго военнаго генералъ-губернатора, 13 декабря 1837 г. по описи № 100). Въ сочиненіи *Сказаніе вкратцѣ о первоначальномъ учрежденіи нынѣ существующей въ нашей святой древле-православной церкви священной іерархіи и увѣреніе въ дѣйствительности оной сомнѣвающимся*, писанной въ Москвѣ, въ 1861 году, говорится, что Геронтій и Павелъ, отыскивавшіе епископа для старообрядства и путешествовавшіе по разнымъ мѣстамъ почти 10 лѣтъ, прежде всего (въ 1837 году) отправились на Кавказъ: «*И, по слухамъ, будто бы въ закавказскихъ ущельяхъ находятся единовѣрные намъ православные*

Возвратясь въ Вѣтрянку въ 1754 году, Анфимъ сталъ называться «епископомъ Кубанскимъ и Хотинскія Раи». Изъ Вѣтрянки поѣхалъ онъ, наконецъ, въ Боровицу, гдѣ московская барыня, а теперь игуменья Елизавета, съ молоденькими діакониссами и съ попами Буркиными уже болѣе года нетерпѣливо ожидали возвращенія своего архипастыря. Въ вѣтковскихъ предѣлахъ онъ пробылъ самое короткое время, необходимое только для сборовъ въ дальній путь. Вмѣстѣ съ Елизаветой и діакониссами, съ попами и клириками, имъ рукоположенными, и нѣкоторыми своими приверженцами изъ мірянъ, всего съ 15 человѣками, поѣхалъ онъ въ Хотинскую Раю, гдѣ обѣщалъ своимъ домочадцамъ тихое и безмятежное жительство. Дорóгой Анфимъ очень сблизился съ молоденькими діакониссами: обѣ онѣ сдѣлались беременны [1]). Проѣзжалъ Анфимъ гласно, съ нѣкоторою даже торжественностію, называя себя православнымъ епископомъ, посланнымъ будто бы отъ русскаго правительства въ польскія владѣнія и въ Молдовлахію отыскивать тамъ бѣглыхъ русскихъ раскольниковъ и вывозить ихъ назадъ въ

епископы, прежде обратились въ Грузію и прибыли въ городъ Тифлисъ, но тамъ ничего подобнаго сыскать не могли». Извѣстно, что въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія раскольниковъ за нарушеніе «уставовъ благочинія и благоустройства», а также за вторичное уклоненіе въ расколъ, ссылали на Кавказъ. Всѣ секты считали это за особенное милосердіе Божіе, видимыми путями приводящее ихъ къ соединенію. Каждый толкъ имѣлъ для сего основаніе: молокане—близость Арарата, скопцы—близость р. Ріона, акиноьевщина—Шемаху, и т. д., а старообрядцы поповщинскаго толка—близость къ епископамъ древляго благочестія, живущимъ въ ущельяхъ Кавказа. До того была сильна ихъ увѣренность въ дѣйствительномъ существованіи іерархіи на Кавказѣ. Теперь изъ дѣла синода объ архіепископѣ Анфимѣ оказывается, что въ прошломъ столѣтіи дѣйствительно были на Кавказѣ старообрядческіе архіереи.

[1]) Показаніе казака Семена Чижова: «И оной называемой епископъ ѣздилъ чрезъ Польшу въ Волотчину и на дорогѣ тѣхъ діаконисcъ учинилъ непраздныхъ... гдѣ будучи (въ Чебарчѣ) діакониссы его родили одна мальчика, а другая дѣвочку». См. *Дѣло о раск. арх. Анфимѣ*

Россію. Такъ сказался онъ и въ мѣстечкѣ Радомыслѣ [1]). Случившійся въ то время въ этомъ мѣстечкѣ епархіальный католическій епископъ, узнавъ отъ своихъ людей о такой миссіи проѣзжавшаго Анфима, хотѣлъ подробнѣе и точнѣе удостовѣриться въ томъ, и послалъ за Анфимомъ, требуя, чтобъ онъ немедленно явился къ нему. Анфимъ перепугался и поскакалъ наскоро по дорогѣ въ Житоміръ. Его бѣгство возбудило въ бискупѣ сильное подозрѣніе; была послана погоня, и въ двухъ миляхъ отъ Радомысля Анфимъ со спутниками былъ схваченъ и привезенъ къ бискупу. Бискупъ разсмотрѣлъ Анфимовы бумаги и удостовѣрился, что онъ обманщикъ и никакого порученія отъ русскаго правительства не имѣетъ. Вообще Анфимъ показался ему лицомъ весьма подозрительнымъ. Неточные, неопредѣлительные и сбивчивые его отвѣты, а больше всего рваныя ноздри внушили прелату подозрѣніе, что это какой-нибудь преступникъ, бѣжавшій съ русской каторги. Онъ посадилъ Анфима въ тюрьму вмѣстѣ съ діакониссами и всѣмъ его причтомъ. «А которые были съ бородами попы и мужики, тѣхъ всѣхъ перебрилъ, а его (Анфима) не брилъ, и деньги и сосудъ его церковный и ризницу, которой у него было сотъ на пять, обралъ» [2]). Нѣсколько недѣль Анфимъ,

---

[1]) Уѣздный городъ Кіевской губерніи, тогда бывшій въ польскихъ владѣніяхъ. Въ допросѣ Семена Чижова онъ названъ «Радоможемъ».

[2]) Допросъ казака Чижова въ *Дѣлѣ о раск. арх. Анфимѣ*, № 337. Объ этомъ происшествіи съ Анфимомъ говоритъ и Иванъ Алексѣевъ въ своей *Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ*, стр. 66: «послѣ бо сего дерзновенія (рукоположенія отъ Аѳиногена), Анфимъ отшедъ, и тако по нѣкоимъ странамъ проходя, апостольствуя, рукополагая прочихъ, возвратися оттуду, возмездіе своего дѣла воспрія: ятъ бо бысть нѣкоимъ въ Польшѣ и могилевскому епископу вданъ, и той остриже ему главу и браду, въ темницу затвори повелѣ. И тако прокаженъ едва оттуду утече и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скрыся». Если такъ, то это былъ православный могилевскій епископъ Іеронимъ (Волчанскій), предшественникъ

со всѣми его приближенными, томился въ каменной тюрьмѣ Радомысля. Впослѣдствіи Анфимъ, объясняя ясскому митрополиту это обстоятельство, говоритъ, что польскіе бискупы хотѣли его обратить въ унію. «Того ради много озлобленія иріяхомъ за правовѣріе нашея восточныя церкви,—писалъ онъ къ этому митрополиту,—и того ради насъ замуроваша въ каменную стѣну, и едва, Вышняго Бога помощію, ушелъ изъ рукъ ихъ, а имѣніе мое, и люди, и кони, и всѣ грамоты даже и до днесь въ рукахъ ихъ» [1]). На счастье Анфима вступился за него панъ Лабуньскій, владѣлецъ слободы Рудницкой, которая была населена старообрядцами, признавшими правильность епископства Анфимова. Они просили Лабуньскаго, а Лабуньскій, весьма дорожившій поселившимися на его земляхъ старообрядцами, ибо они доставляли ему отличный доходъ, принялся хлопотать у епископа за Анфима и вскорѣ успѣлъ его выручить. Пробывъ двѣ недѣли въ слободѣ Рудницкой, среди выручившихъ его одновѣрцевъ, Анфимъ съ діакониссами отправился въ Бессарабію, но почему то не поѣхалъ въ Вѣтрянку, а поселился въ слободѣ Чебарчи или Чобурчи на берегу Днѣпра [2]).

Въ началѣ слѣдующаго 1755 года, въ слободу Чобурчи прибыло новое посольство къ Анфиму. Оно было изъ Добруджи отъ тамошнихъ кубанцевъ или некрасовцевъ. Всѣ три слободы ихъ, будучи недо-

---

знаменитаго Георгія Конисскаго. Но Чижовъ зналъ вѣрнѣе; онъ прямо говоритъ, что это былъ католическій епископъ; то же послѣ писалъ и самъ Анфимъ къ Іакову.

[1]) Письмо Анфима къ митрополиту Іакову. 12 декабря 1756 г. *Дѣло о раск. арх. Анфимѣ*, № 337.

[2]) Чобурчи или Чебарчи нынѣ казенное село Аккерманскаго уѣзда Бессарабской области, съ 212 дворами, на правомъ берегу Днѣпра. Противъ него, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ Одесскомъ уѣздѣ, есть другое село Чобурчи съ 217 дворами.

вольны епископомъ Ѳеодосіемъ за то, что онъ не хотѣлъ признавать православныя церкви, греческія и русскія, полными всякаго нечестія и не имѣющими ни малѣйшаго слѣда благочестія, звали къ себѣ Анѳима для водворенія церковнаго благочинія и благоустройства. И въ Славѣ, и въ Журиловкѣ, и въ Серяковѣ шла тогда большая неурядица въ духовныхъ дѣлахъ. Смятенія были до того велики, что старообрядческій епископъ Ѳеодосій со своими приверженцами принужденъ былъ удалиться изъ Добруджи, гдѣ грубые, буйные некрасовцы грозили ему смертію. У нихъ, какъ и на Кубани, расправа была короткая: соберутъ «кругъ» и начнутъ совѣтоваться; старики приговорятъ: «въ куль, да въ воду», а молодые тотчасъ и исполняютъ приговоръ. Едва избѣжавъ смерти, Ѳеодосій поселился на лѣвой сторонѣ Днѣстра, неподалеку отъ возникшаго впослѣдствіи города Одессы. Здѣсь онъ построилъ старообрядческую слободу Маяки, что нынѣ городъ Херсонской губерніи. Онъ и умеръ впослѣдствіи въ Маякахъ и похороненъ тамъ. До сихъ поръ жители этой слободы, считая Ѳеодосія святымъ, благоговѣйно чтутъ могилу этого «епископа кубанскаго и терскаго».

Анѳимъ прибылъ къ некрасовцамъ въ слободу Славу вмѣстѣ со всѣми своими присными: съ діакониссами, съ попами Іосифомъ и Матвѣемъ Буркиными и всѣмъ клиромъ церковнымъ. Сначала онъ поладилъ съ казаками и, кажется, даже успѣлъ помирить съ ними Ѳеодосія, освятилъ для нихъ церковь, наставилъ поповъ и діаконовъ столько, сколько имъ хотѣлось. Некрасовцы тоже были довольны Анѳимомъ и предложили ему поселиться у нихъ и быть «архіепископомъ всего православія». Анѳимъ не заставилъ долго просить себя, и церковь въ слободѣ Славѣ сдѣлалъ своей митрополіей, наименовавъ ее «соборною цер-

ковью всего православія». Самыхъ горячихъ своихъ приверженцевъ онъ пристроилъ къ этой церкви: Матвѣя Буркина сдѣлалъ «экономомъ соборныя церкви всего православія», а брата его Іосифа «логоѳетомъ». Самъ же принялъ на себя званіе «архіепископа всѣхъ старообрядцевъ», живущихъ въ подданствѣ турецкаго султана и крымскаго хана [1]). На соборъ, бывшій по

---

[1]) На соборѣ 20 апрѣля 1755 года была составлена слѣдующая грамота на возведеніе Анфима въ санъ архіепископа:

«*Божіею милостію смиренный Анфимъ, архіепископъ всего православія.*

«*Боголюбивый епископъ Ѳеодосій, кубанскій и терскій.*

«По благодати, дару и власти Всесвятаго и Живоначальнаго Духа, данный намъ отъ самаго великаго архіерея, Господа нашего Іисуса Христа, черезъ святыя и священныя его апостолы, и ихъ намѣстники и преемники, другъ-другопріимательнѣ даже до насъ порученной, со общаго соборнаго совѣту, по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, избраніемъ епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ, и всего причта церковнаго, избрахомъ благочестиваго сего епископа Анфима кубанскаго и Хотинскія Раи во *архіепископы*, во еже быти ему старѣйшимъ епископомъ и наблюдателю и правителю православныя церкве греческаго исповѣданія православныя вѣры, древле-церковнаго преданія, великороссійскія церкве всего православія, наполняющу мѣсто отценачальниковъ и имѣющу честь и сѣданіе архіепископа и по обычаю святыя восточныя и апостольскія церкве, благодатію того же Всесвятаго и Животворящаго и Всесовершающаго Духа, произведохомъ и рукоположихомъ его на святопреизящнѣйшій степень *архіепископства всего православія*, ни изъ падающей церкви и гонимѣй отъ безбожныхъ языкъ и отъ еретиковъ, обаче благодатію Христовою укрѣпляемѣй, но по неложному Его, Спасителя нашего Бога, обѣщанію, рекшаго сице: «се Азъ съ вами во вся дни до скончанія вѣка». Долженъ же онъ, архіепископъ Анфимъ, по своему обѣщанію и по излившейся нань благодати Всесвятаго Духа, имѣти стражбу о священныхъ канонѣхъ, божественныхъ правилъ храненія, поручено бо есть ему твердо соблюдати я, да ничто же отъ нихъ преступаемо и забытіемъ не минуемо, ни изысканіемъ оставляемо въ мукахъ онѣхъ изыскано будетъ, и древле церковная преданія великороссійскія церкве сохраняти и защищати, и расширяти, и умножати, и вся, по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, совершати, и никакого насилія, и обидъ, и лихоимства не творити; сущимъ подъ нимъ епископомъ, имъ церкви Божія отъ службы упражняти, злата и сребра, или иного нѣкоего вида; яко да не преступникъ Божіихъ заповѣдей и апо-

этому случаю 20 апрѣля 1755 года въ Славѣ, пріѣзжалъ изъ Маяковъ и Ѳеодосій. Съ епископами, находившимися на предгоріяхъ Кавказа, на рѣкѣ Кубани, снеслись заблаговременно, и отъ нихъ получено было согласіе на возведеніе Анѳима въ санъ «архіепископа».

Но Анѳимъ не долго ладилъ съ некрасовцами. Своимъ характеромъ, своимъ стремленіемъ подчинить себѣ всѣхъ атамановъ до такой степени, чтобы не могли они безъ его воли ничего предпринимать, своими высокомѣрными выходками, онъ возбудилъ всеобщее на себя неудовольствіе; притомъ же отношенія его къ діакониссамъ были слишкомъ явны и производили большой соблазнъ между Игнатъ-казаками, которые хотя и не отличались скромностію и цѣломудріемъ, однако, не могли терпѣть соблазна, производимаго ихъ архипастыремъ. Но всего болѣе раздражали ихъ отзывы Анѳима о православныхъ греческихъ архіереяхъ. Мы уже видѣли, какъ онъ искалъ благосклонности митрополитовъ ясскаго, браиловскаго, редовуцкаго, крымскаго; это узнали некрасовцы и были тѣмъ крайне недовольны. Когда же, говоря о разныхъ духовныхъ дѣлахъ, Анѳимъ сталъ ссылаться на этихъ митрополитовъ, какъ на авторитеты, и отзываться о нихъ съ почтеніемъ, а не съ ругательствами и про-

---

стольскихъ велѣній обращается, по 4 правилу 7 Вселенскаго собора. И безъ совѣта сущихъ подъ нимъ епископовъ ничто же творити, но предлагати на всяко лѣто нужнѣйшія вещи всему освященному собору, яко правило святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ повелѣваетъ. Во увѣреніе же сего написанія здѣ краткая соборная грамота, руками подписанная и печатію запечатанная. Лѣта мірозданія 7263 (1755) году, мѣсяца апрѣля въ 20 день.

«Экономъ соборныя церкви, священноіерей Матвѣй Буркинъ.
«Логоѳетъ, священноинокъ Іосифъ».

Копія съ этой грамоты хранится въ архивѣ синода.

клятіями, на которыя такъ щедры были некрасовцы, они его возненавидѣли едва ли не больше, чѣмъ бывшаго у нихъ до того Θеодосія. Первые заводчики смуты противъ Анфима были, впрочемъ, не сами некрасовцы, а народъ пришлый изъ молдавскихъ старообрядческихъ слободъ. По крайней мѣрѣ такъ говорилъ впослѣдствіи самъ Анфимъ. Замутились некрасовцы, а съ ними и попы не Анфимова поставленья, и чернецы, и уставщики, и клиръ. Раздался извѣстный кликъ: «въ куль, да въ воду!» Но Анфимъ и на этотъ разъ избѣжалъ бѣды: онъ успѣлъ уйти въ Чобурчи съ діакониссами, логоѳетомъ и экономомъ. Некрасовцы послали за нимъ погоню. На дорогѣ догнали архіепископа, ограбили его до чиста и едва не убили [1]. Добравшись до Чобурчей, Анфимъ сдѣлался отцомъ семейства: обѣ діакониссы родили—одна мальчика, другая дѣвочку. Послѣ такого скандала ему нельзя было оставаться въ Чобурчахъ, и онъ водворился на старомъ мѣстѣ въ Вѣтрянкѣ. Здѣсь онъ началъ искъ противъ ограбившихъ его, жаловался крымскому хану и самому султану. По распоряженію хана и по султанскому фирману, кое-что изъ пограбленнаго имущества найдено, но далеко не все. Послѣ грабежей въ Радо-

[1] Письмо Анфима къ ясскому митрополиту, 12 декабря 1756 года «Третіе озлобленіе отъ сихъ суевѣрниковъ и своевольниковъ, поповъ, и чернцовъ, и мужиковъ, навожденіемъ и совѣтомъ обрѣтающихся въ митрополіи вашей: разбили меня на дорогѣ въ проѣздѣ моемъ съ Кубани (некрасовцы въ бумагахъ того времени зовутся еще кубанцами, самыя поселенія ихъ въ Добруджѣ—Кубанью) на Чебарчи, и каково руганіе показаша, ни едино слово представити можетъ и вмалѣ, такожде смерти меня не предаша и имѣніе мое все взяша; обаче сіи злотворцы изысканы ханскою грамотою и рукой вѣрныхъ нашихъ и нами, а иніи имѣются еще не сысканы въ митрополіи вашего преосвященства, о которыхъ обидникахъ и прошеніе послалъ до вашего преосвященства. но еже сыскать тѣхъ обидниковъ и намъ ихъ выдать, на что и салтанская грамота, именно на нихъ, дана и велѣно ихъ взять изъ вашей области. *Дѣло святѣйшаго синода о раскольническомъ архіепископѣ Анфимѣ*, № 337.

мыслѣ и на пути изъ некрасовскихъ слободъ, Анфимъ обѣднѣлъ: почти все, что досталось ему отъ московской барыни, почти все, что было нажито архіерействованіемъ, осталось въ рукахъ хищниковъ. На послѣднія деньги онъ принялся, однако, строить въ Вѣтрянкѣ давно задуманную имъ каменную церковь, но 24 ноября 1756 года, когда самого Анфима въ Вѣтрянкѣ не было, изъ старой деревянной церкви воры украли заготовленныя на постройку немалыя деньги и также все церковное украшеніе, потиры, митры, ризы и пр. [1]) Украли и всю архіерейскую ризницу, такъ что Анфиму и служить было не въ чемъ. Онъ подозрѣвалъ въ этомъ дѣлѣ враждебныхъ ему старообрядцевъ, и, кажется, не безъ основанія. Совсѣмъ обездолили они такъ недавно еще богатаго Анфима. Теперь онъ былъ почти нищій.

А между тѣмъ паства его умалялась; его уже знать не хотѣли и бѣгали, какъ еретика, и некрасовцы, и жившіе въ Молдавіи старообрядцы, и жившіе въ польскихъ владѣніяхъ. Лишь немногіе изъ бессарабскихъ старообрядцевъ да жители села Хребтовки, что въ Подоліи, еще признавали его своимъ архипастыремъ. На Кубани, кажется, забыли Анфима. Отшатнувшись отъ Анфима и прогнавъ его поповъ, заднѣстровская поповщина попрежнему, съ большими трудами, съ большими пожертвованіями, стала добывать себѣ бѣглыхъ поповъ изъ Россіи, и эти попы естественно сдѣлались самыми сильными и самыми опасными врагами Анфима. Изъ нихъ самыми вліятельными на народъ оказались священствовавшіе въ Сальцахъ—черный попъ Макарій, родомъ южноруссъ (руснякъ) и, если вѣрить Анфиму, бывшій уніатъ, да попъ Иванъ Андреевъ, священствовавшій прежде въ

---

[1]) *Дѣло святѣйшаго синода о раск. арх. Анфимѣ*, 1757 г., № 337.

Россіи, но потомъ лишенный сана, отданный въ солдаты и бѣжавшій къ старообрядцамъ за границу. Оба они безпрестанно и ревностно оглашали Анфима самозваннымъ архіереемъ и еретикомъ, продавшимъ свою совѣсть и древлее благочестіе греческимъ митрополитамъ за мірскія почести. На все, что пришлось Анфиму вытерпѣть на Кубани и въ Добруджѣ, они указывали, какъ на сильные аргументы его еретичества. «Вотъ, смотрите, православные,—говорили они,—такіе ревнители, такіе поборники древляго благочестія, каковы оные кубанцы, первые увидали подъ овчей кожей алчнаго волка: отъ нихъ не можетъ скрыться никакое еретическое дѣйство». Разсказывая объ отношеніяхъ Анфима къ обѣимъ діакониссамъ, о томъ, что онъ живетъ съ двумя семьями, попы насмѣшливо говорили: «вотъ Анфимъ ужь и впрямь архіерей по чину Мелхиседекову! У него, что у турки, двѣ жены, коли не завелъ третьей!» И Макарій, и Иванъ Андреевъ говорили, что изъ всѣхъ ересей, какія когда-либо бывали на свѣтѣ, нѣтъ и не было злѣе ереси Анфимовой, и потому даже перекрещивали и перевѣнчивали крещенныхъ и вѣнчанныхъ попами Анфимовскаго поставленья. Были и другіе попы, обличавшіе Анфима, называвшіе его еретикомъ и отклонявшіе отъ него народъ. Изъ нихъ особенно вліятеленъ былъ жившій въ слободѣ Кроковѣ (въ Молдавіи) престарѣлый іеромонахъ Авраамій, котораго молдавскіе и бессарабскіе старообрядцы звали своимъ «патріархомъ», и другой, по имени Николай, жившій въ Долгой Полянѣ, что въ Бессарабіи.

Плохо приходилось Анфиму; со всѣхъ сторонъ онъ былъ окруженъ врагами; положеніе его было хуже того, въ какомъ находился Аѳиногенъ передъ бѣгствомъ въ Каменецъ. Въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ вздумалъ онъ прибѣгнуть къ митрополитамъ и патрі-

арху константинопольскому. Онъ подалъ доношеніе Даніилу браиловскому, прося его представить его просьбу самому цареградскому патріарху, а черезъ нѣсколько времени послалъ другое такого же рода доношеніе къ митрополиту молдавскому. Вотъ этотъ, во многихъ отношеніяхъ любопытный документъ:

«Великому господину, преосвященнѣйшему архіепископу Іакову, митрополиту всея Молдавскія земли.

Доношеніе.

«Доноситъ вашему преосвященству Анфимъ, епископъ кубанскій, а о чемъ мое доношеніе, тому слѣдуютъ пункты:

«I. Извѣстно вашему преосвященству, что въ митрополіи вашей имѣется многочисленно народа, великороссійскихъ людей, именуемыхъ *липовени*, и зовутся христіане греческаго исповѣданія, а отъ патріарховъ, митрополитовъ, и архіепископовъ, и епископовъ, и всего священническаго чина дѣйствительныхъ священниковъ отступили и вси ни во что вмѣняютъ и всѣхъ таинствъ церковныхъ не принимаютъ, токмо нѣкоторыя. Изъ нихъ имѣютъ у себя поповъ бѣглыхъ изъ Великороссіи и отъ прочихъ епархіевъ и *отъ своихъ архіереовъ запрещенныхъ*, овыхъ разстриженныхъ, овыхъ безмѣстныхъ, и весьма грубыхъ, и неразумныхъ, и невѣждей сущихъ, о чемъ ясно описано мною въ поданномъ отъ меня доношеніи Даніилу, митрополиту Проилаву (Браилову?), которое послано и до святѣйшаго *нашего* патріарха константинопольскаго, Кирилла.

«II. И оныхъ поповъ пріимаетъ у нихъ попъ, который къ нимъ, мужикамъ, прежде пришелъ. И съ ними, мужиками, пришедшаго къ нимъ попа пріимаетъ сице: повелитъ ему проклясть всѣхъ восточныя церкве архіереовъ и прочіе чины и уставы, дѣйствуемые въ восточной церкви; и приноситъ оный попъ всѣмъ у нихъ прощеніе чернцамъ и черницамъ, и мужикамъ и

бабамъ, яко-бы былъ въ ереси, и тако благословеніе принявъ отъ нихъ шарверомъ (?) дѣйствуетъ у нихъ и учитъ и утверждаетъ тако, что можетъ де приходящихъ отъ ереси пріять и попъ попа; и благословить его священнодѣйствовать, зане де іерейское благословеніе съ архіерейскими равно есть, и тако восточныя церкве архіереовъ всѣхъ еретиками имянуютъ, точію себя православными зовутъ, и въ нихъ обѣщанію Христову глаголютъ исполнитися, реченному сице: «се Азъ съ вами до скончанія вѣка».

«III. А ежели кто, *бывъ въ нихъ и познавъ ихъ прелесть, пріидетъ въ сообщеніе соборныя церкви и пріиметъ разрѣшеніе своимъ согрѣшеніямъ, и дѣйствительное благословеніе отъ преосвященныхъ архіереовъ, яко же и азъ, смиренный* [1]) *бывый въ ихъ заблужденіи и пріялъ благословеніе и исполненіе святыни съ руковозложеніемъ* и молитвами чрезъ преосвященнѣйшаго митрополита Даніила и *совершенную власть епископскую* съ подписаніемъ рукъ отъ его преосвященства Проилава, Даніила и архіепископа Гедеона крымскаго и духовнаго моего отца проинъ епископа Мисайлы редовуцкаго, то они отступницы, липовени, таковаго завутъ еретикомъ и отступникомъ отъ православныя вѣры, и многія клеветы и укоризны произносятъ на православныхъ служителей всюды, дабы точію ихъ прелесть славна была и вездѣ распространялась въ сынахъ погибельныхъ и въ невѣжественныхъ и заблудныхъ человѣкахъ, яко овцахъ, неимущихъ пастырей.

«IV. А отъ насъ, смиренныхъ, восточныя церкве благочестивыхъ священниковъ, крещенныхъ человѣковъ, ежели кто пріидетъ въ ихъ прелестное мудрованіе, то

---

[1]) Стало-быть Анфимъ не считалъ уже болѣе себя старообрядцемъ, а обратившимся изъ раскола въ православіе.

оныхъ перекрещиваютъ, овыхъ мvромъ помазываютъ, котораго мvра у нихъ и не бывало, и другъ послѣ друга перекрещиваютъ, и браки перевѣнчиваютъ, яко же чинится нынѣ въ митрополіи вашего преосвященства отъ нихъ, неосвященныхъ липованскихъ священниковъ.

«V. Есть въ Замостіи черный попъ Макарій, который родомъ руснакъ, поставленъ въ попы во уніи, и отъ нихъ, уніатовъ, ушелъ и крестился у липованъ, и былъ простымъ мужикомъ, потомъ паки въ унію своими епископы уніатскими пріятъ во унію, и служилъ года съ три, и паки къ липованамъ пришелъ въ митрополію вашего преосвященства, и отъ липованскаго попа постригся въ монахи, и благословеніемъ чернцовъ и мужиковъ священнодѣйствуетъ и до днесь на Замостіи и на Сокольницахъ и на прочихъ слободахъ, — креститъ, исповѣдуетъ, браки вѣнчаетъ и прочія дѣйствія дѣйствуетъ, что ему повелятъ мужики, яко же у лютеранъ: ратушею пастора избираютъ и даютъ черную спанчу, а не архіереи рукополагаютъ.

«VI. А послѣ сего попа Макарія, нынѣ явившійся на Сальцахъ попъ Иванъ Андреевъ перекрещиваетъ второе и браки перевѣнчиваетъ. А сей попъ Иванъ Андреевъ былъ въ Россіи разстриженъ по правильной винѣ, и въ солдаты отданъ, и ушедъ, здѣ дѣйствуетъ въ митрополіи вашего преосвященства. Такожде и другій чернецъ, попъ Панфутій, бывый разстриженъ, и той дѣйствуетъ въ митрополіи вашей, ѣздя по всѣмъ липованамъ. А нынѣ имѣется на Долгой Полянѣ и черный попъ Николай, который постриженъ отъ попа чернаго, неимущаго архіерейскаго благословенія и ставленныя грамоты, и священнодѣйствуетъ на Кроковѣ у вашего преосвященства. И еще попъ Авраамій имѣется на Долгой Полянѣ, такожде бывый бѣлый попъ, и постригся отъ чернаго же попа, неимущаго

епископскаго благословенія, и самъ не имѣетъ іеромонашескія грамоты, а священнодѣйствуетъ въ митрополіи вашея святыни. Сего попа они имѣютъ яко патріарха, старости ради. И сіи вышепоказанные неосвященніи священницы дѣйствуютъ во всѣхъ слободахъ въ митрополіи вашего преосвященства, не опасаяся никого, но надѣясь на гроши мужиковъ, а вашему преосвященству о семъ неизвѣстно, что они какіе люди. И черные ихъ попы дѣйствуютъ вся мірскія потребы безъ благословенія епископскаго, въ противность правиламъ святыхъ отецъ и всея восточныя церкви.

«VII. А нынѣ вѣдомо учинилось нашему смиренію, что оные пустопопы между собой совѣтъ учинили, дабы поставить себѣ церковь въ митрополіи вашего преосвященства, на Долгой Полянѣ, позволенія времене чрезъ мужиковъ отъ великаго вашего государя. И вашему преосвященству о семъ извѣстно-ли? Аще-ли вѣдомо, то убо не подобаетъ о семъ вашему архипастырству не радѣть, дабы таковые своевольники церковь имѣли внутрь митрополіи вашего преосвященства, но подобаетъ всяко тщаніе имѣть и совѣтовать съ великимъ государемъ и не попущать церковь строить таковымъ прелестникомъ на утвержденіе прелести ихъ, дондеже приложити подъ паству или вашего преосвящества живущіе въ митрополіи вашей, или къ намъ, смиреннымъ, да имѣютъ покореніе братскія любве насъ, смиренныхъ, съ вашимъ преосвященствомъ, какъ и его преосвященство Даніилъ митрополитъ и его преосвященство Гедеонъ архіепископъ позволили, и благословили, и подписалися, дабы мнѣ имѣть власть и смотрѣніе надъ таковыми людьми, а не своеволісмъ и разбойническимъ правомъ, въ противность правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, яко же вышепоказанные своевольники безчинствомъ своимъ творятъ; ибо сіи ругатели восточныя церкви — откуда имѣютъ

мvро? Откуда антиминсы? И подъ паствою котораго архіерея хотятъ быть? Развѣ въ своеволіи церковь имѣть хотятъ сіи разстриги, яко же обычай имъ есть, да удобѣе свою прелесть и своеволіе утвердятъ и распространятъ? И о семъ вашему преосвященству не подобаетъ небрещи, но всяко тщаніе имѣть, дабы таковыя ереси покуль не имѣли растенія внутрь митрополіи вашего преосвященства и отъ братіи своея, преосвященныхъ архіереовъ, зазрѣнія не было, зане вамъ имѣется всяка власть и свобода ко возбраненію таковыя прелести во своей митрополіи.

«VIII. Егда же сіи своевольники, мужики, просятъ что имѣть у вашего преосвящества или церковь поставить или о которомъ попѣ именно, то подобаетъ вашему преосвященству ихъ вопросить: съ вѣдома-ли они просятъ о церкви нашего смиренія у вашего преосвященства, и имѣется-ли отъ мене письменное прошеніе о томъ до вашего преосвященства, и попъ оный, о которомъ они просятъ, имѣетъ-ли ставленную или правильную грамоту и за подписаніемъ-ли руки нашего смиренія, понеже мы, смиренніи, имъ, липованамъ, пастыри есми, аще они и чинятся непокорные отъ своеволія, обаче намъ, пастыремъ сущимъ, подобаетъ всякое имѣть разсужденіе, да братство и любовь будутъ и исполнится на насъ реченное Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ: «о семъ познаютъ вси, яко Моя есте ученицы, аще любовь имате между собою». А не смотрѣть бы вашему преосвященству ни на какія ихъ, мужиковъ, оговорки, что будутъ клеветать на наше смиреніе, ибо наши люди весьма лукави и вашему преосвященству ихъ пронырства неудобь можетъ достижно уразумѣтися, ибо они не хотятъ никакимъ образомъ подъ паствою пастыря быть, но токмо въ самочиніи и въ отчужденіи восточныя церкви, о чемъ пространнѣе будемъ имѣть разговоръ о всемъ съ ва-

шимъ преосвященствомъ, когда персонально видѣтися будемъ.

«Того ради нынѣ ваше преосвященство прошу сіе мое доношеніе принять и о вышеписанномъ разсмотрѣніе учинить и такимъ своевольникамъ церковь строить не попущать безъ вѣдѣнія нашего смиренія и поповъ ихъ всѣхъ освидѣтельствовать, а таковыхъ бы ересей имъ творить возбранить, что по дважды и по трижды крестить каждаго человѣка, такожде и вѣнчать по дважды, и постригать черцовъ и черницъ по дважды, а неимущимъ самимъ власти ни единыя отъ преосвященныхъ архіереовъ, а быть бы подъ властію архіерейскою имъ, попамъ, а не по своей волѣ, а съ нашимъ смиреніемъ вашему преосвященству союзъ любве и братства имѣть и о всемъ къ намъ писать въ домъ нашего смиренія въ Хотинскую Раю въ село Вѣтрянку.

«Преосвященнѣйшій владыко, прошу вашего архипастырства о семъ моемъ прошеніи благоразсудительное усмотрѣніе учинить. 7264 году іюня 30 дня.»

«*Smirennyi Anfim Archiepiskop Kubanskiy i Chotinskiia Ray Липовенъ*» [1]).

Это былъ чистѣйшій доносъ старообрядческаго архіерея на свою непокорную паству. Своенравному, властолюбивому Анфиму хотѣлось наконецъ силою предержащей власти заставить липованъ признавать его своимъ духовнымъ главой. Онъ представляетъ липованъ людьми опасными и особенно обращаетъ вниманіе ясскаго митрополита на то, что они митрополитовъ и епископовъ ни во что вмѣняютъ, а это во всякомъ случаѣ не могло понравиться фанаріоту Іакову, гордому божественностію своего права. Донося на старообрядцевъ, Анфимъ под-

---

1) *Дѣло святѣйшаго синода о раск. арх. Анфимѣ*, 1757 г., по архивной описи № 337.

стрекаетъ молдавское правительство на крутыя мѣры, подобныя тѣмъ, какія были тогда во всей силѣ въ Россіи. Само собой разумѣется, что когда липоване узнали о перепискѣ «архіепископа всего православія» съ православными греческими митрополитами и даже съ самимъ константинопольскимъ патріархомъ, они пуще прежняго возненавидѣли его и объявили еретикомъ. Молдавскій митрополитъ отвѣчалъ Анфиму, но письмо его намъ неизвѣстно [1]). Изъ второго Анфимова посланія видно однако-же, что Іаковъ спрашивалъ его, когда и кѣмъ онъ поставленъ въ архіереи, звалъ къ себѣ въ Яссы для свиданія и изъявлялъ готовность поручить подъ его паству всѣхъ старообрядцевъ, жившихъ въ его обширной Молдовлахійской епархіи. На это письмо Анфимъ отвѣчалъ 12 декабря 1756 года. Разсказавъ, что онъ посвященъ епископомъ Лукою, переименовавшимъ себя въ Аѳиногена, что въ Драгомирнѣ онъ благословленъ митрополитомъ Мисаиломъ, и что въ хотинскомъ соборѣ митрополитъ Даніилъ благословилъ его съ руковозложеніемъ, объяснивъ всѣ бѣдствія и озлобленія, которыя испыталъ онъ отъ кубанцевъ, римскихъ бискуповъ и липованъ, представивъ славскую грамоту на санъ «архіепископа всего православія»,—

---

[1]) Второе письмо Анфимъ писалъ къ Іакову 12 декабря 1756 г. Оно начинается такъ: «*Получихъ вашего преосвященства писаніе, посланное до насъ, смиренныхъ*, и въ немъ познахъ братосоюзную, начальнѣйшую главизну Христовыхъ учениковъ, о ней же самъ Спаситель нашъ рѣче: «О семъ познаютъ вси, яко Мои есте ученицы, аще любовь имате между собою». И вашего преосвященства сія главизна, пребывающая въ васъ, до насъ простреся, желающая видѣти насъ и готовы суще всяка устроеніе дѣла нашего званія намъ поручить, яко же и мы, смиреннiи, ваше преосвященство, издавна имѣемъ желаніе видѣти васъ, но возбраняемся сатаною даже доселѣ, о которомъ возбраненіи вашему преосвященству объявили кратко, какъ и ваше преосвященство изволили уразумѣть отъ поданнаго вамъ доношенія нашу отважность въ противостояніи липованскихъ забобонъ». *Дѣло святѣйшаго синода о раск. арх. Анфимѣ* 1757 года, № 337.

Анфимъ такъ заключаетъ свое посланіе къ Іакову: «Ваше преосвященство, прошу дать позволеніе моимъ священникамъ священнодѣйствовать въ митрополіи вашей, въ нашихъ липованскихъ людѣхъ, которые требуютъ благословенія нашего смиренія, а прочимъ баламутникамъ, попамъ и чернцамъ и прочимъ своевольникамъ запретить, дабы они пакости отселѣ поставленнымъ отъ нашего смиренія священникомъ не творили, и добровольнѣ хотящихъ людей приходить до нашихъ священниковъ не ругали. Также прошу ваше преосвященство и о семъ: егда время будетъ и вещи зовущи, дать позволеніе входа намъ, смиреннымъ, до своихъ намъ людей въ митрополіи вашей, во еже осмотрѣти ихъ и поучити закону Божію и совершенству христіанства, и позволеніе испросити намъ о всемъ у сіятельнѣйшаго князя вашего, за что и за его сіятельство отъ насъ, смиренныхъ, Богъ (sic) молить будемъ, такожде и за ваше преосвященство» [1].

Между тѣмъ слухи объ Анфимѣ дошли и до Петербурга. Въ ноябрѣ 1756 года канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ получилъ отъ нашего резидента въ Турціи донесеніе, что «живущіе на Кубани и въ Волошинѣ россійскіе люди, раскольники, имѣли стараніе о посвященіи къ нимъ епископа: во-первыхъ, у живущаго въ Крыму митрополита, да у волосскаго архіерея, живущаго въ монастырѣ, называемомъ Гущахъ, но ими не посвященъ; напослѣдокъ живущимъ подъ Дунаемъ, въ турецкомъ владѣніи, въ монастырѣ, называемомъ Рени, греческимъ митрополитомъ Даніиломъ желаемый тѣми раскольниками епископъ посвященъ, коему имя Анвтиногенъ, и жительство имѣетъ въ близости Хотина, въ монастырѣ Вѣтрянка, гдѣ тѣхъ раскольниковъ въ жительствѣ много имѣется, а на Ку-

---

[1]) *Дѣло святѣйшаго синода о раск. арх. Анфимѣ.*

бани учреждена тѣмъ раскольническимъ епископомъ архимандрія и поставленъ отъ него архимандритъ, и по слободамъ многое число поповъ, и даны имъ отъ него универсалы, и имѣютъ они по своимъ обрядамъ церковное служеніе, и что для того съ Дону крымскою областію на Кубань, и отъ Смоленска Польшею, уходя къ тому епископу, приходятъ и поселяются на житье, поблизости того монастыря, гдѣ тотъ епископъ находится». Графъ Бестужевъ-Рюминъ, передавъ такое извѣщеніе резидента въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, призналъ болѣе удобнымъ и полезнымъ поручить развѣдываніе о заднѣстровскомъ раскольническомъ архіереѣ кіевскому губернскому начальству. Кіевскій вице-губернаторъ, тайный совѣтникъ Костюринъ, получивъ указъ иностранной коллегіи, тотчасъ же отправилъ за границу надежныхъ людей въ Могилевъ на Днѣстрѣ, въ Хотинъ и въ Яссы. Они узнали, что Аѳиногена, о которомъ упоминалъ резидентъ, у старообрядцевъ уже нѣтъ, а вмѣсто него есть Анѳимъ, и что этого Анѳима старообрядцы за своего архіепископа больше не признаютъ, въ чемъ всячески увѣряли старообрядцы, жившіе по торговымъ дѣламъ въ Могилевѣ, и могилевскій комендантъ. Въ Могилевѣ же агентъ, посланный изъ Кіева, видѣлся съ Анѳимовыми служителями и съ его живописцемъ, пріѣхавшими по его приказанію за покупками. Они сказали, что Анѳимъ живетъ въ Вѣтрянкѣ и въ церкви этой слободы служитъ по-архіерейски, что при немъ десять человѣкъ поповъ и діаконовъ и что, сверхъ того, онъ посвящаетъ поповъ для старообрядцевъ. Ясскій митрополитъ, узнавъ отъ агента, посланнаго Костюринымъ, что на Анѳима, находящагося съ нимъ въ перепискѣ, обращено вниманіе русскаго правительства и что оно по собраніи предварительныхъ свѣдѣній намѣрено дипломатическимъ путемъ требовать его выдачи, тотчасъ

измѣнилъ свои отношенія къ Анфиму и, вмѣсто оказательства «братосоюзной» къ нему любви, разослалъ по всей своей епархіи ордеры, чтобъ Анфима, «гдѣ онъ явится, тотчасъ поймать и, связавъ, привесть въ Яссы съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ ему, лжеархіепископу, бороду обрить и въ ссылку, въ которыхъ мѣстахъ соль ледовую бьютъ, сослать». Съ ордерами разосланы были и примѣты Анфима. Выгораживая себя и митрополита браиловскаго Даніила изъ дѣла объ Анфимѣ, ясскій митрополитъ умалчиваетъ, однако, о Мисаилѣ Редовуцкомъ и его отношеніяхъ къ лжеархіепископу; онъ передаетъ агенту два письма Анфимовы и славскую грамоту на санъ «архіепископа всего православія», но копій съ своихъ писемъ къ Анфиму не доставляетъ. Вообще Іаковъ велъ себя въ этомъ дѣлѣ довольно загадочно.

Получивъ такія свѣдѣнія объ Анфимѣ, святѣйшій синодъ поручилъ кіевскому митрополиту Тимоѳею войти въ непосредственныя сношенія съ молдавскимъ митрополитомъ и самымъ энергическимъ образомъ требовать отъ него, чтобъ онъ прекратилъ возникшее въ его епархіи незаконное и ложное раскольническое архіерейство. За болѣзнью митрополита Тимоѳея, кіевская консисторія писала объ этомъ въ іюлѣ 1757 года къ Іакову молдавскому, но былъ ли какой отвѣтъ отъ него, изъ дѣла не видно.

Положеніе Анфима было самое непріятное; оно было несравненно хуже, чѣмъ положеніе Аѳиногена передъ обращеніемъ его въ католическую вѣру. Съ одной стороны, отыскиваетъ его русское правительство, съ другой — люди ясскаго митрополита ищутъ, чтобъ обрить и отправить въ соляныя копи, съ третьей — некрасовцы, самые сильные теперь враги его, стерегутъ Анфима и во всѣ мѣста, гдѣ живутъ казаки, пишутъ, что если гдѣ появится «еретикъ Анфимъ», тот-

часъ же его «въ куль, да въ воду». Находясь въ такомъ положеніи, онъ не смѣлъ никуда выглянуть изъ Вѣтрянки, гдѣ еще были у него немногіе приверженцы. Но и эти отстали, когда получено было посланіе отъ вѣтковскихъ отцовъ, въ которомъ они увѣряли своихъ единовѣрцевъ, что Анфимъ сущій обманщикъ и никогда въ архіереи законнымъ образомъ посвященъ не былъ, что онъ даже и въ іеромонахи то никогда посвященъ не былъ и сказался священникомъ ложно. Анфимъ, видя что и въ Вѣтрянкѣ отъ него отступаются, бросился въ Чобурчи, но здѣсь ожидала его подготовленная некрасовцами бѣда. Войтъ слободы Чобурчей, Назаръ Алексѣевъ, получивъ отъ некрасовцевъ требованіе утопить Анфима за то, что онъ, будучи у нихъ, «много пакости учинилъ», давно поджидалъ несчастнаго лжеепископа. Какъ только онъ появился въ Чобурчахъ, Назаръ Алексѣевъ собралъ «кругъ» на мосту черезъ рѣку Днѣстръ и объявилъ вины Анфима и требованіе некрасовцевъ. «Въ куль, да въ воду!» закричали слобожане. Молодые схватили Анфима, связали ему руки и ноги, къ шеѣ привязали чувалъ и бросили съ мосту въ Днѣстръ [1]).

Такъ кончилъ жизнь свою Анфимъ, сначала пользовавшійся громаднымъ авторитетомъ у старообрядцевъ, а потомъ ненавидимый ими и пустившійся въ доносы

---

1) Въ 1763 году, мая 30, въ астраханскую губернскую канцелярію присланъ былъ при отпискѣ отъ Волжскаго войска «писатель воровскихъ паспортовъ, дѣлатель печатей, раскольникъ, казачій сынъ, Семенъ Чижовъ», приговоренный къ отсѣченію головы, но по смягченія приговора отправленный въ нерчинскіе рудники на работу. Въ своихъ показаніяхъ онъ много разсказалъ объ Анфимѣ, котораго зналъ лично; онъ же подробно передалъ и о смерти его. (См. *дѣло о раскольнич. архіерей Анфимъ*). О судьбѣ Анфима Іона Курносый говоритъ: «прибывъ въ Польшу во своя и нѣкіими съ мосту рѣки утопленъ бысть, яко Фараонъ». Сравн. Андр. Іоанн. Журавлева *Историч. извѣстіе о раскол.*, стр. 305.

къ православнымъ митрополитамъ и патріарху на своихъ единовѣрцевъ, которыхъ считалъ своею паствой. Не сохранилось о немъ доброй памяти ни въ одной раскольнической общинѣ. Остались вѣрными ему только — игуменья Елизавета, діакониссы съ малолѣтними дѣтьми, да два попа: Матвѣй и Іосифъ Буркины. Эта обѣднѣвшая семья несчастнаго лжеепископа не могла оставаться въ Вѣтрянкѣ: тамъ всѣ смѣялись надъ ними и нельзя было поручиться, чтобъ участь Анфима не постигла рано или поздно и его приверженцевъ. Собравъ остатки расхищеннаго имѣнія, они уѣхали въ вѣтковскіе предѣлы и жили тамъ въ Боровицахъ [1]). Раскаялась ли Елизавета въ томъ, что растеряла все свое богатство на Анфима, и долго ли горевали хорошенькія діакониссы по своемъ миломъ архіепископѣ, — не знаемъ.

---

[1]) Показаніе Семена Чижова.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Исканіе архіерейства въ концѣ XVIII столѣтія.

Соблазнъ, произведенный между старообрядцами въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія лжеепископами Аѳиногеномъ и Анѳимомъ, не охладилъ ревнителей «древляго благочестія» въ исканіи архіерейства. Они попрежнему собирались на соборы, попрежнему толковали о необходимости имѣть своего епископа и попрежнему пытались добыть его. Иванъ Алексѣевъ говоритъ, что въ 1755 году, то есть когда Анѳимъ еще былъ въ чести у некрасовцевъ и принималъ санъ «архіепископа всего православія», вѣтковскіе и гомельскіе жители, вмѣстѣ съ старообрядцами стародубскихъ слободъ, послѣ долгихъ разсужденій о необходимости имѣть епископа для поставленія поповъ и освященія мура и антиминсовъ, рѣшились подать просьбу о томъ, чтобы великороссійскіе архипастыри рукоположили имъ выборнаго отъ нихъ человѣка[1]). Алексѣевъ не знаетъ, чѣмъ кончилось это дѣло, что отвѣчали на челобитную старообрядцевъ. Мы тоже не знаемъ, ибо не встрѣтили въ архивныхъ дѣлахъ упоминанія объ этой просьбѣ. Безъ сомнѣнія, старообрядцамъ было отказано въ ихъ ходатайствѣ. Не такое было время.

---

¹) Ивана Алексѣева *Исторія о бѣгствующемъ священ.*, стр. 66.

Съ кончиною императрицы Елизаветы Петровны настали новыя, лучшія для старообрядцевъ времена. Ея преемникъ, Петръ III, тотчасъ по вступленіи на престолъ, издалъ относительно старообрядцевъ такое узаконеніе: «никакого въ содержаніи закона, по ихъ обыкновенію, возбраненія не чинить, ибо во всероссійской его императорскаго величества имперіи и иновѣрцы, яко магометане и идолопоклонники, состоятъ, а тѣ раскольники—христіане, точію во единомъ застарѣломъ суевѣрія и упрямствѣ состоятъ, что отвращать должно не принужденіемъ и огорченіемъ ихъ, отъ котораго они, бѣгая за границу, въ томъ же состояніи множественнымъ числомъ проживаютъ безполезно, и для того его императорское величество высочайше указать соизволилъ, о томъ сочиня сенату обстоятельное учрежденіе предложить къ высочайшей апробаціи» [1]). Это было первое доброе слово, сказанное о раскольникахъ съ самаго начала раскола. Кратковременность царствованія Петра III была причиной, что этотъ государь не успѣлъ докончить задуманнаго имъ дѣла. При Екатеринѣ II послѣдовалъ цѣлый рядъ узаконеній, отмѣнявшихъ прежнія, крутыя, петровскія мѣры противъ раскольниковъ и постепенно расширявшихъ ихъ гражданскія права. Зарубежнымъ старообрядцамъ объявлено было прощеніе за ихъ бѣгство изъ отечества, они вызваны были въ Россію, имъ отведены были для поселенія плодородныя и обширныя земли въ Сибири и въ нынѣшней Самарской губерніи. При этомъ было предписано мѣстнымъ начальствамъ, чтобы «возвращавшимся изъ за границы старообрядцамъ и слѣдовавшимъ въ мѣста избранныхъ ими поселеній не только въ пути ни малѣйшаго задержа-

---

[1]) Первое *Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи* XV—№ 11,205.

нія не было, но до опредѣленныхъ къ населенію ихъ мѣстъ свободно пропускаемы и квартиры имъ вездѣ безпрепятственно даваемы были, равно-жь и по прибытіи въ опредѣленныя мѣста, въ поселеніи ни отъ кого никакого препятствія чинимо не было-бъ, и не отбирая и не требуя изъ ихъ имѣній ничего, оказаны были имъ при томъ новомъ поселеніи всѣ удобовозможныя вспоможенія»[1]). Вслѣдъ затѣмъ раскольническая контора, вѣдавшая дотолѣ дѣла старообрядцевъ, была уничтожена и они были подчинены общимъ присутственнымъ мѣстамъ. Въ указѣ Екатерины 14 декабря 1762 года зарубежные раскольники призывались въ Россію вмѣстѣ съ иноземцами (колонисты). Замѣчательно, что самыя земли тѣмъ и другимъ были отведены въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ: въ саратовскомъ Заволжьѣ, а потомъ въ Новороссійскомъ краѣ. Число выселившихся изъ польскихъ владѣній старообрядцевъ было значительно, ибо, вызывая ихъ въ отечество, правительство, кромѣ всепрощенія, кромѣ разрѣшенія носить бороду и ходить не въ указанномъ платьѣ съ желтымъ козыремъ, освобождало ихъ на шесть лѣтъ отъ всякихъ пошлинъ и податей и предоставляло имъ избирать родъ жизни по ихъ желанію: или записываться за прежними помѣщиками или поступать въ государственные крестьяне и въ купечество (то есть въ городское сословіе) по собственному ихъ желанію, «а противъ желанія, прибавлено было въ указѣ, никто инако приневоленъ быть имѣетъ»[2]). Вскорѣ затѣмъ послѣдовали новыя узаконенія, имѣвшія цѣлію уже прямо успокоеніе умовъ старообрядцевъ посредствомъ возвращенія имъ гражданскихъ правъ, которыхъ со

---

[1]) Первое *Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи* XVI—№ 11.738.

[2] Тамъ же XVI—№ 11.725.

временъ Петра I и даже ранѣе они были лишены. Сюда относятся: указы 1764 и 1782 объ уничтоженіи двойного оклада, который платили они въ силу постановленій Петра I, 1769 года о дарованіи имъ права судебнаго свидѣтельства и 1785 о дозволеніи имъ вступать въ общественныя должности. Самымъ важнымъ послѣдствіемъ всѣхъ этихъ узаконеній было водвореніе старообрядцевъ въ городахъ, на что до тѣхъ поръ права ихъ были значительно стѣснены. Старообрядцы вообще и прежде были, и теперь остались плохими хлѣбопашцами; въ ихъ общинахъ всегда преимущественно развивались промышленная и торговая дѣятельность. Но въ купечество, то есть въ городское сословіе, старообрядцамъ, принадлежавшимъ къ сельскимъ обществамъ, до указа 1764 года, приписываться было почти невозможно; теперь они поселились въ городахъ, преимущественно въ большихъ, и въ обѣихъ столицахъ. Быстро развились въ ихъ рукахъ капиталы, что слѣдуетъ отнести вообще къ отличающей ихъ домовитости и бережливости, а въ особенности къ внутренней связи, скрѣпляющей ихъ общества, въ которыхъ взаимное вспомоществованіе составляетъ едва-ли не главнѣйшую основу. Достовѣрно извѣстно, что въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія значительная часть русскихъ капиталовъ оказалась у старообрядцевъ, принадлежавшихъ къ городскимъ сословіямъ.

Вслѣдствіе сказаннаго, центры старообрядческихъ обществъ измѣнились; старые упали, возвысились дотолѣ незначительные, возникли новые. Вѣтка снова была опустошена. Такъ какъ тамошніе жители не послушались пригласительнаго указа Елизаветы и притомъ производили разбои какъ въ польскихъ владѣніяхъ, такъ и, переходя границу, въ предѣлахъ имперіи, то въ 1764 году посланъ былъ генералъ-маіоръ

Масловъ съ войскомъ, который разорилъ слободу и 20 тысячъ старообрядцевъ вывелъ въ Россію. Ихъ водворили въ Сибири. За то возвысились стародубскія слободы, снова возникли и усилились опустошенные сначала Питиримомъ, а потомъ переселеніями старообрядцевъ за границу [1]) скиты керженскіе и чернораменскіе, явились большіе, богатые деньгами и попами монастыри на Иргизѣ, сдѣлавшіеся въ концѣ XVIII столѣтія митрополіей поповщины.

Явились монастыри и у казаковъ. Уралѣ, на Дону и въ Гребеняхъ. Все это принадлежало поповщинѣ. Въ городахъ образовались обширныя общины, у нихъ явились церкви, священники и даже монастыри. Такъ, на Волгѣ явился цѣлый рядъ сильныхъ общинъ поповщины: во Ржевѣ, Твери, Романовѣ, Городцѣ, Казани, Малыковѣ (впослѣдствіи Вольскъ) и Саратовѣ. Еще сильнѣе ихъ сдѣлалась община въ Москвѣ. Построивъ на костяхъ своихъ мучениковъ обширныя церкви и «палаты», извѣстныя подъ скромнымъ названіемъ Рогожскаго кладбища или богадѣленнаго дома [2]), московскіе старообрядцы поповщинскаго толка до того усилились, что ихъ община сдѣлалась главною не только во всей Россіи, но и за границей, особенно послѣ собора 1779 года, на которомъ утверждено было перемазываніе мѵромъ приходящихъ изъ

---

[1]) Съ 1719 по 1762 г. изъ керженскихъ и чернораменскихъ скитовъ ушло заграницу семь восьмыхъ всего населенія. *Полн. Собр. Зак. Росс. Имп.* XV—№ 11,435.

[2]) Рогожское кладбище находится близъ Покровскаго монастыря, основаннаго при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ «на убогихъ домахъ». Когда устроили этотъ монастырь, убогіе дома перенесли дальше. На мѣстѣ убогаго дома, въ которомъ хоронили запытанныхъ въ Преображенскомъ приказѣ старообрядцевъ (Сравн. *Раскольническія дѣла* Г. В. Есипова т. I, стр. 608), при Екатеринѣ II во время чумы возникло кладбище для погребенія старообрядцевъ поповщинскаго толка, и тогда же построены на немъ церкви и палаты для богадѣленъ.

нашей церкви *(софонтіевщина)*. До тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія Рогожское кладбище уступало только Иргизу, но и самый Иргизъ былъ какъ-бы колоніей Москвы: и тамъ все творилось по волѣ и приговору рогожскому. Многочисленность московской общины, огромныя богатства ея членовъ, ворочавшихъ милліонами и находившихся въ короткихъ связяхъ съ людьми вліятельными, занимавшими даже высшія государственныя должности, наконецъ самое имя *Москвы*, гдѣ были въ свое время патріархи Филаретъ и Іосифъ, столь уважаемые старообрядцами, все это взятое вмѣстѣ было причиною того, что прочія поповщинскія общины стали въ полную зависимость отъ рогожской. Сложились даже по этому поводу пословицы. Такъ, въ керженскихъ и чернораменскихъ скитахъ и по заволжскимъ селамъ и деревнямъ говорили и доселѣ говорятъ: «что положатъ на Рогожѣ, на томъ станетъ Городецъ, а на чемъ Городецъ—на томъ и Керженецъ». Въ Саратовской и Симбирской губерніяхъ и въ самой Москвѣ говорили: «на Рогожской дохнутъ, на Иргизѣ попа дадутъ». Всѣ сколько-нибудь важныя дѣла поповщины стали рѣшаться на Рогожскомъ кладбищѣ. Естественно, что и самое исканіе архіерейства перешло въ московскую общину.

Въ 1765 году московская поповщина, послѣ долгихъ переговоровъ, согласилась съ московскою поморскою общиной слиться воедино, подъ духовною властію одного *архіерея*. Опыты прежнихъ лѣтъ достаточно вразумили ихъ, что отъ русскихъ епископовъ имъ не дождаться своего архіерея: ни одинъ изъ нихъ ни самъ не согласится къ нимъ перейти, ни рѣшится рукоположить имъ выборнаго изъ нихъ человѣка. На заграничную хиротонію также мало было надежды; притомъ же греки были въ то время поголовно заподозрѣны въ обливательномъ крещеніи. Если, быть мо-

жетъ, нѣкоторые старообрядцы и знали объ архіереяхъ на Кавказѣ, поставленныхъ Анѳимомъ, то ни въ какомъ случаѣ не рѣшились бы искать у нихъ хиротоніи, ибо самозванство Анѳима было имъ достовѣрно извѣстно. Созвали соборъ для совѣщаній. Въ немъ приняли участіе знаменитѣйшіе по уму, начитанности и знаніямъ старообрядцы. Между ними были Никодимъ, изъ Стародубья, авторъ *Никодимовыхъ отвѣтовъ*, діаконовскаго согласія. Ему было въ то время еще только двадцать лѣтъ отъ роду, но, несмотря на молодость, онъ пользовался уже громаднымъ вліяніемъ на одновѣрцевъ. Ему принадлежала первая мысль о соединеніи всѣхъ старообрядцевъ и поповскаго и безпоповскаго согласій во едино стадо подъ паствою одного пастыря, и послѣ первой неудачи онъ семнадцать лѣтъ постоянно и съ полной энергіей отыскивалъ архіерейства. Никодимъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ Потемкинымъ, былъ извѣстенъ Екатеринѣ и пользовался большимъ вѣсомъ между своими. Поморцы, для совѣта и рѣшенія этого общаго для всего старообрядства дѣла, вызвали въ Москву изъ Выгорѣцкаго монастыря Андрея Борисова. Этотъ человѣкъ, тогда еще 31 года отъ роду, былъ по словамъ Павла Любопытнаго [1]), «громкій членъ поморской церкви и (впослѣдствіи 1780—1791) главный киновіархъ Выгорѣцкой киновіи», авторъ пятнадцати сочиненій, знаменитый не только между старообрядцами, «но и у владыкъ міра, поименованъ отъ послѣднихъ *патріархъ старовѣрческой церкви*. Со многими вельможами находился онъ въ перепискѣ, многократно же писалъ посланія къ высокому, извѣстнѣйшему князю Потемкину, его благодѣтелю и другу». Имя этого человѣка до-

---

[1]) Павелъ Любопытный. *Каталогъ или библіотека старовѣрческой церкви*. Москва. 1861, стр. 42.

селѣ дорого для старообрядцевъ, потому что онъ, какъ человѣкъ умный и смѣлый, старался извлечь пользу для раскола изъ своихъ связей съ вельможами, особенно съ такимъ всесильнымъ, какъ Потемкинъ. По вліянію Андрея Борисова на Потемкина, были отмѣнены двойной окладъ, платимый старообрядцами (1782 года), и наименованіе въ офиціальныхъ бумагахъ старообрядцевъ «раскольниками» [1]). Былъ въ этомъ соборѣ казенный крестьянинъ, тридцатишестилѣтній Василій Емельяновъ, глава московской поморской общины, основатель и первый настоятель такъ называемой Монинской моленной, другъ Андрея Борисова. Былъ тутъ Иванъ Васильевъ, бывшій впослѣдствіи чугуевскимъ монахомъ Венедиктомъ, ученый поморецъ, авторъ замѣчательнаго сочиненія *Разговоръ Тарасія съ Трифилліемъ* или *Извѣщеніе разглагольствія* и написавшій кромѣ того 30 *поэмъ въ стихахъ*. Ему было въ то время только двадцать одинъ годъ, но, по словамъ Павла Любопытнаго, «московскій ученый кругъ благочестивыхъ всегда поставлялъ его на степени мудрецовъ и давалъ ему особенное преимущество въ его витійствѣ и ловкости» [2]). Всѣ, какъ изъ этого видно, были люди молодые, нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Никодимъ и Венедиктъ, еще юноши, но эта молодежь составляла цвѣтъ старообрядчества, это молодое поколѣніе раскольниковъ отличалось энергіей, обширностію свѣдѣній

---

[1]) Павелъ Любопытный. *Каталогъ или библіотека староверческой церкви*, стр. 43.

[2]) Андрей Іоанн. Журавлевъ въ *Истор. изв. о расколѣ.*, стр. 197, и за нимъ преосвящ. *Макарій* въ *исторіи русскаго раскола*, стр. 352 называютъ еще Ивана Өедоровича Ерша, саратовскаго поморца, но онъ умеръ за десять лѣтъ до этого собора, въ 1755 году. (П. Любопытнаго *Каталогъ*, стр. 95). Журавлевъ, а за нимъ и преосвященный Макарій называютъ Венедикта, вѣроятно ошибкою, Иваномъ Ивановымъ, а не Иваномъ Васильевымъ; Журавлевъ притомъ—монахомъ чудовскимъ, а не чугуевскимъ.

и въ то же время фанатическимъ усердіемъ къ дѣлу отцовъ и дѣдовъ. Московскіе купцы также участвовали на соборѣ.

«Цѣлое,—писали они въ своемъ соборномъ дѣяніи,—цѣлое миновало столѣтіе, какъ православная церковь постепеннаго священства лишилась, и мы остаемся безъ спасительныхъ таинствъ и безъ пастырей. Въ смутное Никоново время, хотя и оставался Павелъ епископъ, за древлее благочестіе изгнаніе претерпѣвшій, но преемниковъ по себѣ никого намъ не оставилъ. Также при жизни его и послѣ, хотя и обрѣтались кое-гдѣ православные древніе священники, но и тѣ всѣ, Богу тако опредѣлившу, прешли въ вѣчные кровы. Мы же, хотя послѣдователи и ученики ихъ, но руковозложенія и освященія къ служенію въ Божіей церкви таинствъ ни единъ изъ насъ ничего не имѣемъ. И потому мы въ крайней нуждѣ и настоящемъ расточеніи находимся, нужда же всѣхъ средствъ, какія ведутъ къ точному исполненію всего въ законѣ, хранить и исполнять не обязана, но свободна. Слѣдовательно, мы теперь должны держать ту цѣль, которая единымъ предметомъ есть нашей нужды и нашего желанія».

Стали искать въ церковныхъ правилахъ, нѣтъ-ли тамъ какого-нибудь, хотя и не очень подходящаго дозволенія рукоположить епископа не рукою епископа; искали прилежно и не нашли. Обратились къ примѣрамъ церковной практики, но и въ ней такого примѣра не встрѣтили: ни въ старыхъ книгахъ, ни въ Четіи-Минеяхъ, ни въ лѣтописяхъ ничего подобнаго не говорилось. Поморцы, менѣе старообрядцевъ поповщинскаго толка обращавшіе вниманіе на правила и примѣры, были и редакторами соборнаго дѣянія, и главными дѣятелями собора. Вполнѣ убѣжденные, что «нужда законныхъ правилъ исполнять не обязана, но

овершенно свободна», они отыскали примѣръ въ лѣтописяхъ отечественной церкви и предложили собору примѣнить его къ настоящему случаю. Въ 1147 году великій князь Изяславъ велѣлъ русскимъ епископамъ поставить ученаго затворника Климента Смолятича въ кіевскіе митрополиты безъ патріарха константинопольскаго. Епископы отказались, говоря, что митрополита долженъ ставить патріархъ. Изяславъ настаивалъ. Тогда черниговскій владыка Онуфрій сказалъ: «азъ свѣде достоить ны поставити (митрополита), а глава у насъ есть святаго Климента, якоже ставятъ греци рукою святаго Ивана. И тако сгадавше епископи, главою святаго Климента поставиша митрополитомъ» [1]. Приняли этотъ примѣръ къ подраженію. Есть въ Успенскомъ соборѣ глава Св. Іоанна Златоустаго, говорили молодые поморцы, ею можно исполнить то дѣло. Другіе, а особенно Никодимъ, воспротивились и сказали: «Произведеніе Климентово было не по закону, а по волѣ великаго князя Изяслава, и при томъ какъ сія тайна называется хиротонія, то есть *руковозложеніе*, то лучше *рукою* Св. Іоны митрополита или другаго нѣкоего святителя сіе учинить, подведя къ мощамъ ставленника и отъ мощей руку на главу его возложа, и, читавши принадлежащія молитвы, облачить новопоставляемаго во вся архіерейская». Это мнѣніе было принято единогласно, при чемъ въ главное основаніе брали то, что въ самомъ Цареградѣ патріархи не рукою архіерейскою, а рукою мощей Іоанна Златоустаго хиротонисаны бывали. Заготовили старообрядцы богатое архіерейское облаченіе и стали искать случая—посредствомъ денегъ попасть въ Успенскій соборъ въ такое время, когда не бываетъ службы. А если бы не удалось поладить съ ивановскими звона-

---

[1]) Игнатьевская лѣтопись, *Полн. Собр. Русскихъ лѣтописей*, II, 30.

рями и соборными сторожами, то положили на соборѣ—ѣхать въ Новгородъ, гдѣ не было въ то время архіерея, почему и надѣялись, что въ тамошній Софійскій соборъ попасть будетъ имъ легче, чѣмъ въ оберегаемый ивановскими звонарями Успенскій соборъ. Всѣ были рады такому соглашенію, и хотя сознавали, что предположенное ими дѣйствіе не будетъ вполнѣ законно, правильно, но оправдывали себя нуждою и «тѣснымъ обстояніемъ», имѣя болѣе въ виду то, что хотя корень ихъ епископства будетъ и не совсѣмъ правиленъ, за то всѣ секты старообрядцевъ соединятся во едино стадо подъ паствою единаго святителя. Этимъ больше всего и оправдывали они свое начинаніе. «Мы будемъ правы, ежели не по закону, то по политикѣ, когда скитающійся и разсыпанный мѣстами и мыслями народъ соберемъ воедино», писали они въ своемъ дѣяніи. Уже намѣревались приступить къ избранію кандидата на каѳедру старообрядческаго архіерея, но вдругъ возникли недоразумѣнія, а за ними и несогласія. Кто-то изъ находившихся на соборѣ сказалъ: «Любезная братія! Когда будетъ рукополагатися нашъ избранникъ во епископы, и когда будемъ мы его облекать во священная, тогда рукополагаяй его святый, коего руку мы будемъ держать надъ главою рукополагаемаго, безъ сомнѣнія, будетъ молчать устами. А сіе молчаніе сильно привести насъ можетъ въ сомнѣніе, во-первыхъ, потому, что мы не знаемъ, угодна ли будетъ наша выдумка святителю сему, и будетъ ли святый сей съ нами согласенъ на все то, что мы ни дѣлаемъ; второе, кто же изъ насъ долженъ руковозлагательныя молитвы вмѣсто архіерея читать, которыя кромѣ его мы, простіи, никакъ не должны и не можемъ при толь великомъ дѣйствіи произносить?» Всѣхъ поразило такое возраженіе и произвело оно большое разногласіе между соборовавшими. Представители по-

повщины говорили, что молитвы хиротоніи можетъ читать ихъ попъ; поморцы, отвергая правильность ихняго попа, какъ взятаго отъ «смущенныя никоніанскія церкви», рѣшительно возстали противъ такого предложенія и въ свою очередь предлагали своего наставника; кончилось тѣмъ, что послѣ долгихъ споровъ и переговоровъ обѣ стороны разошлись далеко не въ такомъ дружелюбномъ согласіи, въ какомъ собрались. Замыселъ о соединеніи старообрядческихъ церквей воедино былъ оставленъ, какъ неосуществимый; оставлено было и предположеніе о «возстановленіи архіерейскаго чина» [1]). Поморцы съ поповщинцами разошлись. Первые остались при томъ мнѣніи, что возстановленіе пресѣкшагося архіерейства возможно лишь посредствомъ придуманнаго на соборѣ 1765 года дѣйствія, а о такъ названной ими «вѣчной хиротоніи», то есть преемственной отъ апостоловъ, и слышать не хотѣли, и никакъ не соглашались заимствовать архіерейство отъ православной іерархіи, выставляя въ числѣ прочихъ доказательствъ, что пресѣкалась же на цѣлыя столѣтія православная іерархія во времена аріанства, иконоборства, и потомъ возникала же вновь, когда на всей землѣ не было православныхъ епископовъ. Иванъ Васильевъ (Венедиктъ) вооружился сильнымъ словомъ противъ поповщины, признававшей «вѣчную хиротонію», неизсякшую въ великороссійской церкви. Кромѣ знаменитаго своего *Извѣщенія разглагольствія* (Тарасія съ Трифилліемъ), написалъ онъ 15 вопросовъ къ старообрядцамъ поповщинскаго толка «о ихъ суевѣрномъ заблужденіи по предметамъ хиротоніи и крещенія россійской церкви». Въ жизни своей онъ,

---

[1]) Андрея Іоаннова Журавлева *Историческое извѣстіе о раскольникахъ*, стр. 197—201. Виталія *О церкви и о раскольникахъ*, гл. 16, рукопись Макарія *Исторія русскаго раскола*, стр. 352, 353.

однакоже, по извѣстію Павла Любопытнаго, «яко человѣкъ, впалъ въ пропасть зломудрія о вѣчномъ бытій хиротоніи» [1]), то есть призналъ необходимость преемственности отъ самихъ апостоловъ епископскаго сана.

Никодимъ, ученый юноша, бывшій однимъ изъ представителей діаконовщины на соборѣ 1765 года, сдѣлался послѣ него самымъ ревностнымъ искателемъ архіерейства; но не иначе хотѣлъ онъ возстановить старообрядческую іерархію, какъ заимствовавъ ее отъ православія. Много труда приложилъ этотъ замѣчательный человѣкъ для достиженія своей цѣли; семнадцать лѣтъ онъ преслѣдовалъ ее, поддерживая своимъ учительнымъ словомъ московскую и другія поповщинскія общины и сближая ихъ въ нѣкоторомъ отношеніи съ православною церковью. Сначала онъ жилъ въ Москвѣ, потомъ въ Стародубьѣ, гдѣ на земляхъ посада Злынки построилъ Тройцкую пустынь, извѣстную болѣе подъ именемъ Никодимовой. Здѣсь-то ревностный искатель архіерейства, къ сожалѣнію такъ рано умершій [2]), сдѣлался основателемъ, такъ сказать, *единовѣрія*. Самыми ревностными, самыми добросовѣстными пособниками Никодимову дѣлу явились купцы Иванъ Кузнецовъ и Бѣляевъ, а также монахъ Іоакимъ. Они не жалѣли ни трудовъ, ни издержекъ для осуществленія своего плана.

Вскорѣ послѣ того, какъ, не сдѣлавъ ничего, разошелся соборъ 1765 года, московская община старообрядцевъ въ самой Москвѣ приступила къ новому исканію архіерейства, при посредствѣ того же Никодима. Жилъ въ то время въ Москвѣ Аѳанасій, митрополитъ грузинскій, который служилъ при Архангельскомъ

---

[1]) Павла Любопытнаго *Каталогъ*, стр. 97 и 98.

[2]) Въ 1784 году, 12 мая, 39 лѣтъ отъ роду.

кремлевскомъ соборѣ, ради поминовенія покойныхъ царей и великихъ князей, въ немъ похороненныхъ. Къ нему въ 1766 году обратились старообрядцы, прося, чтобы рукоположилъ имъ епископа, и предполагая послѣ хиротоніи «исправить» его. Аѳанасій отвѣчалъ: «здѣсь, въ Москвѣ, и вообще въ областяхъ, подчиненныхъ синоду, я этого для васъ сдѣлать не могу, безъ его благословенія; а вотъ мой совѣтъ—поѣзжайте вы къ намъ, въ Грузію; она отъ русскаго синода не зависитъ, а тамъ есть у насъ свой автокеѳальный патріархъ, блаженнѣйшій католикосъ Антоній. Просите его, — можетъ быть, видя ваше усердіе и мольбу, онъ и согласится исполнить вашу просьбу». Послушалось московское старообрядческое общество митрополита Аѳанасія и нарядило посольство въ Тифлисъ. Не малое время продолжались сборы, наконецъ въ 1768 году поѣхали за Кавказъ монахи Никодимъ и Іоакимъ и купецъ Иванъ Кузнецовъ, чтобы просить царя Ираклія II и католикоса Антонія о поставленіи имъ епископа. Едва-ли не Іоакима предполагали они возвести въ этотъ санъ. Но посольство московскихъ старообрядцевъ отъ предгорій Кавказа поворотило назадъ. Въ то время Екатерина II хотя и не начинала еще блистательной для русскаго оружія войны съ турками, но 3-я армія, подъ командою генерала де-Медема, заняла уже предгорія Кавказа, съ цѣлью держать въ страхѣ подчиненныхъ султану и крымскому хану старообрядцевъ, жившихъ въ Гребеняхъ, въ кубанскихъ станицахъ, а также кабардинскую орду и горцевъ. Пропуска за Кавказъ никому изъ Россіи не было. Никодимъ съ товарищами возвратился ни съ чѣмъ.

Война съ турками отрѣзала русскихъ старообрядцевъ отъ заграничныхъ православныхъ архіереевъ, у которыхъ бы можно было получить хиротонію: въ Грузію не было пропуска, въ Молдавіи стояли русскія

войска, ясскій митрополитъ и подумать не смѣлъ сдѣлась что-либо несогласное съ видами русскаго правительства. Путь къ сербскому патріарху и автокееальному болгарскому архіепископу былъ отрѣзанъ.

Между тѣмъ усиливались толки и споры въ поповщинскихъ общинахъ «о томъ, коимъ чиномъ пріимати приходящихъ отъ великороссійскія церкви поповъ и мірянъ». Въ однихъ мѣстахъ принимали ихъ вторымъ чиномъ, перемазывая во второй разъ мѵромъ (*вѣтковское согласіе, прежняя софонтіевщина*), въ другихъ — третьимъ чиномъ, по проклятіи ересей и «исправѣ», то есть исповѣди у старообрядческаго попа (*діаконовщина или діаконово согласіе*) [1]). Чтобы положить конецъ раздорамъ и несогласіямъ изъ-за этого предмета, собрался въ 1779 году въ Москвѣ соборъ. На этомъ соборѣ, открытомъ ноября 1-го, въ домѣ московскаго купца Ямщикова, собрались представители поповщинскихъ общинъ и вѣтковскаго, и діаконова согласій, изъ Москвы, Стародубья, Скопина, Керженца [2]), Иргиза, Галича и другихъ мѣстъ. Собранія происходили въ домахъ Ямщикова, Павлова и Мальцева до половины февраля. Большинство рѣшило «перемазывать», то есть вѣтковское согласіе взяло верхъ. Къ этому пристало московское общество, представители Керженца, Иргиза и др. мѣстъ. Перемазываніе означало большое удаленіе отъ господствующей церкви. По каноническимъ правиламъ, перемазываютъ схизматиковъ или раскольниковъ, а подцерковниковъ, то есть

---

[1]) Такъ называлось оно по имени Александра-діакона, казненнаго Петромъ I въ 1720 году. Онъ училъ, что не слѣдуетъ мѵропомазывать приходящихъ отъ православія, четвероконечному кресту должно воздавать равную честь съ восьмиконечнымъ, кадить, какъ въ православной церкви, а не крестообразно, какъ у старообрядцевъ; по послѣднему пункту его ученія, діаконовщину зовутъ еще *кадильниками*.

[2]) Съ Керженца былъ въ числѣ другихъ Іона Курносый изъ скита Комаровскаго.

не отдѣлившихся отъ церкви, а только уклонившихся отъ нея, принимаютъ лишь по проклятіи ересей. Меньшинство (діаконовщина), во главѣ котораго былъ Никодимъ, не соглашалось посредствомъ паремазыванія удалиться отъ господствующей церкви и признать ее такимъ образомъ расколомъ. Произошло раздѣленіе. Партія перемазанцевъ хотя и желала архіереевъ, но полагала, что «нужды ради» можно какъ-нибудь и безъ нихъ обойтись. Мура безъ архіерея сварить нельзя — такъ сварилъ его на Рогожскомъ кладбищѣ попъ Василій. Никодимъ съ своею партіей отвергалъ такое муро и желалъ епископа.

Никодимъ уѣхалъ изъ Москвы въ свой монастырь, что въ Стародубьѣ, подлѣ Злынки; но единомышленники его остались и въ Москвѣ, и въ Торжкѣ, и даже на Керженцѣ и Иргизѣ, хотя и малочисленные. Между ними происходили частыя и дѣятельныя сношенія по предмету исканія архіерейста.

Еще до собора, бывшаго въ Москвѣ, въ томъ же 1779 году, Никодимъ, попъ Михаилъ Калмыкъ, купецъ Кузнецовъ и другіе ревнители старообрядства, діаконова согласія, жившіе въ Стародубьѣ, рѣшились, по прежнимъ примѣрамъ, искать себѣ архіерейской хиротоніи на Востокѣ. Война съ турками кончилась—проѣхать было можно. И снарядили они посольство въ Грецію и Палестину, чтобы пригласить кого-либо изъ греческихъ православныхъ епископовъ перейти въ старообрядство и поселиться въ Стародубьѣ. Мало сохранилось извѣстій объ этой посылкѣ, но и по отрывочнымъ извѣстіямъ, до насъ дошедшимъ, видно, что она была задумана точно на такихъ же основаніяхъ, на какихъ десятка три лѣтъ тому назадъ московскіе старообрядцы снарядили посольство для отысканія архіерея и водворенія его въ Бѣлой Криницѣ. Монахъ Іоасафъ, принадлежавшій къ вѣтковскому согласію, изъ

главнаго стародубскаго монастыря Покровскаго, что въ слободѣ Климовой, и другой стародубскій инокъ, по имени Рафаилъ, отправились на Востокъ. Современникъ этой посылки монахъ Виталій[1]), въ своемъ сочиненіи *О церкви и раскольникахъ*, разсказываетъ, что Іоасафъ, завидуя богатству и славѣ попа Михаила Калмыка, бывшаго въ то время какъ бы патріархомъ старообрядства, обратился къ діаконовцамъ съ предложеніемъ ѣхать въ многотрудное путешествіе для отысканія какого-либо восточнаго архіерея, а самъ думалъ о томъ, какъ бы самому надѣть омофоръ. У Рафаила то же было въ умѣ. Оба посланца, разъѣзжая по Востоку, не очень хлопотали о приглашеніи тамошнихъ архіереевъ въ Россію, въ среду старообрядцевъ, а больше искали хиротоніи собственно для себя. Не съ одной тысячей стародубскихъ червонцевъ отправились они въ Константинополь, но тутъ не нашли желаемаго. Изъ Царьграда поѣхали на Аѳонъ; здѣсь, въ 1781 году, епископъ Герасимъ посвятилъ Іоасафа въ іеромонахи, но преподать ему архіерейскую хиротонію безъ патріарха не рѣшился. Изъ Аѳона стародубскіе паломники отправились въ Іерусалимъ. Видя, что ни одинъ митрополитъ или епископъ греческій не посвятитъ ихъ въ архіереи, рѣшились они обратиться къ самому патріарху. Въ Іерусалимѣ былъ тогда патріархъ антіохійскій Даніилъ. Не имѣя понятія о русскомъ расколѣ и желая побольше денегъ «на выкупъ христіанъ изъ турецкой неволи», какъ объяснилъ онъ свою симонію, патріархъ Даніилъ посвятилъ Іоасафа въ архимандриты, но въ архіереи не посвятилъ. «Привезешь другую тысячу червонцевъ,—говорилъ онъ, — посвящу и

---

[1]) Виталій, сначала старообрядецъ, потомъ единовѣрецъ, написалъ замѣчательное сочиненіе *О церкви и раскольникахъ*, отрывки котораго напечатаны въ *Христіанскомъ чтеніи* 1854 г.

въ архіереи». Столько денегъ у Іоасафа на лицо не было, и онъ воротился въ Россію за червонцами, въ ноябрѣ 1782 года, когда въ Стародубьѣ о заграничномъ епископствѣ ужь и думать перестали, по причинѣ совершенно измѣнившихся обстоятельствъ [1]). Виталій, изъ сочиненія котораго мы заимствуемъ этотъ разсказъ, не говоритъ о дальнѣйшей судьбѣ Рафаила. Теперь извѣстно, что онъ, вѣроятно имѣя не одну тысячу червонцевъ, получилъ отъ патріарха Даніила хиротонію, но, возвращаясь въ Россію, умеръ гдѣ-то въ Турціи [2]).

---

[1]) Іоасафъ остался у стародубскихъ старообрядцевъ, а по присоединеніи вмѣстѣ съ ними къ единовѣрію, признанъ былъ синодомъ въ званіи архимандрита и. былъ настоятелемъ сначала Успенскаго Никодимова, что подлѣ Злынки, а потомъ Корсунскаго единовѣрческихъ монастырей. Умеръ около 1802 года.

[2]) Лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ Оленевскомъ скитѣ, что на Керженцѣ, замѣтилъ я въ одномъ часовенномъ синодикѣ, послѣ именъ московскихъ патріарховъ, рядъ которыхъ доведенъ до Іосифа включительно, слѣдующія имена: *«епископа Павла коломенскаго, епископа Епифанія, епископа Рафаила»*. Скитницы на мои вопросы не объяснили, кто такой этотъ Рафаилъ; по всей вѣроятности, сначала онѣ не хотѣли объяснить, отзываясь невѣдѣніемъ. Обитель, въ которой былъ синодикъ (Никанорина), придерживалась діаконовщины и находилась въ связяхъ съ Малиновымъ островомъ. Потомъ въ синодикахъ старообрядцевъ разныхъ мѣстъ Нижегородской, Владимірской и Костромской губерній тоже случалось мнѣ встрѣчать, вслѣдъ за именами Павла и Епифанія, имя епископа *Рафаила*. Стало-быть онъ былъ послѣ Епифанія. Впослѣдствіи оленевскія матери-келейницы, болѣе сблизившись со мной, говаривали, что Рафаилъ былъ епископъ «по древлему благочестію», посланный въ Россію къ стародубскимъ отцамъ отъ антіохійскаго патріарха, котораго, вѣроятно на основаніи приведенныхъ въ первой главѣ этого сочиненія сказаній, онѣ считали старообрядцемъ. На основаніи этихъ свѣдѣній, въ своей *Запискѣ о русскомъ расколѣ*, написанной въ 1857 г. для Великаго Князя Константина Николаевича и напечатанной г. Кельсіевымъ въ Лондонѣ, я сказалъ: «въ памятникахъ нижегородскихъ, владимірскихъ и костромскихъ раскольниковъ встрѣчается рядомъ съ именемъ Епифанія еще имя *какого-то* епископа Рафаила». Послѣ составленія этой записки я встрѣчалъ имя Рафаила, также вслѣдъ за именами Павла коломенскаго и Епифанія, въ нѣкоторыхъ синодикахъ старообрядцевъ Черниговской губерніи, а затѣмъ недавно получилъ старообрядческую рукопись но-

Въ то время, когда Іоасафъ и Рафаилъ странствовали по Востоку и безъ согласія стародублянъ добывали для себя въ Іерусалимѣ архимандричьи шапки и архіерейскіе омофоры, попъ Михаилъ Калмыкъ и Ни-

---

ваго письма, въ которой находится полное объясненіе загадочной личности Рафаила, которое вмѣстѣ съ тѣмъ согласуется и съ неясными намеками оленевскихъ матерей. Вотъ эта рукопись:

«Сказаніе вкратцѣ о православныхъ епископахъ, въ гонительное время бывшихъ.

«Бѣгствующая и бѣдствующая, отъ лѣтъ Никона, патріарха московскаго, и отъ послѣдующихъ ему, церковь епископовъ, къ намъ приходящимъ въ православіе, имѣетъ: 1) Епископа *Павла коломенскаго*, пострадавшаго тогда за благочестіе, въ Палеостровскомъ монастырѣ, повелѣніемъ россійскаго царя Алексѣя. 2) Епископа *Епифанія чигиринскаго*, пріемшаго хиротонію отъ господина Георгія, митрополита ясскаго и пострадавшаго за благочестіе въ Соловецкомъ монастырѣ и паки въ Кіевѣ повелѣніемъ россійской царицы Анны. 3) Епископа *Рафаила злынскаго*, пріемшаго хиротонію отъ Даніила, патріарха антіохійскаго. Той епископъ области своея не достиже, но, волію Господа, въ Туречинѣ на пути животъ свой скончa. 4) Архіепископа *Амвросія бѣлокриницкаго* и митрополита всѣхъ православныхъ христіанъ, бывшаго митрополита боссанскаго, познавшаго тщету вѣры греческія и возвратившагося въ лоно единыя, соборныя апостольскія церкви, пострадавшаго же за благочестіе въ градѣ Циллѣ, повелѣніемъ австрійскаго царя Фердинанда (въ подлинникѣ Фердина). 5) Архіепископа *Кирилла бѣлокриницкаго*, митрополита всѣхъ православныхъ христіянъ, бывшаго епископа майновскаго, пріемшаго хиротонію отъ высокопреосвященнаго Амвросія митрополита. 6) Архіепископа *Аркадія славскаго и россійскаго* (?), пріемшаго святую хиротонію отъ руки высокопреосвященнаго Амвросія митрополита, пострадавшаго за благочестіе во градѣ Суждалѣ. (Здѣсь подъ словомъ *пострадавшаго* разумѣть должно Аркадія, а не Амвросія. 7) Епископа *Онуфрія браиловскаго*, пріемшаго святую хиротонію отъ руки высокопреосвященнаго Амвросія, митрополита всѣхъ православныхъ христіянъ. 8) Епископа *Софронія симбирскаго*, пріемшаго святую хиротонію отъ высокопреосвященнаго господина митрополита Кирилла. 9) Архіепископа *Аркадія задунайскаго*, пріемшаго святую хиротонію отъ господина Кирилла митрополита всѣхъ христіанъ. 10) Епископа *Олимпія тульчинскаго*, пріемшаго святую хиротонію отъ руки преосвященнаго Аркадія, архіепископа славскаго и россійскаго, Онуфрія, епископа браиловскаго. Скончa животъ въ нуждѣ и заточеніи во градѣ Суждалѣ. 11) Архіепископа *Антонія владимірскаго и всея Россіи*, пріемшаго святую хиротонію отъ высокопреосвященнаго митрополита Кирилла. 12) Епископа *Израиля*

кодимъ, думавшіе уже, что посланцы ихъ гдѣ-нибудь запропали, получили изъ Вѣтки, тогда уже вошедшей въ предѣлы имперіи, извѣстіе, что въ Подоліи [1]), въ мѣстечкѣ Немировѣ, временно проживаетъ греческій митрополитъ Евсевій, который не прочь посвятить для старообрядцевъ епископа. Рядомъ съ Немировымъ расположены по берегу Буга старообрядческія слободы: Борская, въ которой нѣкогда проживалъ Аѳиногенъ, Курникъ, Перепеличье и другія. Онѣ находились еще подъ владычествомъ Польши. Вѣтковскіе отцы, изъ монастырей Лаврентьева, Пахоміева и Макаріева писали въ Злынку къ попу Михаилу Калмыку и Никодиму, чтобъ они вошли въ сношенія съ Евсевіемъ и уговорили его за извѣстную плату посвятить какого-либо старообрядца въ епископы. Никодимъ, съ

уральскаго 13) Епископа *Виталія*, отъ того святителя (Антонія) хиротонію пріемшимъ. 14) Епископа *Конона новозыбковскаго*, во градѣ Суждалѣ пострадавшаго. 15) Епископа *Аѳанасія саратовскаго*. 16) Епископа *Геннадія екатеринбургскаго*, нынѣ пострадавшаго. 17) Епископа *Пафнутія московскаго*. 18) Епископа *Варлаама балтовскаго*. 19) Епископа *Іустина*. 20) Епископа *Іова казанскаго*. 21) Епископа *Пафнутія казанскаго*. 22) Епископа *Константина оренбургскаго*. 23) Епископа *Савватія тобольскаго*. 24) Епископа *Сергія тульскаго*. И иніи на епархіяхъ въ Австріи, Молдавіи, Турціи же, и Египтѣ, въ Сиріи же и Палестинѣ поставлены высокопреосвященнымъ архіепископомъ бѣлокриницкимъ и митрополитомъ всего православія».

Въ послѣднее время получили мы извѣстіе еще о двухъ епископахъ— *Варсанофіи* и *Викентіи екатеринбургскомъ*. Послѣдній посвященъ въ Москвѣ лѣтомъ 1863 года изъ діаконовъ оренбургскаго епископа Константина.

Вотъ кстати и синодикъ Рогожскаго кладбища, найденный въ августѣ 1855 г. Онъ начинается такъ: «За здравіе. Помяни, Господи, *митрополитовъ:* Амвросія, Кирилла; *архіепископовъ:* Аркадія, Антонія, Аркадія; *епископовъ:* Онуфрія, Олимпія, Софронія, Виталія; *архимандритовъ:* Геронтія. Аѳанасія, Аркадія» и т. д. Затѣмъ слѣдуютъ имена священниковъ, иноковъ и инокинь.

[1]) А не на Волыни, какъ сказано у преосвященнаго *Макарія* въ *Исторіи русскаго раскола*, стр. 354. Немировъ—въ Брацлавскомъ уѣздѣ Подольской губерніи.

свойственною ему энергіей, схватился за этотъ нежданный, негаданный случай. Богъ знаетъ, воротятся ли Іоасафъ съ Рафаиломъ, думалъ онъ, а если и привезутъ они епископа, лишній не помѣшаетъ. И начались въ стародубскихъ и вѣтковскихъ слободахъ совѣщанія, кого бы послать къ Евсевію въ Немировъ для полученія хиротоніи. Въ совѣщаніяхъ прошло не мало времени. Наконецъ избрали находившагося въ Малиновоостровскомъ монастырѣ, что неподалеку отъ Злынки [1]) и близъ монастыря Никодимова, бѣглаго іеромонаха Іосифа и послали его въ Немировъ. Но онъ не засталъ Евсевія въ этомъ мѣстечкѣ: за десять дней до его пріѣзда, митрополитъ уѣхалъ въ Грецію.

Въ 1781 году Никодимъ и попъ Михаилъ Калмыкъ были въ Вишенкахъ, имѣніи графа Румянцева-Задунайскаго, тогда главнаго начальника Малороссіи, къ которой причислялось и Стародубье. Разговаривая съ ними о старообрядствѣ, герой Кагула коснулся необходимости для церкви архіерейскаго сана и подалъ собесѣдникамъ мысль искать епископа не крадучись, а *путемъ законнымъ, то есть просить императрицу и синодъ о назначеніи особаго для нихъ архіерея и такимъ образомъ возсоединиться съ православною церковью*. Никодимъ и Михаилъ сомнѣвались въ успѣхѣ, но Румянцевъ обнадежилъ ихъ, обѣщая и съ своей стороны ходатайствовать предъ государыней и синодомъ. Начались у стародубской діаконовщины совѣщанія объ этомъ предложеніи Румянцева, начались частыя и дѣятельныя сношенія съ одновѣрцами, не принявшими

---

[1]) Малиновоостровскій Рождественскій монастырь при рѣкѣ Ипути, впадающей въ Сожь, находится въ Новозыбковскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи, близъ самой границы Бѣлоруссіи. Церковь въ немъ освящена въ 1771 году бѣглымъ іеромонахомъ Киромъ. Это былъ впослѣдствіи главный монастырь всей діаконовщины, не перешедшей въ единовѣріе. Онъ уничтоженъ въ 1849 году.

въ 1779 году московскаго догмата о «перемазаніи» и жившими въ Москвѣ, Торжкѣ, на Керженцѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ и другихъ мѣстахъ. Въ сентябрѣ 1781 года Никодимъ писалъ уже о намѣреніи своемъ къ знавшему его лично и любившему входить съ нимъ въ богословскіе споры, всесильному князю Потемкину. Потемкинъ, такъ-же какъ и Румянцевъ, обѣщалъ старообрядцамъ свое ходатайство и обнадеживалъ, что императрица и митрополитъ петербургскій Гавріилъ непремѣнно согласятся дать имъ особаго епископа, для служенія по старому обряду. Въ началѣ 1782 года Никодимъ былъ въ Петербургѣ; Потемкинъ представилъ его Екатеринѣ. Она также обнадежила его, что имъ дадутъ законныхъ священниковъ и архіерея для служенія по обрядамъ до-никоновскимъ, если на этомъ условіи они согласятся возсоединиться съ православіемъ. Никодимъ, вмѣстѣ съ другими старообрядцами, былъ не разъ и у митрополита Гавріила и много говорилъ съ нимъ объ этомъ предметѣ. Наконецъ, рѣшились подать просьбу объ епископѣ.

По возвращеніи изъ Петербурга, въ томъ же 1782 году, Никодимъ и другіе согласные съ нимъ искали по Россіи законнаго архіерейства. Они ѣздили въ Новгородъ, въ Новый Іерусалимъ, въ Задонскъ, въ Нижній-Новгородъ приглашать къ себѣ жившихъ тамъ на покоѣ, оставившихъ свои епархіи, русскихъ архіереевъ. Прежде всего обратились они къ епископу воронежскому Тихону, жившему съ 1767 года на покоѣ въ Задонскомъ монастырѣ. Благочестивая, истинно христіанская жизнь этого святителя, его учительное слово, были извѣстны и старообрядцамъ. Вообще нерасположенные къ православному духовенству, особенно къ высшему, не могли они не отдавать полной справедливости святой жизни Тихона, и теперь Никодиму и его единомысленникамъ особенно хотѣлось,

чтобы во главѣ ихъ сталъ такой благочестивый святитель. Къ нему въ Задонскъ пріѣзжалъ изъ Москвы одинъ саратовскій купецъ, и говоря, что уже императрица согласна дозволить имѣть особаго епископа для служенія по старому обряду, просилъ дать свое согласіе на поступленіе къ нимъ. Святитель Тихонъ не далъ прямого отвѣта, но сказалъ: «Къ чему же я приступлю? Пока вы сами еще пусты!»

Другіе старообрядцы ѣздили изъ Москвы въ Новый Іерусалимъ, гдѣ въ то время жилъ на покоѣ бывшій крутицкій епископъ Сильвестръ, но и отъ него не получили прямого отвѣта. Нижегородскіе старообрядцы обращались къ проживавшему съ 1778 года въ тамошнемъ Печерскомъ монастырѣ, бывшему рязанскому епископу Палладію. Этотъ также не далъ рѣшительнаго отвѣта, но сказалъ: «подумаю». Наконецъ, изъ Торжка ѣздили старообрядцы въ Новгородъ, гдѣ въ Юрьевѣ монастырѣ жилъ Іоанникій, бывшій викарій новгородскаго митрополита, епископъ коломенскій и кексгольмскій. Что отвѣчалъ имъ Іоанникій — не знаемъ, хотя новоторы и увѣряли своихъ одновѣрцевъ, что онъ ужъ согласился перейти къ нимъ [1]).

Не найдя, такимъ образомъ, русскаго епископа, который бы изъявилъ рѣшительное согласіе служить по до-никоновскому обряду, старообрядцы подали просьбу, не поименовывая архіерея, но прося прислать изъ синода, при указѣ ея императорскаго величества, какого угодно епископа, но только родомъ великорусса. Всѣ боялись обливанства малороссіянъ. Вотъ этотъ пунктъ просьбы:

---

[1]) О приглашеніи Тихона и Іоанникія см. Андр. Іоаннова Журавлева *Историческое извѣстіе о раскольникахъ*, стр. 362 и 363. О приглашеніи Сильвестра и Палладія сохранились преданія у нижегородскихъ и московскихъ старообрядцевъ.

«3-й пунктъ. Прислать, при указѣ ея императорскаго величества, изъ святѣйшаго правительствующаго синода поставленнаго изъ великороссійской породы хорепископа [1]), то есть сельскаго или слободскаго, которому быть не относительну до епархіальнаго архіерея, а подлежать святѣйшему правительствующему синоду».

Прошеніе подалъ Никодимъ въ апрѣлѣ 1783 года всесильному тогда князю Потемкину-Таврическому [2]) въ слободѣ Добрянкѣ. Началось дѣло о присоединеніи старообрядцевъ къ господствующей церкви. Мы не будемъ теперь распространяться о томъ, какъ оно шло. Скажемъ одно, что и Румянцевъ, и Потемкинъ усердно хлопотали, чтобы сдѣлано было все согласно данному ими обѣщанію... Но измѣнились обстоятельства.

Никодимъ въ маѣ 1784 года умеръ. Дѣло затянулось. Затѣмъ одинъ за другимъ умерли и Потемкинъ, и Румянцевъ. Скончалась и Екатерина. Митрополитъ Гавріилъ былъ въ немилости у Павла I; дѣло передали учителю этого императора, московскому митрополиту Платону. Оно продолжалось, но объ особенномъ архіереѣ для старообрядцевъ, о просимомъ ими хорепископѣ, не было и рѣчи. Составлены были Платономъ и въ октябрѣ 1800 года утверждены Павломъ I «*правила единовѣрія*». Они не удовлетворили ожида-

---

[1]) *Хорепископъ*—санъ, высшій іерейскаго, но низшій епископскаго, существовалъ въ древней православной церкви, но съ теченіемъ времени упразднился. Теперешніе викарные архіереи—нѣчто въ родѣ древнихъ хорепископовъ. Въ *Кормчей Книгѣ* есть посланіе Св. Василія Великаго къ *хорепископамъ*, изъ котораго видно, что въ его время въ каждомъ селеніи былъ свой хорепископъ, которому было поручено мѣстное духовенство. Никодимъ съ другими просили помѣстить хорепископа въ слободскій Успенскій монастырь (Никодимову пустынь), что между посадами Зыбкой (городъ Новозыбковъ) и Злынкой.

[2]) Прошеніе это напечатано въ *Чтеніяхъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей*, 1859 г. № 4.

діямъ старообрядцевъ. О хорепископѣ пройдено молчаніемъ, и, сверхъ того, Платонъ не согласился простить бѣглыхъ поповъ, бывшихъ у старообрядцевъ. «Прежнихъ изъ поповъ, яко бѣглецовъ и предателей сана своего, къ таковой (единовѣрческой) церкви не допускать», написалъ онъ на второй пунктъ просьбы старообрядцевъ, желавшихъ оставить у себя бывшихъ у нихъ священниковъ, къ которымъ они привыкли, которымъ вручили свою совѣсть. Такимъ образомъ мѣра, иниціатива которой принадлежитъ Румянцеву Задунайскому, не состоялась вполнѣ, и потому не были удовлетворены ожиданія ни той, ни другой стороны. Успѣхи единовѣрія были слабы. Поповщинцы діаконовскаго согласія, отвергнувшіе постановленіе московскаго перемазанскаго собора 1779 года, теперь отдалились отъ церкви болѣе, перейдя почти всѣ въ согласіе «перемазанцевъ», иначе называвшееся «вѣтковскимъ», «иргизскимъ», «рогожскимъ». Діаконовщина, бывшая столь близкою къ господствующей церкви, вслѣдствіе воздвигнутаго на нее гоненія со стороны Рогожскаго кладбища за иниціативу единовѣрія, пала. Слабые остатки ея удержались въ Малиновоостровскомъ монастырѣ, который бѣднѣлъ съ каждымъ годомъ, въ Орлѣ, и немного въ Оленевскомъ скитѣ, на Керженцѣ [1]).

Появилось много полемическихъ сочиненій, направленныхъ противъ единовѣрческой церкви. Изъ нихъ особенно замѣчательны были: Андреяна Сергѣева — *Два отвѣта петропольскимъ уніатамъ на ихъ вопросы о причинѣ, не позволяющей съ ними быть во единой вѣрѣ и богослуженіи;* Гаврилы Скачкова—*Критическое показаніе въ стихахъ и прозѣ о бытіи въ Россіи трехъ церк-*

---

[1]) Въ 1848 году въ этомъ скитѣ было только 12 человѣкъ діаконовщины.

вей: никоновой, уніатской и старообрядческой или поповщины; Павла Онуфріева Любопытнаго — *Отвѣтъ петропольскимъ уніатамъ о несовмѣстности соединенія съ ними въ вѣрѣ Христовой церкви.* Явились даже сатиры въ стихахъ, писанныя старообрядцами. Единовѣрцы не отвѣчали [1]).

---

[1]) Андрей Іоанновъ Журавлевъ въ *Историческомъ извѣстіи о раскольникахъ*, стр. 362, 363, говоритъ: «Жившіе за границею по сю сторону Днѣпра старообрядцы отправили отъ себя къ крымскому митрополиту, чтобы поставилъ имъ епископа, но онъ безъ благословенія константинопольскаго патріарха не хотѣлъ того сдѣлать, а произвелъ имъ только игумена Іоанна, попа Ѳеодота, да одного діакона». О. Журавлевъ не упоминаетъ, когда это было, но полагать надобно до 1768 года. Въ 1772 г. уже не было болѣе старообрядцевъ «за границею по сю» (по лѣвую) сторону Днѣпра. По первому раздѣлу Польши, весь Днѣпръ принадлежалъ Россіи. А между 1768 и 1772 годами вѣтковскіе старообрядцы (рѣчь идетъ, безъ сомнѣнія, о нихъ) не могли пробраться въ Крымъ, по той причинѣ, что русскими войсками дорога была отрѣзана. Но въ 1768 году вѣтковскія слободы едва-ли еще возникли послѣ разоренія 1764 года. Въ нашихъ источникахъ нѣтъ ничего объ этой посылкѣ вѣтковцевъ въ Крымъ, но думаемъ, что извѣстіе о. Журавлева относится еще ко временамъ царствованія Елизаветы, по всей вѣроятности, къ періоду времени между 1758 и 1762 г.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Поповщина въ началѣ XIX столѣтія. Рязановъ.

Необходимость имѣть епископа сознавалось преимущественно въ діаконовскомъ согласіи поповщины. Этимъ толкомъ преимущественно и были предпринимаемы въ прошломъ столѣтіи попытки получить архіерейство. Съ самаго Александра-діакона, основателя этого толка, казненнаго въ 1720 году, громко высказывается необходимая нужда въ епископствѣ. Въ своихъ *Керженскихъ отвѣтахъ* онъ прямо говоритъ о нуждѣ въ святительскомъ чинѣ. Изъ его послѣдователей неизвѣстный намъ по имени старообрядецъ писалъ въ 1745 году какому-то отцу Тихону энергическое посланіе о печальномъ состояніи безпастырскаго старообрядства. Въ этомъ посланіи онъ требуетъ: «елико сила ходатайствовати святительство—источникъ священства». Во второй половинѣ XVII столѣтія изъ діаконовскихъ общинъ почти безпрерывно поднимаются одни за другими голоса въ пользу исканія архіерейства. Для осуществленія этого завѣтнаго желанія діаконовскія общины не жалѣютъ ни трудовъ ни денегъ, смѣло идутъ навстрѣчу серьезнымъ опасностямъ, посылаютъ своихъ людей въ дальнія странствованія, пробуютъ всѣ возможныя для нихъ средства къ установленію правильной іерархіи въ старообрядствѣ.

Другія согласія хотя и принимали по временамъ болѣе или менѣе участія въ исканіи епископства, но никогда не были разборчивы въ средствахъ и, давая слишкомъ широкое примѣненіе словамъ апостола Павла: «по нуждѣ и закона премѣненіе бываетъ», прибѣгали къ средствамъ антиканоническимъ. Напротивъ, діаконовцы въ дѣлѣ исканія святительскаго чина поставляли непремѣннымъ условіемъ строгое исполненіе правилъ, установленныхъ Вселенскими соборами и уставами Св. Отецъ. Дѣло Епифанія было чуждо имъ, и если впослѣдствіи нѣкоторые изъ діаконовцевъ и принимали поповъ его поставленія и сохраняли имя его въ синодикахъ, то лишь потому, что Епифаній, хотя и обманомъ, но получилъ правильную хиротонію. Притомъ же въ то время старообрядцы поповщинскаго толка были убѣждены въ подлинности писемъ, привезенныхъ Епифаніемъ въ Яссы отъ кіевскаго архіепископа, архіепископа дѣйствительно недовольнаго Петербургомъ и Москвою. Аѳиногенъ хотя и былъ прежде у діаконовцевъ въ Зыбкой, но, находясь между ними, не посмѣлъ объявить себя епископомъ, а когда самозванно принялъ за рубежомъ этотъ санъ, діаконовцы немедленно прекратили съ нимъ всякія сношенія. Анѳима, съ самаго появленія его, діаконовцы считали обманщикомъ. Въ Москвѣ, на соборѣ 1765 г., діаконовцы остановили странную затѣю другихъ старообрядцевъ рукоположить епископа рукою мощей Св. Іоны.

Наконецъ, діаконовщина, и одна только діаконовщина, въ концѣ XVIII столѣтія искала *правильнаго архіерейства*, какъ за границей, такъ и въ Россіи. Одна только діаконовщина *просила законнаго архіерея у законнаго правительства*.

Такимъ образомъ исканіе архіерейства, правильнаго и законно поставленнаго, по справедливости считается

однимъ изъ отличительныхъ признаковъ діаконовской вѣтви поповщины.

Діаконовцы (они же лысеновщина и кадильники), теперь почти не существующіе, были гораздо ближе къ господствующей церкви, чѣмъ всѣ другія отрасли старообрядства. Разномысліе свое съ нею относительно нѣкоторыхъ обрядовъ они не считали дѣломъ большой важности и признавали ее «православною», говоря, что вѣра состоитъ не въ обрядахъ, которые и прежде разнствовали по мѣстамъ, а въ исповѣданіи. На этомъ основаніи діаконовцы принимали бѣглыхъ православныхъ поповъ и вообще православныхъ безъ мνропомазанія — третьимъ чиномъ, то есть послѣ исповѣди. Четвероконечный крестъ, надъ которымъ ругались другіе старообрядцы, называя его знаменіемъ антихриста, латинскимъ крыжомъ и т. д., діаконовцы почитали наравнѣ съ восьмиконечнымъ. Они открыто пошли было къ сближенію съ господствующей церковію, прося у правительства хорепископа. Мы знаемъ, къ какому привело это результату. Явилось такъ называемое *единовѣріе*.

Съ тѣхъ поръ, какъ представители діаконовщины, Никодимъ и попъ Михаилъ Калмыкъ, начали законнымъ путемъ искать у правительства особаго архіерея, прочіе толки старообрядства стали враждебно смотрѣть на нихъ. «Кадильники измѣняютъ древлему благочестію и во всемъ смѣсилися съ никоніаны», говорили перемазанцы. Много скорбей претерпѣлъ Никодимъ и единомысленные съ нимъ, но бодро переносили они испытаніе, надѣясь на благополучный исходъ дѣла, надѣясь, что законный архіерей, котораго дастъ имъ правительство, по маломъ времени соединитъ расточенное стадо всѣхъ старообрядцевъ во едину церковь. Діаконовцевъ осыпали насмѣшками, называли ихъ «хромыми», укоряли въ отступничествѣ и даже

прибѣгали относительно ихъ къ насиліямъ [1]). Богатыя общины—московская, петербургская и др.—прекратили свои вспомоществованія и въ другія общины разсылали увѣщанія и запрещенія не помогать діаконовцамъ ни деньгами, ни другими подаяніями и не имѣть съ ними ни въ чемъ общенія. Діаконовщина обнищала. Не малая часть ея послѣдователей еще до 1800 года присоединилась къ перемазанцамъ. Въ самомъ Стародубьѣ перемазанцы (по тамошнему іорженцы) съ каждымъ годомъ усиливались и преимущественно на счетъ діаконовцевъ. Послѣ утвержденія правилъ единовѣрія, діаконовскій толкъ почти совсѣмъ упалъ, но борьба съ нимъ московскаго Рогожскаго кладбища продолжалась до двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Рогожское кладбище восторжествовало [2]).

---

[1]) Такъ, напримѣръ, было съ Сергѣемъ Иргизскимъ, когда онъ принялъ намѣреніе присоединиться къ плану Никодима.

[2]) Падавшая діаконовщина не вдругъ, однако, уступила рогожцамъ. Въ началѣ XIX столѣтія, для умиротворенія старообрядства поповщинскаго согласія, то есть для соглашенія перемазанцевъ съ даіконовцами, былъ соборъ въ Макарьевомъ монастырѣ (Могилевск. губерніи, Бѣлицкаго-нынѣ Гомельскаго, уѣзда). Рогожцы послали туда своихъ уполномоченныхъ со множествомъ старопечатныхъ и старописьменныхъ книгъ. Эту библіотеку везли на особыхъ подводахъ. Кромѣ рогожцевъ были на соборѣ старики изъ Стародубья, изъ Вѣтки, изъ Орла (діаконовцы), пріѣхало двое старообрядцевъ изъ Молдавіи—монахъ и безграмотный міряниніъ. Соборъ, какъ и московскій 1779 года, не достигнулъ церковнаго мира; не было даже составлено соборнаго дѣянія. Тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ большое вліяніе на ослабленіе діаконовщины и усиленіе перемазанства, ибо московскіе старообрядцы рѣшительно объявили, чтобы никто изъ непріемлющихъ перемазанія не только не надѣялся на какую-либо ихъ помощь, но зналъ напередъ, что будутъ принимаемы всѣ мѣры къ совершенному уничтоженію діаконовскаго толка. Самого Александра-діакона объявили они еретикомъ. Діаконовцы доказывали на Макарьевскомъ соборѣ, что перемазаніе началось не болѣе, какъ лѣтъ сорокъ передъ тѣмъ (въ шестидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія). Московскіе не могли доказать противнаго и замолчали. Тогда діаконовцы обратились къ вѣтковскимъ отцамъ, чтобъ они доказали древность перемазанія, но тѣ не ска

Діаконовцы, даже и во время исхода несчастной для нихъ борьбы съ рогожцами, не покидали мысли о необходимости архіерейства, хотя за неимѣніемъ денежныхъ средствъ и малочисленностью своею не могли уже предпринимать такихъ попытокъ, какими отличались ихъ предшественники въ минувшемъ столѣтіи. Такъ, послѣдній борецъ діаконовщины, орловскій мѣщанинъ Дмитрій Варѳоломеевичъ Тужилинъ, въ 1816 году, въ посланіи своемъ на Рогожское, упомянувъ о плачевныхъ раздорахъ и распряхъ въ старообрядче-

---

зали ничего положительнаго; одни изъ нихъ говорили: «не наше дѣло, мы готовимся ужь умирать»; а другіе:—«не должно о мѵропомазаніи споры умножать». По Макарію, настоятель монастыря, и молдавскіе старообрядцы приняли сторону діаконовцевъ. Послѣ этого собора, московскіе старообрядцы произвели большія смуты въ Стародубьѣ. По ихъ приказу, мѣщане и крестьяне посада Митьковки произвели большіе безпорядки въ главнѣйшемъ монастырѣ Стародубья, Покровскомъ (въ Климовой слободѣ), гдѣ были и перемазанцы, и діаконовцы. Узнавъ, что тамъ принятъ бѣглый отъ господствующей церкви попъ безъ мѵропомазанія, они собрались во множествѣ съ дубинами, окружили монастырь и угрожали вмѣстѣ съ немазаннымъ попомъ перебить всѣхъ живущихъ въ немъ. Въ виду дубинъ попа перемазали. Въ другой разъ подобныя смуты были въ монастырѣ Николо-Пустынскомъ (Подлѣ Клинцовъ). Въ храмовой праздникъ Николая Чудотворца собрались сюда, по обыкновенію, богомольцы изъ разныхъ слободъ. Были и діаконовцы, которые вмѣстѣ съ другими молились Богу. Поборники рогожской партіи закрамолили. Они кричали монастырскимъ: «вы, отцы, худо о церковныхъ вещахъ смотрите; знать вы съ московскими общенія имѣть не хотите»! И напомнили имъ про митьковскія дубинки у Покровскаго монастыря. Много было шуму и вопля; діаконовцевъ выгнали. Это было въ 1815 году. Вслѣдъ затѣмъ (22 марта, 1816 года), отъ имени московскаго старообрядческаго общества, попечителя Рогожскаго кладбища, Михаилъ Ивановичъ Самойловъ и Тимоѳей Андреевичъ Остряковъ, писали въ Николо-Пустынскій и другіе стародубскіе монастыри и посады слѣдующее посланіе: «Увѣдомлены мы о вашихъ монастыряхъ и посадахъ, что иноки и старообрядцы исповѣданія нашего имѣютъ совокупленіе съ жителями діаконовой секты и невозбранно имѣютъ входъ къ богослуженію и къ отправленію требъ, и вы ихъ въ такомъ случаѣ не гнушаетесь и всегда въ сообщеніи съ ними, равно и милостыни принимаете по умершихъ ихъ родственникахъ, кои въ ересяхъ уже и померли, и тѣмъ мѣшаете свѣтъ со тьмою. А потомъ, и у насъ бывши, въ Москвѣ, множество соблазнили,

ствѣ, говорилъ: «Откуда сія Богомъ ненавидимая и злообразная страсть въ сердцахъ православныхъ христіанъ оживляетъ свой корень? Не оттого ли, яко чрезъ долговременное лишеніе свойственныхъ имъ пастырей каждо пріобыклъ ходить по своихъ воляхъ? Отъ сего церковное тѣло раздѣлися на многія части... Симъ недугомъ (неимѣніемъ архіереевъ) будучи поражены, христіане, вмѣсто еже бы всего честнѣе краситися титлою званія христіанскаго, имѣютъ различныя нарицанія: овъ глаголетъ себѣ быти «вѣтковскаго»

да нѣкоторыхъ и развратили ходомъ своимъ въ домъ Мошанскихъ, къ тому же и прочіе возникаютъ соблазны. То мы въ таковомъ случаѣ слезно, лицомъ всея церкви, просимъ оставить таковое развратное дѣло. Если же не оставите и не послѣдуете отеческимъ преданіямъ единодушно съ нашимъ обществомъ, какъ оное издревле содержатъ и принимаютъ вторымъ чиномъ, то таковыхъ, яко татей и разбойниковъ, по Евангелію, отрѣшаемъ и лишаемъ сообщенія и *милости* общества нашего, и будете яко не брегущіе священная правила божественныхъ отецъ нашихъ, еже церковь утверждаетъ и все христіанское жительство украшаетъ. Такожде угодно было обществу нашему и изволили намъ приказать, чтобы непремѣнно увѣдомить всѣ монастыри. Въ разсужденіи чего и требуемъ скорѣйшаго увѣдомленія». (Мошанскіе, упоминаемые въ этомъ посланіи, были зажиточные московскіе старообрядцы, отцы или дѣды которыхъ принимали живое участіе въ дѣлахъ собора 1779 года и грозились поколотить Никодима и попа Михаила Калмыка. Тѣ Мошанскіе, о которыхъ говорится въ посланіи, были одни изъ первыхъ старообрядцевъ, которые перестали гнушаться общественною жизнію, ѣздили на гулянья, посѣщали театры и пр.). Діаконовцы города Орла сильно возстали противъ рогожцевъ за это посланіе. Глава тамошней діаконовской общины, мѣщанинъ Дмитрій Варѳоломеевичъ Тужилинъ, оставившій нѣсколько сочиненій въ прозѣ и стихахъ, писалъ Самойлову и Острякову *Посланіе*, въ которомъ, соболѣзнуя о раздорахъ въ старообрядствѣ и угрожая гнѣвомъ самого Бога виновникамъ несогласій, просилъ рогожскихъ попечителей объяснить, почему они діаконовцевъ почитаютъ за еретиковъ. Прошло два года; отвѣта изъ Москвы не было. Тужилинъ написалъ язвительную для рогожцевъ *Повѣсть о томъ, что сдѣлали Рогожскаго кладбища попечители 1816 года,* въ прозѣ и стихахъ. Московскіе старообрядцы отнеслись къ этой повѣсти съ презрѣніемъ, и на всѣ возраженія и обличенія діаконовщины отвѣчали упорнымъ молчаніемъ Впрочемъ, и отвѣчать имъ было нечего—ихъ дѣло было неправо. Но, благодаря богатству и вліянію, окончательная побѣда осталась на сторонѣ рогожцевъ.

исповѣданія, другіе же нарицаются «безпоповщинскаго» разумѣнія и другихъ многихъ различныхъ наименованій отъ мѣстъ, отъ учителей—въ старообрядцахъ много обрѣтаются» [1]). Въ Москвѣ въ то время до того ненавидѣли діаконовцевъ, что и думать не хотѣли объ архіерействѣ, чтобы не уподобиться ненавистной сектѣ, у которой стремленіе къ архіерейству было однимъ изъ главныхъ отличительныхъ признаковъ. Но по временамъ и изъ среды враговъ падающаго толка поднимались голоса о необходимости епископскаго чина. Такъ, перемазанецъ города Вольска, купецъ Иванъ Петровичъ Ѳоминъ, писалъ въ 1799 году къ пріятелю своему, купцу Ивану Ивановичу Мухину, не послѣднему члену Рогожской общины: «Увы, брате, да не оскорбимъ васъ словомъ, уже бо кончина приближается наша; видно по всему писанію, что основаніе нашей вѣры на песцѣ, а не на твердомъ камени. Не имѣемъ мы ни епископа, ни священника, благословеннаго отъ власти церковной, но ожидаемъ, по мнѣнію нашему, особеннаго епископа. Сохрани насъ, Боже, чтобъ и мы не такъ-же ожидали себѣ епископа, какъ жиды ожидаютъ пришествія Мессіи» [2]). Такъ, около 1820 года неизвѣстный намъ по имени иргизскій инокъ писалъ: «О новый Израилю! Уты, утолстѣ, уширѣ и забылъ еси Бога, создавшаго тя! Уты богатствами и мірскими почестями, уширѣ фабриками, капиталами и иными дѣлами торговыми, утолстѣ въ

---

[1]) Д. В. Тужилинъ. *Посланіе къ попечителямъ Рогожскаго Московскаго кладбища, Михаилу Ивановичу Самойлову и Тимоѳею Андреевичу Острякову. 1816 года*

[2]) *Письмо Ив. Петр. Ѳомина къ Ив. Ив. Мухину* напечатано въ 1841 году въ видѣ приложенія въ книгѣ іеросхимонаха Іоанна, обратившагося изъ раскола въ православіе: *Духъ мудрованія нѣкоторыхъ раскольничьихъ толковъ*, стр. 83, и слѣд. И. Ѳоминъ и Мухинъ, не дождавшись обѣщаннаго старообрядческаго епископа, обратились въ православіе.

пространномъ житіи сластолюбіемъ, чревоугодіемъ, объяденіемъ же и пьянствомъ! Забылъ еси Бога и послужилъ проклятой мамонѣ и златому тельцу прилѣпися всею душею твоею и всѣмъ помышленіемъ твоимъ. Окрадая смущенную никоніанскую церковь, новшествъ преисполненную, и святые догматы дерзостно поправшую, тщетно хвалишися, о Новый Израилю, яко бы священства чинъ въ тебѣ не изсякаетъ. Всуе хвалишися! Гдѣ той неизсякаемый источникъ, гдѣ преемственная отъ рукъ апостольскихъ хиротонія? Имѣеши-ли епископскій чинъ, безъ него же церковь Божія стояти не можетъ? Имѣеши-ли священное руковозложеніе, мvросовершеніе, антиминсовъ священіе, епископское благословеніе и разрѣшеніе, равно и судъ церковный? Кто можетъ въ тебѣ пресвитеровъ и діаконовъ поставляти, мvро совершати, дѣвъ освящати и всѣ дѣла со разсужденіемъ творити по 9 правилу святаго Антіохійскаго собора и по 6 Карфагенскаго?» [1]) Со стороны безпоповцевъ обильно сыпались на поповщину укоры и обличенія. Въ этихъ обличеніяхъ, хотя въ виду иныхъ интерессовъ и съ иной точки зрѣнія,— указывали они на неимѣніе епископства и на неспасительность дѣйствій, совершаемыхъ бѣглыми отъ господствующей церкви попами. «Такіе попы ваши не суть пастыри, но волки и наемники, которые, оставивъ церковь свою и епископовъ своихъ, приходятъ къ вамъ по двумъ причинамъ: или интереса ради изъ бѣдныхъ приходовъ, узнавши, что вы щедро за требы ихъ награждаете, или же отъ бѣды укрываются. Таковые попы ваши не суть священницы, ибо безглавни,

---

[1]) *Возглашеніе сыновомъ святыя, древнеправославныя, каволическія церкви, въ царствующемъ градѣ Москвѣ пребывающимъ, отъ недостойнаго и послѣдняго, во грѣсѣхъ же перваго инока святыя Верхнепреображенскія обители, что на Иргизѣ.* Въ рукописномъ сборникѣ (in 4-to 458 листковъ), писанномъ полуу̃ставомъ на Иргизѣ

не имѣюще у васъ никоего епископа, а прежняго своего тайно отбѣгоша и потомъ проклятію предавше» [1]). Одинъ изъ представителей самыхъ крайнихъ мнѣній безпоповщины, саратовскій мѣщанинъ Тимоѳей Васильевичъ Бондаревъ, основатель Бондаревскаго согласія самокрещенцевъ, говорилъ: «сколько керженскіе старцы ни алчны были къ епископамъ, однакожъ, чтобъ онымъ быть до скончанія вѣка отнюдь не сказали... Иргизская сонмища, хотя и совсѣмъ безглавная: ни главы, ни очей, ни рукъ, ни ногъ не имѣющая, но трупъ единъ,—но всякое дѣйство отъ тоя же великороссійскія церкви заимствуютъ, то не все ли равно, когда подъ единою главою, единымъ пастыремъ пасутся и управляются? Ащо бо и мнятся разнствовати, но вся та прелесть суть» [2]).

Рогожское было глухо къ укоризнамъ и своихъ, и чужихъ. Столпы московскаго старообрядства и слышать не хотѣли объ архіерействѣ. Имъ были бы попы.

А поповъ въ началѣ XIX столѣтія по всему старообрядчеству было изобильно,—такъ изобильно, какъ никогда не бывало. Со вступленіемъ на престолъ Екатерины II, находившіеся у старообрядцевъ бѣглые попы не навлекали болѣе на себя преслѣдованій со стороны правительства, если не совершали уголовныхъ преступленій, и въ такомъ только случаѣ были

---

1) Рукопись, заключающая въ себѣ отвѣты и обличенія поморянина, направленные противъ поповщины. Если не ошибаюсь, это сочиненіе Тимоѳея Андреева *Духовный Щитъ*. Въ рукописи, находящейся у меня, нѣтъ ни начала, ни конца сочиненія, и потому не могу навѣрное опредѣлить, кто его авторъ. Ѳоминъ (см. выше), кажется, ссылается на это сочиненіе.

2) *Самокрещенскіе отвѣты Бондарева* писаны въ 1836 г. Я цитирую по принадлежащему мнѣ автографу Бондарева (in 4-to 294 листка за скрѣпой инока Мельхиседека Якубовскаго). Выписанное мѣсто на листкѣ 247 и на оборотѣ 250.

лишаемы сана и даже заточаемы въ монастыри, если по какимъ-нибудь обстоятельствамъ попадали въ руки духовнаго начальства. Вызывая старообрядцевъ изъ-за литовскаго рубежа, Екатерина обѣщала имъ свободу богослуженія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они будутъ поселены. Этимъ для поповщины обусловливалось въ нѣкоторой степени право имѣть поповъ, безъ которыхъ, по ихъ правиламъ, они не могутъ совершать богослуженія. Подъ поселеніе вышедшихъ изъ тогдашнихъ польскихъ провинцій старообрядцевъ отведено между прочимъ 70 тысячъ десятинъ превосходной земли по р. Иргизу (въ нынѣшней Самарской губерніи); здѣсь старообрядцы тотчасъ же устроили три мужскіе и два женскіе монастыря съ церквами [1]). Кромѣ зарубежныхъ выходцевъ, много поселилось здѣсь старообрядцевъ пришлыхъ изъ разныхъ краевъ Россіи; вскорѣ иргизскіе монастыри и возникшія кругомъ ихъ слободы сдѣлались весьма многолюдны. Такъ какъ попы на Иргизѣ были дозволены, то ихъ всегда бывало здѣсь много. Считаясь иргизскими, они разсылаемы были по разнымъ старообрядческимъ общинамъ и жили тамъ временно и даже постоянно, для совершенія требъ. Какъ иргизскіе, т. е. какъ дозволенные правительствомъ, эти попы были повсюду безопасны отъ преслѣдованій, жили открыто съ паспортами, выдаваемыми мѣстнымъ начальствомъ [2]) и разъѣзжали

---

1 Здѣсь, въ 1762 году, монахъ Авраамій основалъ *Нижневоскресенскій* монастырь (подлѣ слободы Криволучье), а черный попъ Исаакій—*Верхнепреображенскій* на берегахъ Иргиза и озера Калача; въ 1764 г. черный попъ Пахомій построилъ *Средненикольскій* монастырь на берегу Иргиза, подлѣ нынѣшняго города Николаева. Женскіе монастыри были основаны: *Покровскій* (въ 5 верстахъ отъ Верхнепреображенскаго) въ 1762 монахиней Маргаритой, а *Среднеуспенскій* (подлѣ Средненикольскаго) въ 1783 монахиней Анфисой.

2) Въ нынѣшнемъ столѣтіи попы получали паспорты изъ саратовской удѣльной конторы, которая завѣдывала иргизскими поселеніями, а

свободно, иногда даже на почтовыхъ по подорожнымъ, въ которыхъ прописывалось званіе проѣзжающаго. Такая свобода имѣть поповъ доставила Иргизу огромное значеніе въ средѣ старообрядцевъ, какого не имѣли ни Керженецъ, ни Вѣтка, ни Стародубье, когда были средоточіями поповщины. Послѣ перемазанскаго собора 1779 года, на Иргизѣ были большія пренія по

до того изъ дворцовой канцеляріи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ попы получали паспорты отъ саратовскаго губернатора. Въ 1811 году охтенскій протопопъ Андрей Іоанновъ Журавлевъ, авторъ извѣстнаго и часто приводимаго нами сочиненія о раскольникахъ, донесъ о бѣгломъ попѣ Василіи Андреевѣ, живщемъ съ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія при поповщинской моленной Королева въ Петербургѣ. При производствѣ слѣдствія оказалось, что попъ съ Иргиза и проживаетъ по паспорту за подписомъ саратовскаго гражданскаго губернатора Панчулидзева. Въ этомъ паспортѣ онъ названъ «отпущеннымъ въ С.-Петербургъ священникомъ Нижневоскресенскаго монастыря». (*Дѣло департ. общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ* 1816 года, № 4). Дѣло это кончилось слѣдующею резолюціей Александра I, написанною 29 августа 1811 года: «не дѣлать какихъ-либо о ней (Королевской часовнѣ) распоряженій, поелику оная часовня не есть вновь заведенная, а оставить ее попрежнему до общаго разсмотрѣнія подобныхъ сему обстоятельствъ». Саратовскій губернаторъ, 30 августа 1815 года, доносилъ министерству полиціи, что тамошняя удѣльная контора выдаетъ паспорты для заработковъ въ разныхъ городахъ Россійской имперіи иргизскимъ монахамъ, которые поступили въ это званіе изъ удѣльныхъ крестьянъ, и отлучки ихъ изъ монастырей имѣютъ единственною цѣлью только распространеніе ереси ихъ, и что хотя монахамъ симъ и слѣдовало бы прекратить отлучку изъ ихъ жилищъ, но, принимая въ соображеніе убѣдительную просьбу настоятелей старообрядскихъ иргизскихъ монастырей, онъ, губернаторъ, предложилъ удѣльной конторѣ снабжать означенныхъ монаховъ для отъѣзда въ другія губерніи письменными видами на 4 мѣсяца, съ тѣмъ, однакожъ, чтобы въ видахъ этихъ означаемо было, для какихъ именно надобностей они отправляются, и дабы люди сіи нигдѣ ученія своего не распространяли и духовныхъ требъ не совершали подъ опасеніемъ строжайшаго взысканія. Министръ полиціи, графъ Вязмитиновъ, сообщилъ объ этомъ министру удѣловъ, который согласился съ мнѣніемъ саратовскаго губернатора впредь *до времени опредѣленности по предмету сему особаго правила до старообрядцевъ относящагося*. Но это осталось лишь на бумагѣ, дѣйствительно же монахи и попы разъѣзжали по прежнему. (*Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ* 1815 года, № 10).

предмету, обсуждавшемуся въ Москвѣ, и было два собора: 2 августа 1782 и 5 марта 1783 гг., на которыхъ приняты и утверждены рогожскія правила перемазанія. Это было весьма важно и для московскихъ старообрядцевъ, и для Иргиза. Московскіе и всѣ многочисленные ихъ единомышленники въ союзѣ съ Иргизомъ получили сильное для себя подкрѣпленіе и видѣли въ немъ обезпеченіе своихъ правилъ въ будущемъ, ибо въ одномъ только Иргизѣ можно было тогда имѣть дозволенныхъ поповъ и только оттуда свободно и открыто разсылать ихъ по Россіи. Иргизъ, въ свою очередь, получилъ сильную поддержку въ матеріальномъ отношеніи. Принявъ перемазаніе, Иргизъ, по просьбѣ старообрядческихъ обществъ, московскаго, вольскаго и уральскаго, разослалъ написанное инокомъ Сергіемъ окружное посланіе въ утвержденіе этого правила [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ разосланы были повсюду, и повсюду приняты—другія правила, постановленныя на иргизскомъ соборѣ 1783 года. Изъ нихъ особенно важно было слѣдующее: «чтобы нигдѣ вновь не принимали пришедшихъ священниковъ, кромѣ святѣй церкви (Иргиза), но отсылать бы всѣхъ таковыхъ ко святѣй церквѣ для лучшаго законоправильнаго во всемъ разсмотрѣнія; а кто хотя гдѣ по какой необходимой нуждѣ какого вновь пришедшаго священника и примутъ, то о томъ бы въ скорости дать отъ того мѣста знать ко святѣй церквѣ». Это единодушно и повсемѣстно принятое правило доставило Иргизу главенство во всемъ старообрядчествѣ. Братство иргизскихъ монаховъ получило въ нѣкоторой сте-

---

1) Оно было послано въ Москву, въ Стародубскія слободы на Керженецъ, въ Сибирь, въ Поморье, въ Гуслицу, въ Уральскъ, въ Дунилово, въ Шую, въ Городецъ, на Терекъ, въ Тулу, въ Калугу въ Коломну. *Православный Собесѣдникъ* 1857 г. стр. 404.

ненш значеніе епископа. Въ 1792 и 1805 году на Иргизѣ были новые соборы, на которыхъ утверждена форма исправы какъ поповъ, такъ и мірянъ. Она нѣсколько отличалась отъ той, какая употреблялась прежде [1]).

Другое обстоятельство еще болѣе возвысило значеніе Иргиза. Мы видѣли, какимъ образомъ въ послѣднихъ годахъ XVII вѣка приходъ Өеодосія на Вѣтку возвысилъ эту слободу на степень старообрядческой митрополіи. Такое значеніе дала Вѣткѣ церковь съ антиминсомъ, освященная Өеодосіемъ. То же самое случилось и на Иргизѣ. Въ 1776 году въ Верхнепрео-

[1]) Прежняя формула приведена нами при разсказѣ о принятіи вѣтковцами епископа Епифанія. Новая иргизская исправа состояла въ слѣдующемъ. Принимаемый попъ надѣвалъ епитрахиль, фелонь и поручи, исповѣдовался у монастырскаго священника, потомъ съ амвона, обратясь на западъ, читалъ слѣдующее: «Азъ, священноіерей *имя рекъ*, отъ гнусныя никоніанскія ереси къ непорочнѣй всею душою приступаю вѣрѣ. Проклинаю вся отреченная святыми отцы: аще кто не креститъ въ три погруженія съ приглашеніемъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа», но обливаетъ, да будетъ проклятъ. Аще кто служитъ божественную литургію на пяти просфорахъ, а не на семи, да будетъ проклятъ. Аще кто приглашаетъ божественную пѣснь «аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа слава Тебѣ Боже» да будетъ проклятъ. Молящіяся въ три перста, а не двѣма, да будутъ прокляты. Аще кто благословляетъ пятію персты странно нѣкаго, не по преданію святыхъ отецъ—да будетъ проклятъ. Знаменія на просфорахъ четвероконечные кресты, а не восьмиконечные и на нихъ служатъ—да будутъ прокляты. Аще кто чтетъ молитву Господню «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ» съ приложеніемъ литеры І, а не по-древнему: «Господи Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ»—да будетъ проклятъ. Въ заключеніе, наконецъ, и всѣхъ нововведенныхъ преданіяхъ, отъ Никона патріарха содержимыхъ нынѣ Грекороссійскою церковію, отрицаюсь и проклинаю, и анаөемѣ предаю, и иже изволитъ имъ и послѣдуетъ—анаөема и да будетъ проклятъ». Потомъ, за неимѣніемъ мура, попъ мазалъ его священнымъ масломъ съ приглашеніемъ словъ «печать дара Духа Святаго». По окончаніи этой церемоніи, настоятель монастыря и вся братія подходила къ новопринятому подъ благословеніе и онъ допускаемъ былъ къ священнодѣйствію и совершенію требъ. Тѣмъ же чиномъ принимали и мірянъ. (*Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ* 1838 года, № 96, листы 4—9).

браженскій монастырь пришелъ изъ Вѣтки инокъ Сергій Юршевъ съ полотняною церковью и антиминсомъ. Въ то время нигдѣ у перемазанцевъ не было освященной церкви, стало быть не было и запасныхъ даровъ. Вдругъ разносится радостная для старообрядцевъ вѣсть, что на Иргизѣ въ вѣтковской церкви служатъ литургію. Толпы двинулись въ Верхнепреображенскій монастырь къ обѣднѣ—изъ Москвы, Петербурга, Сибири и со всего Поволжья. За одинъ разъ приходило по пяти и по шести тысячъ богомольцевъ, особенно лѣтомъ и во время судоходства. Благолѣпіе церкви, благочиніе при отправленіи службы, искусные пѣвчіе, строгій монастырскій порядокъ приводили въ восхищеніе приходящихъ и умножали иргизскія богатства. Но *иргизскіе монахи* не поступали такъ, какъ нѣкогда вѣтковскіе и стародубскіе: они не раздавали своихъ запасныхъ даровъ всякому желающему, но давали ихъ только разсылаемымъ попамъ и въ рѣдкихъ случаяхъ монахамъ и даже монахинямъ изъ другихъ старообрядческихъ мѣстностей. Такія дѣйствія объясняемы были уваженіемъ къ дарамъ, которыхъ не должны имѣть у себя непосвященные, но скорѣй могутъ быть объяснены заботою объ охраненіи иргизской монополіи на обѣдню, которая доставляла тамошнимъ монастырямъ огромныя выгоды. Для особенно богатыхъ или особенно вліятельныхъ міранъ дѣлались исключенія. Стремленіемъ сохранить монополію обѣдни объясняется и то, что во все время господства Иргиза (1780—1836) не только нигдѣ не являлось новыхъ церквей съ антиминсами, но и стародубскія церкви, по переходѣ ихъ въ перемазанное согласіе, мало по-малу упразднялись. Одно только Рогожское въ 1813 года имѣло церковь и обѣдню. Иргизъ протестовалъ по этому случаю, но вліяніе московскаго общества было такъ сильно, что онъ замолкъ.

Поповъ на Иргизѣ было всегда много, но еще болѣе бывало ихъ въ разъѣздахъ или на постоянномъ жительствѣ по разнымъ старообрядческимъ общинамъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія ихъ проживало по разнымъ мѣстамъ болѣе двухсотъ человѣкъ [1]). Они доставляли значительныя выгоды Иргизу, ибо за каждаго попа общество платило отъ 200 до 500 руб., если онъ посылаемъ былъ на время, и отъ 500 до 2000 руб., если отправлялся на постоянное жительство. Кромѣ того, общины платили за запасные дары и мнимое муро, которымъ отъ времени до времени снабжали разосланныхъ поповъ. Разсылка иргизскихъ поповъ по разнымъ мѣстамъ въ концѣ XVIII столѣтія была совершенно

---

[1]) Для примѣра, въ какомъ количествѣ брали въ иныя мѣста поповъ съ Иргиза, представляю слѣдующее. Около 1780 года скитъ Старый Улангеръ, находившійся въ Макарьевскомъ округѣ Костромскаго намѣстничества, сгорѣлъ отъ молніи въ пору необычную: въ крещенскій сочельникъ (5 января). Старицы и бѣлицы въ ужасѣ разбѣжались. Узнали про то галицкая помѣщица Акулина Степановна Свѣчина, старообрядка, и племянница ея, помѣщица же, Ѳедосья Ѳедоровна Сухонина, собрали разбѣжавшихся матерей и на свой счетъ построили Новый Улангеръ, на рѣкѣ Козленцѣ (въ Семеновскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи), гдѣ онъ и до сихъ поръ находится. На старомъ мѣстѣ строить не рѣшились, считая молнію зимой за особенное знаменіе гнѣва Божія. Свѣчина и Сухонина всѣхъ своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ обратили въ старообрядческія монахини и бѣлицы; къ нимъ присоединилось еще нѣсколько бѣдныхъ чухломскихъ и галицкихъ помѣщицъ съ своими крѣпостными дѣвушками. Свѣчина все свое имѣніе, впрочемъ незначительное, употребила на построенный ею монастырь. Она очень любила торжественную службу, и при жизни ея въ Улангерѣ бывало заразъ поповъ по двѣнадцати, присылаемыхъ изъ Иргиза, по ея требованіямъ. Такъ продолжалось, кажется, до 1815 года, когда скитъ Свѣчиной сгорѣлъ; тогда она переѣхала въ Комаровскій скитъ, гдѣ вскорѣ и скончалась. Послѣдній изъ улангерскихъ поповъ, черный попъ Ефремъ, жилъ въ Улангерѣ до 1827 года. Въ Комаровскомъ скиту бывало лѣтъ сорокъ-пятьдесятъ тому назадъ по пяти иргизскихъ черныхъ поповъ Послѣдній изъ нихъ, Евѳимій, взятъ и заключенъ въ Саровской пустыни въ 1831 году. Въ Екатеринбургѣ было по пяти и болѣе иргизскихъ поповъ въ одно время. Еще болѣе бывало ихъ у казаковъ на Дону, на Уралѣ, а особенно на кавказской линіи.

свободна, а съ 1803 года даже узаконена. Въ этомъ году, по просьбѣ села Городца [1]), высочайше разрѣшено имѣть при часовнѣ поповъ изъ иргизскихъ монастырей, и въ томъ-же году на вопросъ малороссійскаго генералъ-губернатора князя А. Б. Куракина, какъ поступать съ раскольническими попами, находящимися во ввѣренныхъ управленію его губерніяхъ, было объявлено повелѣніе императора Александра I такого содержанія: «какъ изгнаніе таковыхъ священниковъ изъ волостей могло бы болѣе ожесточить раскольниковъ въ ихъ суевѣріи и лишить ихъ способовъ крещенія и погребенія мертвыхъ, то и должно терпѣть оныхъ, смотря на нихъ, такъ сказать, сквозь пальцы, и не подавать имъ однако же явнаго вида покровительства.» [2]) Около 1814 года, въ городѣ Кузнецкѣ, Саратовской губерніи, тамошній мѣщанинъ Серебряковъ построилъ часовню и обратился въ Иргизъ за попомъ. Иргизъ послалъ ему попа Ивана Петрова. О новой часовнѣ и о попѣ при ней дошло до Петербурга, и при этомъ воспрещено было попу Петрову лишь явное богослуженіе (внѣ часовни) и колокольный звонъ [3]). Обращаясь съ просьбами къ правительству о дозволеніи имѣть иргизскихъ поповъ [4]), старообрядцы присоединяли иногда

1) Балахнинскаго уѣзда, Нижегородской губерніи на Волгѣ. Часовня въ немъ построена въ 1789 году и доселѣ считается одною изъ главнѣйшихъ въ старообрядчествѣ. Въ ней доселѣ не признается правильнымъ «австрійское» архіерейство.

2) *Собраніе постановленій по части раскола, по вѣдомству святѣйшаго синода.* С.-Петербургъ 1860, томъ II, стр. 18. *Собраніе постановленій по части раскола* С. Петербургъ 1858, стр. 27

3) *Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ,* 1815 года, № 15.

4) Объ этомъ просили, напримѣръ, въ декабрѣ 1814 года, старообрядцы Городищенскаго уѣзда Пензенской губерніи. (*Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ,* 1850 года, № 1) Чердынскіе (Пермской губерніи) пустынножители также получали поповъ съ Иргиза. (*Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ,* 1810 года, № 5).

просьбы и другого рода. Такъ, старообрядческая община въ городѣ Ростовѣ-на-Дону, въ іюнѣ 1815 года, посылала въ Петербургъ своего повѣреннаго Акимова хлопотать, чтобы сдѣлано было распоряженіе, по которому бы выдавали иргизскимъ попамъ паспорты, а то они перестали ѣздить въ Ростовъ [1]).

До 1822 года не было, однако, общаго дозволенія имѣть старообрядцамъ при своихъ часовняхъ бѣглыхъ поповъ. Даваемы были разрѣшенія только по отдѣльнымъ случаямъ, безусловное же разрѣшеніе держать иргизскихъ поповъ имѣла одна лишь Городецкая часовня. Оттого въ архивныхъ дѣлахъ первыхъ двадцати лѣтъ нынѣшняго столѣтія встрѣчается непрерывный рядъ ходатайствъ разныхъ старообрядческихъ обществъ о дозволеніи имѣть поповъ съ Иргиза, строить вновь или поправлять пришедшія въ ветхость часовни и т. п. Ходатайства просителей были уважаемы, но не всегда; бывали случаи, что дозволялось имѣть попа, для служенія по іосифовскому обряду и старопечатнымъ книгамъ, но съ тѣмъ, чтобъ онъ зависѣлъ отъ епархіальнаго архіерея; другими словами, предлагалось единовѣріе [2]), на что̀ старообрядцы не изъявляли согласія и держали иргизскихъ поповъ тайно. Обыкновенно же подобнаго рода домогательства старообрядцевъ отлагались правительствомъ *впредь до общаго распоряженія по сему предмету*. Дѣло оставлялось statu quo.

Объ общемъ распоряженіи относительно старообрядцевъ весьма заботились въ началѣ царствованія Александра I, когда были предприняты разнообразныя ре-

[1]) *Дѣло департамента общихъ дѣлъ мин. вн. дѣлъ*, 1815 г., № 7.

[2]) [illegible] предложеніе дѣлано было, напримѣръ, старообрядцамъ города Ярославля въ 1811 году, села Иванова (Шуйскаго уѣзда, Владимірской губерніи) въ 181[illegible] году, города Саратова въ 1817 году, см. *Собраніе постановленій по части раскола, по вѣдомству святѣйшаго синода*, С.-Петербургъ 1860, томъ II, стр. 87, 117, 122.

формы по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія. Но разныя обстоятельства, особенно же отечественная война, замедлили ходъ дѣла, и только въ 1815 году вопросъ этотъ вновь обратилъ на себя вниманіе. Задача состояла въ томъ, чтобъ успокоить милліоны раскольниковъ дарованіемъ имъ свободы богослуженія (полными гражданскими правами они въ то время пользовались), но съ тѣмъ, чтобъ и господствующая православная церковь была вполнѣ обезпечена отъ всякаго ущерба со стороны раскола. Болѣе или менѣе одиночные случаи проявленія фанатизма въ разныхъ сектахъ (не старообрядческихъ) много вредили этому дѣлу. Изувѣрныя самоубійства въ Копенахъ [1]), Пермской губерніи, ученіе Гнусина на преображенскомъ кладбищѣ, убійства у духоборцевъ на Молочныхъ водахъ, торжественный входъ въ Тамбовъ молокана Уклеина съ 70 учениками для проповѣдыванія «новой вѣры» и истребленій «идолопоклонства» (то есть почитанія иконъ), сборища скопцовъ въ Петербургѣ у Кондратія Селиванова, признаваемаго сыномъ Божіимъ и русскимъ царемъ, и другія подобныя явленія вызывали опасенія. Эти проявленія фанатизма были обобщаемы, и нерѣдко случай, бывшій гдѣ-нибудь въ одной сектѣ, возбуждалъ недовѣріе и къ другимъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ тою сектой и даже враждебнымъ ей. Раскола не знали, и всѣ вообще уклоненія русскихъ людей отъ православія, всѣ вообще виды религіознаго разномыслія считали чѣмъ-то общимъ [2])

---

[1]) Аткарскаго уѣзда Саратовской губерніи.

[2]) Н. В. Варадиновъ въ *Исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ*, VIII, стр. 101 и 102 говоритъ: «Въ Москвѣ и Московской губерніи возникли разныя недоразумѣнія между гражданскимъ и духовнымъ начальствомъ по поводу публичнаго появленія раскола, при раскольническихъ моленныхъ, въ томъ числѣ и при моленной на Рогожскомъ кладбищѣ». Замѣчательно, что въ министерствѣ не было тогда (1823) «ни малѣйшаго

Старообрядство поповщинскаго согласія было въ этомъ отношеніи счастливѣе, чѣмъ другія религіозныя разномыслія. Оно было ближе къ православію и его знали лучше, а потому къ концу царствованія Александра I послѣдователи его получили нѣкоторыя льготы относительно богослуженія.

Неуспѣхъ единовѣрія былъ сознаваемъ всѣми, и больше чѣмъ кому другому былъ онъ извѣстенъ старообрядцамъ. Не безъ основанія говорили въ 1819 г. екатеринбургскіе купцы министру духовныхъ дѣлъ князю А. Н. Голицыну: «вашему сіятельству не безъизвѣстно, когда правительство, успокоивая старообрядцевъ, по разнымъ до сего жалобамъ, позволило имѣть церкви на пунктахъ митрополита Платона. Что же изъ сего вышло? Изъ церквей сихъ нѣкоторыя запустѣли, другія остались при нѣсколькихъ семействахъ,—слѣдовательно, только разселили старообрядцевъ, а еслибъ оно тогда же позволило приблизиться болѣе къ коренному нашему

извѣстія объ этомъ кладбищѣ, и что въ докладѣ департамента министру выписаны свѣдѣнія объ немъ изъ сочиненія протоіерея Іоаннова (А. І. Журавлева *Полное историческое извѣстіе о раскольникахъ*. 1793)... цифра прихожанъ показана за 1796 годъ... изъ чего можно заключить, какъ мало расколъ былъ извѣстенъ министерству и какъ, слѣдовательно, распоряженія его были случайны. Впрочемъ, изъ самыхъ распоряженій ясно видно, что министерство разсматривало каждое проявленіе раскола только съ точки зрѣнія полицейской и уголовной, не заботилось объ изученіи его и преслѣдовало въ немъ лишь нарушеніе существовавшихъ постановленій. Изъ тѣхъ-же распоряженій видно, что всѣ они дѣлались съ высочайшаго соизволенія, то есть, что министерство не разрѣшало ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго случая проявленія раскола безъ доклада государю. Расколъ распространялся и укоренялся въ народѣ, скрываясь отъ наблюденія гражданскихъ властей и самого министерства, которыя не имѣли свѣдѣній ни о числѣ раскольниковъ, ни о ихъ толкахъ, ни о ихъ моленныхъ, ни о мѣстахъ ихъ жительства. Одно только публичное нарушеніе раскольниками постановленій, да и то не всегда, обращало на нихъ вниманіе министерства, и дѣла рѣшались сообразно важности случая безъ системы, послѣдовательности и однообразія.

положенію [1]), не было бы ни единаго раздѣленія, и нынѣ, чѣмъ ближе и неизмѣннѣе то у насъ останется, что было до лѣтъ Никона патріарха, тогда не только всѣ старообрядцы соединятся съ первородною, древнею, но и самые перекрещенцы, безпоповщина и прочіе надежно убѣдятся (ихъ произвело одно и то же гонительное время патріарха Никона), и духовное правительство узритъ однихъ прямо старообрядцевъ не по своимъ какимъ-либо умствованіямъ, но по тѣмъ же святымъ преданіямъ, догматамъ и уставамъ, отъ крещенія князя Владиміра до лѣтъ Никона свято и всѣми чтимыхъ» [2]). Главная причина неуспѣха единовѣрія заключалась въ томъ, что старообрядцы не получили просимаго Никодимомъ архіерея и оставлены были подъ властью православнаго епархіальнаго начальства. Зависимость по духовнымъ дѣламъ отъ пастыря, признающаго дониконовскіе обряды неправильными,—тѣ самые обряды, въ которыхъ ревнители «древляго благочестія» въ заблужденіи своемъ видятъ самую сущность вѣры,—была противна ихъ совѣсти, и потому они присоединеніе къ православной церкви на условіяхъ единовѣрія считали отступничествомъ отъ тѣхъ убѣжденій, за которыя отцы и дѣды ихъ гибли на кострахъ и плахахъ, терпѣли пытки, ссылки и всякаго рода преслѣдованія. Притомъ же опытъ показалъ, что не всѣ епархіальные начальники смотрѣли снисходительно на единовѣріе, въ которомъ, по ревности своей къ исправленнымъ при Никонѣ обрядамъ, нерѣдко видѣли тотъ же расколъ [3]). Немало воспрепятствовалъ успѣ-

---

[1]) Здѣсь разумѣется независимость изъ епархіальныхъ архіереевъ.

[2]) *Письмо 15 екатеринбургскихъ купцовъ* къ князю А. Н. Голицыну въ мартѣ 1819 года.

[3]) Еще въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія единовѣрческая церковь въ городѣ Ярославлѣ, по этой причинѣ, была отдана въ вѣдѣніе костромскаго преосвященнаго, и въ 1848 г. постановлены для

хамъ единовѣрія двукратный и рѣшительный отказъ настоятелю старообрядческаго Высоковскаго скита Герасиму и братіи въ присоединеніи ихъ къ господствующей церкви на условіяхъ единовѣрія [1]). Это случилось черезъ полтора года по утвержденіи императоромъ Павломъ единовѣрія и притомъ одновременно съ разрѣшеніемъ близкой къ скиту Городецкой часовни имѣть иргизскихъ поповъ. Излишне говорить, какое впечатлѣніе на умы старообрядцевъ, желавшихъ примиренія съ церковію, произвело это несчастное стеченіе обстоятельствъ. Старообрядцы-фанатики были рады этому; въ тогдашней перепискѣ Керженскихъ скитовъ съ Москвой и Иргизомъ на неудачи Герасима указывалось, какъ на побѣду, какъ на милость Божію.

Само правительство, какъ видно изъ нѣкоторыхъ записокъ того времени и изъ писемъ тогдашняго министра

особыя правила, напечатанныя въ *Собраніи постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода.* Спб. 1860 г. т II. стр. 461 и слѣд. Такъ продолжалось до 1832 года, когда поступилъ въ Ярославль новый архіепископъ.

[1]) Высоковскій скитъ поповщинскаго согласія въ Макарьевскомъ уѣздѣ Костромской губерніи, близъ верховьевъ р. Керженца, существовалъ съ первыхъ годовъ XVIII столѣтія. Въ 1802 году настоятель его Герасимъ съ братіей просилъ отдать имъ почти опустѣвшій Кривоезерскій монастырь на Волгѣ, противъ города Юрьевца, и устроить тамъ единовѣрческую обитель, но получилъ отказъ. Затѣмъ Герасимъ просилъ по крайней мѣрѣ ихъ Высоковскій скитъ обратить въ единовѣрческую обитель и изъ часовни сдѣлать церковь, но въ іюлѣ 1804 года и на это получилъ отказъ. Синодъ нашелъ, что единовѣріе учреждено лишь для приходскихъ церквей, а не для монастырей (*Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода.* С.-Петербургъ 1860. т. II, стр. 11—16, 6, 337), хотя въ тридцати верстахъ отъ Херсона съ 1787 года существовалъ Корсунскій единовѣрческій монастырь. Герасимъ и *высоковская братія столь ревностно желали примиренія со святою* церковью, что, несмотря на эти отказы, несмотря на насмѣшки, оскорбленія и даже притѣсненія старообрядцевъ, почти двадцать лѣтъ хлопотали о томъ, чтобъ имъ дозволено было присоединиться къ церкви на условіяхъ единовѣрія, и лишь въ 1820 году имѣли утѣшеніе достигнуть желаемаго.

народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, князя А. Н Голицына человѣка извѣстнаго старообрядцамъ и пользовавшагося особенною довѣренностію императора Александра I, пришло къ убѣжденію, что правила 27-го октября 1800 года не достигаютъ ожидаемаго успѣха и что для примиренія старообрядцевъ съ церковью необходимо сдѣлать въ этихъ правилахъ дополненія и исправленія. Это было извѣстно старообрядцамъ, и они не упустили случая воспользоваться такимъ расположеніемъ правительства

Дѣло началось въ Екатеринбургѣ. Тамъ было сильное старообрядческое общество, и къ нему принадлежало много богатыхъ людей. Старообрядство въ Зауральѣ началось еще въ XVII вѣкѣ и особенно усилилось въ царствованіе Петра I, когда утѣсняемые Питиримомъ керженскіе жители во множествѣ удалились на заводы Демидова. Центромъ ихъ былъ Шарташскій скитъ, подлѣ котораго образовалось большое селеніе [1]) По учрежденіи Екатеринбурга, многіе изъ жителей Шарташа поселились въ новомъ городѣ и составили ядро старообрядческаго общества, современемъ получившаго огромное значеніе. Здѣсь, а также на заводахъ Верхъисетскомъ [2]) и Уктусскомъ [3]), Невьянскомъ, Нижнетагильскомъ, Бынговскомъ, Сысертскомъ, Шайтанскомъ, Уткинскомъ, Висимскихъ и др. число старообрядцевъ и заведенныхъ ими по лѣсамъ около заводовъ скитовъ и келій такъ умножилось, что правительство Анны Ивановны въ 1735 году признало необходимымъ посылать туда черезъ каждые три года опытныхъ миссіонеровъ изъ православнаго духовенства

[1]) Селеніе въ 5-ти верстахъ отъ Екатеринбурга съ 1,768 душъ обоего пола.

[2]) Въ одной верстѣ отъ Екатеринбурга съ 8,973 душъ обоего пола.

[3]) Въ пяти верстахъ отъ Екатеринбурга съ 2,150 душъ обоего пола.

для увѣщаніи, но это не имѣло успѣха [1]). Особенно много развелось скитовъ въ лѣсахъ Висимскихъ по западному склону Уральскаго хребта [2]). Во второй половинѣ прошлаго столѣтія, Екатеринбургское старообрядческое общество распространило свое вліяніе не только на окрестныхъ одновѣрцевъ, но и на сибирскихъ. Получая поповъ съ Иргиза, оно разсылало ихъ по заводскимъ старообрядцамъ и, такимъ, образомъ, достигло нѣкотораго рода власти надъ ними. Всѣ они находились въ повиновеніи старшинъ Екатеринбургской часовни. Эти старшины, избираемые старообрядческимъ обществомъ изъ почетнѣйшихъ своихъ членовъ, преимущественно въ качествѣ посредниковъ и ходатаевъ предъ правительствомъ по дѣламъ духовнымъ, а также для управленія хозяйственною частью часовни, пріобрѣли власть не только надъ простолюдинами, но и надъ самыми попами, которые находились у нихъ въ безмолвномъ повиновеніи и не смѣли совершить никакой требы безъ ихъ *письменнаго* разрѣшенія [3]). Старшинъ бывало по нѣскольку человѣкъ, и обыкновенно случалось такъ, что одинъ изъ нихъ, отличавшійся умомъ, богатствомъ свѣдѣній, житейскою ловкостью, связью съ лицами, власть имѣющими, богатствомъ, почетомъ — становился во главѣ ихъ и дѣлался такимъ образомъ самовластнымъ начальникомъ общины. Такимъ главою Екатеринбургскаго и заводскихъ старообрядче-

---

1) *Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода.* С.-Петербургъ 1860 г. т. I, стр. 259—263, 374, 375. 393—398.

2) *Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода.* Спб. 1860 г. т. I, стр. 401. Въ висимскихъ лѣсахъ въ 1741 году было четыре бѣлые попа (Никита, Иванъ, Авраамій и Максимъ) и два черные (Илья и Іона).

3) Объ этомъ писалъ пермскій губернаторъ Тюфяевъ въ 1827 году. (*Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ,* 1826 года, № 13).

скихъ обществъ, считавшихъ въ себѣ болѣе 150 тысячъ человѣкъ мужскаго пола, былъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія богатый купецъ Якимъ Меркурьевичъ Рязановъ.

Это былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей старообрядства. Одаренный обширнымъ умомъ и необыкновенною энергіей, онъ своею честною дѣятельностью и благотвореніями пріобрѣлъ всеобщее уваженіе не только между своими одновѣрцами, но и между православными. Онъ имѣлъ огромный капиталъ, золотые пріиски, богатыя рыбныя ловли и принималъ значительное участіе въ дѣлахъ россійско-американской компаніи. Онъ находился въ близкихъ связяхъ съ главными торговыми дѣятелями Москвы, Петербурга, Сибири и былъ близокъ къ разнымъ лицамъ, занимавшимъ высшія государственныя должности. Рязановъ находился въ короткихъ отношеніяхъ и съ православными архіереями. Пермскій епископъ, когда бывалъ въ Екатеринбургѣ, всегда останавливался у него въ домѣ, и ему Рязановъ представилъ однажды тысячу рублей отъ имени старообрядцевъ въ пользу духовной семинаріи. Для поповщины Рязановъ былъ тѣмъ же, чѣмъ Ковылинъ былъ для ѳедосѣевцевъ; пермскіе и сибирскіе старообрядцы считали его главою своихъ общинъ, и всякое слово Рязанова было для нихъ закономъ. Будучи избранъ въ старшины Екатеринбургскаго старообрядческаго общества, въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, онъ болѣе двадцати лѣтъ находился въ этомъ званіи и возвысилъ свою общину на такую степень значенія, что она малымъ чѣмъ уступала московской. Сотрудникомъ его былъ другой старшина, вмѣстѣ съ нимъ избранный, Ѳома Казанцовъ, который, дѣйствуя всегда согласно съ Рязановымъ, былъ дѣятельнымъ его помощникомъ. Самыми близкими людьми къ Рязанову и во всѣхъ дѣлахъ главными его совѣтниками были извѣст-

ные богачи того края, управляющіе Яковлевскими заводами. Китаевъ и Подъ[illegible] гор[illegible]скими заводами, Зотовъ и зять его Харитоновъ. Это были всесильные люди.

Рязановъ былъ человѣкъ строгой жизни и строгихъ правилъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ довольно начитанъ и не лишенъ свѣтскаго образованія. Будучи ревнителемъ стараго обряда, онъ въ то же время хорошо понималъ, что устройство старообрядческой церкви неправильно и несогласно ни съ каноническими постановленіями, ни съ условіями общественнаго благоустройства. Безъ высшей степени духовной іерархіи, безъ архипастыря, церковь не полна и не устроена, но искать архіерея тѣмъ путемъ, какимъ намѣревались пріобрѣсть его старообрядцы XVIII столѣтія, Рязановъ не хотѣлъ, ибо зналъ, что такая іерархія была бы противна государственной власти, не могла бы быть прочною и навлекла бы на всѣ старообрядческія общины новой рядъ преслѣдованій. Идти по слѣдамъ Никодима, просить у правительства законнаго епископа, и помышлять было невозможно. Если при ходатайствѣ всесильнаго Потемкина и графа Румянцева, при обѣщаніи самой Екатерины, дѣло Никодимово имѣло исходомъ неудовлетворявшія ни ту, ни другую сторону правила 27-го октября 1800 года, то чего могъ надѣяться Рязановъ? А между тѣмъ онъ, хотя и былъ приверженъ къ іосифовскому обряду, оставался вполнѣ преданнымъ церкви и всею силой души желалъ возсоединенія старообрядцевъ съ господствующимъ исповѣданіемъ.

Въ 1802 году открыта была пермская епархія, и архіереемъ назначенъ Іустинъ, епископъ свіяжскій, человѣкъ прекрасно образованный, бывшій передъ тѣмъ долгое время при русскомъ посольствѣ въ Венеціанской республикѣ. Онъ познакомился съ Рязановымъ,

сблизился съ нимъ и, когда бывалъ въ Екатеринбургѣ, останавливался въ его домѣ. Рязановъ, отъ лица старообрядческаго екатеринбургскаго общества, давалъ ему значительныя пожертвованія на устройство въ Перми духовной семинаріи и открылъ ему свое намѣреніе «мало-по-малу преклонить старообрядцевъ къ православной вѣрѣ». Это намѣреніе Рязановъ открылъ епископу въ 1816 году; что оно было искренно и что обѣщанія его не были происками хитреца, какъ обѣщанія Ковылина [1]), Рязановъ доказалъ черезъ 22 года Истощивъ всѣ средства къ достиженію независимаго отъ святѣйшаго синода старообрядческаго духовенства, претерпѣвъ постыдное, при его положеніи въ свѣтѣ, мѣсячное содержаніе подъ арестомъ при полиціи [2]), получивъ по Высочайшему повелѣнію запрещеніе ходатайствовать по дѣламъ старообрядцевъ, Рязановъ увидѣлъ, что тридцатилѣтнія энергическія и настойчивыя дѣйствія его не имѣли успѣха, но не сдѣлался закоренѣлымъ врагомъ церкви, какимъ его считали, а совершенно безкорыстно и единственно

---

[1]) Утверждаютъ, что Илья (Василій) Алексѣевичъ Ковылинъ имѣлъ цѣлью своихъ дѣйствій, по соединеніе всей безпоповщины подъ главенствомъ московскаго Преображенскаго кладбища, идти къ той же цѣли, къ которой намѣревался идти Рязановъ. Но это сомнительно. Можетъ быть Ковылинъ и говорилъ это кн. Куракину, ища его покровительства и ходатайства передъ Александромъ I, но онъ хитрилъ. Во всякомъ случаѣ, онъ умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ (1809) закоснѣлымъ раскольникомъ.

[2]) По положенію комитета министровъ 7-го августа 1834 года, Рязановъ былъ выдержанъ въ продолженіе одного мѣсяца при Екатеринбургской управѣ благочинія и заплатилъ 100 руб. штрафа на богоугодныя заведенія за содержаніе бѣглаго попа Шабурова, за употребленіе въ пользу Екатеринбургской часовни денегъ 100 руб., полученныхъ имъ съ одного крестьянина на водвореніе въ Тисовскомъ заводѣ бѣглаго попа, и за сообщеніе своимъ одновѣрцамъ Высочайше утвержденныхъ о бѣглыхъ попахъ правилъ 26-го марта 1822 года. (*Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ* 1833 года, № 33).

вслѣдствіе глубокаго убѣжденія, обратился на условіяхъ единовѣрія къ православію, которому былъ постоянно преданъ, несмотря на видимую борьбу съ нимъ. Обращеніе Рязанова было столь искренно и усердіе къ святой церкви столь велико, что не болѣе, какъ черезъ годъ послѣ того, святѣйшій синодъ ходатайствовалъ предъ государемъ не только о прощеніи прежнихъ его поступковъ, сдѣланныхъ въ расколѣ. но и объ оказаніи ему особой монаршей милости за усердіе къ православной церкви [1]).

Полную программу своихъ дѣйствій Рязановъ никому не открывалъ. Иначе и поступать онъ не могъ. Говорить о своихъ обширныхъ замыслахъ, а тѣмъ болѣе повѣрять ихъ бумагѣ, значило бы разрушить ихъ въ самомъ началѣ, подорвавъ довѣріе къ своимъ дѣйствіямъ екатеринбургскихъ и сибирскихъ старообрядцевъ, подчинявшихся его неотразимому вліянію. Онъ былъ поставленъ въ такое положеніе, что, ведя дѣло сближенія двухъ враждебныхъ сторонъ, не могъ открыть системы своихъ дѣйствій и конечной ихъ цѣли ни той, ни другой. Будучи уже ревностнымъ сыномъ церкви, онъ, по поводу возсоединенія уніатовъ (въ 1839 году), высказывалъ довѣреннымъ лицамъ неудавшуюся свою программу. Уніаты, говорилъ онъ, были уведены изъ православія архіереями и священниками и черезъ два съ половиной вѣка архіереями же и священниками были приведены обратно въ нѣдра церкви; подобнымъ образомъ, во времена Никона, значительная часть народа уведена была изъ церкви тоже архіереями и священниками, и только одно, пока независимое отъ синода и епархіальныхъ архіереевъ, старообрядческое духовенство можетъ современемъ, при помощи Божіей, привести

---

[1]) *Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ* 1840 года, № 55.

отдѣлившихся въ общеніе и возстановить миръ церковный. Уніаты имѣли независимое духовенство, управляемое особою духовною коллегіей, которая сначала зависѣла отъ католиковъ, потомъ была самостоятельною, потомъ находилась при святѣйшемъ синодѣ; наконецъ, послѣдовало и соединеніе. Къ возсоединенію старообрядцевъ также нѣтъ иного пути и иныхъ способовъ: кто увелъ, тотъ и приведетъ. «Путь указанъ», прибавлялъ Рязановъ, разумѣя возсоединеніе уніатовъ: «имѣяй уши слышати да слышитъ!»

Открывшись епископу Іустину, Рязановъ, въ исходѣ 1817 года, рѣшился начать ходатайство о дарованіи старообрядцамъ независимаго священства и объ учрежденіи въ Екатеринбургѣ «Старообрядческой Духовной Конторы». Съ письмомъ Іустина къ князю А. Н. Голицыну [1]) онъ отправился въ Москву, гдѣ тогда находилась императорская фамилія и главные государственные люди. Князь Голицынъ принялъ Рязанова благосклонно. Вслѣдъ за тѣмъ Рязановъ былъ представленъ государю и подалъ всеподданнѣйшую просьбу о дарованіи екатеринбургскому обществу священниковъ для служенія по старопечатнымъ книгамъ въ устраиваемой каменной часовнѣ. Государь передалъ просьбу князю Голицыну и приказалъ разсмотрѣніе ея отложить до возвращенія въ Петербургъ.

Рязановъ былъ нѣсколько разъ у министра духовныхъ дѣлъ, одинъ и вмѣстѣ съ Казанцовымъ. Поставивъ князя въ извѣстность о своемъ значеніи и вліяніи въ средѣ екатеринбургскихъ и сибирскихъ старообрядцевъ, онъ открылъ ему намѣреніе склонить мало-по-

---

[1]) Вотъ письмо Іустина: «Сей письмоподатель, Якимъ Меркурьевичъ Рязановъ, есть достаточный купецъ и старообрядческой въ Екатеринбургѣ часовни попечитель. Въ его домѣ я, во время моего епархіи обозрѣнія, въ прошедшемъ году, квартировалъ нѣсколько дней по его просьбѣ. Онъ самый собралъ отъ своего общества тысячу рублей.

малу своихъ одновѣрцевъ къ соединенію съ православною церковью, но просилъ для этого предварительно оградить старообрядцевъ отъ притѣсненій приходскихъ священниковъ и исходатайствовать у государя признаніе полной независимости старообрядства отъ духовенства господствующей церкви. Незадолго передъ тѣмъ, въ октябрѣ 1817 года, были утверждены права и привилегіи евангелическаго общества Аугсбургскаго исповѣданія (лютеранъ). Рязановъ просилъ тѣхъ же правъ и тѣхъ же привилегій. Онъ ходатайствовалъ о признаніи правительствомъ старообрядства за особое исповѣданіе и о подчиненіи его департаменту духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій; однимъ словомъ, искалъ полной самостоятельности для старообрядцевъ.

Любопытный разговоръ Рязанова съ княземъ сохранился въ ихъ перепискѣ. На ходатайство о самостоятельности старообрядства кн. Голицынъ сказалъ:

— Откровенно вамъ говорю, Якимъ Меркурьевичъ, что въ томъ видѣ, какъ вы желаете, устроить ваше общество государю нельзя будетъ согласиться. Я напередъ это вижу, потому что его величество, принадлежа самъ къ грекороссійской церкви, не можетъ своимъ лицомъ признать за истинную церковь тѣхъ, которые отдѣляются отъ нея.

— Но вѣдь обряды и богослуженіе у старообрядцевъ тѣ же самые, какъ и въ грекороссійской церкви,— замѣтилъ Рязановъ, — разница только въ старопечат ныхъ книгахъ.

— Такъ. Но по истинному духу Евангелія, въ обрядахъ-ли состоитъ единство вѣры? Конечно нѣтъ, ибо вездѣ сказано въ Священномъ Писаніи, что едина вѣра во Іисуса Христа Богочеловѣка, распята и воскресшаго для нашего спасенія, составляетъ единство церкви, и что ежели благодатію Господа чудеса будемъ творить,

такъ что горы переставлять съ мѣста, но не будемъ имѣть любви: ничто же есть.

Рязановъ говорилъ на это, что совѣсть старообрядцевъ смущается подчиненіемъ ихъ священниковъ духовной власти архіереевъ, отвергающихъ старый обрядъ, и потому просилъ сдѣлать снисхожденіе, дозволить имъ имѣть священниковъ, зависимыхъ, подобно пасторамъ Аугсбургскаго исповѣданія, отъ министра духовныхъ дѣлъ, а на мѣстахъ отъ гражданскаго начальства.

— Вы во всемъ ссылаетесь на старопечатныя книги, возразилъ князь.—Я вамъ сдѣлаю вопросъ: найдите мнѣ въ этихъ старопечатныхъ книгахъ, гдѣ было бы позволено іереямъ и прихожанамъ церкви чуждаться своего епископа и зависѣть отъ начальства мірского. А вѣдь теперь полиція управляетъ вашими церковными дѣлами. Сообразно-ли это съ правилами?

Рязановъ просилъ снисхожденія, припоминалъ слова апостола Павла, который съ немощными былъ, аки немощенъ. Рязановъ поставлялъ на видъ, что сдѣланное старообрядцамъ снисхожденіе будетъ началомъ сближенія ихъ общинъ съ церковью.

— Чѣмъ ближе правительство оставитъ насъ къ коренному до лѣтъ Никона положенію,—говорилъ онъ,— тѣмъ единственнѣе и единообразнѣе будемъ, а теперь дѣлимся на секты. Всѣ эти секты, въ прежнее время гонительствомъ старообрядства порожденныя, скорѣе уничтожатся. Пріобщеніе насъ и потомковъ нашихъ въ церкви предоставьте времени и исправленію Божію. Если пріобщенію быть, то въ премудрыхъ судьбахъ Господа Бога, что начертано, то да сбудется безъ всякаго принужденія. Если Богу будетъ угодно, то мы, если и не по разуму, то по чистой совѣсти познаемъ...

— Намѣренія у васъ хороши,—отвѣчалъ князь,—но надо дѣйствовать въ духѣ Христовомъ; тогда тотчасъ послѣдуетъ легкость и всякое удобство.

Рязановъ просилъ князя быть посредникомъ между ними и святѣйшимъ синодомъ и просить снисхожденія.

— Хорошо. Я согласенъ. Но если я долженъ просить святѣйшій синодъ о снисхожденіи, надобно, чтобъ и вы, какъ дѣти, отлучившіяся отъ своей матери, непремѣнно согласились отступить отъ нѣкоторыхъ закоренѣлыхъ упрямствъ. Тѣ, которые, какъ я теперь буду, дѣлаютъ миръ между двухъ сторонъ, должны имѣть довѣренность отъ обѣихъ, и надо, чтобы каждая уступила нѣсколько своихъ правъ или претензій; безъ того трудно сдѣлать приступъ.

Рязановъ согласился съ этимъ, но сказалъ, что не можетъ одинъ за все общество согласиться ни на какія уступки.

— Совершенно справедливо,—замѣтилъ князь,—и потому я вамъ предлагаю согласить свою собратію, чтобы письменно мнѣ прислали свою довѣренность.

Рязановъ обѣщалъ исполнить это, но не тотчасъ. По торговымъ дѣламъ онъ долженъ былъ немедленно ѣхать въ Ирбитъ и не ранѣе окончанія тамошней ярмарки могъ собрать депутатовъ отъ разныхъ заводовъ и селеній Сибирскаго края для обсужденія затѣяннаго дѣла. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ съ Рязановымъ, князь Голицынъ упомянулъ, что въ довѣренности, которую онъ будетъ ожидать, должно быть означено число народа и духовенства въ старообрядческомъ сибирскомъ обществѣ, и подалъ мысль объ особомъ въ Екатеринбургѣ учрежденіи, которое бы имѣло въ завѣдываніи церковныя дѣла старообрядцевъ, для того, чтобъ устранить несвойственное завѣдываніе ими полиціей. Это учрежденіе, которому старообрядцы предполагали дать имя *Старообрядческой конторы*, князь Голицынъ предложилъ лучше назвать *Старообрядческимъ духовнымъ правленіемъ*.

— Здѣсь,—говорилъ князь,—по избранію вашему, могли бы засѣдать почтеннѣйшіе изъ вашего духовенства и изъ старшинъ вашихъ свѣтскихъ, также почетнѣйшихъ, по ихъ правиламъ. И это учрежденіе завѣдывало бы всѣми старообрядческими приходами, по разнымъ епархіямъ разсѣянными.

Рязановъ согласился, но просилъ, чтобъ это учрежденіе было независимо отъ епархіальныхъ архіереевъ, а подчинено гражданской власти, и «чтобъ ему, министру духовныхъ дѣлъ, быть главнымъ начальникомъ, какъ онъ есть начальникъ инославныхъ христіанскихъ исповѣданій».

— Вѣдь прочія исповѣданія, въ Россіи терпимыя, находящіяся подъ начальствомъ вашего сіятельства, остаются покойны, и намъ только этого и желательно,— сказалъ Рязановъ.

— Но я не начальникъ ни надъ однимъ вѣроисповѣданіемъ,—возразилъ князь,—каждая вѣра имѣетъ свое начальство духовное, въ Россіи устроенное, которое поступаетъ по своимъ правиламъ, и въ случаѣ отдаленія, останавливаю такія дѣйствія и предписываю держаться законовъ.

Рязановъ повторилъ князю, что старообрядцы не согласятся быть подчиненными епархіальнымъ архіереямъ, что единовѣріе отъ сего и успѣха не имѣетъ и не будетъ имѣть.

— Вотъ какая мысль пришла мнѣ, — сказалъ министръ. — Пусть ваше духовное правленіе будетъ независимо отъ епархіальныхъ архіереевъ и находится подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ святѣйшаго синода, такъ, какъ теперь ставропигіальные монастыри и московскій Успенскій соборъ, которые прежде завѣдываемы были одними патріархами, а теперь синодомъ, занимающимъ мѣсто патріарха, какъ и всѣ вселенскіе патріархи ему грамотами такое право припи-

сали. Тогда мнѣ бы вся удобность была покровительствовать вамъ явнымъ образомъ. Эта мысль мнѣ одному принадлежитъ, и я не прежде могу открыть ее синоду, какъ получу отъ вашего общества отвѣтъ. Тогда, бывшіе у васъ браки и крещенія признавъ и благословивъ единожды, не будутъ дѣлать никакихъ разсужденій и судовъ. Нынѣшнее ваше духовенство будетъ оставлено на своихъ мѣстахъ, и священники ваши, если они бѣглые или гдѣ подъ судомъ находятся, будутъ разрѣшены. Имѣя такое ваше полномочіе, я старался бы, испросивъ дозволеніе государя, ходатайствовать у святѣйшаго синода, чтобъ онъ сдѣлалъ такое снисхожденіе, и если бы случилось какое-нибудь возраженіе, я бы къ вамъ отнесся или бы вы пріѣхали въ Петербургъ съ полномочіемъ отъ общества.

Рязановъ сказалъ, что онъ передастъ все это обществу и пришлетъ отвѣтъ.

— Ежели бы,—сказалъ въ заключеніе князь,—Господь благословилъ таковое дѣло, чтó несомнительно, ибо Онъ ничего не желаетъ, какъ чтобы распри уничтожились и всѣ, яко братія, другъ друга любили, служа Господу въ духѣ и истинѣ, то какія бы были выгоды для вашего общества! Все внутреннее управленіе осталось бы у васъ попрежнему, но явнымъ образомъ. Духовные ваши были бы разрѣшены въ совѣсти и не были бы связаны отлученіемъ отъ церкви, богослуженіе было бы у васъ публичное, и ненависть, столь богопротивная, къ вашимъ соотечественникамъ прекратилась бы. Какая радость была бы на небесахъ о семъ примиреніи!

Рязановъ уѣхалъ. Собрать выборныхъ отъ разныхъ заводовъ и селеній Пермской, Тобольской и Оренбургской губерній можно было не ранѣе весны. Не дожидаясь этого собранія, Рязановъ составилъ записку объ устройствѣ старообрядческихъ дѣлъ и, вмѣстѣ со все-

подданнѣйшею просьбой, послалъ ее 20 февраля къ князю Голицыну. Онъ писалъ ее отъ своего лица, говоря, что мысли общества ему извѣстны. Въ письмѣ отъ 6 апрѣля 1818 года Рязановъ писалъ князю:

«Лоцмановъ, коему мы съ Казанцовымъ поручили доставить вашему сіятельству записку отъ 20 февраля, увѣдомляетъ насъ, что по дѣлу здѣшняго старообрядческаго общества, хотя ваше сіятельство его императорскому величеству докладывать и изволили, но его величество оставить оное соизволилъ до возвращенія своего въ Петербургъ. Увѣренъ будучи на милостивѣйшее и высокое расположеніе вашего сіятельства къ намъ, снисхожденіе въ Москвѣ оказанное, осмѣливаюсь довести вашему сіятельству до свѣдѣнія слѣдующее. Во-первыхъ, желая исполнить порученіе вашего сіятельства въ изложеніи *«дополнительныхъ правилъ»* сколь можно поспѣшнѣе, сочли мы нужнымъ, по окончаніи дѣлъ своихъ въ ирбитской ярмаркѣ, послать обвѣщанія свои во всѣ жительства старообрядцевъ, здѣшнее общество составляющихъ, съ нарочными, съ тѣмъ, чтобы, для совокупнаго по сей части совѣщанія, каждое селеніе, избравъ изъ среды своей достойныхъ и довѣріе заслуживающихъ по одному или по два человѣка, прислали въ Екатеринбургъ непремѣнно къ 25 числу апрѣля, что, надѣюсь, будетъ ими исполнено; между же тѣмъ, такъ какъ мысль здѣшнихъ старообрядцевъ мнѣ извѣстна, то, изложа оную особымъ дополненіемъ, честь имѣю къ вашему сіятельству препроводить. Надѣюсь, что ваше сіятельство, разсмотрѣвъ оную, по милостивѣйшему снисхожденію своему, осчастливите меня — рѣшеніемъ по оной не оставите. Во-вторыхъ, духовныя консисторіи, особенно пермская, не токмо не престаютъ наносить обществу старообрядцевъ всякаго рода утѣсненія, но паче и паче оныя пріумножаютъ. Разославши нынѣ пермская

консисторія указъ правительствующаго сената о раскольничьихъ часовняхъ по всѣмъ приходамъ съ таковымъ предписаніемъ, чтобы приходскіе священники всюду, гдѣ бы ни встрѣтили старообрядческихъ нашихъ священниковъ, искали и поступали съ ними по всей строгости, чѣмъ самымъ мысль приходскихъ священниковъ и всѣхъ церковнослужителей воспламенилась до того, что всѣ они, оставя не только долгъ званія своего, но и самое ученіе Христа Спасителя, его императорскимъ величествомъ въ рескриптѣ г. Херсонскому военному губернатору въ 9 день декабря 1816 года всемилостивѣйше изложенномъ, превратясь въ сыщиковъ, 17 марта схватили ѣдущаго съ требою нашего священника[1]) и поступили съ нимъ, какъ съ самымъ злостнѣйшимъ преступникомъ... по каковому случаю общество здѣшнихъ старообрядцевъ вынужденнымъ нашлось препроводить всѣхъ пребывающихъ у себя старообрядческихъ священниковъ въ самыя уже необитаемые пустыни и лѣса, потому болѣе, что ни перенести сихъ стѣсненій, ни поставить оныя на видъ вашему сіятельству въ такомъ видѣ, въ какомъ оныя здѣсь существуютъ, невозможно.

(Затѣмъ слѣдуютъ дальнѣйшія жалобы на приходское духовенство и просьба довести обо всемъ до свѣдѣнія государя императора)

Изъ другого письма Рязанова къ князю Голицыну, отъ 20-го мая, видно, что 30-го апрѣля состоялось въ Екатеринбургѣ собраніе старообрядцевъ. На немъ было 1,370 выборныхъ изъ разныхъ мѣстъ Пермской, Оренбургской и Тобольской губерній. Они, «учиня общій совѣтъ, сдѣлали изложеніе правилъ, присово-

[1]) Старообрядческій попъ Михаилъ Григорьевъ Головцовъ былъ схваченъ (безъ полиціи) близъ Сысертскаго завода тамошнимъ священникомъ Золотиловымъ, 17-го марта 1818 года. Онъ жилъ при Екатеринбургской часовнѣ съ конца 1810 года.

купляя къ тому и выписку изъ законовъ, на коихъ послѣ бывшаго гоненія начался нашъ бытъ и постепенно даровалась свобода неутѣснительнаго богослуженія во всемъ по уставу до того измѣненія (Никона) бывшаго». — Это «изложеніе правилъ» было послано князю Голицыну и при немъ приложена записка о новыхъ стѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ приходскимъ духовенствомъ, и одиннадцать довѣренностей за 1,370 подписями Рязанову на ходатайство по дѣламъ екатеринбургскаго и сибирскаго старообрядскаго общества.

Рязановскій проектъ, или такъ-называемыя *Дополнительныя правила*, составляетъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ актовъ старообрядческой исторіи [1]). Изъ него

---

[1]) Вотъ эти *Дополнительныя правила*:

«1818 года, апрѣля 30-го числа екатеринбургское старообрядческое общество съ прилегающими селеніями Сибири, будучи въ общемъ собраніи, по выслушаніи всеподданнѣйшаго" прошенія, екатеринбургскими купцами Якимомъ Рязановымъ и Ѳомой Казанцовымъ его императорскому величеству поданнаго, въ дополненіе присогласовали:

«Вѣрителей нашихъ и насъ самихъ предки суть изъ числа кореннаго народа, нося нынѣ купеческое, мѣщанское и крестьянское званіе и на ряду съ другими платя установленныя подати, исполняютъ по званію каждаго всѣ обязанности, по отправленію же службы всемогущему Богу носятъ имя *старообрядцевъ*, составляя до лѣтъ патріарха Никона единое совокупное христіанское стадо и единую христіанскую церковь со всѣми августѣйшими нынѣ царствующаго монарха предками.

«Но со временъ патріарха Никона, когда книги, уставы и обряды древле-грекороссійской церкви, пѣніе и самое рукосложеніе перстовъ получило измѣненіе, то предки наши, съ одной стороны желая соблюсти тѣ древніе уставы свято, а съ другой не могши снести по тогдашнему времени лютой принужденности, оставя дворянскія и посадскія права, домы и имѣнія, удалились одни на границы польскія, а другія — въ сибирскія малообитаемыя тогда пустыни и степи, заселясь обще съ удалившимся священствомъ, стенали подъ бременемъ неудобоизъяснимыхъ притѣсненій, поработя себя нѣкоторые казеннымъ и частнымъ промысламъ и заводамъ, отправляя службу Божію въ тайнѣ, и потому преслѣдованія и наказанія превосходили мѣру всякаго другаго преступленія.

«Вѣчной славы достойная императрица Екатерина Великая, удостовѣрясь о таковомъ утѣснительномъ ихъ положеніи и охотномъ снесеніи

видно, что старообрядцы, совершенно обходя поданную княземъ Голицынымъ мысль о подчиненіи духовнаго ихъ правленія (или конторы) святѣйшему синоду, просили, чтобъ она была въ зависимости единственно отъ свѣтскаго начальства, и приводили въ примѣръ устройство лютеранскаго исповѣданія въ Россіи. Затѣмъ они ходатайствовали: о дозволеніи старообрядческимъ священникамъ приводить старообрядцевъ къ

всякаго рода стѣсненій, разореній, ссылки, заточеній и наказаній, изъ монаршаго соболѣзнованія даруя всемилостивѣйше всѣмъ находящимся въ предѣлахъ отечества прощеніе и дозволеніе имѣть имъ богослуженіе по древнему чиноположенію, обѣщая всякое имъ покровительство, а изъ за границы высочайше дозволяя возвратиться въ отечество, не опасаясь ни суда, ни слѣдствія, по каковому монаршему, всегда священному слову, возвратившіеся изъ Польши, заселясь одни въ слободахъ Стародубскихъ, а другіе въ Саратовской губерніи на рѣкѣ Иргизѣ, построили и имѣютъ церкви. Предки же наши, пребывающіе въ отечествѣ своемъ въ краяхъ Сибири, вошедъ въ разныя обязанности и повинности заводскія и даже самое рабство, не могши возвратиться на мѣста прежняго своего жительства, возвели для славословія Вседержителю молитвенные храмы, *снаружи въ самомъ унизительномъ видѣ, не имѣющіе ни креста, ни звона*, внутрь же вся по чину церковному, исправляя богослуженіе и всѣ христіанскія требы чрезъ священниковъ, пріявшихъ равное съ ними уединеніе, а потомъ получали и получаемъ изъ Иргизскихъ монастырей рукоположенныхъ россійскими епархіальными архіереями, уединившихся отъ нихъ безпорочно, сначала безъ вѣдома правительства, а потомъ съ вѣдома и съ полученіемъ отъ саратовскаго гражданскаго губернатора открытыхъ видовъ, нынѣ же паки, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, должны имѣть безъ видовъ, снося и претерпѣвая самыя оскорбительныя притѣсненія единственно потому, что не имѣемъ точной опредѣленности ни въ перестройкѣ старыхъ молитвенныхъ храмовъ, отъ долговременности въ ветхость пришедшихъ и подавленіемъ народа угрожающихъ, ни въ возведеніи, по умноженію народонаселенія, новыхъ, ни въ содержаніи священниковъ безъ крайнихъ и уже несносныхъ и малоопредѣленныхъ затрудненій, влекущихъ за собою время отъ времени безпрерывную цѣпь угнетеній. Почему, руководствуясь духомъ истиннаго христіанства и *высочайше дарованными евангелическому обществу аугсбургскаго исповѣданія* въ 27 день октября 1817 года привилегіями, осмѣливаемся всеподданнѣйше испрашивать:

«1. Дабы исповѣданіе вѣры обществу старообрядцевъ Сибирскаго края всемилостивѣйше дозволено было имѣть по точному ученію и обрядамъ древле грекороссійской церкви, до лѣтъ патріарха Никона суще-

присягѣ; о разрѣшеніи поправлять ветхія и строить новыя церкви и часовни; объ учрежденіи старообрядческой конторы (или духовнаго правленія) въ Екатеринбургѣ изъ выборныхъ попечителей (а о членахъ изъ духовенства умолчано), которая бы между прочимъ давала письменные виды священникамъ для ихъ разъѣздовъ и зависѣла бы непосредственно отъ министра духовныхъ дѣлъ; о предоставленіи права дѣтямъ

ствовавшимъ, дозволяя притомъ во всѣхъ случаяхъ принимать присягу по тѣмъ же обыкновеніямъ при посредствѣ старообрядческихъ священниковъ.

«2. Высочайше дозволить обществу старообрядцевъ Сибирскаго края устраивать и учреждать, подъ руководствомъ и управленіемъ попечителей, на древнихъ антиминсахъ, въ главныхъ селеніяхъ, церкви, а въ малыхъ — молитвенные домы, каменные и деревянные, съ надлежащимъ приличіемъ, безъ всякаго въ томъ препятствія и вліянія епархіальнаго и высшаго духовнаго начальства, и въ нихъ сходиться попрежнему свободно единственно тѣмъ, кои уставамъ симъ слѣдовать себя предуготовили.

«3. Высочайше дозволить священникамъ и діаконамъ, рукоположеннымъ россійскими архіереями, безпорочно *уединившимся* къ намъ прямо или чрезъ Иргизскіе монастыри, отправлять богослуженіе, моленіе и всѣ христіанскія требы по установленіямъ и чиноположеніямъ древле-греко-россійской церкви, не поставляя имъ того ни въ побѣгъ, ни въ преступленіе.

«4. Высочайше дозволить обществу старообрядцевъ Сибирскаго края имѣть по дѣламъ симъ собственное свое между собою начальство изъ попечителей, подъ именемъ *конторы;* попечителямъ симъ дозволить имѣть особую конторскую печать и состоящимъ въ обществѣ томъ священникамъ и діаконамъ выдавать для проѣзда во всѣ селенія старообрядцевъ открытые виды.

«5. Священникамъ симъ и діаконамъ всемилостивѣйше предоставить быть вѣдомымъ единственно токмо старообрядческой конторѣ, которая о поступленіи ихъ имѣетъ доносить съ приложеніемъ подлинныхъ ставленныхъ грамотъ, и быть подчиненною министру духовныхъ дѣлъ.

«6. Священниковъ и діаконовъ дѣти до поступленія и послѣ поступленія рожденныя, не обучавшіяся еще въ семинаріи, если пожелаютъ на основаніи указа 1803 года, іюня 9 дня, избрать себѣ родъ жизни гражданскій, таковыхъ всемилостивѣйше повелѣть записывать когда бы сіе ни случилось.

«7. Поелику старообрядцы Сибирскаго края въ духовныхъ росписяхъ приходскими священниками поставляются въ числѣ своихъ прихо-

старообрядческихъ священниковъ избирать родъ жизни на основаніи указа 9-го іюня 1803 года; о подачѣ всѣмъ старообрядцамъ посемейныхъ о себѣ списковъ городничимъ и исправникамъ, съ тѣмъ, чтобъ эти чиновники, сочиня изъ нихъ надлежащія вѣдомости, сообщили ихъ какъ епархіальному начальству, такъ и старообрядческой конторѣ, а контора бы послѣ того вела метрики и представляла ихъ въ казенныя палаты;

жанъ безъ точной опредѣленности и различія, и даже такъ, что небывшихъ у исповѣди и причастія пишутъ бывшими, отчего и происходятъ безпрерывныя слѣдствія, въ пресѣченіе таковыхъ неудобствъ и дабы усовершенствовать въ семъ случаѣ прямое единообразіе, всемилостивѣйше дозволить всѣмъ обитающимъ въ краю Сибири старообрядцамъ, кои означеннымъ уставамъ слѣдовать себя предуготовили, подать о семействахъ своихъ, съ происходящимъ отъ нихъ потомствомъ, особыя вѣдомости, прямо отъ себя: живущимъ въ городахъ — городничимъ, а живущимъ въ уѣздахъ — земскимъ исправникамъ, съ тѣмъ, дабы городничіе и земскіе исправники, по поданнымъ отъ старообрядцевъ спискамъ сочиняя надлежащія вѣдомости, дали знать, какъ мѣстному духовному начальству, такъ и *старообрядческой конторѣ*.

«8. Съ того времени всѣ старообрядцы Сибирскаго края по части духовныхъ дѣлъ состоять должны единственно въ зависимости *старообрядческой конторы*, и потому метрическія книги о вновь родившихся, умершихъ и бракомъ сочетавшихся должны быть доставляемы со стороны попечителей въ *старообрядческую контору*, а со стороны конторы — въ казенныя палаты.

«9. Учиненныя понынѣ старообрядческими священниками крещенія, браковѣнчанія и прочія христіанскія требы высочайше повелѣть оставить не прикосновенными никакому слѣдствію, розыску или разрушенію, и потому всѣ тѣ слѣдствія и по судебнымъ мѣстамъ приговоры, разрывающіе браки, учинить ничтожными.

«10. Въ заключеніе всего вышеозначеннаго, всеподданнѣйше просимъ принять общество старообрядцевъ Сибирскаго края въ особенное его императорскаго величества покровительство и всемилостивѣйше удостоить на право онаго высочайшею грамотою, повеля всѣмъ начальствамъ и присутственнымъ мѣстамъ, въ потребномъ случаѣ, попечителей, старообрядческую контору составляющихъ, и всѣхъ старообрядцевъ отъ всякаго стѣсненія охранять и по отношеніямъ попечителей оказывать всякую помощь, защиту и покровительство».

Подлинный подписанъ екатеринбургскимъ старообрядческимъ обществомъ и 1,370 депутатами изъ 13 желѣзодѣлательныхъ заводовъ, 39 волостей, состоящихъ въ 13 уѣздахъ Пермской, Тобольской и Оренбургской губерній.

и, наконецъ, объ утвержденіи всѣхъ доселѣ совершенныхъ браковъ и крещеній, и о непривлеченіи къ суду находящихся у старообрядцевъ священниковъ. Въ заключеніе помѣщено было ходатайство объ утвержденіи всѣхъ просимыхъ старообрядцами правъ особою Высочайшею грамотой.

Князь Голицынъ отвѣчалъ Рязанову собственноручнымъ письмомъ болѣе чѣмъ черезъ полгода (12-го декабря 1818 года). Напомнивъ ему весь разговоръ, бывшій у себя въ Москвѣ, князь Голицынъ такъ кончилъ письмо свое: «вамъ слѣдовало бы въ прямомъ духѣ Христовомъ соединиться на основаніи правилъ Платоновыхъ (единовѣріе), но я вамъ предлагаю болѣе снисхожденія; ибо, будучи только подъ синодомъ, натурально, вліяніе его не можетъ быть на внутреннія ваши дѣла, а только въ томъ, гдѣ можетъ быть вамъ нужда духовная. Подумайте хорошенько, и ежели меня уполномочите, я радъ буду стараться доставить спокойствіе вамъ прочное и правильное. Совѣсть ваша успокоится, и потомство ваше будетъ благословлять васъ, и Господь Іисусъ Христосъ, ищущій всѣхъ насъ спасти, поможетъ намъ силою своею въ семъ дѣлѣ, истинно христіанскомъ». Рязановъ не отвѣчалъ на это письмо. Онъ, повидимому, совершенно устранилъ себя отъ переписки; послѣ январскаго разговора ему неловко было отвѣчать отказомъ, а старообрядцы никакъ не соглашались подчиниться синоду. Въ мартѣ 1819 года отвѣчали Голицыну 15 екатеринбургскихъ купцовъ, говоря, что они получили письмо отъ 12-го декабря во время отлучки Рязанова изъ Екатеринбурга и спѣшатъ отвѣтомъ. Повторяя въ болѣе обширномъ видѣ вступленіе къ запискѣ 30-го апрѣля и жалуясь на притѣсненія, дѣлаемыя приходскимъ духовенствомъ, они, повторяя слова Рязанова, сказанныя князю Голицыну въ январѣ, писали:

«Принимая въ уваженіе причины, чтобы вмѣсто свѣтской власти по приличію быть вѣдомымъ чрезъ посредство вашего сіятельства святѣйшему синоду, имѣя *старообрядческое духовное правленіе* въ Екатеринбургѣ, синодъ, снабдевая, по выбору нашему, увольняемымъ священствомъ, токмо вѣдалъ, но освободилъ бы и священство и насъ отъ всякаго вліянія на внутреннее богослуженіе, по древнему чиноположенію исправляемое. Увѣрены будучи, что ваше сіятельство, сообразя всю готовность и *невозможность* нашу, сами согласиться изволите по вышеизъясненнымъ причинамъ, чѣмъ ближе правительство насъ оставитъ къ коренному до лѣтъ Никонова патріаршества положенію, тѣмъ единственнѣе и единообразнѣе будемъ, и всѣ другія секты, гонительствомъ порожденныя, скорѣе уничтожатся. Пріобщеніе же насъ и потомковъ нашихъ предоставить времени и исправленію Божію. Если ему быть, то въ премудрыхъ судьбахъ Его, что начертано, то да сбудется безъ всякаго принужденія. Мы же, если что и не по разуму, то по чистой нашей совѣсти познаемъ».

Получивъ это письмо, князь Голицынъ былъ не мало удивленъ. Въ письмѣ говорилось уже о *невозможности* и о томъ, чтобы съ синодомъ имѣлъ сношенія министръ духовныхъ дѣлъ, а сами бы они или ихъ духовное правленіе не имѣли никакихъ прямыхъ съ нимъ сношеній. Да и синоду Екатеринбургскіе старообрядцы желали предоставить только снабженіе ихъ попами, и то по ихъ выбору. Князь хотѣлъ видѣть въ этомъ письмѣ недоразумѣніе и написалъ еще письмо—послѣднее письмо—къ Рязанову. Вотъ оно:

«Письмо, подписью 15 особъ изъ вашего общества, служащее отвѣтомъ на посланное мною къ вамъ отъ 12-го декабря прошлаго года, я получилъ сего марта 17-го дня. Съ удовольствіемъ усматривая изъ

онаго готовность общества вашего къ пребыванію въ мирѣ съ членами господствующей грекороссійской церкви, долженъ я, однако, замѣтить, что въ письмѣ семъ не содержится рѣшительнаго отвѣта на предложеніе мое, въ прежнемъ письмѣ вамъ сдѣланное,—согласны ли вы состоять подъ вѣдомствомъ святѣйшаго правительствующаго синода, сохраняя, впрочемъ, обряды свои и духовное свое правленіе, на томъ основаніи, какъ въ прежнемъ письмѣ моемъ вамъ изъяснено? Пока не имѣю отъ васъ яснаго отзыва по сему пункту, не могу я приступить къ посредничеству между синодомъ и вами. Хотя собратія ваша, въ заключеніе письма своего и говорятъ, что пріемлютъ въ полное уваженіе причины, чтобы вмѣсто свѣтской власти по приличію быть вѣдомымъ, чрезъ посредство мое, святѣйшимъ синодомъ и имѣть старообрядческое духовное правленіе въ Екатеринбургѣ и пр., но далѣе упоминаютъ о *невозможности* своей, не изъяснивъ, о какой именно. Они присовокупляютъ, что чѣмъ ближе правительство оставитъ ихъ къ коренному до лѣтъ Никонова патріаршества положенію, тѣмъ единственнѣе и единообразнѣе они будутъ и пр. Но я спрошу васъ: что̀ можетъ быть ближе къ тому состоянію, коего вы желаете, какъ не самое то, которое я вамъ предлагаю? Совѣтую вамъ еще разъ внимательно прочесть прежнее письмо мое и отвѣчать мнѣ на оное рѣшительно; но до отвѣта вашего подумать о послѣдствіяхъ того рѣшенія, которое вы мнѣ дадите, ибо отъ онаго зависѣть будетъ благосостояніе многихъ тысячъ народа и ихъ потомства. Въ ожиданіи отвѣта вашего, пребуду съ искреннимъ желаніемъ вамъ любви и соединенія во Христѣ. *Князь Александръ Голицынъ*».

Іюня 30-го екатеринбургскіе старообрядцы дали требуемый княземъ Голицынымъ отвѣтъ въ письмѣ, подписанномъ 97 лицами. Подписи Рязанова тутъ не

было. Настойчиво прося объ исполненіи всего, что изложено ими въ условіяхъ 30 апрѣля 1818 года, старообрядцы положительно не согласились зависѣть отъ синода на томъ основаніи, на какомъ зависятъ отъ него ставропигіальные монастыри, и попрежнему просили объ учрежденіи старообрядческаго духовнаго правленія, которое бы состояло изъ однихъ міринъ, безъ участія духовенства, и зависѣло бы непосредственно отъ министра духовныхъ дѣлъ. Вотъ это письмо:

«Вникая въ отеческую мысль вашего сіятельства, чтобы внимательно прочесть прежнее письмо вашего сіятельства, отъ 12 числа декабря прошлаго 1818 года послѣдовавшее, мы понимаемъ изъ сего то, чтобы согласиться быть зависимыми, на основаніи ставропигіальныхъ монастырей, святѣйшему правительствующему синоду, вслѣдствіе чего пріемлемъ смѣлость вашему сіятельству донести, что постоянное и непреложное желаніе нашего общества есть то, чтобы существованіе нашего богослуженія основано было по точнымъ законамъ коренной святой греко-россійской церкви, премудростію Божіею и многими святителями озарившую, и потому не могли и не можемъ сдѣлать отъ оныхъ преданій, существуемыхъ болѣе шестисотъ пятидесяти лѣтъ, до самыхъ временъ патріарха Никона, никакихъ отступленій, какъ чтимыхъ тогда единственными и господствующими во всей имперіи, отъ коихъ самомалѣйшее отступленіе и измѣненіе есть совѣсти нашей противно, и оное повергнуть можетъ общество наше, въ Сибири болѣе ста пятидесяти тысячъ душъ обитающее, въ совершенное раздробленіе и разномысліе. Слѣдственно, правительство, пекущееся о устроеніи всѣхъ составовъ государства, не узритъ изъ того никакой пользы, кромѣ умноженія различій, которыя въ самомъ началѣ породили утѣс-

ненія и затрудненія, во избѣжаніе коихъ всякій изъ насъ скорѣе можетъ согласиться, оставя вѣтьви промышленности и хлѣбопашества, толико для государства полезнѣйшія, удалиться въ прочія мѣста Россійской имперіи, гдѣ, какъ извѣстно, древнее богослуженіе и понынѣ еще терпимо.

«Предаваясь на дальновиднѣйшее и благое вашего сіятельства разсмотрѣніе, какъ особы, истину и просвѣщеніе во всѣ сословія водружающей, осмѣливаемся утруждать отъ лица всего общества старообрядцевъ Сибирскаго края всеубѣдительнѣйшею просьбой объ исходатайствованіи намъ у престола всемилостивѣйшаго монарха нашего на отправленіе богослуженія и устроеніе того порядка, каковый изложенъ нами 30-го апрѣля 1818 года, и дозволеніе имѣть намъ въ Екатеринбургѣ по духовной части старообрядческое правленіе или контору, состоящую изъ степенныхъ и почетнѣйшихъ старшинъ, кои, находясь подъ покровительствомъ и повелѣніемъ особы вашей, по званію министра духовныхъ дѣлъ, во священнѣйшую обязанность вмѣнять будутъ исполнять все то, чтó въ пунктахъ нашихъ, отъ 20 мая 1818 года къ вашему сіятельству представленныхъ, изъяснено.

«Сіятельнѣйшій князь, не усѣкните древа во время смиренія его и не умножьте страданій людямъ въ правилахъ непорочности предками посѣяннаго, но умножьте плоды мирныхъ гражданъ и поселянъ, ищущихъ покрова въ скорби, многое время сердца ихъ подавляющей; воздвигните неразрушаемый въ сердцахъ нашихъ памятникъ великодушія, возведеніемъ въ обществѣ нашемъ свободнаго по древнимъ уставамъ въ святыхъ храмахъ жертвоприношенія Творцу и Создателю всѣхъ. Симъ единымъ средствомъ благоустроенное верховное правительство достигнетъ своего спокойствія отъ жалобъ и слѣдствій, въ чемъ среди

вожделѣннѣйшаго мира, неизреченными судьбами и теплыми всеобщими къ Господу Богу молитвами дарованнаго, не токмо не можемъ мы отчаиваться, но ласкаемъ себя сильнѣйшею надеждой быть водворенными въ то же терпѣніе и положеніе, коимъ ограждены всѣ прочія исповѣданія и даже самые духоборцы, совершенно отъ святой церкви и ея таинствъ удалившіеся.

«Посему на принятое вашимъ сіятельствомъ въ замѣчаніе употребленное нами слово «сообразя всю готовность и невозможность» разумѣли и разумѣемъ въ томъ смыслѣ, какъ ваше сіятельство усмотрѣть изволили, что мы не могли ничего принять новаго, желаемъ остаться при древнемъ положеніи, просимъ всенижайше единой токмо свободы на храмы наши, священство и богослуженіе, сообразной со всѣми прочими вѣроисповѣданіями, не ищемъ ни безначалія, ни рѣшительнаго отдаленія себя отъ взора правительства; но умоляемъ высокую особу вашего сіятельства принять общество сіе подъ единственное вѣдѣніе и покровительство, на томъ точно основаніи, на какомъ общество екатеринбургскихъ старообрядцевъ съ повѣренными многихъ другихъ таковыхъ же обществъ изложило и къ вашему сіятельству, отъ 20 мая 1818 года, препроводило особые пункты, съ тѣмъ, чтобы духовное наше правленіе или контора во всѣхъ случаяхъ представленія свои по дѣламъ духовнымъ производила къ особѣ вашего сіятельства и получала на оныя разрѣшенія и предписанія единственно отъ министерства духовныхъ дѣлъ; потребныя же въ таковыхъ случаяхъ сношенія съ святѣйшимъ синодомъ просимъ всенижайше ограничить токмо между онымъ правительствующимъ синодомъ и министерствомъ духовныхъ дѣлъ.

«Засимъ, не обременяя болѣе особу вашего сія-

тельства, дорожа безцѣнно всякою минутой, но изложивъ мнѣнія и намѣренія общества старообрядцевъ всего Сибирскаго края, повергаемъ судьбу свою единому покровительству и высокимъ добродѣтелямъ вашего сіятельства, слезно умоляемъ не отрещись отъ принятія на себя хотя новаго и труднаго, но для нѣсколькихъ сотъ тысячъ душъ спасительнаго бремени, и всенижайше просимъ предстать ко вселюбезнѣйшему и милостивѣйшему монарху нашему съ ходатайствомъ и прошеніемъ милосердаго о насъ соболѣзнованія, за которое съ благоговѣніемъ и умиленіемъ приносить будемъ всѣхъ Царю усердныя и теплѣйшія наши молитвы, чувствуя въ полной мѣрѣ, колико много зависитъ участь наша и нашего потомства отъ милостиваго содѣйствія особы вашего сіятельства въ дѣлѣ, въ которомъ есть вѣра, спасеніе и животъ».

Тѣмъ и кончилось дѣло, начатое Рязановымъ. Просьбы екатеринбургскаго общества остались безъ послѣдствій. Старообрядцы думали, что отказомъ отъ предложеній князя Голицына они нажили себѣ въ немъ сильнаго врага. Не можемъ сказать, насколько были они въ этомъ правы, но не лишнимъ считаемъ замѣтить, что увольненіе его отъ должности министра духовныхъ дѣлъ всѣ старообрядцы считали особеннымъ для себя божескимъ благодѣяніемъ [1]).

---

[1]) Въ 1824 г. пермскій губернаторъ Тюфяевъ представилъ письмо екатеринбургскихъ старшинъ: Луки Тарасова, Ѳомы Казанцова, Якима Рязанова и Якова Михайлова, отъ 20 іюня 1824 года, къ старообрядскому обществу Чимѣевской волости (находится въ *Дѣлѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ* 1819 г., № 2), въ которомъ, между прочимъ, сказано: «Общество здѣшнее, изъ многихъ полученныхъ свѣдѣній, давно уже замѣчало, что министръ духовныхъ дѣлъ, князь Голицынъ, желалъ, за несогласіе наше къ подчиненности синоду, моленіе въ старообрядческихъ церквахъ, часовняхъ и молитвенныхъ домахъ вовсе воспретить, что̀ изъ словъ его превосходительства, новаго нашего губернатора (тобольскаго, А. М. Тургенева) было примѣтно. Но,

Сколько извѣстно, ни московское, ни другія общества старообрядцевъ не принимали участія въ екатеринбургскомъ дѣлѣ. Были и такіе суевѣрные ревнители старины, которые весьма недоброжелательно смотрѣли на предпріятія Рязанова, желавшаго узаконенія правъ и свободы старообрядческаго богослуженія. По ихъ мнѣнію, искать у никоніанъ чего-либо для

пострадавый для спасенія рода человѣческаго, Христосъ Спаситель нашъ, вѣдый всѣ сердца и помышленія, чрезъ споспѣшествующихъ Его человѣколюбивой благости, отъ управленія духовными дѣлами какъ его, князя Голицына, такъ и директора сего департамента, генерала Тургенева, вселюбезнѣйшій нашъ государь удалилъ». Рязановъ, еще до рѣшительнаго отвѣта екатеринбургскихъ старообрядцевъ Голицыну, хлопоталъ о дозволеніи кончить начатую постройкой еще въ 1814 г. огромную каменную церковь и перенести въ нее богослуженіе изъ ветхой деревянной, и о дозволеніи имѣть иргизскихъ поповъ. Церковь достроить и служить въ ней дозволили, а императоръ Александръ, въ бытность въ Екатеринбургѣ (въ октябрѣ 1824 г.), дозволилъ поставить на ней крестъ. Рязановъ настойчиво хлопоталъ о попахъ и дозволеніи екатеринбургскому старообрядческому обществу пользоваться самостоятельностію, но не имѣлъ успѣха. Въ 1829 году, возвратясь изъ Петербурга, онъ сложилъ съ себя званіе попечителя и старшины. Однако, и послѣ того, въ продолженіе девяти лѣтъ, Рязановъ не переставалъ быть руководителемъ и ходатаемъ екатеринбургскихъ старообрядцевъ (*Дѣло департам. общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ* 1831 г. № 17) Сотрудникомъ его, вмѣсто умершаго Казанцова, былъ Егоръ Катаевъ, управлявшій Верхъ-Исетскимъ заводомъ гг. Яковлевыхъ. Послѣднее усиліе Рязанова достигнуть столь настойчиво преслѣдуемой имъ цѣли относится къ 1837 году. Онъ, вмѣстѣ съ другими богатыми старообрядцами Екатеринбургскаго края, подалъ главному начальнику горныхъ заводовъ, генералу Глинкѣ, прошеніе о томъ, чтобъ имѣть независимыхъ отъ епархіальнаго вѣдомства священниковъ съ подчиненіемъ ихъ главному начальнику горныхъ заводовъ Уральскаго хребта. Генералъ-лейтенантъ Глинка, представляя просьбу ихъ, присоединилъ и свое ходатайство, написанное въ сильныхъ и энергическихъ выраженіяхъ. Въ мартѣ 1838 года присланъ былъ отказъ, и при этомъ повелѣно было обязать Рязанова и другихъ подписавшихъ прошеніе подписками, чтобъ «они впредь не осмѣливались утруждать начальство подобными ухищренными просьбами». Тогда Рязановъ, видя неудавшимися долговременныя свои ходатайства, обратился къ православію, на условіяхъ единовѣрія. Построенная имъ церковь обращена въ единовѣрческую. Рязановъ умеръ въ Екатеринбургѣ 14 декабря 1849 г.

старой вѣры значило мѣшать свѣтъ со тьмою. «Кое общеніе Христу съ Веліаромъ?» говорили они, и никакъ не соглашались выступить изъ своего замкнутаго круга. Тѣмъ не менѣе ихъ очень интересовалъ исходъ рязановскаго дѣла,—дадутъ ли поповъ, позволятъ ли строить кельи и поправлять старыя часовни. О дозволеніи имѣть поповъ ходатайствовали въ то же время общества московское, саратовское, тверское и другія.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Бѣглые попы въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ.

Въ мартѣ 1822 года, послѣдовали, наконецъ, столь долго и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемыя старообрядцами правила *«о попахъ и молитвенныхъ домахъ»*. Въ правилахъ этихъ, высочайше утвержденныхъ 26 марта, было сказано:

I. *Касательно бѣглыхъ священниковъ, у раскольниковъ находящихся*: 1) Буде они не сдѣлали никакого уголовнаго преступленія, о чемъ губернаторы должны сами разыскивать и спрашивать у епархіальныхъ архіереевъ, то оставлять ихъ на мѣстѣ, какъ такихъ людей, коими не дорожатъ. 2) На требованія же епархіальныхъ архіереевъ о высылкѣ таковыхъ священниковъ, отвѣчать, что они находятся при своихъ мѣстахъ. 3) Если-жъ бѣглый священникъ появится у раскольниковъ и объ немъ откроется, что онъ учинилъ побѣгъ отъ своего мѣста по причинѣ содѣланнаго имъ преступленія, то по требованію епархіальныхъ архіереевъ ихъ высылать. 4) Гдѣ у раскольниковъ нѣтъ молитвенныхъ домовъ, ни церквей, тамъ не держать ни подъ какимъ видомъ бѣглыхъ священниковъ. 5) Священникамъ, оставленнымъ у раскольниковъ, приказать для порядка вести метрики и представлять о томъ вѣдомости ежегодно гражданскому начальству.

II. *Касательно церквей раскольничьихъ:* 1) О тѣхъ, кои давно построены, не входить ни въ какое дальнѣйшее разсмотрѣніе и оставлять ихъ безъ разысканія. 2) Вновь же строить не дозволять ни по какому случаю [1]).

Правила эти, офиціально считавшіяся «секретными», были разосланы только губернаторамъ, и то черезъ полгода послѣ ихъ утвержденія [2]). Въ первый разъ они были напечатаны только въ 1858 г., то есть черезъ тридцать лѣтъ послѣ ихъ отмѣны, и когда явились въ печати, то имѣли уже значеніе единственно какъ историческій документъ. Но еще осенью 1822 г., на Рогожскомъ кладбищѣ происходили совѣщанія по поводу новыхъ правилъ, которыя, несмотря на ихъ офиціальную секретность, тотчасъ по утвержденіи находились въ тысячахъ копій у всѣхъ старообрядцевъ. Въ этихъ совѣщаніяхъ, кромѣ московскаго общества, принимали участіе старообрядцы городовъ Коломны, Егорьевска, Подольска и Вереи, селенія Вохны (Павловскій посадъ) Гуслицкой волости, и разныхъ селеній Коломенскаго, Бронницкаго, Дмитровскаго, Серпуховскаго, Егорьевскаго, Зарайскаго и Покровскаго уѣздовъ. Тогда же подобныя совѣщанія происходили въ Ржевѣ, Торжкѣ, Твери, Калугѣ, Тулѣ, Боровскѣ. Что касается до Екатеринбурга, то, по совѣщанію тамошняго общества, Рязановъ и Казанцовъ разослали правила 26 марта старшинамъ всѣхъ старообрядческихъ обществъ Пермской и Тобольской губерній съ тѣмъ, чтобы они составили по каждому селенію именные списки старообрядцевъ, долженствующіе быть осно-

---

1) *Собраніе постановленій о расколѣ.* С.-Петербургъ 1858 г., стр. 75 и 76.—Н. В. Варадинова, *Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ*, томъ VIII, стр. 101 и 102.

2) Циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ послѣдовалъ 30 сентября 1822 года.

вою для веденія метрикъ [1]). Получивъ затребованные списки, Рязановъ и Казанцовъ, 25 іюня 1823 года, представили ихъ формально въ пермское губернское

---

[1]) Вотъ одно изъ писемъ къ екатеринбургскимъ старшинамъ, отъ 3 ноября 1823 года: «М. г. Ерофей Никитичъ! Какое послѣдовало, по неизреченнымъ судьбамъ и Промыслу Всемогущаго, по высочайшей волѣ предписаніе (т. е. высочайше утвержденныя правила 26 марта 1822 года) отъ г. министра внутреннихъ дѣлъ къ пермскому гражданскому губернатору, при семъ вамъ прилагаемъ копію, согласно коему получить долженъ и тобольскій губернаторъ. Изъ предписанія сего вы усмотрите, что моленіе, какое производилось во всѣхъ нашихъ молитвенныхъ храмахъ, до сего устроенныхъ, дозволяется производить и впредь безъ всякаго препятствія, а священниковъ, коихъ мы пріемлемъ изъ иргизскихъ монастырей, дозволяется имѣть при всѣхъ тѣхъ молитвенныхъ храмахъ гласно и свободно. Священникамъ симъ не только дозволяется, но и поставляется въ обязанность имѣть о всѣхъ старообрядцахъ метрическія книги и по онымъ доставлять о родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ въ губернское правленіе вѣдомости. Слѣдовательно, на основаніи сихъ всемилостивѣйше дарованныхъ намъ установленій, никто уже не долженъ быть изъ старообрядцевъ вѣдомъ попрежнему приходскимъ священникамъ, но повсемѣстно надлежитъ установить особые старообрядческіе приходы. Почему и просимъ васъ обвѣстить о семъ всѣхъ живущихъ по Шадринской округѣ христіанъ, дабы они, съ полученія сего, ни мало не медля, во всякомъ селеніи о состоящихъ въ старообрядчествѣ составили вѣдомости по приложенной при семъ формѣ (форма приложенная та же, какая употребляется и въ православныхъ церквахъ), и оныя прислали съ избранными изъ главнѣйшихъ селеніевъ двумя или тремя человѣками сюда. Но какъ при таковомъ отчисленіи отъ приходовъ россійской церкви могутъ впредь возродиться со стороны приходскихъ священниковъ, вступившихъ въ старообрядчество, притязанія, то, дабы сіе устроить единожды и ко всегдашнему спокойствію, необходимо нужно было бы сочиненныя вами вѣдомости засвидѣтельствовать въ волостныхъ правленіяхъ, при приходскихъ священникахъ, или по крайней мѣрѣ въ одномъ волостномъ правленіи. Гдѣ же именно и въ какихъ мѣстахъ нужно будетъ вамъ по Шадринской учредить приходъ, то есть пребываніе священника, о семъ просимъ васъ посовѣтоваться и насъ съ означенными посланными увѣдомить. А дабы все сіе Вседержитель помогъ намъ всемогущею Своею десницей устроить ко всеобщему успокоенію и спасенію, то просимъ васъ соборнѣ молиться и воздавать Искупителю нашему, человѣколюбцу Богу, хвалу и благодареніе, о всемъ святомъ Его благоустроеніи. (*Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ*, 1827 г. № 102).

За это письмо, черезъ 12 лѣтъ, Рязановъ былъ выдержанъ при полиціи въ теченіе мѣсяца.

правленіе, ссылаясь на правила 1822 года и нисколько не подозрѣвая офиціальнаго секрета. Письма, подобныя екатеринбургскимъ, были разсылаемы и изъ другихъ обществъ. Словомъ, къ концу 1822 года, вся поповщина отъ Бессарабіи до Байкала знала о высочайше утвержденныхъ правилахъ, а между тѣмъ правила эти считались «секретными». Гласное принятіе священника къ моленной зависѣло не отъ этихъ правилъ, а единственно отъ личнаго взгляда на дѣло начальника губерніи. Такимъ образомъ, въ Московской, Тверской, Калужской, Тульской, Саратовской, Могилевской, Черниговской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ тотчасъ же явилось по нѣскольку «дозволенныхъ» поповъ, а въ другихъ, какъ напримѣръ въ Пермской, и прежде бывшихъ иргизскихъ поповъ брали подъ стражу и отсылали въ тѣ епархіи, изъ которыхъ они бѣжали.

Правила 1822 года въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ встрѣчены были недоброжелательно. Въ Лужкахъ [1]), напримѣръ, старообрядцы - перемазанцы рѣшительно отказались имѣть у себя гласныхъ поповъ, считая самую подачу метрикъ противною совѣсти зависимостью отъ никоніанъ. Они образовали особую секту, извѣстную подъ именемъ *Лужковскаго согласія* или *тайной церкви*. У нихъ были попы, но держались въ большой тайнѣ. Они отвергали присягу, военную службу и паспорты, видя въ нихъ печать антихриста, избѣгали всякихъ сношеній съ правительственными мѣстами и лицами и вели пропаганду, особенно на Дону. Секта эта была признана особенно вредною, и въ 1845 году, по докладу наказнаго атамана, донскимъ казакамъ даже

---

[1]) Посадъ Стародубскаго уѣзда, Черниговской губерніи, въ 30 верстахъ отъ уѣзднаго города.

было запрещено ѣздить въ Лужки [1]). Сначала лужковская секта была у старообрядцевъ въ пренебреженіи, но когда дозволенныхъ поповъ не стало, многіе обратились въ Лужки, и секта «тайной церкви» появилась не только на Дону, но и на Волгѣ, и на Уралѣ, и на Камѣ, и на Днѣстрѣ, и на Бугѣ.

---

[1]) *Собраніе постановленій по части раскола.* С.-Петербургъ, 1858, стр. 452 и 453. Лужковская секта открылась по случаю отказа одного казака Войска Донского отъ присяги на вѣрность службы и отъ подписанія отобраннаго отъ него допроса. Наставникомъ этой секты оказался бѣглый попъ въ Лужкахъ. Послѣдователи жили въ четырехъ посадахъ Черниговской губерніи: Лужкахъ, Воронкѣ, Еленкѣ и Гуровичахъ, и распространились въ небольшомъ числѣ въ Землѣ Войска Донского и въ Боровскомъ уѣздѣ Калужской губерніи. Они, какъ сказано, не принимали бѣглыхъ поповъ, извѣстныхъ правительству, и потому скрывали своихъ отъ мѣстныхъ властей; признавали какъ православныхъ, такъ и раскольниковъ не своей секты за еретиковъ; избѣгали всякаго съ ними сообщенія; отлучившихся изъ своихъ селеній считали осквернившимися и, по возвращеніи, очищали ихъ молитвою, которую читали надъ ними тайные попы. Считали за грѣхъ носить мундиры, принимать присягу, брать паспорты для отлучекъ и подписывать правительственныя бумаги, относившіяся къ ихъ расколу. Въ моленныхъ своихъ надѣвали одежду, какую носили ихъ предки, отпавшіе отъ церкви во время Никона, и приходившихъ въ другой одеждѣ въ моленную не пускали. Секта эта была первоначально въ общемъ пренебреженіи у раскольниковъ, но когда въ посадахъ Черниговской губерніи не стало дозволенныхъ бѣглыхъ поповъ и приняты строгія мѣры къ преслѣдованію ихъ переѣздовъ, то многіе раскольники другихъ посадовъ начали ѣздить въ Лужки и исправлять тамъ духовныя требы у тайнаго бѣглаго попа. Жители этого посада, особенно отличаясь упорствомъ въ своихъ заблужденіяхъ, прямо и открыто объявили, что они не имѣютъ ни малѣйшаго желанія присоединиться къ единовѣрію. Посадъ Лужки получилъ между раскольниками названіе Новаго Іерусалима. Въ 1845 году, по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, бѣглый попъ въ Лужкахъ былъ пойманъ и отосланъ къ духовному начальству, молитвенное зданіе ихъ запечатано, вмѣсто него построена деревянная единовѣрческая церковь и опредѣленъ туда единовѣрческій священникъ. (Н. В. Варадинова *Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ* т. VIII, стр. 477 и 478). Теперь въ Лужкахъ старообрядцевъ 5,316 обоего пола, а единовѣрцевъ 37. Священника единовѣрческаго болѣе нѣтъ. По случаю распространенія въ Лужкахъ, Еленкѣ, Воронкѣ и Чуровичахъ лужковской секты, въ 1847 учреждены въ нихъ особые полиціймейстеры, а въ другихъ посадахъ только помощники становыхъ.

Городецкіе старообрядцы не приняли поповъ на основаніи правилъ 1822 года, удерживая за собою полученное ими одними, въ 1803 году, право брать поповъ съ Иргиза безъ всякихъ обязательствъ относительно метрикъ и т. п. На Керженцѣ новыми правилами не воспользовались.

Но, вообще говоря, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ губернаторы дозволили старообрядцамъ воспользоваться снисхожденіемъ правительства, они были довольны своимъ положеніемъ, обзаведясь достаточнымъ количествомъ поповъ и даже дьяконовъ. Такъ, въ Москвѣ, на Рогожскомъ кладбищѣ, поповъ было девять, дьяконовъ трое. Иргизъ удержалъ право исправлять поповъ, но, несмотря на то, разсылка ихъ по старообрядческимъ общинамъ значительно уменьшилась. Уменьшились черезъ то и доходы иргизскіе.

Не долго, однако, пользовались старообрядцы данными льготами. Съ 1827 года начинается рядъ постановленій, сначала ограничивавшій, а потомъ и вовсе отмѣнившій права и льготы, полученныя старообрядцами при Екатеринѣ II и Александрѣ I. Представляемъ краткій перечень этихъ отмѣнъ, въ хронологическомъ порядкѣ.

Мы видѣли, что, согласно правиламъ 26-го марта 1822 года, губернаторы должны были отправлять къ епархіальнымъ архіереямъ, по ихъ требованіямъ, тѣхъ только изъ находящихся у старообрядцевъ бѣглыхъ поповъ, о которыхъ откроется, что они бѣжали отъ церкви *по причинѣ содѣяннаго ими преступленія*. Такъ какъ здѣсь не объяснено, какія именно преступленія въ отношеніи къ бѣглымъ попамъ должно считать уголовными, то многіе губернаторы затруднялись исполненіемъ требованій преосвященныхъ и спрашивали разъясненія министра внутреннихъ дѣлъ. Управлявшій министерствомъ В. С. Ланской, не задолго передъ

тѣмъ энергически заявившій свою дѣятельность по дѣламъ раскола [1]), уклонился отъ рѣшенія возбужденнаго вопроса и передалъ его на обсужденіе святѣйшаго синода, который, послѣ перечисленія разныхъ уголовныхъ преступленій, во мнѣніи своемъ прибавилъ слѣдующее: «Святѣйшій синодъ, какъ мѣсто, которому ввѣрено охраненіе ненарушимости священныхъ правилъ и церковнаго благочинія, не можетъ не признать *самаго побѣга священника* отъ своего мѣста и должности къ раскольникамъ за *преступленіе тяжкое*» [2]). По такому разъясненію святѣйшаго синода, каждый бѣглый священникъ, у старообрядцевъ находящійся, былъ преступникъ, котораго, на основаніи правилъ 1822 года, должно было губернатору высылать къ требующему его епархіальному архіерею. На этомъ основаніи должно было бы немедленно взять всѣхъ поповъ, находившихся у старообрядцевъ. Но въ то же время состоялось относительно этого предмета особое высочайшее повелѣніе, вошедшее впослѣдствіи и въ сводъ законовъ. Московскій генералъ-губернаторъ, князь Д. В. Голицынъ, сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ вѣдомость о дозволенныхъ попахъ Рогожскаго кладбища, а Ланской представилъ ее государю. Покойный императоръ, разсмотрѣвъ эту вѣдомость, повелѣлъ увѣдомить князя Голицына, чтобъ онъ «нынѣ находящихся (поповъ) оставилъ въ покоѣ, но новыхъ не дозволялъ отнюдь принимать» [3]). Наконецъ, въ январѣ

---

[1]) 1827 года, мая 24, воспрещено бѣглымъ попамъ переѣзжать изъ одного уѣзда въ другой; іюля 5-го, воспрещено исправлять починками и возобновлять молитвенные дома раскольниковъ; ноября 14-го постановлено, чтобы раскольническія книги, противныя церкви, по отобраніи ихъ, были отсылаемы къ оберъ-прокурору святѣйшаго синода. См. *Собраніе постановленій по части раскола*. Спб. 1858, стр. 106—112.

[2]) *Собраніе постановленій по части раскола*. Спб. 1860 г., т. II, стр. 199—203.

[3]) *Собраніе постановленій по части раскола*. Спб. 1858 г., стр. 111.

1832 года, представлена была графомъ Д. Н. Блудовымъ, бывшимъ тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, записка, въ которой было сказано, что дальнѣйшее оставленіе бѣглыхъ поповъ у раскольниковъ не соотвѣтствуетъ ни достоинству господствующей православной церкви, ни гражданскому устройству, но какъ таковое снисхожденіе, по необходимости правительствомъ допущенное, уже обратилось, по секретнымъ правиламъ 1822 года, въ постановленіе и руководство для гражданскихъ начальствъ, то и не можно приступить къ общимъ распоряженіямъ по сему предмету, а въ частныхъ случаяхъ полезно дѣлать распоряженія, чтобы вновь не появились у раскольниковъ бѣглые попы». По обсужденіи записки, постановлено: «для постепеннаго установленія порядка, свойственнаго благоустроенному государству, принять къ руководству по гражданской части правиломъ: когда дойдетъ до свѣдѣнія правительства о вновь бѣжавшемъ къ раскольникамъ попѣ, то таковаго возвращать въ епархію, въ распоряженіе епархіальнаго архіерея, такъ то уже и дѣлалось, а современемъ распространить и на всѣ губерніи послѣдовавшее высочайшее повелѣніе для С.-Петербурга, Москвы и Пермской губерніи, чтобы вновь не дозволять появляться бѣглымъ попамъ у раскольниковъ, но прежнихъ оставить въ покоѣ, какъ давно живущихъ на мѣстахъ» [1]).

Вслѣдствіе этого распоряженія, находившіеся у старообрядцевъ попы были одинъ за другимъ вызываемы гражданскимъ начальствомъ къ епархіальнымъ архіереямъ, и въ пять лѣтъ (до 1837 г.) было взято у старообрядцевъ и отправлено къ преосвященнымъ болѣе пятидесяти бѣглыхъ поповъ: Бо́льшая часть дѣлъ о нихъ, подавшихъ поводъ къ требованію ихъ высылки,

---

[1]) Тамъ же стр. 131—134.

возникла по случаю крещеній и браковъ, совершенныхъ ими надъ такими лицами, которыя хотя и состояли въ старообрядствѣ, но въ приходскихъ книгахъ были записаны православными. [1]) Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ высылка старообрядческихъ поповъ была производима уже съ такимъ усердіемъ, что графъ Блудовъ счелъ нужнымъ поставить нѣкоторыя границы распоряженіямъ губернскихъ начальствъ относительно этого предмета. Такъ, въ 1834 году, по поводу распоряженій пермскаго губернатора Тюфяева, который въ дѣлѣ истребленія раскола постоянно отличался чрезвычайною ревностью, графъ Блудовъ вынужденъ былъ разослать ко всѣмъ губернаторамъ особыя предписанія о томъ, какъ должны они поступать, получивъ отъ епархіальныхъ архіереевъ отношеніе о вновь бѣжавшемъ къ раскольникамъ попѣ. Губернаторамъ предписывалось, отыскавъ попа и учредивъ за нимъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находится, секретный полицейскій надзоръ, предварительно доносить министерству внутреннихъ дѣлъ, не дѣлая никакихъ распоряженій и, до разрѣшенія, не давая никакого отзыва архіерею. [2]) На основаніи этого распоряженія, изъ Черниговской губерніи въ 1837 году было получено донесеніе о *тридцати попахъ*, находящихся въ Стародубьѣ, высылки которыхъ настоятельно требовали преосвященные разныхъ епархій. Изъ нихъ графомъ Блудовымъ признаны были подлежащими высылкѣ только три попа и одинъ дьяконъ, что и было утверждено покойнымъ императоромъ [3]).

---

[1]) Указаніе этихъ дѣлъ находится у Н. В. Варадинова въ *Исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ.* VIII, стр. 300—301.

[2]) *Собраніе постановленій по части раскола.* Спб. 1858 г., стр. 171. Подтверждено 12 апрѣля того же года. Тамъ же. стр. 179.

[3]) Попъ Евдокимъ Смирновъ—какъ вновь появившійся, дьяконъ Петровъ и іеромонахи Епифаній и Викторъ—на томъ основаніи, что правила касались только бѣглыхъ священниковъ, а не дьяконовъ и не монаховъ. *Собраніе постановленій по части раскола.* Спб. 1858 года,

Поповъ, взятыхъ у старообрядцевъ—конечно, не всѣхъ, но довольно многихъ,—по суду лишали сана и исключали изъ духовнаго званія. Естественно, что такое наказаніе, справедливое съ точки зрѣнія господствующей церкви, не считалось правильнымъ и дѣйствительнымъ старообрядцами. Поповъ, лишенныхъ такимъ образомъ сана, они считали мучениками, пострадавшими за истину и за ревность къ «древлему благочестію», и если такому разстриженному попу удавалось снова найти себѣ пріютъ у старообрядцевъ, онъ совершалъ всѣ требы попрежнему и пользовался еще большимъ чѣмъ прежде почетомъ и уваженіемъ. Такой случай открылся въ Екатеринбургѣ въ 1835 году. Находившійся въ Шарташскомъ селеніи бѣглый попъ Иванъ Грузинскій былъ лишенъ сана и записанъ въ тульскіе мѣщане. Пріѣхавъ въ Екатеринбургъ, подъ предлогомъ продажи принадлежавшаго ему въ Шарташѣ дома и другого имущества, онъ продолжалъ совершать требы. Это дошло до свѣдѣнія правительства, и тогда было принято за правило, чтобы съ каждымъ бѣглымъ попомъ, лишеннымъ сана, поступаемо было такъ, какъ опредѣлено въ Сводѣ Законовъ о состояніяхъ относительно лишенныхъ монашества; на этомъ основаніи такому разстриженному священнику не дозволялось проживать, а тѣмъ менѣе приписываться къ городскимъ или сельскимъ обществамъ той губерніи, гдѣ онъ былъ священникомъ, и той, въ которой онъ находился у раскольниковъ, равно какъ и въ обѣихъ столицахъ. Съ такихъ разстригъ велѣно было брать подписки въ выполненіи ими сего правила, подъ опасеніемъ за нарушеніе его быть отосланнымъ

стр. 253 и 254. Распоряженіе о томъ, чтобы всѣхъ дьяконовъ, находящихся у старообрядцевъ, выслать къ епархіальнымъ архіереямъ, было сдѣлано еще прежде—11-го марта 1836 года. Тамъ же, стр. 210.

въ Закавказскія провинціи на всегдашнее пребываніе [1]). Но это мало дѣйствовало и на раскольниковъ, и на бѣглыхъ поповъ. По причинѣ крайняго недостатка въ священствѣ, старообрядцы не переставали тайно содержать разстригъ и даже стали брать къ себѣ для совершенія духовныхъ требъ поповъ, разстриженныхъ не за уклоненіе въ расколъ, а за разные проступки. Оттого впослѣдствіи велѣно было всѣхъ лишенныхъ сана священниковъ заключать въ монастырь [2]).

Самымъ важнымъ, по своимъ послѣдствіямъ, распоряженіемъ правительства тридцатыхъ годовъ было уничтоженіе иргизскихъ монастырей и обращеніе ихъ въ единовѣрческіе. Доселѣ Иргизъ еще сохранялъ то значеніе, которое пріобрѣлъ онъ на старообрядческомъ соборѣ 1783 года. Онъ попрежнему пользовался у старообрядцевъ внутренней и восточной Россіи исключительнымъ правомъ принимать подъ исправу поповъ, приходящихъ отъ господствующей церкви въ какое бы то ни было старообрядческое общество. Въ 1834 году, когда еще не всѣ иргизскіе монастыри были закрыты, саратовскій губернаторъ донесъ, что на Иргизѣ, несмотря на воспрещеніе 1832 года, приняли трехъ поповъ и одного изъ нихъ уже отправили къ старообрядцамъ села Поима, Чембарскаго уѣзда, Пензенской губерніи, и что исправа поповъ и разсылка ихъ попрежнему дѣлается исключительно на одномъ Иргизѣ. Поэтому въ 1836 году признано было необходимымъ: «принять мѣры къ прекращенію такой исправы бѣглыхъ поповъ, сколь постыдной для нихъ, столь же прискорбной для православной церкви, и предписать саратовскому губернатору обязать настоятелей иргиз-

---

1) Тамъ же, стр. 186 и 187.

2) Въ октябрѣ 1849 года. *Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству св. синода.* Спб. 1860 г. Томъ II, ст. 475—480.

скихъ монастырей подписками впредь не принимать въ сіи монастыри на исправу бѣглыхъ поповъ, такъ какъ сіе противно и церковнымъ, и гражданскимъ законамъ, съ тѣмъ, что ежели кто осмѣлится сдѣлать такую исправу, то допустившіе сіе настоятели, а равно совершившіе и принявшіе оную попы будутъ преданы суду, какъ распространители ереси» [1]). Это распоряженіе сильно поколебало Иргизъ: оно лишило его громаднаго дотолѣ вліянія на все старообрядство. Вскорѣ послѣдовало и совершенное паденіе Иргиза; монастыри его были обращены въ единовѣрческіе.

Въ то время, когда гражданскимъ правительствомъ принимаемы были исчисленныя мѣры противъ бѣглыхъ поповъ, духовное начальство въ предѣлахъ своего вѣдомства предпринимало иныя мѣры для предупрежденія самыхъ побѣговъ священниковъ къ старообрядцамъ. Главнѣйшею причиной уклоненія сельскихъ священниковъ въ расколъ была бѣдность ихъ и неразвитость. Вполнѣ и безвыходно зависимые въ матеріальныхъ средствахъ отъ прихожанъ, православные сельскіе священники всю жизнь свою боролись съ нуждою и всякими лишеніями, и, за весьма малыми исключеніями, оставались почти нищими. Безотрадно смотрѣли они на дѣтей своихъ, зная, что и имъ, и внукамъ ихъ предстоитъ та же участь, наслѣдованная отъ отцовъ и дѣдовъ. По жалкой обстановкѣ своей жизни, рѣдкіе изъ священниковъ могли внушить къ себѣ уваженіе прихожанамъ. Но эта грустная истина слишкомъ извѣстна, чтобъ о ней распространяться.

---

1) *Собраніе постановленій по части раскола.* Спб. 1858 г., стр. 199 и 200. *Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ.* 1836 г. № 12. Н. В. Варадинова. *Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ.* VIII—303.

Переходъ въ расколъ всегда сулилъ круглому бѣдняку если не богатство, то ужь непремѣнно вполнѣ обезпеченное въ матеріальномъ отношеніи содержаніе и надежду, что дѣти его не останутся безъ куска хлѣба и не будутъ всю жизнь свою нищенствовать. Тульскій епископъ въ 1836 году, не обинуясь, доносилъ святѣйшему синоду, что священники уклоняются въ расколъ по причинѣ своей необразованности и скуднаго содержанія при бѣдныхъ приходахъ; а Калужскій, изъ епархіи котораго въ десять лѣтъ бѣжало двадцать священниковъ, такъ объяснялъ причину этого прискорбнаго явленія: «Старообрядцы,—говорилъ онъ, знакомые съ священниками, разными способами стараются войти къ нимъ въ довѣренность и затѣмъ прельщаютъ ихъ, описывая ихъ сельскую жизнь, скучную и бѣдную, и совѣтуя имъ перейти къ нимъ, обѣщая спокойное и безотчетное пребываніе и во всемъ избытокъ. Священники, особенно тѣ, которые знаютъ за собой пороки, или опасаются доносовъ и преслѣдованій со стороны мѣстнаго и высшаго начальствъ, иные же по вдовству и неимѣнію дѣтей, а другіе, наконецъ, отъ обремененія семействомъ, за лучшее для себя почитаютъ удалиться къ раскольникамъ и дѣйствительно уѣзжаютъ къ нимъ. Между тѣмъ семейства ихъ остаются въ епархіи, и дѣти, обучаясь въ семинаріяхъ, при пособіяхъ, присылаемыхъ имъ отцами изъ раскольническихъ слободъ, оканчиваютъ семинарскій курсъ наукъ и занимаютъ священническія мѣста, и нерѣдко случалось, что бѣжавшіе къ раскольникамъ священники съ богатымъ приданымъ и значительною суммою денегъ выдавали дочерей своихъ за лучшихъ учениковъ высшаго отдѣленія семинаріи и за учителей, поступившихъ въ священники. Есть примѣры, что нѣкоторые изъ священниковъ, находящихся въ расколѣ, вызывали туда же, къ раскольникамъ, отецъ сына, тесть зятя,

и сами таковые въ расколъ бѣжавшіе священники записываются, какъ извѣстно, въ мѣщанскія общества [1]). Прямымъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ къ отвращенію подобныхъ случаевъ уклоненія священниковъ въ расколъ, конечно, было бы улучшеніе положенія ихъ хоть до такой степени, чтобы предложенія старообрядцевъ не могли быть для нихъ соблазнительными. Приняты были, однако, иныя мѣры. Святѣйшій синодъ, по обсужденіи донесенія калужскаго преосвященнаго, постановилъ: 1) объявить всѣмъ ученикамъ семинарій и прочимъ лицамъ, намѣревающимся поступить на священно-служительскія должности, чтобъ они не вступали въ бракъ съ дочерьми бѣжавшихъ къ раскольникамъ священнослужителей, подъ опасеніемъ оставленія въ званіи причетника, пока не загладятъ своего поступка и не докажутъ благонадежности къ священству, 2) предписать благочиннымъ, подъ страхомъ отвѣтственности предъ начальствомъ, наблюдать за подвѣдомственными священно-служителями въ отношеніи къ образу мыслей ихъ о православной церкви и доносить епископу о подозрительныхъ, а епископу вызывать такихъ въ архіерейскій домъ, отбирать грамоту на санъ и возвращать по удостовѣреніи въ благонадежности, 3) преосвященнымъ вмѣнить въ обязанность, при выдачѣ священно-служителямъ паспортовъ на отлучки въ другую епархію, и отъ состоящихъ подъ судомъ и сомнительныхъ въ образѣ мыслей и поведеніи, отбирать грамоты до возвращенія изъ отпуска [2]). Нельзя сказать, чтобъ эти распоряженія достигли цѣли и уменьшили

[1]) Донесеніе калужскаго преосвященнаго въ *Собраніи Постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода.* Спб. 1860, т. II, стр. 305—306. Н. В. Варадинова *Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ*, т. VIII, стр. 304.

[2]) Н. В. Варадинова *Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ*, т VIII, стр 304.

число бѣглыхъ священниковъ, уходящихъ къ старообрядцамъ; по крайней мѣрѣ мы не замѣчаемъ, чтобы значительно уменьшилась цифра ежегодныхъ случаевъ этого рода послѣ изданія приведенныхъ правилъ. Что же касается до прекращенія возможности ученикамъ семинарій жениться на дочеряхъ бѣглыхъ поповъ, то богатыя невѣсты находили жениховъ получше ихъ. Такъ, дочь одного рогожскаго попа (Петра Ермиловича Русанова) вышла замужъ за штабсъ-капитана, а дочь другого (Ивана Матвѣевича Ястребова), съ стотысячнымъ приданымъ, за человѣка весьма значительнаго въ своемъ кругу. Сыновья бѣглыхъ поповъ перестали учиться въ семинаріяхъ, за то дѣлались зажиточными членами городскихъ обществъ; такъ, сынъ дозволеннаго ржевскаго попа Василія Смирнова (умершій въ 1857) былъ однимъ изъ значительныхъ купцовъ города Твери и жилъ совершенно по-свѣтски, а два сына дозволеннаго же тульскаго попа Павла, оставаясь въ православіи, получили отъ него большой домъ, множество разныхъ вещей и весьма значительный капиталъ. Старообрядцы зазирали попа Павла, говорили, что по 31 и 92 правиламъ Карѳагенскаго помѣстнаго собора [1]) онъ, за предоставленіе наслѣдства и пріобрѣтеннаго отъ священнослуженія имѣнія сыновьямъ своимъ

---

[1]) *Правило 31.* Епископы и состоящіе въ клирѣ не усвоиваютъ ничего тѣмъ, кои не суть православные христіане, хотя бы то были сродники, ничего изъ своихъ вещей, какъ речено, да не упрочиваютъ таковымъ посредствомъ дара епископы и состоящіе въ клирѣ. *Правило 92.* Аще который епископъ еретиковъ или язычниковъ, сродниковъ или непринадлежащихъ къ сродству, оставитъ наслѣдниками своими и предпочтетъ ихъ церкви, таковому и по смерти да будетъ изречена анаѳема, и его имя никогда отъ іереевъ Божіихъ да не возносится. Да не можетъ быти ему въ оправданіе и то, аще безъ завѣщанія отыдетъ; понеже, бывъ поставленъ епископомъ, по приличію долженъ былъ учинити назначеніе своего имущества, сообразное своему званію. *Кормчая.* Изданіе 1843 года, стр. 181 и 204.

никоніанамъ, подлежитъ проклятію. Но чувство отца пересилило въ Павлѣ обязанности раскольничьяго попа; онъ пренебрегъ укорами и даже произнесеннымъ надъ нимъ лѣтъ пять тому назадъ старообрядческимъ архіепископомъ Антоніемъ съ соборомъ отлученіемъ, анаѳемой и проклятіемъ. Онъ служитъ и до сихъ поръ въ Тулѣ, имѣетъ много прихожанъ и, признавъ было въ 1847 году законность бѣлокриницкой іерархіи, теперь провозглашаетъ ея незаконность. Это единственный теперь дозволенный попъ во всей Россіи, послѣдній изъ поповъ 1822 года.

Въ 1835 году, по духовному вѣдомству принята была еще новая мѣра для уменьшенія числа старообрядческихъ поповъ—мѣра, совершенно другого характера, чѣмъ послѣдовавшая по донесенію калужскаго епископа. По случаю добровольнаго обращенія въ православіе одного иргизскаго попа, Виноградова, велѣно было простить его, и объ этомъ предписано было губернаторамъ объявить чрезъ довѣренныхъ лицъ всѣмъ старообрядческимъ попамъ, не изъявятъ-ли и они готовности предстать предъ своимъ начальствомъ съ раскаяніемъ, подобно Виноградову [1]). Въ Москвѣ самъ митрополитъ принялъ на себя сдѣлать такое внушеніе попамъ Рогожскаго кладбища [2]). Дѣйствительно, послѣдовали обращенія къ православію, но они не были многочисленны: только одинъ попъ и одинъ діаконъ, жившіе у старообрядцевъ Саратовской губерніи, явились къ мѣстному архіерею. Они были прощены [3]).

---

[1]) *Собраніе постановленій по части раскола.* Спб. 1858, стр. 175—176.

[2]) *Журналъ московскаго комитета о раскольникахъ* 10 мая 1835 г., статья 5.

[3]) *Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству св. синода.* Спб. 1860, т. II, стр. 302, 303.

Строгія мѣры относительно бѣглыхъ поповъ произвели такъ называемое «*оскудѣніе священства*». Поповъ, дозволенныхъ правилами 1822 года и оставленныхъ до смерти при своихъ мѣстахъ, оказалось крайне недостаточно для пяти милліоновъ поповщины, разсѣянной отъ Хотина до Байкала и отъ Петербурга до Ленкорана, тѣмъ болѣе, что имъ строго запрещено было, какъ мы уже видѣли, переѣзжать не только изъ губерніи въ губернію, но даже изъ одного уѣзда въ другой. Правда, много было и теперь у старообрядцевъ бѣглыхъ поповъ, содержимыхъ въ тайнѣ и переѣзжавшихъ изъ мѣста на мѣсто для совершенія требъ, поповъ, которые стали извѣстны подъ именемъ *проѣзжающихъ священниковъ*. Но положеніе такихъ бродячихъ поповъ было крайне для нихъ тягостно. Находясь подъ денноночщнымъ страхомъ ареста и суда, они постоянно были въ тревожномъ состояніи духа, которое старались хоть сколько-нибудь заглушить водкой. Пьяныхъ съ утра до ночи перевозили ихъ въ коробахъ, подъ рогожами, укрывали въ подпольяхъ; но, несмотря на такія предосторожности, попы все-таки нерѣдко попадали въ руки полиціи. Отсюда произошла небрежность при совершеніи требъ, постоянно соблазнявшая истыхъ ревнителей «древляго благочестія». По отзыву самихъ старообрядцевъ, невозможно было имѣть трезваго и благоговѣйнаго священника. Такіе попы, дѣйствительно недостойные своего высокаго призванія, находились въ полной зависимости отъ мірянъ: отъ старшинъ старообрядческихъ обществъ, отъ попечителей часовенъ. Безъ ихъ позволенія, они не смѣли исправить ни одной требы, не могли отслужить ни одной службы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они принуждены были исполнять всевозможныя приказанія своихъ «хозяевъ», въ такомъ даже случаѣ, если и сами видѣли, что отъ нихъ требуется незаконное. Такимъ

образомъ вѣнчаемы были браки въ недозволенныхъ степеняхъ родства, въ малолѣтствѣ и т. п. Особенно много было совершено бѣглыми попами браковъ въ малолѣтствѣ. Извѣстно, что до царствованія императора Николая у насъ дѣйствовалъ византійскій законъ, внесенный въ Кормчую, по которому вступать въ бракъ можно было мужчинамъ 14, а женщинамъ 12 лѣтъ. Императоръ Николай для отвращенія многихъ бѣдственныхъ случаевъ, бывавшихъ вслѣдствіе такихъ раннихъ браковъ, заключаемыхъ между дѣтьми, повелѣлъ не вѣнчать мужчинъ ранѣе восемнадцатилѣтняго, а женщинъ ранѣе шестнадцатилѣтняго возраста. Этотъ *новый* законъ старообрядцы не считали для себя обязательнымъ, считали его даже нарушеніемъ священныхъ правилъ. Бѣглые попы вѣнчали по-византійски, и оттого возникали русскія слѣдственныя дѣла. Мало того, нерѣдко бывали случаи, что, по приказу старшинъ, браки между старообрядцами расторгались, и попъ вѣнчалъ бывшихъ супруговъ съ другими. Это особенно случалось, когда та или другая сторона обращалась въ православіе [1]). Влія-

---

[1]) Изъ *Дѣла о инокѣ Варлаамѣ* (*Василѣ Перепелкинѣ*), производившемся въ 1847 - 1849 годахъ, видно, что православный мѣщанинъ Петръ Сунгуровскій, женатый на старообрядкѣ, дочери варнавинскаго купца Осокина, и вѣнчанный въ православной церкви, былъ разведенъ Варлаамомъ, а жена его потомъ въ посадѣ Дубовкѣ (Саратовской губерніи) была обвѣнчана съ другимъ. (Дѣло въ архивѣ Семеновскаго уѣзднаго суда). Такихъ примѣровъ много. У попа Рогожскаго кладбища, Петра Ермилова Русанова, была дочь Манефа (а не Макара, какъ она названа въ *Разсказѣ о Рогожскомъ кладбищѣ*, помѣщенномъ въ *Сборникѣ изъ исторіи старообрядства* Н. И. Попова, стр. 145). Овдовѣвъ не больше какъ черезъ недѣлю по водвореніи въ Рогожскомъ, попъ Русановъ воспиталъ дочь при себѣ и, когда она выросла, сосваталъ ее за одного штабсъ-капитана, бывшаго впослѣдствіи въ одномъ изъ городовъ Вологодской губерніи непремѣннымъ засѣдателемъ земскаго суда. Кладбищенскіе старшины и вообще всѣ вліятельные люди рогожскаго общества подняли сильный ропотъ: какъ можетъ старообрядческій священникъ выдавать дочь

ніе старшинъ или попечителей на поповъ, дозволенныхъ правилами 1822 года, было еще не такъ велико; за то бѣглые попы, тайно у нихъ жившіе, были совершенными ихъ рабами. Старшины, какъ невольниковъ, покупали поповъ на Иргизѣ, покупали ихъ навсегда или на время, смотря по условію, и торговали ихъ профессіей, собирая деньги съ исправлявшихъ духовныя требы. Явился особый родъ промышленниковъ, которые торговали «проѣзжающими» попами. Сманивъ попа и исправивъ его на Иргизѣ, или въ Стародубскихъ слободахъ, или даже у другого «проѣзжающаго», они возили *своего* попа изъ одной старообрядческой мѣстности въ другую и наживали хорошія деньги. Изъ такихъ промышленниковъ особенно замѣчателенъ былъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ московскій мѣщанинъ, уроженецъ Боровскаго уѣзда, содержавшій въ Рогожской части, въ Вороньемъ переулкѣ, постоя-

---

за никоніанина, да еще за благороднаго, значитъ за бритаго, и, призвавъ попа на совѣтъ, уговаривали его отказать жениху. Петръ Ермиловичъ, подходя къ каждому тутъ бывшему, говорилъ: «хорошо, будетъ по твоему: откажу жениху; только и ты сдѣлай по моему: женись на Манефѣ». Изъ бывшихъ на совѣщаніи кладбищенскихъ тузовъ, милліонеровъ, людей, конечно, большею частію пожилыхъ и женатыхъ, не нашлось жениховъ для Манефы Петровны. Петръ Ермиловичъ, обругавъ почтенное собраніе дураками и скотами необузданными (любимое выраженіе покойника), не простясь ушелъ изъ собранія и дочь выдалъ за штабсъ-капитана. Этотъ бракъ очень соблазнялъ всѣхъ кладбищенскихъ, и особенно духовныхъ дѣтей Петра Ермиловича. Стали они уговаривать его и давать много денегъ (а онъ былъ очень корыстолюбивъ), чтобъ онъ какъ-нибудь *поправилъ дѣло*. Попъ Ермилычъ поправилъ, разстроивъ супружество дочери. Манефа Петровна въ 1835 году уѣхала отъ мужа къ отцу, забравъ все приданое, и на Рогожскомъ обратилась къ старообрядству. Самъ отецъ расторгъ ея бракъ, прочитавъ надъ ней какую-то молитву въ часовнѣ. Манефа Петровна жила то у него на Рогожскомъ, гдѣ пользовалась большимъ почетомъ, то въ Москвѣ на квартирѣ. Напрасно мужъ требовалъ у попа жены своей... (*Дѣло канцеляріи московскаго военнаго генералъ-губернатора*, 12 іюня 1839, № 73). Свадьбы несовершеннолѣтнихъ, недостигшихъ законнаго возраста для вступленія въ бракъ, вѣнчаемы были проѣзжающими попами во множествѣ; подобныя свадьбы бывали и тамъ

лый дворъ, Степанъ Трифоновичъ Жировъ. Про него даже ходили между старообрядцами слухи, будто онъ одного возимаго имъ попа Егора, польстившись на накопленныя имъ деньги, утопилъ въ какой-то рѣкѣ. Этотъ слухъ не помѣшалъ, однако, ему сдѣлаться *первымъ* русскимъ старообрядческимъ архіереемъ. Это Софроній, епископъ симбирскій, лишенный впослѣдствіи епархіи, теперь находящійся подъ запрещеніемъ и оставшійся въ 1863 году на сторонѣ Кирилла бѣлокриницкаго, отвергнутаго московскимъ обществомъ старообрядцевъ.

«Оскудѣніе священства» до того довело старообрядцевъ, что у нихъ зачастую стали появляться такъ называемые «*сумлѣнные*» попы. Бывали случаи, и бывали нерѣдко, что какой-нибудь бѣглый солдатъ или другой обманщикъ, добывъ настоящую или фальшивую ставленную грамоту, сказывался попомъ и исполнялъ

гдѣ были дозволенные попы и велись метрики. Объ этомъ возникало много дѣлъ. Были и такіе примѣры, что, и не бывъ вѣнчаны, многіе сказывались обвѣнчанными. Изъ многихъ случаевъ приведу одинъ, бывшій въ Москвѣ. Въ 1842 году сорокапятилѣтній крестьянинъ деревни Городка (Богородскаго уѣзда), Савелій Андреевъ, вздумалъ жениться на 14-лѣтней дѣвочкѣ, Афимьѣ Денисовой, православной, которую, однако, мать ея водила на исповѣдь на Рогожское. Іюня 8, въ самый Духовъ день, женихъ съ невѣстой поѣхали въ Москву, но рогожскій попъ почему-то ихъ не обвѣнчалъ, хотя женихъ и имѣлъ у себя свидѣтельство изъ волостнаго правленія. На возвратномъ пути женихъ уговорилъ невѣсту сказать въ деревнѣ, что они вѣнчаны. Такъ и сдѣлали. Афимья родила сына, котораго крестили и черезъ пять мѣсяцевъ схоронили на Рогожскомъ. Вскорѣ послѣ этого Андреевъ собрался на житье въ Москву, но молоденькая сожительница его, наскучивъ старымъ мужемъ, объявила, что она ему не жена, и притомъ, что она православная. Андреева выдержали въ тюрьмѣ три мѣсяца, а Афимью, какъ малолѣтнюю, отдали на рѣшеніе совѣстнаго суда; мать-же ея, за совращеніе дочери въ расколъ, лишили всѣхъ правъ состоянія и сослали въ Закавказскій край. (*Дѣло московской уголовной палаты* сентября 19-го 1845 года, по описи № 29). Мы могли бы наполнить сотни страницъ разсказами о подобныхъ случаяхъ, заимствуя ихъ изъ дѣлъ, выписки изъ которыхъ находятся у насъ подъ руками, но считаемъ это совершенно излишнимъ.

духовныя требы у легковѣрныхъ старообрядцевъ, жившихъ въ какой-нибудь глуши. Бѣглые дьяконы зачастую надѣвали священническія ризы и совершали священнодѣйствія, которыхъ не въ правѣ были совершать; монахи, не имѣвшіе рукоположенія, крестили, исповѣдовали, пріобщали и даже вѣнчали браки. Все оправдывалось словами «по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ». Но множество старообрядцевъ чувствовало и открыто говорило, что безчинство ихъ священнослужителей смущаетъ ихъ совѣсть.

Большинство бѣглыхъ поповъ не отличалось хорошею жизнью. Въ винѣ хотѣли они утопить и испытываемыя ими тревоги, и ежеминутное опасеніе быть пойманнымъ, а можетъ быть и просыпавшуюся по временамъ совѣсть, напоминавшую имъ отступничество отъ церкви и торговлю святыней. Почти всѣ попы у старообрядцевъ были вдовые, и рѣдкіе изъ нихъ подавали духовнымъ дѣтямъ своимъ примѣръ цѣломудрія [1]). Удержать поповъ отъ неприличной жизни,

---

[1]) Въ дѣлахъ сохранилось множество примѣровъ зазорной жизни старообрядческихъ бѣглыхъ поповъ. Сергѣй Иргизскій (*Зерцало для старообрядцевъ*, прибавл. къ 1 книгѣ, стр. 78 и 79) разсказываетъ о попѣ, бывшемъ въ Москвѣ и находившемся шесть лѣтъ въ связи съ дѣвушкой, которую выдавалъ за родную сестру; когда-же прихожане стали укорять его за это, онъ донесъ начальству, что на Рогожскомъ варили муро, ушелъ на Вѣтку, потомъ на Иргизъ и тамъ священнодѣйствовалъ. «На Иргизѣ,—пишетъ уставщикъ и ризничій тамошняго Нижневоскресенскаго монастыря, Платонъ, — къ бѣглымъ попамъ имѣлъ невозбранный входъ женскій полъ; такое же гостепріимство было и у монашествующихъ: они не зазорно принимали каждый свою гостью; женщины даже допускались ночевать въ ихъ кельяхъ, и для того всѣ изъ своей кельи имѣли сквозь монастырскую ограду калитки и оными выходили безъ вѣдома начальствующихъ». (*Православный Собесѣдникъ* 1857 г., стр. 552). Пользовавшійся большою извѣстностію въ Москвѣ и на Керженцѣ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ бѣглый іеромонахъ Иларій (умершій въ 1848 г. холерой), въ Комаровскомъ скиту, въ обители Игнатьевой, открыто имѣлъ любовницу Авдотью Константинову, сестру игуменьи обители Игнатьевыхъ Александры; онъ постригъ ее въ монашество подъ

обличить ихъ, наказать и, въ случаѣ неисправимости, судить — было некому. Это дѣло епископа и притомъ, на точномъ основаніи каноническаго права, судъ надъ священникомъ принадлежитъ не одному, а семи епископамъ, ибо по 12 и 29 правиламъ Кароагенскаго помѣстнаго собора: «пресвитера судятъ шесть епископовъ и свой». Одно могли сдѣлать старшины и попечители съ безнравственнымъ попомъ — прогнать его. Но это было не безопасно. Бывали примѣры подобныхъ изгнаній, о нихъ свидѣтельствуютъ архивныя дѣла. Но эти изгнанія всегда почти дорого обходились не только изгонявшимъ безпутнаго попа попечителямъ, но и цѣлымъ общинамъ. Озлобленный попъ, изъ мщенія, доносилъ въ такомъ случаѣ гражданскому или ду-

---

именемъ Елизаветы и имѣлъ отъ нея двухъ дочерей: Клавдію и Александру (*Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ*, 1848 г., № 94). Въ другой женской обители Комаровскаго скита, Манефиной, жилъ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ черный попъ отецъ Евѳимій. Ходить за нимъ, т. е. убирать его комнату, платье и проч., назначалась обыкновенно молоденькая послушница, и онъ нерѣдко мѣнялъ одну за другою. Было изъ кого выбрать. Кромѣ того, у него внѣ обители жила еще любовница, романовская мѣщанка Наталья Вареоломеева, которая послѣ взятія отца Евѳимія, сосланнаго въ Саратовскую пустынь, сохранила оставленный ей симъ іеромонахомъ сувениръ: кадило и епитрахиль. (Въ томъ же дѣлѣ). Въ 1839 году, въ Москвѣ, производилось дѣло по жалобѣ мѣщанки, вдовы Афимьи Поликарповой Шишеевой, на рогожскихъ попечителей, отнявшихъ у нея, при помощи и личномъ участіи чиновниковъ полиціи, разное имущество и 5,000 р. денегъ изъ дома, принадлежащаго ей и находившагося въ оградѣ Рогожскаго кладбища. Шишеева указывала на разныя злоупотребленія и объясняла расхищеніе ея имущества тѣмъ, что попу, Ивану Матвѣевичу Ястребову, хотѣлось выручить находившуюся у Шишеевой переписку его съ оставленною уже имъ любовницею его, Елизаветою Авксентьевой, замѣненною другою, Анною Ѳедоровой. Въ дѣлѣ есть копія съ письма покинутой Елизаветы къ попу. Вотъ оно: «Здравствуй! Любезному моему Ивану Матвѣевичу. Забыли, какъ меня любили, а нынѣ забылъ. Я была молода, согласилася съ тобою—ты хотѣлъ вѣчно любить. Вамъ какая я пришла? Честь свою нарушила, отъ тебя затяжелѣла и, страха ради, ушла замужъ. Грѣхъ вамъ будетъ меня забыть! Какъ вы меня облещали разными лас-

ховному начальству, прибавляя къ дѣйствительному, конечно, и свои вымыслы. Начинались слѣдствія; попечителей или другихъ вліятельныхъ членовъ общества предавали суду. Иногда терпѣла и цѣлая община: напримѣръ, въ случаѣ запечатанія часовни, если по доносу попа, что она противозаконно была поправлена, оказывалось при производствѣ формальнаго слѣдствія, что дѣйствительно въ ней были недавнія починки. Съ другой стороны, «оскудѣніе священства» было такъ велико и такъ ощутительно, что старообрядцы волей-неволей принуждены были терпѣть поповъ, каковы бы они ни были; мало того, они вынуждены были дорожить ими. И чѣмъ меньше становилось у старообрядцевъ поповъ, тѣмъ попы эти дѣлались безнравствен-

---

ками: «Лизавета Авксентьевна, когда ты придешь ко мнѣ—только и радости!» Вы меня загубили передъ Богомъ и передъ мужемъ, вы любите Анну Ѳедоровну и покоите ее, а она съ стрикулистами таскается и тобою похваляется, твой капотъ на левантинѣ продала знакомымъ моимъ и говоритъ: «я не хочу носить». А хорошіе люди за вами зазираютъ. Бывало вы какъ въ письмахъ писали ко мнѣ и заочно меня цѣловали полдюжины, аки лично, а нынче забыли. Вспомни обо мнѣ, мой любезный. Извините меня, что я такъ нехорошо написала: я съ тѣхъ поръ не писывала, какъ къ тебѣ. Заочно кланяюся вамъ. *Елизавета Авксентьева»*. Эта записка, написанная лѣтъ 16 передъ тѣмъ, то есть въ 1823 или 1824 году, надѣлала большихъ хлопотъ цѣлому Рогожскому кладбищу, а не меньше того и полиціи. При производствѣ слѣдствія, задаренная съ одной стороны Авксентьева отреклась и отъ письма, и отъ бывшей связи съ попомъ; мужъ ея и разныя лица подъ присягой показали, что она и грамотѣ не знаетъ. Анну Ѳедорову даже не спросили; отъ попа письменно потребовали объясненія; онъ отрекся. Очной же ставки съ Шишеевой полиція ему не дала, оправдываясь впослѣдствіи тѣмъ, что попъ *пользуется уваженіемъ старообрядцевъ*. Для сличенія почерка Авксентьевой потребованы были изъ конторы кладбища обыскныя брачныя книги за 1823 и 1824 годы, гдѣ, при запискѣ брака Авксентьевой, должна была находиться ея подпись. Попечители отозвались, что книги сгорѣли въ 1831 году. Но изъ другихъ дѣлъ видно, что въ 1833 и 1834 годахъ изъ этихъ дѣлъ были дѣланы выправки. Дѣло, разумѣется, кончилось ничѣмъ, а Шишеева ни имущества, ни денегъ, ни дома не получила. Поступокъ чиновниковъ полиціи былъ переданъ на обсужденіе

нѣе; алчность же ихъ и безстыдная, наглая симонія выходили изъ всякихъ границъ. Вотъ, напримѣръ, что̀ писалъ одинъ членъ Рогожскаго общества, уже по появленіи въ Бѣлой Криницѣ Амвросія: «Къ Рогожскому кладбищу принадлежитъ нѣсколько тысячъ душъ и для такого количества имѣютъ только двоихъ священниковъ (Петра Ермиловича Русанова и Ивана Матвѣевича Ястребова), которые не успѣваютъ исполнять для нуждающихся духовныхъ требъ. Оные священники, какъ уже не имѣютъ надъ собой никакой власти, то и дѣлаютъ только то, что имъ разсудится. Для нихъ ничего не значитъ, если умретъ некрещенный младенецъ (а это бываетъ очень часто) или больной безъ исповѣди и причащенія умираетъ. Таковыя нужды

губернскаго правленія, но что было тамъ постановлено,—мнѣ неизвѣстно. (*Дѣло канцеляріи московскаго военнаго генералъ-губернатора* 1839 г., № 171). Вторая любовница попа Ивана Матвѣевича, Анна Ѳедоровна, имѣла отъ него сына, и когда онъ выросъ, изъ него вышелъ такой кутила, какихъ мало на свѣтѣ бываетъ: отцовыхъ денегъ онъ тысячъ сто промоталъ. Всѣ старообрядцы знали слабость Ивана Матвѣевича къ прекрасному полу, всѣ и въ Москвѣ, и по инымъ городамъ знали, какъ онъ ѣздитъ по вечерамъ къ Аннѣ Ѳедоровнѣ, какъ онъ ей домъ купилъ у Троицы въ Садовникахъ, несмотря на то, что, по словамъ его прежней любезной, эта Анна Ѳедоровна съ молодыми «стрикулистами» ставила рога отцу Іоанну. Но все прощали ему, ничѣмъ не соблазнялись, ибо дорожили дозволенными въ 1822 году попами, а Иванъ Матвѣевичъ былъ изъ числа ихъ. Другой попъ Рогожскаго кладбища, Петръ Ермиловичъ Русановъ, тоже имѣлъ любовницу и не одну; отъ главной и гласной были у него и дѣти. Эта женщина однажды пожаловалась попечителямъ Рогожскаго кладбища, что Ермилычъ, много лѣтъ имѣя съ нею связь, теперь оставляетъ ее, не обезпечивъ ни ея, ни ихъ ребенка. «Обращаюсь,—писала она,—къ вамъ, господа, съ покорнѣйшею просьбой удовлетворить мои законныя требованія; въ противномъ случаѣ я подамъ просьбу высшему начальству». За мировую требовала она сто тысячъ ассигнаціями. Собрались попечители и вліятельнѣйшіе люди Рогожской общины, пришли къ попу, и ужь не они ему, а онъ имъ сталъ каяться. «Вспомните вы,—говорилъ онъ имъ,—что для васъ оставилъ церковь; вспомните, какъ вы меня сманивали и обѣщались всегда выручать. Вотъ и выручайте теперь, а я дѣйствительно грѣшенъ, потому, сами вы знаете,

въ скорости исполняются только для тѣхъ, у кого много денегъ, а бѣдные даже не имѣютъ къ тому никакой возможности. Понудить или выговорить такимъ попамъ никто не можетъ: ни хозяева, ни попечители оному кладбищу, потому что боятся разсердить, ибо они имъ грозятъ тѣмъ, что служить у васъ не будемъ. Оные же попы, желая поддержать общество старообрядцевъ, зная ихнее малодушіе и твердую ихъ къ себѣ приверженность, и зная, что оные маловѣры зазрить ихъ ни въ чемъ не могутъ, потому что за слабость жизни и за выдумки въ дѣлѣ духовныхъ дѣйствій судить ихъ не смѣютъ по правиламъ Номоканона, то хотя и дѣйствуютъ противъ постановленія церкви и уложенія святыхъ отецъ, но на оное ссы-

---

что жена моя умерла, недѣли не проживъ на кладбищѣ: беременная, она зимой изъ бани безъ сорочки прибѣжала, потому настращалъ ихъ кто-то въ банѣ и все платье укралъ. Богъ за отступничество мое наказалъ меня, и я, по тогдашней моей молодости, связался съ этою женщиной; но она это вретъ, что я оставляю ее безъ всякаго вниманія: конца-края нѣтъ разнымъ подаркамъ, которые я передарилъ ей во время нашей связи. Теперь же, находясь при старости лѣтъ, я оставляю ее и чистосердечно вамъ каюсь въ моемъ грѣхѣ. Простите меня Христа ради и помогите. Если я вамъ нуженъ—помогите мнѣ, а если нѣтъ, я за грѣхи мои готовъ нести должное наказаніе: пусть ·авосудіе поразитъ меня». Жаль было разстаться съ попомъ Ермилычемъ; онъ грозилъ по своему обыкновенію, что уйдетъ съ кладбища и пойдетъ къ митрополиту просить у него суда и наказанія за отступничество отъ церкви. Но жаль было и ста тысячъ. Молча думали въ конторѣ тузы Рогожскаго кладбища, какъ дѣлу помочь. Тогда богатый фабрикантъ, почетный гражданинъ Василій Ефремовичъ Соколовъ, слѣпой уже старикъ, первый заговорилъ: «не хочу предавать на посмѣяніе отца моего духовнаго: жертвую для утушенія этого дѣла десять тысячъ рублей». За нимъ послѣдовалъ коммерціи совѣтникъ Антипъ Дмитріевичъ Шелапутинъ. Деньги собрали, не выходя изъ конторы, но послали прежде попечителей къ поповой любовницѣ поторговаться. Сладились за 35 тысячъ. Попъ Ермилычъ и послѣ этой исторіи не переставалъ ѣздить къ своей возлюбленной, а Шелапутинъ сказывалъ, что онъ самъ и смастерилъ всю эту шутку, чтобъ узнать, какъ его цѣнятъ на кладбищѣ, да и деньги должно быть ему тогда были нужны. (*Ср. Сборникъ изъ исторіи старообрядства*, стр. 142—143).

лаются, и оправдываются тѣмъ, что будто бы «нужды ради». Вотъ дерзкій ихъ поступокъ: что они разрѣшили и благословили (какъ бы власти) простымъ инокамъ и избраннымъ міранамъ исполнять требы всѣ, исключая только маслособорованія и браковѣнчанія. И обложили окладъ и цѣну за всякую требу, именно съ бѣдныхъ: за свадьбы 6 руб. 50 коп., за помазаніе мvромъ младенца 3 р., за погребеніе 3 р. серебромъ. *За помазаніе* называется потому, что оные попы сами не погружаютъ, а только помазуютъ. Вѣнчаютъ свадьбы вдругъ по десяти браковъ, *погребеніе* поютъ тоже по пятидесяти вдругъ [1]). Съ богатыхъ сто рублей серебромъ за каждую почти требу, а если взять священника на домъ, то непремѣнно, чтобы карета была. И что видя, прихожане изъ крестьянъ села Коломенскаго, которыхъ старообрядцы почитаютъ самыми твердыми

---

[1]) Такія свадьбы называютъ у старообрядцевъ *вѣнчать гуськомъ*. У аналоя стоитъ попъ, а за нимъ одна пара за другою. При обходѣ аналоя попъ беретъ епитрахилью за руки только переднюю пару (за то она и платитъ дороже), а прочія пары за ними ходятъ. А иногда и такъ бывало, что попъ водилъ одну пару послѣ другой вокругъ аналоя. Свадебъ особенно много вѣнчалось передъ масленицей, и въ это-то время особенно были въ ходу «свадьбы гуськомъ». *Погребенія* (то есть отпѣваніе покойника) пѣли надъ тѣлами только богатыхъ и жителей самого кладбища, а прочихъ нерѣдко безъ попа зарывали въ могилы, и послѣ того попъ въ церкви или надъ зарытыми уже могилами пѣлъ общее «погребеніе» нѣсколькимъ покойникамъ за разъ. Внѣ Москвы обыкновенно хоронили мертвыхъ, прочитавъ «канонъ за единоумершаго» и положивъ покойнику въ руки заранѣе приготовленную имъ самимъ разрѣшительную молитву за подписью попа. Послѣ того посылали на Рогожское пѣть «погребеніе» заочно, ибо отпѣваніе никто не имѣлъ права совершить, кромѣ попа. Когда настало повсемѣстное «оскудѣніе священства», на Рогожскомъ пѣть «погребенія» заказывали тамошнимъ попамъ изъ Петербурга, съ Волги, изъ Стародубья, съ Дону и даже изъ Сибири. Говорятъ, что оба попа въ послѣднее время ихъ пребыванія на Рогожскомъ кладбищѣ ежегодно пѣли заочныя «погребенія» надъ двадцатью тысячами покойниковъ и болѣе. Стало быть отъ однихъ «погребеній» каждый получалъ тысячъ по пятнадцати, ибо половина поступала въ пользу кладбища. Это былъ самый главный доходъ рогожскихъ поповъ.

въ вѣрѣ, сіе незаконное дѣйствіе и дозволеніе священниковъ, чрезъ то возмутились» [1]).

Отступленія отъ устава, по которому положено совершать разныя священнодѣйствія, были не въ одной Москвѣ: они были повсемѣстны. Старообрядцы, предки которыхъ отпали отъ церкви вслѣдствіе нѣкоторыхъ немногихъ измѣненій въ обрядѣ, сдѣланныхъ Никономъ, ежедневно видѣли теперь совершенное отступленіе отъ древле-установленныхъ обрядовъ, но, извиняя и себя и поповъ своихъ извѣстнымъ изреченіемъ: «по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ», несомнѣнно считали себя ревнителями и самыми строгими исполнителями стараго обряда.

Едва-ли не больше всего отступленій отъ устава допускаемо было старообрядческими попами при совершеніи таинствъ покаянія и евхаристіи. Попы, не успѣвая исповѣдовать всѣхъ, передавали это право монахамъ, мірянамъ, даже женщинамъ. На Рогожскомъ кладбищѣ, гдѣ все-таки чинъ священнодѣйствій сохранялся болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, въ трехъ часовняхъ собиралось по пятидесяти и болѣе исповѣдниковъ въ одно время; причетникъ, называемый дьячкомъ, громогласно читалъ имъ молитвы, положенныя передъ исповѣдью, потомъ по *Требнику* читалъ вопросы о всѣхъ грѣхахъ по порядку. Кающіеся, безъ различія пола и возраста, громогласно отвѣчали на каждый вопросъ: «грѣшенъ, батюшка». Тутъ выходили смущенія и соблазны, какъ разсказывали потомъ сами исповѣдники, и бывало не мало смѣха, когда женщины каялись въ такихъ грѣхахъ, которыхъ онѣ по своему полу дѣлать не могутъ, и наоборотъ. Мужчины, напримѣръ, каялись въ томъ, что истребили во

---

[1]) *Записки о возмущеніи Коломенскихъ и поученіи священника Ивана Матвѣевича.* Рукопись.

чревѣ своемъ младенцевъ, женщины въ растлѣніи дѣвицъ, дѣти въ нарушеніи супружеской вѣрности и т. п. На другой день всѣ допускались къ причастію. Отъ такой гласной исповѣди избавлялись только одни богатые прихожане: они исповѣдовали свои согрѣшенія у себя въ домахъ нарочно привозимымъ въ каретахъ священникамъ [1]). Если это бывало на Рогожскомъ, что же было въ другихъ мѣстахъ, особенно тамъ, гдѣ являлся «проѣзжающій священникъ» съ вожакомъ въ родѣ Степана Трифоновича Жирова? Причастіе постоянно находилось только на Рогожскомъ, на Иргизѣ и въ Стародубскомъ Покровскомъ монастырѣ; оттуда оно развозилось по разнымъ мѣстамъ и хранилось не только у поповъ и монаховъ, но и у многихъ мірянъ въ особыхъ крестахъ и иконахъ, въ которыхъ дѣлались такъ называемые *тайники* для вложенія частицъ. Иногда развозили запасные дары въ орѣховыхъ свищахъ [2]). Но не вездѣ и не всегда бывали дѣйствительно освященные на литургіи запасные дары; бо́льшею частію они замѣнялись всенощнымъ хлѣбомъ, т. е. просвирами, благословляемыми на литіи во время всенощенъ подъ большіе и малые праздники. Такіе хлѣбы могъ имъ благословлять въ часовняхъ, и даже въ домахъ, каждый попъ. Ими и замѣнялся агнецъ, а вмѣсто крови употребляли богоявленскую воду, которую иные ревнители «древляго

---

[1]) *Записки о раскольническихъ кладбищахъ 1844—1849*. Рукопись. Записки 26-го апрѣля 1848 года, № 104.

[2]) Въ 1837 году, въ городѣ Георгіевскѣ (нынѣшней Ставропольской губерніи), у высланныхъ туда жителей Иргизскаго Верхненикольскаго монастыря было отобрано до 62 разныхъ церковныхъ вещей и утвари: мѣдные кресты и иконы, два подручника, всенощный хлѣбъ, нѣсколько книгъ, серебряные вызолоченные сосуды, съ такими же ложечками, и *запасные дары въ орѣхахъ*. (*Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ* 1832 года, № 131. Опись этихъ вещей на 431 листѣ).

благочестія» уважали едва-ли не болѣе, чѣмъ самое таинство, и повелѣвали соблюдать «честнѣе самихъ пречистыхъ святыхъ таинъ» [1]). Оттого лѣтъ пятнадцать тому назадъ старообрядцы за богоявленской водой пріѣзжали къ 5-го января въ Городецъ изъ-за 400 и 500 верстъ [2]); то же, вѣроятно, было и на Рогожскомъ. Бывали случаи, что старообрядцы покупали для своихъ поповъ у сельскихъ православныхъ священниковъ запасные дары и употребляли ихъ, какъ святыню, сознавая такимъ образомъ присутствіе благодати при совершеніи таинства въ православныхъ церквахъ [3]). Иные старообрядческіе попы доходили до такого кощунства, что пріобщали и больныхъ и здоровыхъ сухарями изъ простого калача [4]). Это въ особенности относится къ попамъ *сумлѣннымъ* или само-

---

[1]) Въ разныхъ старообрядческихъ сборникахъ новаго письма встрѣчаются «заповѣди о водѣ св. Богоявленій», по которымъ святость этой воды ставится выше святости тѣла и крови Спасителя. Г. Щаповъ (*Русскій расколъ старообрядства* стр. 448) говоритъ, что это встрѣчается въ сборникахъ XVII и даже XVI столѣтія Соловецкой библіотеки, находящейся теперь въ Казанской Духовной Академіи. Желательно было бы, чтобъ ученые, знакомые съ археографіей, удостовѣрили, дѣйствительно-ли сборники, упоминаемые Г. Щаповымъ, относятся къ XVI даже столѣтію.

[2]) *Дѣло объ отысканіи бѣглаго попа Костромской епархіи, Андрея Аѳанасьева* 1849 г. въ архивѣ Нижегородскаго губернскаго правленія.

[3]) Объ этомъ производились лѣтъ 20 и 30 тому назадъ дѣла въ Семеновскомъ и Балахнинскомъ уѣздахъ Нижегородской губерніи; но формальными слѣдствіями продажа доказана не была. Слухи о подобной продажѣ были и въ Костромской и во Владимірской губерніяхъ.

[4]) Въ 1778 году, въ Вольскѣ (тогда еще селеніе Малыково), былъ взятъ проживавшій въ Средненикольскомъ Иргизскомъ монастырѣ бѣглый попъ Тимофей Тимофеевичъ, который при допросѣ показалъ, что онъ, разъѣзжая по старообрядческимъ селеніямъ, исповѣдовалъ больныхъ и, за неимѣніемъ запасныхъ даровъ, пріобщалъ сушенымъ калачомъ. Іеросхимонаха Іоанна *Духъ мудрованія нѣкоторыхъ раскольническихъ толковъ*, стр. 89. *Письмо Ивана Петровича Ѳомина къ Мухину*: «буду пріобщаться тѣла и крове Христовой, а не калачомъ, какъ у насъ бывало».

званцамъ, которымъ ни Иргизъ, ни Рогожское, ни Покровскій монастырь, конечно, не удѣлили бы никогда настоящихъ частицъ запаснаго агнца. Чаще и чаще, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, старообрядцы узнавали о такихъ безчинствахъ и, боясь прогонять поповъ, утѣшались текстомъ, бывшимъ у нихъ въ сильномъ ходу: «по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ». Но нерѣдко бывали и смущенія. Вооружались противъ попечителей крамолами въ часовняхъ, и попы иногда должны были съ бо́льшими предосторожностями, чѣмъ отъ полиціи, спасаться бѣгствомъ отъ духовныхъ чадъ своихъ. Немногіе ревнители старообрядства стали переходить въ православіе; не дремала въ это время и безпоповщинская пропаганда: ѳедосѣевскіе и поморскіе учители многихъ старообрядцевъ увлекли въ свои толки. Особенно сильна была такая пропаганда въ Сибири. Впрочемъ, и въ самой Москвѣ перемазанцы нерѣдко перекрещивались въ Хапиловскомъ пруду — этомъ Іорданѣ ѳедосѣевцевъ Преображенскаго кладбища, или переходили въ Покровскую моленную «Монина согласія». Гораздо болѣе, чѣмъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, отступали отъ старообрядства, пріемлющаго священство, въ другія секты — на Волгѣ. Въ губерніяхъ Саратовской, Самарской, Симбирской, Нижегородской, толкъ «Спасова согласія» съ каждымъ годомъ усиливался, пріобрѣтая значительное число новыхъ послѣдователей изъ поповщины, и, не имѣя руководителей, распадался на мелкія разномыслія. Тамъ, по причинѣ «оскудѣнія священства», одни старообрядцы стали исповѣдоваться у бродившихъ по разнымъ мѣстамъ монаховъ, у скитницъ и даже у канонницъ, что высылаемы были Керженскими скитами къ богатымъ старообрядцамъ для чтенія псалтыря по умершимъ и для такъ называемаго «стоянія неугасимой свѣчи»; другіе стали исповѣдоваться предъ

образомъ Спасителя по *скитскому покаянію* [1]), оправдываясь словами *Маргарита* [2]): «самъ Спасъ исповѣдникъ и причастникъ»; третьи — у начетчиковъ изъ своихъ мірянъ, которые сдѣлались такимъ образомъ чѣмъ-то въ родѣ безпоповщинскихъ «отцовъ съ Потребникомъ»; наконецъ, многіе изъ старообрядцевъ стали совершать крещенія и браки въ церквахъ православныхъ, въ которыя послѣ того не заглядывали во всю свою жизнь. Послѣднее обстоятельство имѣло послѣдствіемъ замѣчательное распоряженіе святѣйшаго синода по епархіямъ Пермской, Оренбургской, Вятской и Донской (1840—1842). Было позволено въ этихъ епархіяхъ вѣнчать старообрядцевъ въ единовѣрческихъ и даже въ православныхъ церквахъ, не требуя отъ нихъ перехода въ единовѣріе или православіе, не оглашая ихъ браковъ и внося ихъ въ особыя тетради [3]). Въ то же время многіе старообрядцы, особенно въ Пермской, Вятской и Тобольской губерніяхъ, не имѣя поповъ, не желая вѣнчаться въ православныхъ церквахъ согласно упомянутому сейчасъ распоряженію, стали кре-

---

1) Книга, составленная у старообрядцевъ и нѣсколько разъ напечатанная въ Супраслѣ (1778, другое изданіе безъ года съ приложеніемъ *Соловецкой Челобитной*) въ Клинцахъ, а также и въ секретныхъ типографіяхъ, возникшихъ у старообрядцевъ по закрытіи Клинцовской и Махновской (въ мѣстечкѣ Яновѣ) гласныхъ типографій. Впрочемъ, одна изъ такъ называемыхъ секретныхъ раскольническихъ типографій, безпоповца Михѣева, существовала довольно гласно въ Московской части города С.-Петербурга до апрѣля 1857 года. (*Собраніе постановленій по части раскола.* Спб. 1858, стр. 660). Въ ней старообрядческія книги печатались безъ означенія года и мѣста печатанія. При *скитскомъ покаяніи* обыкновенно помѣщается: «*Чинъ, како подобаетъ самому себе пріобщити...св. таинъ*».

2) *Маргаритъ* Св. Іоанна Златоустаго въ первый разъ напечатанъ въ Острогѣ 1596 года in-4. Рѣдкое и весьма уважаемое старообрядцами всѣхъ толковъ изданіе. Уважается не менѣе его московское изданіе 1640 года *in folio*.

3) *Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода.* Спб. 1860 т. II, стр. 374, 380—384, 387—392.

стить младенцевъ сами и заключать такъ называемые *сводные браки* или же сходиться на брачное сожитіе *по благословенію родителей*. Это тоже было своего рода уклоненіемъ въ безпоповщину. Мертвыхъ [1]) хоронили они безъ поповъ. Такъ образовался толкъ «самосправщиковъ», у котораго нѣтъ ни наставниковъ, ни учителей и ничего общаго. Каждый околодокъ знаетъ только своихъ, а съ людьми другихъ околодковъ рѣдко имѣетъ сношенія, хотя бы они и держались одного вѣроученія и однихъ обрядовъ. Чтобы судить о томъ, до какой степени значительно было отпаденіе отъ поповщинскаго старообрядства, по причинѣ оскудѣнія священства» и во избѣжаніе соблазновъ отъ «сумлѣнныхъ» поповъ, достаточно упомянуть, что въ однихъ нагорныхъ уѣздахъ Нижегородской губерніи, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, болѣе двадцати тысячъ человѣкъ сдѣлались «самосправщиками». Изъ самосправщиковъ весьма многіе переходили въ *Спасово согласіе*, въ *Нѣтовщину*, въ *Петрово крещеніе* и даже въ *Глухую нѣтовщину*, *Дрожжники* и *Самокрещенцы Бондаревскаго согласія*. Изъ безпоповщинскихъ толковъ, особенно въ Саратовской и частью въ Самарской губерніяхъ, рас-

---

[1]) Покойный архіепископъ тобольскій Георгій требовалъ у генералъ-губернатора Западной Сибири, чтобы подобнаго рода браки старообрядцевъ именовались не браками, а «сводною случкой», или «сводною связью», или «своднымъ союзомъ блуда», или «сводными развратомъ». «Мнѣ кажется,—говорилъ преосвященный,—что эдакое терпимое беззаконіе называть «сводными бракомъ» оскорбительно для св. церкви, такъ какъ сводная связь не другое что, какъ беззаконное сожительство блуднаго съ наложницей или содержанкой, что хуже всякаго беззаконнаго брака, и, мнѣ кажется, противно эдакую строптивую дерзость величать именемъ своднаго брака: кто ихъ вѣнчалъ бракомъ?» Святѣйшій синодъ, до свѣдѣнія котораго было доведено ходатайство тобольскаго преосвященнаго, оставилъ его безъ послѣдствій, съ присовокупленіемъ, что преосвященному не слѣдовало простирать требованія, не опредѣленнаго закономъ. *Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода.* Спб. 1860, т. II, стр. 498—500.

кольники въ значительномъ количествѣ переходили въ молоканство, а отсюда въ *унитары* (іудействующіе или субботники [1]). Въ то же время въ разныхъ мѣстностяхъ Нижняго Поволжья, а также въ Вятской, Пермской и Оренбургской губерніяхъ, стали появлятьс *тайные православные*. Это были тѣ, которые, безпристрастно разсуждая о розни между старообрядствомъ и господствующею церковью и видя въ своихъ общинахъ нескончаемые безпорядки и отступленія отъ существеннѣйшихъ правилъ и уставовъ древляго благочестія, приходили къ заключенію, что церковь, управляемая мірскими людьми (старшинами и попечителями). съ ея бѣглыми попами и монахами, но безъ духовнаго святительскаго суда и безъ самихъ святителей, ни въ какомъ случаѣ не можетъ почитаться спасительною, какъ отступившая отъ самыхъ главныхъ правилъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ. Они видѣли источникъ спасенія въ церкви православной, но по житейскимъ расчетамъ, по зависимости въ торговыхъ и другихъ дѣлахъ отъ закоренѣлыхъ старообрядцевъ, не рѣшались открыто, гласно присоединиться къ господствующему исповѣданію. И стали они, для примиренія съ совѣстью, тайно прибѣгать къ православнымъ или единовѣрческимъ священникамъ для исправленія духовныхъ требъ, прося ихъ хранить въ тайнѣ принадлежность ихъ къ церкви. Церковь дѣлала имъ такое снисхожденіе, памятуя апостола Павла, который съ немощными былъ аки немощенъ. Въ числѣ тайныхъ православныхъ бывали даже настоятели и настоятельницы старообрядческихъ монастырей. Таковъ былъ, напримѣръ, Павелъ, послѣдній настоятель Іониной обители Комаровскаго скита, что въ Черной

---

[1]) (*Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ*. 1856 года, № 29).

Рамени [1]). То же есть и теперь, но понятно, что называть ихъ по именамъ, оглашать ихъ тайну, пока они живы, не должно.

Таковы были послѣдствія «оскудѣнія священства» и поступковъ бо́льшей части бѣглыхъ поповъ. Эти послѣдствія весьма заботили главныя общины перемазанцевъ, а особенно Иргизъ, Рогожское и Покровскій монастырь въ Стародубьѣ. Общины эти пытались возстановленіемъ забытаго правила Аввакума протопопа о заочной исповѣди отвратить до нѣкоторой степени соблазнъ, происходившій вслѣдствіе появленія поповъ-самозванцевъ, и дерзости нѣкоторыхъ монаховъ, исправлявшихъ требы безъ разрѣшенія и благословенія поповъ дѣйствительныхъ. Постановили: «ради тѣсноты обстоянія и великаго оскудѣнія древле-благочестиваго священства, заочно, на хартіи, исповѣдовать въ дальнихъ мѣстахъ обрѣтающихся христіанъ, соблюдающихъ истинную вѣру и древнія святоотеческія преданія». И на основаніи такого постановленія стали исповѣдовать *по почтѣ* или *съ оказіей*. Для совершенія такой исповѣди, находящійся вдали отъ попа старообрядецъ писалъ исповѣданіе грѣховъ своихъ на особомъ листкѣ и посылалъ его къ духовнику. Попъ, прочитавъ по «Требнику» послѣдованіе исповѣди и письменное покаяніе заочнаго духовнаго сына, разрѣшалъ его и, написавъ на присланномъ отъ него листкѣ: «*чадо, прощаетъ тя Христосъ невидимо и азъ, грѣшный іерей NN*», отсылалъ его тѣмъ же путемъ, какимъ и получилъ [2]).

---

[1]) Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. О немъ было говорено въ началѣ настоящаго сочиненія.

[2]) Въ архивныхъ дѣлахъ не мало находится такихъ исповѣдныхъ листовъ. Въ архивѣ нижегородскаго губернскаго правленія есть производившееся въ 1848 году *Дѣло по жалобѣ крестьянина Арефья Иванова о притѣсненіяхъ, сдѣланныхъ ему семеновскимъ исправникомъ въ угоду Керженскому скиту*. Въ немъ находится такой разрѣшительный листъ,

Такое возстановленіе правила Аввакума Петровича не принесло, однако, существенной пользы, какъ ожидали того иргизскіе, рогожскіе и стародубскіе ревнители. Во-первыхъ, такая исповѣдь доступна была только грамотнымъ; во вторыхъ, не всякій же старообрядецъ могъ послать свои грѣхи по почтѣ къ незнакомому попу.

Болѣе и болѣе чувствовалась настоятельная потребность выйти изъ того неустройства, въ какомъ находилось старообрядство. Подавались просьбы за просьбами то отъ одной, то отъ другой старообрядческой общины о дарованіи имъ права брать отъ православной церкви хорошихъ священниковъ, которые бы, находясь при часовняхъ и моленныхъ, были въ полной независимости отъ епархіальнаго начальства. При этомъ просители обязывались поповъ, которые по поступкамъ своимъ окажутся неблагонадежными, немедленно возвращать въ вѣдѣніе мѣстнаго архіерея для святительскаго суда надъ обвиненными. Въ этихъ просьбахъ всѣхъ настойчивѣе было общество московское [1]).

Всѣ просьбы старообрядцевъ оставляемы были безъ всякихъ послѣдствій.

Вотъ доводы, на основаніи которыхъ отказываемо было старообрядцамъ въ ихъ просьбахъ: «1) Раскольники при новомъ своемъ предложеніи не пріемлютъ

подписанный рогожскимъ попомъ Иваномъ Матвѣевичемъ Ястребовымъ и самое показаніе этого попа, какимъ образомъ производится у старообрядцевъ заочная исповѣдь. На основаніи этого показанія и разсказанъ мною обрядъ заочной исповѣди. Попъ Ястребовъ прибавилъ, будто, по разрѣшеніи грѣховъ, списокъ ихъ непремѣнно сожигается отъ лампады, горящей предъ образомъ. Но это несправедливо. Иначе какъ бы могли попасть въ архивныя дѣла собственноручныя его разрѣшенія на письменныхъ показаніяхъ?

1) Такія просьбы подаваемы были даже и по водвореніи старообрядческихъ архіереевъ въ Россіи. Послѣдняя просьба Рогожскихъ относится къ марту 1857 года

наименованія «единовѣрцевъ». Изъ сего ясно видно ихъ намѣреніе держаться попрежнему въ видѣ общества, отдѣльнаго отъ церкви, слѣдственно попрежнему враждовать противъ церкви и по возможности отторгать отъ нея православныхъ. Если въ семъ успѣвали они силою богатства и общественныхъ связей донынѣ, когда непризнаніе ихъ священниковъ правительствомъ болѣе или менѣе затрудняетъ ихъ и унижаетъ, то безъ сомнѣнія должно опасаться умноженія совращеній, когда ихъ священство получитъ видъ законности передъ гражданскою властью. 2) Шесть екатеринбургскихъ расколоводителей [1]) по какому-то случаю просятъ себѣ права выбирать священниковъ изъ всѣхъ россійскихъ епархій: право весьма обширное и безпримѣрное! Удивительна отважность, съ которою назначаютъ себѣ права шесть расколоводителей. 3) Когда раскольники выберутъ для себя священника и дьякона, то по ихъ требованію гражданскій начальникъ долженъ отнестись къ епархіальному архіерею о томъ только, чтобъ онъ доставилъ свѣдѣніе о ненахожденіи выбраннаго подъ судомъ и чтобъ исключилъ его изъ своего вѣдомства. Если такимъ образомъ раскольники будутъ брать у архіереевъ кого хотятъ, не заботясь о томъ, согласенъ-ли онъ уволить его, это опять будетъ право безпримѣрное и съ благоустройствомъ управленія не совмѣстное. Для разстройства дисциплины въ какомъ бы то ни было управленіи, трудно выдумать средство столь дѣйствительное, какъ то, чтобъ открыть дорогу подчиненнымъ уходить изъ подъ власти своего начальника, даже не просясь у него, и переходить туда, куда выгоднѣе, гдѣ больше воли, а меньше надзора и отчета.

---

[1]) Извѣстные уже намъ Якимъ Рязановъ, Владиміръ Казанцовъ, Иванъ Харитоновъ, Иванъ Полузадовъ, Титъ Зотовъ и Егоръ Китаевъ. Послѣ подписались еще 12 человѣкъ.

Сіе средство употребляютъ уже раскольники противъ дисциплины церковной, принимая бѣглыхъ поповъ, а теперь домогаются даже узаконить сіе средство. 4) Если предположить, что предлагаемыя раскольниками правила будутъ въ дѣйствіи и что раскольники, на основаніи оныхъ, возьмутъ у епископа священника, чрезъ извѣстное начальство въ извѣстное мѣсто, то, по правиламъ церковнымъ, епископъ не долженъ остаться бездѣйствительнымъ зрителемъ сего случая. По 15 правилу апостольскому и по 3 Антіохійскаго собора, удалившагося изъ-подъ власти своего епископа священника епископъ долженъ требовать обратно, а въ случаѣ невозвращенія, объявить лишеннымъ всякаго священническаго служенія и самаго сана. Если епископъ сего не исполнитъ, то поступитъ противно правиламъ церковнымъ, а если исполнитъ, то гражданское начальство будетъ въ противорѣчіи съ духовнымъ, признавая дѣйствительнымъ священникомъ и покровительствуя у раскольниковъ тому, котораго духовное начальство почитаетъ лишеннымъ сана. 5) Зависимость священниковъ у раскольниковъ отъ самихъ раскольниковъ и отъ свѣтскаго начальства и независимость отъ духовнаго—есть несообразность, за которою по необходимости должны слѣдовать другія несообразности. Кто, напримѣръ, будетъ смотрѣть, чтобы священники сіи не вѣнчали браковъ въ малолѣтствѣ, въ родствѣ, отъ живыхъ женъ или мужей, чтобы не хоронили убитыхъ безъ доведенія до свѣдѣнія полиціи? Свѣтскій начальникъ (начальникъ губерніи, горный начальникъ) лично сего сдѣлать не можетъ: итакъ, опредѣлитъ-ли свѣтскій начальникъ благочинныхъ надъ раскольническими священниками? Или учредитъ раскольническія духовныя правленія? Такъ или иначе, но дѣло пойдетъ къ тому, что у раскольниковъ образоваться будетъ свое, особаго рода, смѣшанное съ свѣтскимъ, духовное управ-

леніе, и раскольники, которые теперь суть только толпа, мало-по-малу организоваться будутъ въ отдѣльное, съ особыми формами, общество, чего они и домогаются и что не только навсегда отдѣлитъ ихъ отъ церкви, но будетъ неблагопріятно и другого рода единству, потому что они стремятся къ формамъ демократическимъ [1]). 6) Требованіе раскольниками права отсылать отъ себя священника или дьякона, если онъ по какимъ-нибудь дѣйствіямъ окажется имъ ненужнымъ, есть не что иное, какъ требованіе полномочія на самоуправство. Священникъ, подчиненный духовному начальству, за неправильныя дѣйствія судится, и если недоволенъ мѣстнымъ судомъ, можетъ перенести дѣло къ высшему начальству; раскольники же хотятъ имѣть право отрѣ-

---

[1]) Несправедливая мысль о стремленіи раскольниковъ (признающихъ никейскій символъ) къ демократизму происходила отъ одного лишь книжнаго изученія раскола и отъ недостатка личнаго знакомства съ старообрядцами. Эту мысль, составлявшую основную идею правительственныхъ дѣйствій прошедшаго царствованія, въ послѣднее время, когда правительственный взглядъ на расколъ уяснился и вслѣдствіе того послѣдовалъ рядъ узаконеній, облегчившихъ по мѣрѣ возможности стѣсненное положеніе раскольниковъ, раздѣляли нѣкоторые органы петербургской журналистики, также вслѣдствіе одного лишь книжнаго изученія и совершеннаго незнакомства съ старообрядцами и раскольниками. Лондонскіе *рефюжье*, также много начитанные, но мало знакомые съ дѣйствительностью русской народной жизни, разсчитывали даже на старообрядцевъ, какъ на сильный демократическо-революціонный элементъ. Были и въ Россіи люди того же убѣжденія; они слушать не хотѣли, когда ихъ увѣряли, что наши раскольники не имѣютъ политическаго будущаго и не только революціонерами, но и орудіемъ революціонной партіи никогда быть не могутъ. Надъ *этимъ* они смѣялись... Но вотъ началось польское возстаніе; лондонскіе «рефюжье» и поляки разсчитываютъ на содѣйствіе милліоновъ раскольниковъ, проникнутыхъ революціонно-демократическимъ духомъ, а они подаютъ всеподданнѣйшіе адресы, ловятъ мятежныхъ пановъ, вооружаются на защиту законной власти, составляютъ свои сотни, дерутся съ польскими мятежниками въ Имперіи и въ Царствѣ, съ презрѣніемъ отвертываются отъ *Общаго Вѣча*, а въ Тамбовской губерніи хватаютъ распространителей подложныхъ манифестовъ. Каковы революціонеры! Каковы демократы!

шить священника безъ суда, или сами судить его, и притомъ безъ апелляціи. Первое преступленіе, за которое симъ образомъ постраждетъ священникъ, безъ сомнѣніи будетъ то, когда онъ покажетъ расположеніе къ сближенію съ православіемъ или откажется отъ такъ называемой у раскольниковъ *исправы*, т. е. отъ обряда принятія въ общество раскольниковъ, соединеннаго съ проклятіями на православную церковь. 7) Исправа сія должна быть принята здѣсь въ соображеніе. Если переходящій къ раскольникамъ священникъ откажется отъ нея, то не будетъ принятъ ими, а если допуститъ сдѣлать оную надъ собою, то сдѣлается отступникомъ отъ церкви. Благочестивое правительство, безъ сомнѣнія, не расположено узаконить распоряженіе, которое прямо вело бы священника къ отступничеству отъ церкви. Можетъ быть думаютъ, что раскольники, вѣроятно, согласятся не дѣлать исправы. Но еслибъ они расположены были согласиться не дѣлать исправы или, что то же, не осуждать православную церковь подъ именемъ еретиковъ-никоніанъ, то не было бы имъ причины, не принять наименованія единовѣрцевъ, а они сего не хотятъ. Доколѣ не соглашаются они называться единовѣрцами, дотолѣ даже обѣщаніе не дѣлать исправы, еслибъ они сдѣлали оное на словахъ, будетъ значить только намѣреніе сдѣлать оную тайно, за чѣмъ усмотрѣть начальству не можно. Слѣдственно, просимое раскольниками распоряженіе прямо вело бы священниковъ къ искушенію поступить противъ священнической совѣсти. Можетъ-ли на такомъ началѣ основаться какое-либо благо или польза? 8) Если дозволено будетъ раскольникамъ взятаго ими священника, почему-либо имъ неугоднаго, отсылать отъ себя, то что должно будетъ дѣлать съ нимъ послѣ сего? Лишить его сана безъ духовнаго суда было бы противно общему законному порядку. Производить о немъ

изслѣдованіе и судъ духовному начальству было бы неудобно, потому что поступки, подлежащіе суду, сдѣланы имъ у раскольниковъ, а раскольники не хотятъ допускать до себя никакого слова и дѣйствія духовнаго начальства. Что же дѣлать? Если просто возвратить его въ православную епархію, — сіе было бы для епархіи и затруднительно, и вредно, и неблаговидно; ибо сіе значило бы дать волю раскольникамъ брать изъ епархіи, чтó имъ нравится, а негодное для нихъ бросать обратно въ епархію, какъ въ мѣсто беззащитное и неуважаемое. 9) Если предлагаемыя нынѣ раскольниками правила о священникахъ сравнить съ извѣстными правилами 1822 года, то окажется, что они требуютъ не только того же, но и гораздо бóльшаго; ибо прежде отступающихъ отъ церкви въ расколъ брали они украдкою, а правительство какъ-бы не примѣчало сего, а теперь они хотятъ тѣхъ же священниковъ брать открыто и формально и сему беззаконію священниковъ дать видъ законности. Прежде, по видамъ нужды, терпимы были у нихъ только священники, теперь они просятъ и дьяконовъ. 10) Прискорбно видѣть, какъ дерзновенно разсчитываютъ раскольники на непроницательность начальства. Они знаютъ, что цѣль правительства есть сближать ихъ съ православною іерархіей. Они сего не хотятъ, но надобно же сдѣлать видъ, будто они не совсѣмъ противъ сего. Для сего вставили они въ свои правила неискреннюю статью, что свѣтскій начальникъ можетъ дать духовному начальству свѣдѣніе о раскольническихъ метрикахъ и о священникахъ, къ нимъ поступающихъ и отъ нихъ выбывающихъ, и думаютъ, что обманутъ симъ призракомъ сближенія, тогда какъ они не уступаютъ духовному начальству ни суда, ни надзора надъ ихъ священниками, ни даже права призвать и спросить ихъ

священника о чемъ можетъ быть нужно по дѣламъ»[1]).

Такимъ образомъ, старообрядцы поповщинскаго согласія потеряли всякую надежду имѣть когда-либо дозволенныхъ, но независимыхъ отъ православныхъ архіереевъ священниковъ. Ни возстановленія указа 1803 г. о томъ, чтобы на бѣглыхъ поповъ смотрѣть какъ-бы сквозь пальцы, ни возобновленія правилъ 26-го марта 1822 года, правительство не допускало и не могло допустить. Были толки о возвышеніи единовѣрія, о постановленіи единовѣрческаго обряда совершенно наравнѣ съ употребляемымъ нынѣ въ русскихъ православныхъ церквахъ, что это возможно лишь при дарованіи единовѣрцамъ особыхъ архіереевъ и при свободномъ переходѣ какъ отъ единовѣрія въ православіе, такъ и наоборотъ, но эти толки не имѣли никакого практическаго примѣненія.

При этомъ нельзя пройти молчаніемъ того, что съ 1827 года расколъ не только не ослабѣлъ, но значительно усилился, и число раскольниковъ чрезвычайно умножилось. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ 1827 году ихъ считалось 825.391, а въ 1837 году 1.003.816. [2]) Правда, эта цифра къ 1850 году казалась значительно уменьшившеюся (749.981) [3]); но когда вслѣдъ за тѣмъ, для приведенія въ возможно-точную извѣстность статистическихъ данныхъ о расколѣ, произведены были (1852—1854) особыя спеціальныя изслѣдованія, то по семи губерніямъ [4]) приведено въ извѣстность 1.059.742

---

[1]) *Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ*, 1838 года, № 1. *Собраніе постановленій по части раскола.* Спб. 1858, стр 280—285.

[2]) Н. В. Варадинова *Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ*. Томъ VIII, стр. 179 и 375.

[3]) Тамъ же, стр. 576.

[4]) Ярославской 278,417, Московской 186,000, Нижегородской 172,000, Оренбургской 145,000, Саратовской 125,000, Самарской 85,194

раскольника. Во всей же Россіи оказалось ихъ приблизительно свыше 10 милліоновъ [1]).

Положеніе старообрядцевъ, дѣлавшихся невольно безпоповцами, было весьма затруднительно, можно сказать безвыходно. Затолковали прежде всего на Иргизѣ, въ кельяхъ Верхнепреображенскаго игумена Силуяна, о необходимости архіерейства. Этотъ Силуянъ съ казначеемъ своимъ Аѳанасіемъ, съ симбирскимъ купцомъ Платономъ Васильевичемъ Вандышевымъ и горбатовскимъ уроженцемъ Аѳанасіемъ Кузьмичемъ Кочуевымъ [2]), первые придумали то, о чемъ уже давно перестали думать старообрядцы. Имъ принадлежитъ иниціатива бѣлокриницкой іерархіи. На Рогожскомъ, въ Петербургской поповщинской общинѣ, въ Стародубьѣ, въ слободахъ Вѣтковскихъ, въ общинахъ и монастыряхъ юго-западнаго края, иргизская мысль принята была съ полнымъ сочувствіемъ.

и Новгородской 68,131. См. *Статистическія таблицы Россійской имперіи, изданныя по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ.* Спб. 1863 года, стр. 235.

[1]) А. Б. фонъ-Бушенъ въ *Статистическихъ таблицахъ,* о которыхъ сейчасъ было говорено, полагаетъ, что всѣхъ старообрядцевъ, раскольниковъ и еретиковъ въ Россіи до 8 милліоновъ, а вѣрнѣе одна шестая всего православнаго населенія, что составитъ 8,579933. Онъ предполагаетъ: хлыстовъ и скопцовъ 110,000 (?), молоканъ и духоборцевъ 110,000 (?), поповщины 5,000,000, поморцевъ 2.000.000, ѳедосѣевцевъ, филипповцевъ, бѣглецовъ и т. п. 1.000,000. Итого 8.220,000. Но въ исчисленіи этомъ опущена цѣлая отрасль сектъ, составляющихъ середину между поповщиной и безпоповщиной. Это—*Спасово согласіе,* которое особенно распространено въ Нижегородской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской, Самарской, Оренбургской, Симбирской и Казанской губерніяхъ. Съ поморцами они мало имѣютъ общаго, и потому, конечно, г. фонъ-Бушенъ не считалъ ихъ во 2-мъ отдѣлѣ раскола по его дѣленію. Бо́льшая часть ихъ въ православныхъ церквахъ крестятъ дѣтей и вѣнчаютъ браки. Такихъ болѣе двухъ милліоновъ, что вмѣстѣ съ цифрою г. фонъ-Бушена и составитъ слишкомъ 10 милліоновъ.

[2]) Силуянъ, Вандышевъ и Кочуевъ умерли, первые двое на свободѣ, послѣдній въ Суздальскомъ монастырѣ. Аѳанасій—теперь старообрядческій епископъ саратовскій.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Рогожское кладбище

Учрежденіе заграничной старообрядческой іерархіи было по преимуществу московскимъ дѣломъ. Такъ называемое Рогожское старообрядческое общество, то есть московская поповщина, и начала и довершила это дѣло. Поэтому прежде разсказа о томъ, какъ зачиналась бѣлокриницкая митрополія, необходимо представить краткій очеркъ этого общества и Рогожскаго кладбища, составляющаго его средоточіе.

Рогожское кладбище имѣетъ свою исторію, богатую любопытными подробностями. Для составленія этой исторіи въ петербургскихъ и московскихъ архивахъ матеріаловъ достаточно. Они давно ожидаютъ изслѣдователя, который когда-нибудь въ подробной исторіи рогожцевъ выведетъ на свѣтъ Божій множество такихъ фактовъ, которые изумятъ незнакомыхъ съ ними доселѣ читателей. Поставивъ главною задачей настоящихъ очерковъ изложеніе дѣйствій старообрядцевъ по исканію архіерейства и по учрежденію своей особой іерархіи, мы не можемъ вдаваться въ эти подробности и ограничиваемся краткимъ очеркомъ Рогожскаго кладбища, основываясь на архивныхъ докумен-

тахъ и другихъ достовѣрныхъ источникахъ. Въ этой главѣ, вслѣдъ за очеркомъ Рогожскаго общества, скажемъ о часовняхъ, богодѣльняхъ, женскихъ обителяхъ и другихъ учрежденіяхъ, существовавшихъ и отчасти до сихъ поръ существующихъ въ оградѣ Рогожскаго кладбища, скажемъ о замѣчательнѣйшихъ лицахъ рогожскаго духовенства за послѣднее время и, наконецъ, о моленныхъ въ Москвѣ и Московской губерніи, находившихся въ зависимости отъ Рогожскаго кладбища.

Московское старообрядческое общество многочисленно. Въ 1845 году всѣхъ вообще раскольниковъ въ Москвѣ и Московской губерніи офиціально показывалось 73,484 обоего пола, но по частнымъ изслѣдованіямъ, произведеннымъ вскорѣ послѣ того министерствомъ внутреннихъ дѣлъ съ спеціальною цѣлію опредѣлить дѣйствительную силу раскола, ихъ оказалось 186,000 [1]). Изъ этого около двухъ третей, то есть 120 т., поповщины. Одна половина послѣдней цифры относится къ городу Москвѣ, другая—къ губерніи. Для показанія—какъ увеличивалась эта цифра, укажемъ на слѣдующій фактъ. Въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ Москвѣ раскольниковъ поповщинскаго согласія считалось 20,000 [2]). По удостовѣренію покойнаго протоіерея Арсеньева, жившаго двадцать семь лѣтъ на Рогожскомъ кладбищѣ и бывшаго потомъ благочиннымъ всѣхъ единовѣрческихъ церквей въ Черниговской епархіи, въ Москвѣ въ 1822 году прихожанъ Рогожскаго кладбища было не болѣе 35,000, но въ слѣдовавшіе затѣмъ три года расколъ до того усилился въ древней

---

[1]) *Статистическія таблицы Россійской Имперіи*, изданныя центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ. Спб. 1863 г., стр. 235.

[2]) *Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ*, 1854 г., № 79.

столицѣ, что въ 1825 году Рогожское кладбище насчитывало въ ней уже до 68,000 своихъ прихожанъ [1]). Быстрое распространеніе раскола подъ самыми стѣнами Кремля, оказавшееся въ послѣдніе годы царствованія Александра I, вызвало главнѣйшимъ образомъ тѣ строгія правительственныя мѣры противъ раскола въ Москвѣ и во всей Россіи, которыя продолжались черезъ всѣ тридцать лѣтъ слѣдующаго царствованія. Отвѣтомъ поповщины на эти мѣры была созданная Москвой Бѣлая Криница.

О многочисленности и силѣ московской поповщины можно заключить также изъ числа моленныхъ, до сего времени существующихъ въ старой столицѣ и въ ея губерніи. Теперь ихъ въ Москвѣ 15, а въ уѣздахъ 35 [2]). Но это лишь тѣ, которыя считаются дозволенными и значатся въ полицейскихъ спискахъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ ихъ было вдвое больше. И въ настоящее время число молитвенныхъ домовъ поповщинскаго толка въ Московской губерніи составляетъ около десятой доли моленныхъ этого согласія во всей Россіи, хотя число поповцевъ Московской губерніи и составляетъ лишь одну сороковую долю всѣхъ послѣдователей этого толка, живущихъ въ русскихъ предѣлахъ.

Не менѣе значительна московская поповщина и по

---

[1]) *Записка о Рогожскомъ кладбищѣ* протоіерея Арсеньева, находящаяся въ *слѣдственномъ дѣлѣ о дѣйствіяхъ Аввонія Кучусва и другихъ раскольниковъ*, произведенномъ по Высочайшему повелѣнію особою комиссіей въ 1854 и 1855 годахъ. Оно хранится въ архивѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ при дѣлѣ 7-го мая 1854 г. № 8—519. Это дѣло чрезвычайно замѣчательно по множеству подлинныхъ документовъ, собственноручныхъ писемъ и т. п., раскрывающихъ разныя тайности московскаго поповщинскаго раскола, особенно въ средѣ богачей. Мы пользуемся и еще воспользуемся этимъ дѣломъ.

[2]) *Списки населенныхъ мѣстностей Россійской Имперіи*, изд. Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ, часть XXIV. Спб. 1862 г.

богатству своихъ членовъ [1]). Издавна къ ней принадлежали многіе богатые купцы. Древняя слава первопрестольной русской столицы, въ стѣнахъ которой подвизались уважаемые старообрядцами святители, отъ Петра митрополита до патріарха Іосифа, слава царствующаго града, въ которомъ больше чѣмъ гдѣ-нибудь сохранилось завѣтныхъ памятниковъ русской старины, постоянно тянула къ Москвѣ старообрядцевъ. Ни застѣнки Преображенскаго приказа, ни существовавшая до 1763 года въ Москвѣ «Раскольническая канцелярія», ни окупъ на заставахъ бороды деньгами, ни указное платье съ желтымъ козыремъ—не въ состояніи были удержать старообрядческаго люда отъ стремленія къ «московскому житію». Какъ русскихъ людей, неизмѣнно вѣрныхъ историческимъ преданіямъ родины, ихъ влекло въ Бѣлокаменную, а особенно тѣхъ, которые занимались торговлей и промышленностью. Уступивъ первенство Петровой столицѣ, старая Москва удержала за собой значеніе средоточія торговопромышленной дѣятельности русскаго народа. Торговые старообрядцы стремились къ этому средоточію, и здѣсь, по переносѣ центральной администраціи на берега Невы, житье имъ стало свободнѣе и льготнѣе, чѣмъ было въ XVII столѣтіи. Въ покинутой центральною администраціей столицѣ не было ни Іоакимовъ и Павловъ сарскихъ, ни дьяковъ въ родѣ Ларіона Иванова; зоркое око генерала Ушакова не могло ясно видѣть всего, что дѣлалось за восемьсотъ верстъ на Таганкѣ и у Тверскихъ воротъ, а благодушные Салтыковы, получая грозныя бумаги изъ Петербурга, по

---

[1]) Изъ находящагося у насъ подъ руками именного списка главнѣйшихъ прихожанъ Рогожскаго кладбища за 1838 годъ видно, что изъ нихъ московскихъ 1 и 2 гильдія купеческихъ семействъ было 138 и, кромѣ того, потомственные почетные граждане, коммерціи и мануфактуръ-совѣтники и т. п.

возможности смягчали тѣ изъ нихъ, которыя относились до московскаго старообрядчества.

Въ прошломъ вѣкѣ, въ средѣ московскаго торгово-промышленнаго сословія постоянно бывали старообрядцы, владѣвшіе значительными капиталами, фабриками, заводами и т. п. Но тогда ихъ было несравненно меньше, чѣмъ теперь. Старообрядцы прошлаго и первой половины нынѣшняго столѣтія были люди стараго закала; патріархальные домовладыки, они жили подобно своимъ допетровскимъ предкамъ и согласно образцу, преподанному нѣкогда попомъ Сильвестромъ въ знаменитомъ его *Домострoѣ*. Старообрядцы были бережливы, разсчетливы, осторожны въ торговыхъ предпріятіяхъ и не только не подчинялись, но даже враждебно относились къ модной роскоши. Потомки бояръ, окольничихъ и иныхъ думныхъ и служилыхъ людей старой Москвы проживали дѣдовскія наслѣдства и, легкомысленно относясь къ родовымъ памятникамъ семейной жизни предковъ, кидали ихъ за безцѣнокъ, чтобы на вырученныя деньги завести щегольскіе цуги, золотошвейные кафтаны и робы, французскіе парики, алансонскія кружева, рѣдкостныя табакерки и т. п. Раскольники съ охотой покупали у нихъ старинную домашнюю утварь, прадѣдовскія рукописи, которыя для русскихъ петиметровъ не имѣли никакой цѣны, ибо не при нихъ были писаны. Особенно старались старообрядцы скупать древнія родовыя иконы, когда то стоявшія въ «крестовыхъ» горницахъ у наперсниковъ первыхъ четырехъ царей Романовыхъ, а теперь, какъ старый хламъ, убранныя въ кладовыя московскихъ и петербургскихъ петиметровъ, легкомысленно презиравшихъ родную старину. Эту древнюю боярскую святыню старообрядцы сохранили какъ зѣницу ока, какъ безцѣнное наслѣдіе той эпохи, предъ которою они безусловно благоговѣли. Сохраненіемъ древ-

нихъ рукописей и памятниковъ старорусскаго искусства расколъ, а въ особенности московскіе раскольники оказали неоцѣнимую заслугу русской исторіи и археологіи. Безъ нихъ все бы безслѣдно погибло. За имѣніями движимыми стали переходить въ руки богатѣвшихъ съ каждымъ днемъ старообрядцевъ и недвижимыя имѣнія боярскихъ внуковъ и правнуковъ. Боярскія палаты обращались въ жилища купцовъ-раскольниковъ или превращались въ ихъ промышленныя и торговыя заведенія. Такъ шло донынѣ, когда, наконецъ, и самыя подмосковныя села старорусскихъ бояръ и вельможъ XVIII столѣтія, въ родѣ Кунцова, стали переходить въ руки старообрядцевъ. Разсчетливые, бережливые и осторожные въ дѣлахъ своихъ, старообрядцы постепенно накапливали милліоны, и что гораздо важнѣе, умѣли сохранять ихъ нерастраченными въ своихъ родахъ. Они не банкрутились вслѣдствіе рискованныхъ торговыхъ предпріятій; они не пускали сыновей своихъ въ государственную службу, и оттого дѣти и внуки ихъ не превращались изъ купцовъ, ворочавшихъ милліонами, въ промотавшихся дворянъ со вчерашнимъ гербомъ и съ дворянскимъ дипломомъ, пріобрѣтеннымъ посредствомъ прапорщичьяго чина. Милліонными придаными не покупали они дочерямъ своимъ титулы сіятельства и превосходительства. Постоянно съ чувствомъ презрѣнія относясь къ откупамъ, московскіе старообрядцы никогда въ нихъ не участвовали. Ведя такимъ образомъ свои дѣла, они не расточали, а постоянно собирали богатства, и, ко времени французскаго разгрома, въ Москвѣ было уже немало старообрядцевъ, владѣвшихъ милліонами. Оставаясь въ своемъ замкнутомъ кругу, они помогали во всемъ другъ другу, дѣла торгово-промышленныя вели сообща и всячески поддерживали членовъ своей корпораціи, для которой сектаторство было и знаменемъ, и

личиной. Въ свой кругъ, недоступный для посторонняго богача, настежь отворяли они двери всякому бѣдняку, лишь бы онъ оставался неуклонно вѣрнымъ Рогожскому или Преображенскому знамени. Старообрядцы въ концѣ прошлаго, а особенно въ первые тридцать лѣтъ нынѣшняго столѣтія, завели множество фабрикъ въ самой Москвѣ и въ ея губерніи, особенно въ первомъ станѣ Богородскаго уѣзда, обыкновенно называемомъ Гуслицами. Одни крестьяне окрестныхъ деревень дѣлались рабочими на фабрикахъ, приказчиками, конторщиками и т. п., другіе стали работать въ своихъ домахъ по заказамъ фабрикантовъ. Караси и ткацкіе станки появились чуть не въ каждомъ домѣ, и прежніе бѣдняки-хлѣбопашцы и лѣсники вскорѣ обратились въ зажиточныхъ промышленниковъ. Богачи ихъ поддерживали, давая средства наживаться, богатѣть и самимъ дѣлаться фабрикантами и милліонерами. Такимъ образомъ росли и умножались богатства рогожцевъ, и въ то же время быстрымъ ходомъ шла впередъ около-московная промышленность. Но фабриканты-старообрядцы лишь тѣмъ изъ крестьянъ давали заработки, лишь тѣмъ помогали и доставляли возможность самимъ дѣлаться богачами, которые стояли съ ними подъ однимъ знаменемъ. Отсюда быстрое распространеніе раскола. Въ тѣ годы, въ которые фабричная около-московная промышленность дѣлала особенно большіе успѣхи, сильно распространялся и расколъ. Такимъ образомъ особенно быстро пошла фабричная промышленность послѣ тарифа въ началѣ двадцатыхъ годовъ. Въ 1823, 1824 и 1825 годахъ открылось множество фабрикъ въ Москвѣ и около Москвы, особенно хлопчатобумажныхъ издѣлій. Въ эти ж самые годы было и самое сильное развитіе московскаго раскола. Пропаганда его происходила не въ часовняхъ и кельяхъ Рогожскаго и Преображенскаго

кладбищъ, а на фабрикахъ, заводахъ, въ лавкахъ и магазинахъ. Проповѣдь держали не за аналоемъ рогожскаго попа или преображенскаго наставника, но за карасемъ, за машиной. Проповѣдь раскола дѣйствовала не на сердце, не на умъ адептовъ, а на ихъ карманъ. Не упованіе на блаженство въ загробной жизни, а вѣрный расчетъ на житейскія блага міра сего давали Рогожскому кладбищу новыхъ прихожанъ. Въ этой сильной проповѣди ни единаго слова не произносилось о предметахъ религіозныхъ; рѣчь шла о жалованьѣ, о заработной платѣ, о ссудахъ, о прощеніи долговъ, о выкупѣ изъ крѣпостной зависимости, о покупкѣ рекрутскихъ квитанцій. Такая проповѣдь была ничѣмъ не отразима. Напрасно церковные пастыри, исполняя долгъ свой, говорили колебавшимся о высшей наградѣ тѣмъ, которые останутся вѣрными истинному православному ученію: земныя награды брали верхъ надъ чаяніемъ наградъ будущей жизни. Изъ одного слѣдственнаго дѣла по Московской губерніи, производившагося въ началѣ нынѣшняго столѣтія, видно, что одинъ небогатый крестьянинъ, до сѣдыхъ волосъ бывшій самымъ усерднымъ и благочестивымъ прихожаниномъ православной церкви, совратился въ расколъ при поступленіи въ услуженіе къ одному сильному богатствомъ и вліяніемъ московскому раскольнику. Священникъ, съ которымъ этотъ крестьянинъ въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, увѣщевалъ его остаться вѣрнымъ церкви, обѣщая воздаяніе въ небесной жизни будущаго вѣка.

— Батюшка,—отвѣчалъ ему крестьянинъ,—не сули журавля въ небѣ, дай синицу въ руки.

Его осудили за совращеніе въ расколъ и богохульство, но осужденный съ семьей остались раскольниками, и сыновья осужденнаго изъ крестьянъ сдѣлались богатыми московскими купцами.

Развитіе около-московной фабричной промышленности приносило громадную пользу Россіи въ экономическомъ отношеніи, но по стеченію обстоятельствъ принесло въ то же время большой ущербъ православной церкви. Сто лѣтъ тому назадъ въ Гуслицахъ хотя и были раскольники, но не составляли и десятой доли общаго населенія; теперь тамъ почти сплошь раскольники. Какой же исходъ изъ столь печальнаго положенія? Единственный — народное образованіе. Пропаганда за станками отвлекла отъ православной церкви многочисленныхъ ея членовъ; пропаганда за школьными столами рано или поздно возвратитъ потомство отступившихъ въ нѣдра истинной церкви. Расколъ старообрядчества, что бы ни говорили писатели, знающіе его по наслышкѣ, а больше по собственному измышленію, есть порожденіе невѣжества, и больше ничего. Предъ свѣтомъ просвѣщенія ему не устоять. Но школы надо устраивать толково и вести дѣло толково, иначе и школы не помогутъ.

Представивъ краткій очеркъ возникновенія и умноженія богатствъ московскихъ раскольниковъ путемъ бережливости, разсчетливости и взаимной помощи, путемъ весьма похвальнымъ, нельзя обойти молчаніемъ и другой стороны этого предмета. Поставивъ себѣ задачею безпристрастно излагать и свѣтлыя, и темныя стороны дѣйствій какъ раскольниковъ, такъ и боровшихся съ ними послѣдователей господствующей церкви, мы обязаны указать еще на одинъ источникъ нѣкоторыхъ громадныхъ рогожскихъ богатствъ, основываясь на источникахъ, не подлежащихъ никакому сомнѣнію.

Нѣсколько громадныхъ капиталовъ въ средѣ людей, стоящихъ теперь подъ рогожскимъ знаменемъ, возникло тотчасъ послѣ разгрома Москвы въ 1812

году. Нѣкоторые крестьяне села Вохны [1]) и Гуслицкой волости, бывшіе до 1812 году бѣдными крестьянами, черезъ четыре-пять лѣтъ ворочали милліонами, а впослѣдствіи сдѣлались первостатейными купцами и стали во главѣ Рогожскаго общества. Не упомянемъ именъ, хотя всѣ эти скороспѣлые богачи теперь уже и сошли въ могилу. Не важны въ нашемъ разсказѣ имена, а важенъ фактъ. А онъ вотъ въ чемъ состоялъ:

Наполеонъ I, какъ извѣстно, принесъ съ собой въ Москву фальшивыя русскія ассигнаціи, часть которыхъ и осталась у насъ въ обращеніи послѣ его бѣгства изъ Россіи. Гуслицы и Вохна изстари носятъ заслуженную ими репутацію по части дѣланія фальшивой монеты. Еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича вохонскимъ мужикамъ заливали горла оловомъ за дѣланіе «воровскихъ денегъ»; въ XVIII столѣтіи немало гусляковъ досталось въ руки палачей за такую же фабрикацію. Изъ опубликованныхъ въ послѣдніе годы свѣдѣній извѣстно, что правительствомъ и въ настоящее время найдены въ этой мѣстности люди, занимавшіеся дѣдовскимъ ремесломъ. Распущенное французами небольшое, впрочемъ, количество русскихъ фальшивыхъ ассигнацій подало поводъ нѣкоторымъ гуслякамъ и вохонцамъ съ успѣхомъ заняться наслѣдственною работой. Благо было на кого свалить. Ассигнаціи же наши до 1818 года по формѣ своей были таковы, что поддѣлка ихъ не представляла какихъ-либо особенныхъ трудностей. Вотъ источникъ богатства нѣкоторыхъ рогожскихъ богачей. Кромѣ того, быстро разбогатѣли и сдѣлались владѣльцами милліоновъ нѣкоторые старообрядцы, бывшіе до 1812 года

---

[1]) Нынѣ Павловскій посадъ, въ Богородскомъ уѣздѣ, на линіи Нижегородской желѣзной дороги.

бѣдными московскими мѣщанами. По изгнаніи непріятеля изъ Москвы, когда не было ни таможенъ, ни тарифа, контрабандисты ввозили въ Россію столько запрещеннаго товара, сколько могли; ввозили его свободно, безъ малѣйшаго-опасеніи. Нѣкоторые московскіе мѣщане старообрядцы, познакомившись съ контрабандистами, получали отъ нихъ въ 1813 году товары и развозили ихъ по домамъ собиравшихся въ Москву на свои пепелища помѣщиковъ и купцовъ. Быстрая распродажа прекрасно отдѣланныхъ и сравнительно дешевыхъ товаровъ пріобрѣла этимъ мѣщанамъ довѣріе заграничныхъ контрабандистовъ до такой степени, что одному изъ нихъ они ввѣрили цѣлый обозъ товаровъ. Благочестивый прихожанинъ Рогожскаго кладбища разсудилъ, что совершенно излишне давать богоубійцамъ-жидамъ и всякой нѣмецкой нехристи средства наживать деньги, и воспользовался всѣмъ бусурманскимъ обозомъ. Хозяева стали у него требовать расчета, но ловкій мѣщанинъ отвѣчалъ: «Буде имѣете законныя доказательства на принадлежность вамъ товара, ищите законнымъ порядкомъ». Иска, разумѣется, не было, и старообрядецъ пріобрѣлъ разомъ около милліона. Вскорѣ онъ, до 1812 года отъ бѣдности бившійся какъ рыба объ ледъ, имѣлъ десять милліоновъ ассигнаціями, поссессіонную суконную фабрику, большой домъ въ Москвѣ, въ которомъ, какъ говорится, была «полная чаша».

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, другое обстоятельство послужило источникомъ богатства для нѣкоторыхъ членовъ Рогожскаго общества. Разумѣемъ голодные годы. Закупивъ во время муку по 80 к. асс., они въ дорогую пору продали ее по 3 р. 80 к. и нажили громадныя деньги. Конечно, своимъ единовѣрцамъ продавали они по цѣнѣ уменьшенной и тѣмъ пріобрѣли въ ихъ средѣ большое значеніе. Часть закупленнаго хлѣба,

но часть весьма небольшую, пустили они и на вольную продажу по уменьшеннымъ цѣнамъ, за что́ и удостоились почетныхъ отличій.

Нѣсколько страннымъ, быть можетъ, покажется читателю, что, говоря о сильныхъ и вліятельныхъ по богатству своему милліонерахъ Рогожскаго общества, мы вдругъ перейдемъ къ содержателямъ постоялыхъ дворовъ и ямщикамъ. Но эти люди въ свое время играли весьма важную роль въ учрежденіи бѣлокриницкой іерархіи, и обойти ихъ молчаніемъ нельзя. На ямщикахъ и содержателяхъ постоялыхъ дворовъ были основаны важнѣйшія спекуляціи обоего рода пріобрѣтателей богатствъ послѣ 1812 года. У однихъ они были переводчиками фальшивыхъ ассигнацій, для другихъ привозили и скрывали контрабанду. И то и другое послужило основаніемъ богатства рогожскихъ ямщиковъ и содержателей постоялыхъ дворовъ—не нынѣшнихъ постоялыхъ дворовъ безъ постоя, но съ распивочною водкой, а настоящихъ, находившихся въ Рогожской, а также въ Тверской и Прѣсненской частяхъ города Москвы. Ямщики и содержатели постоялыхъ дворовъ въ сектаторскомъ отношеніи потому еще имѣли значеніе, что посредствомъ ихъ развозились по мѣстамъ и у нихъ укрывались бѣглые попы и другія лица, состоявшія подъ преслѣдованіемъ правительства, посредствомъ ихъ производились сношенія московскаго старообрядческаго общества съ иногородными, разсылка рогожскихъ агентовъ, бо́льшею частью монаховъ, по разнымъ мѣстамъ Россіи для сохраненія непрерывныхъ связей и сношеній между главными пунктами старообрядчества, для наблюденія за духомъ народа и для передачи, обсужденія и истолкованія въ рогожскомъ смыслѣ каждаго новаго правительственнаго распоряженія. Въ подтвержденіе важности въ Рогожскомъ обществѣ ямщиковъ и содержателей постоялыхъ

дворовъ, можно привести сверхъ сказаннаго и то, что первый старообрядческій архіерей, водворившійся въ предѣлахъ Россіи, вышелъ изъ ихъ среды. Эта среда была несравненно дѣятельнѣе въ достиженіи сектаторскихъ цѣлей, а въ томъ числѣ и въ учрежденіи бѣлокриницкой митрополіи, чѣмъ самая среда московскихъ и петербургскихъ богачей. Богачи только развязывали туго набитые кошели, но дѣятельное участіе принимали въ этомъ дѣлѣ гораздо меньше, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ. Ихъ общественное положеніе, ихъ довольство въ жизни и стремленіе къ почестямъ и отличіямъ, до которыхъ они всегда были падки,—словомъ, опасеніе скомпрометировать свое имя передъ правительствомъ удерживало милліонеровъ отъ прямого и непосредственнаго участія въ сектаторскихъ дѣлахъ; ямщики же, содержатели постоялыхъ дворовъ и тому подобные люди, не мечтавшіе о медаляхъ и почетномъ гражданствѣ, а потому не очень боявшіеся скомпрометировать свое неважное имя, работали на сколько хватало силъ и умѣнья, не оглядываясь ни назадъ, ни по сторонамъ. Располагая денежными средствами, щедро отпускаемыми изъ сундуковъ рогожскихъ милліонеровъ, они были настоящими дѣятелями по учрежденію заграничной митрополіи.

Связи рогожскихъ капиталистовъ, большихъ и малыхъ, основаны были на узахъ секты, которую они поддерживали для бо̀льшаго обогащенія. Такъ, напримѣръ, московскимъ хлѣбнымъ торговцамъ нужны были вѣрные агенты для выгодной закупки хлѣба въ плодородныхъ губерніяхъ, и они такихъ имѣли въ Тульской, Орловской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской и Саратовской губерніяхъ, въ средѣ тамошнихъ старообрядческихъ общинъ. Посредствомъ ихъ они постоянно получали точныя свѣдѣнія не только о цѣнахъ на хлѣбъ, но и о томъ, какъ растетъ хлѣбъ,

каковы надежды поселянъ на урожай, каковы запасы помѣщиковъ и проч. Рыбные торговцы имѣли вѣрныхъ людей изъ своихъ единовѣрцевъ — на Дону, на Уралѣ и на низовьяхъ Волги. Они доставляли въ Москву скорыя и вѣрныя свѣдѣнія объ уловѣ рыбы, о цѣнѣ на нее, о количествѣ забранной изъ казенныхъ запасовъ соли, о добычѣ икры, вязиги, клею и другихъ рыбныхъ товаровъ, о фрахтахъ перевозки, о количествѣ порожнихъ судовъ и т. п. Торговцы скотомъ, посредствомъ своихъ единовѣрцевъ съ Дона, изъ екатеринославскихъ степей, изъ губерній Самарской и Оренбургской, получали вѣрныя свѣдѣнія обо всѣхъ обстоятельствахъ, касающихся до ихъ торговли. Губерніи Ярославская, Владимірская, Тверская, Костромская, Вологодская, доставляющія въ Москву съѣстные припасы, отчасти находились въ рукахъ рогожскихъ и притомъ не только капиталистовъ, но и содержателей постоялыхъ дворовъ. На все рогожскій старообрядческо-торговый союзъ устанавливалъ цѣны не только въ Москвѣ, но и въ другихъ мѣстахъ, по мѣрѣ зависимости ихъ отъ Москвы въ торговомъ отношеніи. Ходебщики, или офени, Владимірской губерніи зависѣли также отъ московскаго старообрядческаго общества: на ярмаркахъ Нижегородской, Коренной и другихъ великороссійскихъ и при развозѣ товаровъ по всѣмъ закоулкамъ Россіи, на всемъ ея пространствѣ до отдаленныхъ мѣстъ Сибири, даже въ Бухарѣ и Хивѣ, они повышали или понижали цѣны на русскія издѣлія, сообразно расчетамъ рогожскихъ тузовъ, по ихъ волѣ, которая для нихъ была непререкаема. Такъ дѣйствовалъ никогда не регламентированный, но самъ собою сложившійся и доселѣ подъ знаменемъ Рогожскаго кладбища процвѣтающій торгово-промышленный союзъ. Другой такой же союзъ, но менѣе сильный, хотя быть можетъ не

менѣе богатый, образовался подъ знаменемъ преображенскимъ [1]).

Еще въ первой половинѣ XVIII столѣтія, московская поповщина имѣла общественныя моленныя, устроенныя въ домахъ богатыхъ людей, и, кромѣ того, два особыя кладбища: одно близъ Донского монастыря, другое за Тверскими воротами [2]). При каждомъ изъ нихъ были устроены часовни и отдѣльные дома, въ которыхъ жили бѣглые отъ православной церкви попы и вышедшіе изъ старообрядческаго общества уставщики и дьячки. Во время чумы 1771 года, московской поповщинѣ было отведено мѣсто за Покровскою заставой, на землѣ, принадлежавшей деревнѣ Новоандроновкѣ, населенной старообрядцами же. Здѣсь московскіе старообрядцы устроили знаменитое *Рогожское кладбище* [3]).

---

[1]) Все сказанное основано на множествѣ торгово-сектаторскихъ писемъ, находящихся при разныхъ дѣлахъ и слѣдственныхъ производствахъ въ архивахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, московскаго военнаго губернатора и нѣкоторыхъ провинціальныхъ.

[2]) На Рогожскомъ кладбищѣ, на такъ называемой «моровой могилѣ», въ которую зарываемы были чумные, находится памятникъ съ слѣдующею надписью: «Мѣсто сіе отведено для погребенія усопшихъ старовѣровъ въ лѣто отъ сотворенія міра 7279, вмѣсто таковыхъ, до сего бывшихъ двухъ кладбищъ, единаго у Донскаго монастыря, а другого за Тверскими воротами». На другомъ памятникѣ написано о погребеніи *перваго* чумного (Матвѣй Васил. Суминъ) 11-го сентября 1771 года. Слѣдовательно, Рогожское кладбище началось ранѣе Преображенскаго безпоповщинскаго, ибо приказъ объ отводѣ послѣдняго данъ изъ правительствующаго сената 15-го сентября 1771 (*Сборникъ для исторіи старообрядчества*, Н. Попова 1—78).

[3]) О правахъ рогожскаго общества на занимаемую его кладбищемъ землю производилось въ 1835 году дѣло, находящееся въ архивѣ московскаго генералъ-губернатора (3 декабря 1835 г., № 68—34). Попечители кладбища, на запросъ о документахъ, отвѣчали такъ: «во время моровой комиссіи (1771 г.), по распоряженію правительства, для устроенія ихъ старообрядческаго кладбища отведено было мѣсто за Рогожской заставой; документъ же сей во время нашествія непріятеля въ 1812 году

Рогожское кладбище находится въ Москвѣ, за Камеръ-коллежскимъ валомъ, подлѣ Рязанскаго шоссе, неподалеку отъ временной московской станціи Нижегородской желѣзной дороги. Оно занимаетъ площадь пространствомъ больше чѣмъ въ 22 десятины и обнесено высокою, бревенчатою, уже почернѣвшею отъ времени стѣной, съ одними воротами, обращенными къ городу, кромѣ существовавшихъ, а можетъ быть

утраченъ, а журналъ онаго, полагать надобно, долженъ находиться при дѣлахъ оной комиссіи». Попечители при этомъ представили два рескрипта императора Александра I, одинъ начальнику московской столицы графу Салтыкову, а другой—вятскому губернатору, тайному совѣтнику Руничу, по представленію котораго состоялись эти рескрипты. Вотъ оба документа:

1. Графъ Иванъ Петровичъ! Узнавъ, что прихожанамъ новоустроенной церкви во имя Введенія Пресвятыя Богородицы, что за Салтыковымъ мостомъ, отведено кладбище близъ старообрядческаго Рогожскаго противъ воли старообрядцевъ и съ отнятіемъ у казенныхъ крестьянъ деревни Новоандроновки хлѣбопашенной ихъ земли, я нахожу нужнымъ примѣтить, что земскій судъ, учинившій сей отводъ, неправильно поступилъ, не снесясь въ ономъ съ духовнымъ правительствомъ, по распоряженію коего прихожанамъ Введенскія церкви предоставлено было уже имѣть погребеніе мертвыхъ въ Покровскомъ монастырѣ или на мірскомъ кладбищѣ. Посему и поручаю вамъ, сходственно мнѣнію преосвященнаго митрополита Платона, основанному на взаимныхъ отношеніяхъ старообрядцевъ къ симъ введенскимъ прихожанамъ и на устроеніи церковной тишины и спокойствія, землю, имъ отведенную отъ деревни Новоандроновки, возвратить въ прежнее ея владѣніе, а прихожанамъ симъ объявить, чтобъ они слѣдовали рѣшенію, данному на ихъ прошеніе отъ митрополита. Въ прочемъ пребываю къ вамъ благосклонный *Александръ*. Въ С.-Петербургѣ, апрѣля 17-го дня 1802 года. Сію копію засвидѣтельствовалъ тайный совѣтникъ, вятскій гражданскій губернаторъ Павелъ Руничъ.

2. Господинъ тайный совѣтникъ Руничъ! Внявъ представленію вашему о кладбищѣ, отведенномъ въ Москвѣ въ смежности съ старовѣрческимъ Рогожскимъ кладбищемъ, каковъ данъ мною указъ московскому военному губернатору, генералъ-фельдмаршалу графу Салтыкову, съ онаго для свѣдѣнія вашего прилагаю при семъ списокъ, пребывая въ прочемъ къ вамъ благосклонный *Александръ*. Въ С.-Петербургѣ, апрѣля 17-го дня 1802 года.

Введенская церковь, о которой упоминается въ первомъ рескриптѣ, есть единовѣрческая.

и донынѣ существующихъ тайниковъ, для прохода къ Рязанскому шоссе и къ деревнѣ Новоандроновкѣ. Въ этой оградѣ построенъ цѣлый городокъ, населеніе котораго въ былое время превышало населеніе нѣкоторыхъ изъ уѣздныхъ городовъ. Оно постепенно возрастало; въ 1823 году составляя лишь 990 человѣкъ, въ 1846 году достигло до 1,588. Но здѣсь сосчитаны еще не всѣ рогожскіе жители, а только одни, такъ называемые «лицевые», то есть показываемые въ ежегодныхъ вѣдомостяхъ, подаваемыхъ кладбищенскою конторой московской полиціи. Кромѣ «лицевыхъ» немало бывало «не лицевыхъ», «подпольныхъ», то есть такихъ, о которыхъ неудобно было доносить полиціи: безпаспортныхъ бѣглыхъ, пришлыхъ изъ разныхъ мѣстъ монаховъ и монахинь и т. п. Сверхъ того, на кладбищѣ всегда проживало много народа посторонняго. Это были временные жители: пріѣзжавшіе для совершенія требъ, друзья и родственники постоянныхъ кладбищенскихъ жителей, гостившіе у нихъ по цѣлымъ годамъ, и проч. т. п.

При учрежденіи Рогожскаго кладбища въ 1771 году, была построена небольшая деревянная часовня. Черезъ пять лѣтъ она была замѣнена обширною каменною во имя Николая Чудотворца[1]). Въ 1790 году рядомъ съ нею была построена огромная холодная часовня Покрова Пресвятыя Богородицы, едва-ли не самая обширная изъ всѣхъ московскихъ церквей, за исключеніемъ развѣ соборовъ. Въ 1804 году, кладбищенскій попечитель Шевяковъ исходатайствовалъ у тогдашняго начальника московской столицы, Беклешова, дозволеніе построить третью часовню. Эта обширная зимняя каменная часовня, во имя Рождества Христова, находится на югъ отъ главной, Покровской; построена она

[1]) Въ 1854 году она обращена въ единовѣрческую церковь.

по плану архитектора Жукова [1]). На одной изъ внутреннихъ стѣнъ Рождественской часовни находится надпись, гласящая, что въ 1812 году, во время опустошенія Москвы непріятелемъ, рогожскія часовни, по особенному Божію къ мѣсту сему покровительству, не пострадали и не потеряли ничего изъ находящагося въ нихъ. Въ этой часовнѣ собирались большіе рогожскіе соборы, то есть тѣ, въ которыхъ принимали участіе и рогожское духовенство, и депутаты иногороднихъ старообрядческихъ обществъ, и разсуждали о дѣлахъ, касающихся не одной Москвы, но вообще всего русскаго старообрядчества. Часовни были украшены великолѣпно. Иконы превосходнаго древняго письма—рублевскія, строгоновскія и др., въ богатыхъ сребропозлащенныхъ ризахъ съ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, серебряныя паникадила и подсвѣчники съ пудовыми свѣчами, богатыя плащаницы, золоченые иконостасы, великолѣпная утварь—все свидѣтельствовало какъ объ усердіи, такъ и о богатствѣ рогожскихъ прихожанъ.

Хотя часовни были устроены съ алтарями и престолами, но ни одна изъ нихъ никогда не была освящена. Потому и литургій въ нихъ не совершалось. Богослуженіе ограничивалось вечернями, всенощными, часами. Кромѣ того въ часовняхъ совершались вѣнчанія свадебъ, исповѣдь, причащеніе, крещеніе младен-

---

[1]) Билетъ, выданный московскою управой благочинія попечителю Рогожскаго кладбища, купцу Ильѣ Фокину Шевякову, 21-го декабря 1804, № 1,070, на постройку каменной зимней часовни, длиною на 22 сажени, а шириною на 11 саженъ, и жилого строенія (подъ богадѣльню) на 22 сажени длиною и 10 аршинъ шириною,—находится въ *дѣлѣ о правахъ Рогожскаго старообрядческаго богадѣленнаго дома пріобрѣтать въ собственность движимое и недвижимое имущество и о духовномъ завѣщаніи Вощанкина*, 3-го декабря 1835 года, № 34, въ архивѣ московскаго генералъ-губернатора.

цевъ, а иногда и взрослыхъ, отпѣваніе умершихъ; въ нихъ же попы служили молебны, панихиды и проч.

Свадебъ вѣнчалось много, особенно въ мясоѣдъ передъ масленицей. Вѣнчаться пріѣзжали на Рогожское кладбище не только жившіе въ Москвѣ старообрядцы, но и жители уѣздовъ Московской губерніи. Во множествѣ пріѣзжали и изъ другихъ губерній, иногда самыхъ отдаленныхъ. Когда поповъ было на кладбищѣ много, въ иные дни въ каждой часовнѣ вѣнчали по нѣскольку свадебъ, одна за другою, а при «оскудѣніи священства» стали даже вѣнчать по десяти свадебъ за-разъ, «гуськомъ», какъ говорилось. Въ двухъ часовняхъ два попа послѣдняго времени въ одинъ разъ вѣнчали по двадцати свадебъ. Для этого и устроено было двадцать паръ совершенно одинаковыхъ бронзовыхъ вѣнцовъ, хранившихся въ Рождественской часовнѣ [1]).

Исповѣдовали попы каждый своихъ прихожанъ въ часовняхъ, а иногда и у себя на дому. Для записыванія исповѣдниковъ велись на кладбищѣ въ конторѣ особыя метрическія книги, но въ нихъ, судя по бывшей у насъ подъ руками книгѣ за 1841 годъ, вносились далеко не всѣ исповѣдники [2]). Едва ли и десятая

---

[1]) *Опись вещей на Рогожскомъ кладбищѣ,* составленная въ 1834 г., *въ дѣлѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ.* 1854 г. № 79. Для вѣнчанія богатыхъ свадебъ были вѣнцы серебряные вызолоченные съ брилльянтами, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Относительно вѣнчанія свадебъ, на Рогожскомъ соборѣ 16-го февраля 1823 года было постановлено: «браковъ на всѣ вселенскія субботы не вѣнчать». Въ другомъ постановленіи (безъ означенія года, но вѣроятно того же 1823 г.): «чинъ второго брака не упустительно стараться исполнять». Подлинныя постановленія за подписью поповъ и попечителей *въ дѣлѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ,* 7-го мая 1853 года, № 519.

[2]) Въ 1841 году было четыре попа. Изъ нихъ у старшаго, Ивана Матвѣевича Ястребова, записано исповѣдниковъ 413 мужчинъ и 509 жен-

доля исповѣдниковъ записывалась, тѣмъ болѣе, что иные закоренѣлые раскольники изъ простого народа и фанатическіе жители кладбища смотрѣли па записку какъ на дѣло грѣховное, установленное не церковью, а свѣтскимъ правительствомъ [1]).

Причащали запасными дарами послѣ часовъ, въ часовнѣ. Для этого четверо священниковъ съ потирами въ рукахъ выходили изъ алтаря въ ризахъ и становились по двое у праваго и лѣваго клиросовъ, двое на самихъ клиросахъ и двое позади ихъ — въ сѣверныхъ и южныхъ дверяхъ алтаря. Каждый пріобщалъ своихъ духовныхъ дѣтей.

Младенцевъ крестили непремѣнно въ часовняхъ. Чтобы судить о числѣ привозимыхъ для крещенія дѣтей изъ Московской и сосѣднихъ съ нею губерній, достаточно сказать, что въ Рождественской часовнѣ находилось 46 купелей. Совершались иногда крещенія и взрослыхъ: если, напримѣръ, въ рогожское согласіе кто-либо переходилъ изъ безпоповщинской секты, въ младенчествѣ не крещенный въ православной церкви. Православныхъ принимали вторымъ чиномъ, то-есть посредствомъ мѵропомазанія и проклятія ересей, что совершалось, разумѣется, всегда въ тайнѣ.

щинъ, у Александра Ивановича Арсеньева—505 мужчинъ и 935 женщинъ, у Петра Ермиловича Русанова—135 мужчинъ и 196 женщинъ, у Ивана Максимовича — 167 мужчинъ и 168 женщинъ, всего только 1,220 мужчинъ, 1808 женщинъ, 3,028 обоего пола. Здѣсь, кромѣ московскихъ жителей, записаны нѣкоторые крестьяне и даже раскольники изъ другихъ губерній.

1) Изъ сличенія исповѣдной книги съ именнымъ спискомъ жителей самаго кладбища видно, что изъ нихъ лишь нѣсколько десятковъ записаны бывшими на исповѣди. За границей, въ Австріи и Молдавіи, старообрядцы также долго оспаривали у правительства возлагаемую на нихъ обязанность вести метрическія книги. Въ 1863 г. молдавскіе раскольники жаловались даже великому визирю на князя Кузу за то, что онъ приказалъ имъ вести метрическія книги, называя такое дѣйствіе князя стѣсненіемъ ихъ вѣры.

Умершихъ отпѣвали преимущественно въ Никольской часовнѣ. Тамъ же пѣлись и заочныя погребенія. За неимѣніемъ священниковъ, старообрядцы въ разныхъ городахъ и селеніяхъ хоронили своихъ мертвыхъ, отпѣвъ надъ гробомъ лишь «канонъ за единоумершаго», и потомъ посылали деньги въ Москву по почтѣ или съ «оказіей» и заказывали на Рогожскомъ кладбищѣ кому-либо изъ тамошнихъ поповъ отслужить «погребеніе» заочно. Случалось, и нерѣдко, что такимъ образомъ отпѣвали покойника черезъ полгода и болѣе послѣ преданія его землѣ.

Молебны служились больше въ Рождественской часовнѣ, а въ лѣтнее время въ большой, Покровской. Въ большіе праздники, въ царскіе дни и «викторные» служились «молебны соборные», то есть всѣми попами, находившимися на кладбищѣ [1]).

Крестные ходы—6-го января, въ день Преполовенія и 1-го августа для освященія воды, а также въ заутрени Великой Субботы и Пасхи и въ нѣкоторые другіе праздники, вокругъ часовенъ, въ то время, какъ было еще много на кладбищѣ поповъ, совершались съ большою торжественностію. Весь путь устилаемъ былъ зеленымъ сукномъ и коврами. «Впереди

---

[1]) Молебны въ царскіе дни и въ «викторные» (то есть въ дни воспоминанія побѣдъ), благодарные молебны служились неупустительно. По 4-й статьѣ *Постановленія рогожскаго собора* 1823 г. (подлинникъ его висѣлъ на стѣнѣ въ часовнѣ, теперь находится въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ въ *дѣлѣ департамента общихъ дѣлъ* 7-го мая 1853 г. № 519) сказано: «священники и діаконы въ соборныхъ служеніяхъ, какъ-то: въ господскіе праздники, крестные ходы, *царскіе дни*..., имѣютъ обязанность быть всѣ за общимъ молитвословіемъ непремѣнно. Въ первой статьѣ *Рогожскаго постановленія о церковномъ благочиніи* (подлинникъ тамъ-же): «А въ викторные, въ нихъ же токмо поются благодарные молебны, то въ оные какъ погребенія, такъ и панихидъ не пѣть только до молебна, а послѣ онаго совершать, ибо по апостолу (?): *воздавая Божія Богови, а кесарева кесареви*».

шли съ хоругвями избранные носильщики, всѣ въ кафтанахъ стараго покроя, — говоритъ въ своихъ *Запискахъ* покойный В. А. Сапѣлкинъ, водворитель единовѣрія на Рогожскомъ кладбищѣ, — за ними слѣдовали такіе же избранные прихожане съ иконами, потомъ священники въ дорогихъ ризахъ, и все это чинно, въ строгомъ порядкѣ. Зрѣлище, до глубины сердца умилявшее истаго старообрядца!» [1]) Для освященія воды, на востокъ отъ часовенъ, саженяхъ въ сорока отъ нихъ, нарочно выкопанъ прудъ (60 саженъ длины, 15 ширины) съ обдѣланнымъ протокомъ воды, выведеннымъ на югъ къ Рязанскому шоссе. На пруду устроена деревянная іордань, въ которой попы святили воду три раза въ годъ, какъ установлено церковнымъ чиноположеніемъ.

Для совершенія службъ и требъ, рогожскіе старообрядцы постоянно имѣли на кладбищѣ достаточное количество поповъ, бѣглыхъ отъ православной церкви. Въ 1822 году, когда послѣдовали извѣстныя правила о бѣглыхъ попахъ, рогожцы заявили правительству о двѣнадцати священникахъ и четырехъ діаконахъ, у нихъ находящихся [2]). Всѣ они бóльшею частію были старики; изъ нихъ до 1827 года два попа обратились въ православіе, а пять поповъ и два діакона умерли. Когда послѣдовалъ воспретительный указъ вновь принимать поповъ и вовсе не принимать діаконовъ (1827 г.),

---

[1]) «Записки В. А. Сапѣлкина», *Русскій Вѣстникъ* 1864 года № 11, стр. 190 и 191.

[2]) Попы: 1) Иванъ Ефимовъ, бѣжавшій отъ церкви еще въ прошломъ столѣтіи, 2) Иванъ Матвѣевъ, 3) Тимоѳей Алексѣевъ, 4) Петръ Алексѣевъ, 5) Іоакимъ Петровъ, 6) Ефимъ Ѳедоровъ, 7) Петръ Никифоровъ, 8) Александръ Ивановичъ Арсеньевъ, 9) Петръ Ермиловичъ Русановъ, 10) Иванъ Максимовъ, 11) Иванъ Михайловъ, 12) Василій Михайловъ. Діаконы: 1) Алексѣй Ивановъ, 2) Никифоръ Григорьевъ, 3) Евдокимъ Никитинъ и 4) Иванъ Семеновъ.

первыхъ на Рогожскомъ кладбищѣ оставалось пятеро, послѣднихъ двое. Хотя съ 1823 по 1825 годъ число прихожанъ Рогожскаго кладбища, по свидѣтельству протоіерея Арсеньева, удвоилось, однако, рогожскіе старшины не позаботились о привлеченіи на свое кладбище новыхъ бѣглыхъ поповъ, хотя въ то время ходатайство ихъ и не было бы отринуто. Увеличенію штата рогожскаго духовенства всего больше противились сами попы. Алчность рогожскихъ священнослужителей къ стяжаніямъ была неимовѣрна. Когда ихъ было много, были они помоложе и еще не такъ богаты, какъ впослѣдствіи, то столь усердны были они къ доходной для кармана ихъ службѣ, что даже *перехватывали* другъ у друга требы. Для этого становились они на паперти или въ самой часовнѣ и отбивали другъ у друга желающихъ отслужить молебенъ, панихиду и т. п. Даже отправляя службу, въ то время когда происходило пѣніе или чтеніе, рогожскіе пастыри оставляли мѣста свои и въ ризахъ перебѣгали изъ одной часовни въ другую, подобно гостинодворскимъ мальчишкамъ, зазывая къ себѣ исполнить какую-либо требу. Мало того, они совершали по двѣ требы за-разъ, чтобы такимъ образомъ побольше добыть денегъ. Молебны служили, какъ говорилось, «на курьерскихъ». Правда, по заказамъ богатыхъ и именитыхъ прихожанъ, попы служили чинно и благоговѣйно, за то бѣднякамъ съ возмутительнымъ цинизмомъ говорили: «За твой гривенникъ я тебѣ и *Господи помилуй* не скажу; хочешь молиться, такъ сложись съ другими, чтобы было изъ чего мнѣ служить». Что касается до діаконовъ, то они, во время служенія молебновъ, панихидъ и погребеній разными попами въ разныхъ часовняхъ, перебѣгали отъ одного къ другому; въ одной часовнѣ прочтетъ ектенію и побѣжитъ, подобравъ полы стихаря, въ другую провозгласитъ:

«вонмемъ!»—чтобъ и тамъ, и тутъ получить діаконскую свою долю.

Такая торговля святыней вызвала сильный ропотъ прихожанъ, и въ 1823 году по этому случаю былъ на Рогожскомъ кладбищѣ соборъ, на которомъ попы, діаконы и попечители составили *Постановленіе о благочиніи церковномъ*, подписали его и повѣсили на Рождественской часовнѣ. *Постановленіе* это начинается словами: «Работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся Ему съ трепетомъ»! Подлинникъ этого *Постановленія* теперь, какъ уже было упомянуто, хранится въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Вотъ нѣкоторыя статьи этого *Постановленія*, доказывающія дѣйствительность разсказанныхъ сейчасъ безобразій, творимыхъ «мздою ослѣпленными», по выраженію раскольника Нила Тимоѳеева, рогожскими попами во время отправленія ими требъ:

«*Статья 2*. Священники и служащіе при нихъ ни подъ какимъ видомъ не дерзали-бы на паперти и въ молитвенномъ храмѣ *требы перехватывать* и тѣмъ нарушать благочиніе церковное. Имѣющій нужду самъ можетъ о томъ просить, когда должно.

«*Статья 3*. Изъ соборныхъ панихидъ, погребеній, молебновъ и требъ, не окончивши одно, за другіе не переходить, кромѣ смертнаго случая, также діаконамъ къ священникамъ безъ нужнаго случая во время служенія не подходить и отъ одного къ другому, не окончивши требу, не переходить.

«*Статья 5*. Священники, безъ нужнаго случая, а паче въ священныхъ ризахъ, отъ службы Божіей и требы, какой ни есть, не выходили бы внѣ молитвеннаго храма.

«*Статья 6*. Священникамъ молебны болѣе шести каноновъ не начинать, ибо сіе невмѣстимо, а болѣе по усердію просителей оставлять на другой разъ,

дабы молитва могла быть со вниманіемъ, а не дерзостію.

«*Статья 7*. Двѣ требы вдругъ не править.

«*Статья 9*. Священникамъ особенно имѣть во вниманіи, дабы требующіе ихъ по бѣдности и по неимѣнію дерзновенія къ нимъ не презримы были, но наипаче сильныхъ и богатыхъ покровительствуемы, по словеси Спасителя міру: *Не презрите единаго отъ малыхъ сихъ, ибо ангели ихъ выну видятъ лице Отца Моего, иже есть на небесѣхъ*.

«Если же кто, забывъ страхъ Божій и свое священноначальническое званіе, вышеописанное оставитъ въ неисполненіи или небреженіи, таковаго 10 статьею наказывать судомъ духовнымъ.»

«Собственное свидѣтельство паче всякаго инаго свидѣтельства.» Подъ этимъ *Постановленіемъ* подписались всѣ попы и діаконы рогожскіе [1]).

О томъ, что̀ дѣлалось на Рогожскомъ кладбищѣ до водворенія въ немъ австрійскаго священства, любопытныя указанія находятся также въ *Келейныхъ совѣтахъ, письменно предложенныхъ господину епископу Онуфрію*

---

1) Петръ Ермиловичъ счелъ нужнымъ къ своей подписи добавить слѣдующія слова: «Обязуюсь исполнить по вышеписанному». Кромѣ того подписались попечители: Павелъ Дуняковъ, Ларіонъ Абрамовъ, Иванъ Окороковъ, Трифонъ Лубковъ, Давыдъ Щекинъ, Ѳедоръ Боковъ, Николай Царскій. Вслѣдствіе упомянутыхъ поступковъ рогожскихъ поповъ, особенно же вслѣдствіе ихъ алчности къ стяжаніямъ, старообрядцы изъ простонародья переходили въ другія секты или вовсе оставались безъ всякой вѣры. Въ *дѣлѣ о раскольникѣ Нилѣ Тимоѳеевѣ* (23-го марта 1840 г., № 58, въ архивѣ московскаго генералъ-губернатора) есть показаніе этого крестьянина, жившаго въ Москвѣ, что онъ «прежде былъ по Рогожскому кладбищу и назадъ тому три съ половиною года (значитъ 1836 г. осенью) отошелъ изъ оной вѣры и разсматриваетъ, какую лучше ему избрать, но еще не избралъ; женилъ сына и крестилъ дочь не на Рогожскомъ кладбищѣ, потому что находилъ въ тамошней вѣрѣ *разныя упущенія и безпорядки*, несообразныя съ правилами Св. Отецъ, ибо *мзда заслѣпляетъ тамошнихъ священниковъ*».

отъ Семена Семенова и Ивана Захарова [1]). Вотъ что говорятъ эти вліятельные и пользующіеся большою славой старообрядцы:

«*Совѣтъ 5-й.* Богопротивное исповѣданіе епископа Аѳанасія, значущееся въ его прошеніи, никакъ не принимать. Онъ написалъ, что̀ было на кладбищѣ до архіепископа Антонія, все то свято, что̀ и подтвердилъ словами: «како вѣрую и исповѣдую». Но на кладбищѣ до архіепископа Антонія было вотъ что̀: а) Всѣ кладбищенскіе попы правительству были обязаны подпискою отъ ереси приходящихъ (то есть православныхъ) не принимать. б) Нашимъ православнымъ христіанамъ, не

---

[1]) Въ августѣ 1861 года происходилъ шумный московскій старообрядческій соборъ, ознаменованный многими соблазнами, причиною которыхъ были сначала Антоній, архіепископъ владимірскій, а потомъ Аѳанасій, епископъ саратовскій. Августа 25-го Аѳанасій, котораго избрали было на московскій престолъ, подалъ собору прошеніе (напечатано въ 3-й книжкѣ *Чтеній въ Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ* 1865 года, стр. 239—243), въ которомъ требовалъ, чтобъ уставы и чиноположенія исполнялись такъ же, какъ исполнялись они на Вѣткѣ, въ иргизскихъ монастыряхъ и на Рогожскомъ кладбищѣ. Епископы имѣли о томъ совѣщаніе и составили такъ называемое *Соборное разсужденіе о мѣстныхъ обычаяхъ* 30-го сентября 1861 года. Конецъ дѣлу должны были положить ожидаемые Москвою митрополичьи послы: епископъ Онуфрій, намѣстникъ бѣлокриницкаго митрополита, священноинокъ Евфросинъ и инокъ Алипій, которые и прибыли около 9-го декабря 1861 года. Въ это время начетчики и знатоки устава и старыхъ обычаевъ: дьякъ духовнаго совѣта Семенъ Семеновъ (крестьянинъ Серпуховскаго уѣзда) и Иванъ Захаровъ, письмоводитель Антонія владимірскаго, люди вліятельные въ рогожскомъ обществѣ, подали Онуфрію на бумагѣ такъ называемые *Келейные совѣты*, въ которыхъ предлагали ему сдѣлать разныя распоряженія, которыя, по ихъ мнѣнію, могли умирять старообрядческое общество и водворить миръ и тишину церкви. Между прочимъ, они «исповѣданія Аѳанасія», выраженное въ его просьбѣ 25-го августа, признали «богопротивнымъ» и въ доказательство того изложили перечень вольныхъ и невольныхъ отступленій рогожскихъ поповъ отъ церковныхъ правилъ. Подлинникъ *Келейныхъ совѣтовъ* находится у Онуфрія, нынѣ православнаго инока, присоединившагося къ святой церкви на условіяхъ единовѣрія. Изъ этихъ-то «совѣтовъ» и приводимъ выписку.

принадлежащимъ по жительству къ Московской губерніи, никакихъ требъ не исправлять. в) За крещеніе младенцевъ установлена была такса, 1 руб. 25 коп. сер. за крещеніе, для чего въ конторѣ содержали нарочнаго писаря, который и собиралъ за крестины деньги. г) Также и епископъ Софроній [1]) въ бытность его на кладбищѣ съ епископомъ Аѳанасіемъ, бывшимъ того архимандритомъ и экономомъ [2]) уставили таксу: съ московскихъ поповъ половину, а съ деревенскихъ третью часть дохода брать епископу, а который попъ хотя мало что утаилъ, таковаго подвергали части Ананіи и Сапфиры. Именно въ такомъ родѣ была написана бумага, и всѣ попы были вынуждены къ ней подписаться. Это есть сущая симонія. д) Въ крещеніи младенцевъ постригали въ 12 лицъ, еже есть въ четыре троицы, что прямо противно не только изложенному о семъ предметѣ преданію въ *Потребникахъ*, но противъ и 49 правила святыхъ апостолъ, о чемъ зри въ *Стоглавѣ* глава 17. А въ древлеписьменныхъ *Кормчихъ* и въ *Посланіи Фотія митрополита въ Псковъ* такое приглашеніе названо многобожіемъ. е) Въ причастіе святыхъ таинъ теплоты никогда не вливали, но всегда причащали съ холодною водою, такождс и сіе противно святыхъ отецъ преданію. ж) Во всѣхъ древнихъ *Уставахъ*, въ *Служебныхъ Минеяхъ* и *Октояхъ*, въ *Служебникахъ* на возгласѣ: «слава святѣй» положено кадить, а на кладбищѣ вмѣсто кажденія благословляли рукой То же дѣлали и на «Свѣте тихій», что прямо противно

---

[1]) Первый назначенный бѣлокриницкимъ митрополитомъ въ Россіи епископъ рукоположенъ 4-го января 1849 года, за симонію запрещенный и потомъ изверженный, но, несмотря на то, до сихъ поръ продолжающій дѣйствовать по-архіерейски.

[2]) Бывшій экономъ Верхнепреображенскаго монастыря, возведенный Софроніемъ въ архимандриты, а въ 1835 году рукоположенный Антоніемъ въ епископы.

всѣмъ древлепечатнымъ книгамъ и уставамъ. з) Браки вѣнчали вдругъ по пятнадцати. Одну свадьбу, которая позначительнѣе, около аналоя ведетъ попъ, а прочія всѣ за нимъ сами идутъ. Такожде и сіе не только не согласно, но противно церковному преданію. и) Кладбищенскіе попы въ послѣднее время еще ввели было лютеранскую исповѣдь, а именно по 200, а иногда и по 300 человѣкъ исповѣдовали вмѣстѣ, и, прочитавъ только однѣ молитвы и поновленіе безъ исповѣди, причащали всѣхъ безъ разбору [1]. Итакъ, спрашивается, можно-ли все это почитать святымъ и богоугоднымъ и, какъ написалъ въ прошеніи своемъ епископъ Аѳанасій, тако вѣровать и исповѣдывать? Да не будетъ намъ сего никогда же на умъ пріяти».

«*Совѣтъ 6-й*. Почему нововыдуманные обычаи, несогласные древлепечатнымъ патріаршимъ книгамъ, непремѣнно нужно уничтожить, а прошедшее оставить въ судьбѣ Божіей: иначе мы не можемъ называться «старообрядцами», но «староглядцами» или, просто сказать, по Никонѣ возникшими «новообрядцами» чрезъ что могутъ возникнуть смуты и непримиримые раздоры, отъ чего сохрани насъ, Боже, и помилуй Своею благодатью. Если-же всѣ церковные дѣйствія и обычаи учредятся и будутъ дѣйствовать по старопечатнымъ книгамъ, безъ сомнѣнія водворится повсемѣстно миръ и тишина, и свѣтло возсіяетъ никогда и никѣмъ неоспоримая древлецерковная истина. Хотя въ началѣ нѣцые неразумные, коихъ очень мало (?), и покрамолятъ, но послѣ и они, опомнившись, возблагодарятъ

---

[1]) Объ этой исповѣди мы говорили выше, но на основаніи рукописной *Записки о московскихъ раскольническихъ кладбищахъ 1844—1849 г.*, упомянули только о пятидесяти исповѣдникахъ вдругъ. Болѣе свѣдущіе и неподлежащіе сомнѣнію въ этомъ отношеніи Семенъ Семеновъ и Иванъ Захаровъ, увеличиваютъ цифру до 200 и даже до 300. Не можемъ не вѣрить такимъ компетентнымъ свидѣтелямъ.

истиннаго Бога и похвалятъ законную ревность древле православныхъ пастырей».

Воспретительный указъ 1827 года засталъ Рогожское общество врасплохъ. Съ ужасомъ увидѣли ревнители старообрядчества, что близко и неизбѣжно время, когда за неимѣніемъ поповъ надо будетъ или впасть въ безпоповщину, или присоединиться къ православной церкви на условіяхъ единовѣрія. Къ счастію ихъ, изъ оставшихся дозволенныхъ поповъ послѣдніе дожили на кладбищѣ даже до 1854 года, но имъ ужь невозможно было исправить всѣхъ требъ. Поэтому на Рогожскомъ кладбищѣ раскольники стали держать секретно бѣглыхъ поповъ вдобавокъ дозволеннымъ. Они бо́льшею частью жили у богатыхъ купцовъ, преимущественно же у содержателей постоялыхъ дворовъ; на кладбищѣ бывали временно и укрывались тамъ въ женскихъ обителяхъ матерей Пульхеріи и Александры, а также въ особомъ тайникѣ, нарочно устроенномъ въ общественномъ саду на кладбищѣ [1]).

Изъ этихъ поповъ въ сороковыхъ годахъ особенно уважаемы были старообрядцами бѣглый изъ Казани іеромонахъ Иларій и попъ изъ села Никола-Станъ, Калужской губерніи, Өедоръ Соловьевъ. Въ 1825 или 1826 году рогожцы обзавелись-было даже греческимъ архимандритомъ, но пьянство его было до такой степени безобразно, что и привыкшіе къ безобразіямъ поповъ своихъ старообрядцы не могли долго терпѣть его и вскорѣ постарались выпроводить изъ Москвы. Ниже скажемъ по нѣскольку словъ объ этихъ пастыряхъ Ро-

---

[1]) Изъ *дѣла о возвращеніи имущества крестьянкѣ вдовѣ Татьянѣ Васильевой, жившей на Рогожскомъ кладбищѣ подъ именемъ дѣвки* (9-го марта 1833 года въ архивѣ московскаго генералъ-губернатора), видно, что нѣкоторые недозволенные бѣглые попы, какъ напримѣръ Александръ Гавриловъ изъ Калужской губерніи, проживали на кладбищѣ и даже открыто участвовали въ крестныхъ ходахъ.

гожскаго кладбища. Кромѣ бѣглыхъ недозволенныхъ поповъ, дозволеннымъ рогожскимъ попамъ, при «оскудѣніи священства», помогали въ исправленіи требъ раскольничьи черницы, не имѣвшіе рукоположенія. Они съѣзжались въ Москву, особенно къ Великому посту, изъ Стародубья (преимущественно изъ Злынки), съ Вѣтки изъ монастырей Макарьева, Лаврентьева и Пахомьева, съ Иргиза, пока онъ существовалъ, и съ Керженца. Черницы эти проживали больше при часовняхъ, устроенныхъ въ домахъ богатыхъ старообрядцевъ. Пробывъ въ Москвѣ Великій постъ и отпраздновавъ Пасху, они разъѣзжались по своимъ мѣстамъ или же пускались въ странствованія по Россіи въ качествѣ рогожскихъ агентовъ для сохраненія непрерывныхъ сношеній между главными пунктами поповщины [1]).

Выше было сказано, что рогожскія часовни не были освящены, но литургіи служились на Рогожскомъ кладбищѣ въ походныхъ полотняныхъ церквахъ. Еще въ 1789 году московскіе старообрядцы добыли на Иргизѣ одну такую церковь, будто-бы стариннаго освященія, и въ ней попы служили литургіи тайно, съ большими предосторожностями, одинъ разъ въ годъ, для освященія запасныхъ даровъ. Но съ 1813 года литургіи на Рогожскомъ кладбищѣ совершались, хотя и рѣдко, въ большіе только праздники, но безъ особенныхъ предосторожностей и притомъ въ самихъ часовняхъ, въ алтарѣ которыхъ раскидывали освященную палатку. Это завелось вотъ по какому случаю. По изгнаніи Наполеона изъ Москвы, столицу заняли

1) Такихъ монаховъ въ Москвѣ въ 1845 году было до сорока. Въ томъ же году, 23-го декабря, на освященіи вновь устроенной богатой моленной за Москвой-рѣкой, въ домѣ Досужева, находилось одиннадцать монаховъ и въ числѣ ихъ схимникъ Иринархъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ, при моленной Саввы Борисова, Андреяна Маркова и Николая Осипова монахи жили постоянно, а при другихъ моленныхъ лишь временно.

донскіе казаки, въ числѣ которыхъ много было старообрядцевъ. Рогожскіе попы исправляли имъ требы, а войсковой атаманъ, графъ Платовъ, самъ тоже старообрядецъ, оставилъ какъ увѣряли впослѣдствіи рогожцы, на кладбищѣ походную церковь, освященную во имя Пресвятыя Троицы. Тогдашній начальникъ московской столицы далъ имъ словесное разрѣшеніе служить въ этой церкви обѣдни [1]). Кромѣ платовской и иргизской полотняныхъ церквей, на Рогожскомъ кладбищѣ были и другія, находившіяся въ женскихъ обителяхъ у матерей Пульхеріи и Александры, а въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, сверхъ того, у бѣглаго іеромонаха Иларія была своя полотняная церковь, освященная во имя Симеона Столпника. Протоіерей Арсеньевъ въ своей *Запискѣ о Рогожскомъ кладбищѣ* говоритъ, что въ 1817 году онъ самъ былъ принятъ въ расколъ въ одной изъ такихъ палатокъ [2]).

Съ 1822 года, по случаю усилившагося уклоненія православныхъ жителей въ Москвѣ въ поповщину и по случаю совершенія браковъ православныхъ съ старообрядками въ рогожскихъ часовняхъ, обращено было строгое вниманіе на рогожскихъ поповъ и попечителей. Въ 1823 году, 13 и 14 января, въ Рождественской часовнѣ поставлена была новая полотняная церковь, и нѣсколько поповъ соборнѣ служили литургіи при огромномъ стеченіи народа и въ томъ числѣ православныхъ. Провославный купецъ Яковъ Игнатьевъ довелъ объ этихъ соблазнительныхъ для православія богослуженіяхъ до свѣдѣнія мѣстнаго начальства. Былъ сдѣ-

---

[1]) *Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ*, 1823 года. № 10.

[2]) *Слѣдственное дѣло о дѣйствіяхъ Аввонія Кочуева и другихъ раскольниковъ*, произведенное по Высочайшему повелѣнію въ особой слѣдственной комиссіи 1854 и 1855 годовъ, находится въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

ланъ осмотръ всѣхъ заведеній кладбища, и въ алтарѣ Рождественской часовни нашли полотняную церковь Она была отобрана, и всѣ часовни запечатаны. Старообрядцы пришли въ ужасъ, но, по свидѣтельству жившаго въ то время на Рогожскомъ кладбищѣ протоіерея Арсеньева, благодаря просьбамъ и ходатайству тогдашнихъ попечителей, Антипы Дмитріевича Шелапутина и Василья Ефремовича Соколова, чрезъ нѣсколько дней часовни были открыты. Это подтверждается и архивными дѣлами. Святѣйшій Синодъ, при сужденіи дѣла о полотняной церкви и рогожскихъ часовняхъ, постановилъ: «по неимѣнію доказательства, что полотняная церковь дѣйствительно существовала на Рогожскомъ кладбищѣ до нынѣшняго ея открытія въ 1823 году, на основаніи указа 1818 года, быть ей не дозволять, а церковь возвратить въ тотъ монастырь, изъ коего взята.» Императоръ Александръ Павловичъ при докладѣ святѣйшаго синода изволилъ сказать: «если хочетъ Рогожское кладбище сохранить эту церковь, пусть присоединится къ единовѣрію, а если не согласится—отправить церковь» [1]). Попечители были обязаны подпиской впредь не дозволять на ихъ Рогожскомъ кладбищѣ служенія литургій, но литургіи, хотя рѣдко и тайно, но совершались въ часовняхъ по ночамъ, куда допускались весьма немногіе и самые надежные люди. Въ этомъ удостовѣряетъ самъ рогожгожскій священнослужитель, протоіерей Арсеньевъ, служившій такія обѣдни. Онъ же говоритъ, что вслѣдъ за тѣмъ дозволенные попы стали опасаться служить въ полотняныхъ церквахъ, и недостатокъ въ запасныхъ дарахъ случался у нихъ ежегодно, даже по нѣскольку разъ въ годъ. Въ такомъ случаѣ попы обращались къ попечителямъ съ просьбой сдѣлать распо-

---

1) *Дѣло святѣйшаго синода 1823 г. о Рогожскомъ кладбищѣ.*

ряженіе о запасныхъ дарахъ. И они выписывали ихъ съ Иргиза или изъ Стародубья отъ тамошнихъ настоятелей (отъ Силуяна въ Верхнепреображенскомъ на Иргизѣ, отъ Рафаила въ Покровскомъ, Новозыбковскаго уѣзда, и отъ Сергія въ Никольскомъ, Суражскаго уѣзда Черниговской губерніи). Получивъ дары, попечители приглашали поповъ въ контору кладбища и дѣлили между ними присланное. По закрытіи иргизскихъ и стародубскихъ монастырей, не стало, откуда брать причастіе, а запасные дары по правиламъ церковнымъ должно пополнять ежегодно. Тогда стали служить обѣдни недозволенные бѣглые попы въ кельяхъ рогожскихъ матерей Пульхеріи и Александры, у которыхъ были свои полотняныя церкви, а также въ тайникѣ рогожскаго общественнаго сада [1]). Первая архіерейская обѣдня въ полотняной церкви на Рогожскомъ кладбищѣ совершена была въ одномъ изъ богадѣльныхъ зданій, извѣстномъ подъ названіемъ «холерной палаты».

При каждомъ дозволенномъ попѣ были свой дьячокъ, или уставщикъ, и свои пѣвчіе. Въ часовняхъ попы служили поочередно. Вотъ записка о поповскихъ очередяхъ 1845 года, когда поповъ оставалось только трое:

«Попъ первой очереди—Иванъ Матвѣевичъ Ястребовъ, при немъ дьячокъ Василій Ивановъ. При нихъ 14 пѣвчихъ, изъ которыхъ Антонъ Поліевктовъ, Назаръ Семеновъ и Исаакъ Антоновъ уважаются кладбищемъ, какъ искуснѣйшіе знатоки Священнаго Писанія.

---

1) Тайники были въ обителяхъ Пульхеріи и Александры, подлѣ Александриной обители и въ общественномъ саду. *Записки о Рогожскомъ кладбищѣ* протопопа Арсеньева. Въ *дѣлѣ о возвращеніи имущества Татьянѣ Васильевой* 9-го марта 1839 г., № 32 (въ архивѣ московскаго генералъ-губернатора) есть указаніе Васильевой московской полиціи на потаенныя мѣста, но они не были освидѣтельствованы.

«Попъ второй очереди — Петръ Ермиловичъ Русановъ, дьячокъ его — Титъ Софроновъ. При нихъ 15 пѣвчихъ, изъ коихъ Иванъ Григорьевъ Донской, Ѳедоръ Васильевъ Жигаревъ и Тимоѳей Прокофьевъ считаются знатоками церковнаго порядка, особенно Иванъ Донской.

«Попъ третьей очереди—Иванъ Максимовъ, при немъ дьячокъ Евсей Мартыновъ и 19 пѣвчихъ».

При недостаткѣ поповъ, дьячкамъ предоставлено было отправлять вмѣстѣ съ пѣвчими вечерни, заутрени и молебны. Дьячки и нѣкоторые пѣвчіе извѣстны и уважаемы были старообрядцами не меньше самихъ поповъ. Они имѣли значительные доходы [1]).

Попы были вполнѣ независимы другъ отъ друга, и даже въ то время, когда ихъ было по двѣнадцати, не было между ними благочиннаго. Въ *постановленіи о благочиніи церковномъ*, статья 10 хотя и говорила о «всеобщемъ соборномъ судѣ», которому подлежали небрежно отправлявшіе службу, но намъ неизвѣстны случаи примѣненія этого правила на практикѣ. Попы имѣли большіе доходы; половина ихъ должна была отчисляться въ кладбищенскій капиталъ и на содержаніе рогожскихъ богоугодныхъ заведеній, но едва-ли это всегда исполнялось. Всѣ попы имѣли въ оградѣ кладбища свои дома, выстроенные имъ отъ общества, а Петръ Ермиловичъ имѣлъ даже два дома. Попы жили въ большомъ довольствѣ. Несмотря на то, что незаконнорожденный сынъ Ивана Матвѣевича Ястребова промоталъ сто тысячъ отцовскихъ денегъ, по смерти этого попа осталась, какъ говорятъ, не одна

---

[1]) Въ 1845 году Василій Ивановъ имѣлъ 50 т. р. капитала, Титъ Софроновъ 10 т. р. Евсей Мартыновъ 5 т. р. и кромѣ того дома на кладбищѣ. Та-же *Записка о поповскихъ очередяхъ*, составленная въ 1845 г.

сотня тысячъ. Дочь Петра Ермилыча сама говорила, что у ея отца былъ въ процентныхъ бумагахъ стотысячный капиталъ [1]).

Переходимъ къ очерку разныхъ заведеній на Рогожскомъ кладбищѣ.

Близъ часовенъ, находящихся въ самой серединѣ рогожской ограды, стоитъ каменный двухъ-этажный домъ. Это кладбищенская контора. Въ верхнемъ этажѣ ея четыре комнаты. Чтобы судить объ ихъ помѣстительности, достаточно сказать, что въ одной изъ комнатъ верхняго этажа, кромѣ дивана и двухъ столовъ, разставлено было 42 стула по числу старшинъ, попечителей и почетныхъ прихожанъ, собиравшихся на совѣщанія. Комнаты были убраны безъ особой роскоши, но чисто и опрятно; вся мебель была сдѣлана изъ краснаго дерева, и въ числѣ ея, какъ нѣкая святыня, съ 1853 года сохранялось мягкое кресло на колесикахъ, обитое зеленымъ сафьяномъ и бывшее въ употребленіи у старшаго рогожскаго попа Ивана Матвѣевича Ястребова. Цѣлые полвѣка прожилъ этотъ попъ въ Рогожскомъ, и когда одряхлѣлъ,—совершалъ требы, даже свадьбы вѣнчалъ въ этихъ креслахъ. Для того и колесики были къ нимъ приложены: брачующіеся, въ вѣнцахъ, ходя посолонь вокругъ аналоя, возили попа въ креслахъ. Въ главной комнатѣ, въ которой собирались совѣты старшинъ и попечителей, висѣли три подлинныя грамоты: московскаго митрополита Антонія 1576 года и патріарховъ Филарета Никитича 1632 и Іоасафа I 1639 года [2]), портреты цар-

---

1) *Русскій Вѣстникъ* 1864 г., № 11. «Записки В. А. Сапѣлкина», стр. 217.

2) Грамата митрополита Антонія 14 марта 1576 года іеродіакону Стахею (19 лѣтъ бывшему бѣлымъ діакономъ Степаномъ Еремѣевымъ, рукоположенному митрополитомъ Макаріемъ и постриженному въ Кирилловомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ) о дозволеніи ему перейти въ Ростов-

ствующаго государя и императрицы, планъ Рогожскаго кладбища, карта Европы и портреты попа Ивана Матвѣевича и попадьи его Афимьи, той самой, которая нѣкогда въ порывѣ ревности подожгла домъ мужниныхъ наложницъ и едва не спалила все Рогожское кладбище. Въ верхнихъ комнатахъ конторскаго дома велись кладбищенскія дѣла, происходили совѣщанія старшинъ и попечителей, бывали *малые* старообрядческіе соборы (безъ духовенства и иногородныхъ депутатовъ) по дѣламъ, касавшимся одной московской общины. Здѣсь же самые первые богачи останавливались на ночлегъ во время говѣнья и передъ заутренями на великіе праздники. Тутъ-же они справляли для рогожскаго причта поминки по своимъ усопшимъ, для чего въ нижнемъ этажѣ конторскаго дома устроена была небольшая, но весьма хорошая кухня; въ кладовой находилась кухонная посуда, полный столовый приборъ на 42 персоны, а въ погребѣ и подвалахъ не переводились большіе запасы хлѣба, рыбы, винъ, масла и другихъ припасовъ, независимо отъ огромныхъ запасовъ, находившихся въ другихъ погребахъ и сараяхъ и назначенныхъ для содержанія призрѣваемыхъ въ богадѣльняхъ [1]). Въ нижнемъ этажѣ конторскаго дома

скую епархію. Грамота съ печатью и собственноручною подписью Антонія и на оборотѣ подписи ростовскихъ владыкъ: Іоны и Давида. Другая грамота храмозданная, но какой церкви — неизвѣстно, ибо верхъ утраченъ, данная патріархомъ Филаретомъ 10-го марта 1632 года. Третья грамота патріарха Іоасафа I, данная 16-го марта 1639 года, объ утвержденіи дьячка Леонтія Өедорова, рукоположеннаго крутицкимъ владыкою, въ санѣ іерея и о назначеніи его къ церкви въ Костромской уѣздъ. Теперь всѣ три грамоты находятся въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ *дѣлѣ департамента общихъ дѣлъ*, 1854 года, № 79.

[1]) Поминки дѣлались въ конторѣ во исполненіе 7-й статьи *Постановленія о единообразномъ дѣйствіи*, состоявшемся на Рогожскомъ кладбищѣ въ 1825 г. Подлинникъ, за подписью семи поповъ, двухъ діаконовъ, уставщика Терентія Заболоцкаго и попечителей Павла Дунякова, Ларіона Абрамова, Ивана Окорокова, Трифона Лубкова, Давида Щекина,

находился запасъ погребальныхъ принадлежностей. Въ 1854 году, при пріемѣ кладбища въ правительственное вѣдомство, здѣсь найдено 119 большихъ и 150 младенческихъ гробовъ, 48 погребальныхъ покрововъ для взрослыхъ и 12 для дѣтей. Тутъ же найдено 300 монашескихъ власяницъ, доказавшихъ, что на Рогожскомъ кладбищѣ, несмотря на воспрещенія правительства, въ значительномъ числѣ совершались постриженія въ чинъ иноческій. Особенно много постригалось здѣсь въ сороковыхъ годахъ (1842—1848), когда пребывалъ на Рогожскомъ бѣглый и лишенный сана іеромонахъ Иларій. По правиламъ, въ монашество можетъ постригать только священноинокъ, то есть іеромонахъ, а такихъ, кромѣ Иларія да пьянаго греческаго архимандрита Геронтія, на Рогожскомъ кладбищѣ не бывало. И въ пять лѣтъ этотъ Иларій, о которомъ рѣчь впереди, постригъ, говорятъ, на Рогожскомъ болѣе тысячи иноковъ и инокинь. Въ нижнемъ этажѣ конторы находились огромные запасы воску и восковыхъ свѣчей, меду для кануновъ, деревяннаго масла, ладану и сверхъ того 256 аршинъ ковровъ и 114 аршинъ свѣтлозеленаго сукна для устиланія пути во время торжественныхъ крестныхъ ходовъ и на случай посѣщенія кладбища

Ѳедора Бокова и Николая Царскаго, находится въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ (*Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ* 1853 г. № 516). Вотъ эта статья: «Для поминовенія усопшихъ, по случаю смѣшенія съ невѣрными, и дабы не подать соблазна и претыканія, то на обѣдъ какъ священникамъ, діаконамъ, такъ и всѣмъ при нихъ служащимъ, отъ сего не ходить и не ѣздить, а если кому изъ желающихъ будетъ угодно, то можетъ уготовить всѣмъ на то изготовленнымъ, во всеобщемъ гостиномъ покоѣ, оную исполнить во славу Божію и на память усопшему въ слѣдующемъ порядкѣ». Попъ Петръ Ермиловичъ этого постановленія не подписалъ и ему не подчинялся. Онъ любилъ ѣздить по гостямъ, даже и незваный, и наводилъ трепетъ на хозяевъ и гостей своимъ безобразіемъ въ пьяномъ видѣ. Впрочемъ, и прочіе попы не соблюдали правила 1825 г, и обѣдали обыкновенно и въ конторѣ и у хозяина: два обѣда заразъ.

важными особами. Въ конторскомъ же домѣ помѣщалась канцелярія Рогожскаго кладбища, которою завѣдывалъ особый конторщикъ. Эту должность, очень видную и весьма вліятельную, тридцать лѣтъ сряду (1814 по 1844 годъ) занималъ Кондратій Никифоровичъ Синицынъ; мѣсто его заступилъ купецъ Дмитрій Корнѣевъ. Оба они играли важную роль при учрежденіи заграничной іерархіи. У Синицына въ качествѣ помощниковъ находились: купецъ Аѳоній Кузьмичъ Кочуевъ,—уроженецъ города Горбатова, которому принадлежитъ самая иниціатива бѣлокриницкой іерархіи, Петръ Осиповичъ Смысловъ и другіе «ученые» рогожцы, редакторы важнѣйшихъ сектаторскихъ бумагъ. Въ конторѣ находился и архивъ Рогожскаго кладбища, но самыя важныя бумаги обыкновенно прятались подъ деревянною колокольнею, устроенною подлѣ часовенъ. Тамъ была устроена подземная кладовая, гдѣ хранились замѣчательнѣйшіе акты, полотняныя церкви, антиминсы и т. п. Входъ въ этотъ тайникъ дозволенъ былъ только конторщику, старшинамъ, попечителемъ, а изъ поповъ—одному только Ястребову: другіе попы входа туда не имѣли [1]) Самыя важныя бумаги находились въ домахъ конторщиковъ. Куда дѣвались бумаги, бывшія у конторщиковъ и въ тайной кладовой подъ колокольней,—неизвѣстно. Одни говорятъ, что сгорѣли во время какого-то пожара на Рогожскомъ кладбищѣ; другіе увѣряютъ, что онѣ переданы въ руки именитѣйшихъ членовъ рогожской общины, и называютъ ихъ даже по именамъ; третьи, наконецъ, сказываютъ, что драгоцѣнныя бумаги находятся у наслѣдниковъ Синицына и Корнѣева. Какъ бы

---

[1]) *Записка протоіерея Арсеньева,* находящаяся *въ слѣдственномъ дѣлѣ о дѣйствіяхъ Аѳонія Кочуева и другихъ раскольниковъ* 1854 и 1855 годовъ.

то ни было, онѣ безслѣдно пропали для изслѣдователей русскаго раскола. А для исторіи его онѣ составляютъ чрезвычайно важный матеріалъ.

Частью въ конторѣ, частью на хорахъ и въ кладовыхъ при часовняхъ—хранились ризницы и знаменитая рогожская библіотека.

При пріемѣ Рогожскаго кладбища въ правительственное вѣдомство въ 1854 году найдены лишь остатки ризницы и библіотеки. Все болѣе цѣнное и болѣе замѣчательное въ какомъ-либо отношеніи было заблаговременно перевезено въ дома богатыхъ членовъ Рогожскаго общества. Несмотря на то, найдено:

Ризъ священническихъ 1,150. Въ томъ числѣ бархатныхъ, золотыхъ и серебряныхъ парчей въ холодной Покровской часовнѣ 18, въ Рождественской 16, на хорахъ въ холодной часовнѣ 33, въ кладовыхъ при Рождественской часовнѣ 462 и въ другихъ кладовыхъ 837.

Епитрахилей 66.

Поручей 228 паръ.

Орарей 50.

Стихарей 59.

Кромѣ многочисленныхъ иконъ, поставленныхъ въ часовняхъ, въ разныхъ кладовыхъ ихъ найдено еще 494 [1]).

Рогожская библіотека была замѣчательна не столько по своей обширности, сколько по рѣдкости находившихся въ ней книгъ. Она была съ особенною тщательностью собираема въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. На пріобрѣтеніе рѣдкихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ въ это время богачи денегъ не жалѣли. Завѣдывали ею конторщики, а собираніемъ книгъ въ трид-

---

[1]) *Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ* 1854 года, № 79.

цатыхъ годахъ занимался ученый рогожскій старообрядецъ Кочуевъ. Къ сожалѣнію, рогожская библіотека, не описанная ученымъ образомъ, была впослѣдствіи частью расхищена, частью разнесена по разнымъ мѣстамъ. Но и въ 1854 году при пріемѣ кладбища въ правительственное вѣдомство найдено въ ней было 517 книгъ и въ томъ числѣ нѣсколько чрезвычайно замѣчательныхъ. Изъ рукописей—древнѣйшая относится къ XIV столѣтію, это *Никона Черныя Горы*, писанная въ 1366 году; затѣмъ слѣдуютъ: *Толковое Евангеліе* 1407 года, *Служебное Евангеліе* 1551 года, полная *Минея мѣсячная* 1557 года, *Ирмосы пѣвчіе*, писанные въ Ростовѣ 1622 года, и до тридцати другихъ древлеписьменныхъ пѣвчихъ книгъ. Мы не можемъ приблизительно даже опредѣлить, къ какому времени относятся остальныя уцѣлѣвшія рогожскія рукописи, такъ какъ опись, которою пользуемся, составлена съ совершеннымъ отсутствіемъ библіографическихъ правилъ [1]).

---

[1]) Вотъ ихъ перечень: *Евангелій служебныхъ* 2 экземпляра. *Благовѣстникъ* 1, *Уставовъ* 3, *Кормчихъ* 2, *Номоканонъ* 1, *Псалтырей* 11 (*слѣдованныхъ* 3, *учебныхъ* 7, *толковыхъ* 1), *Служебникъ* 1, *Тріодь цвѣтная* 1, *Трефолой* 1, *Осмогласникъ* 1, *Канонникъ* 1, *Требниковъ* 5, *Торжественникъ* 1, *Святцевъ* 2, *Сборникъ* 1, *Апокалипсисовъ* 2, *Златоустовъ* 3, *Діонисія Ареопагита* 2, *Григорія Синаита* 2; затѣмъ по одному экземпляру: *Іоаннъ Схоластикъ*, *Матвѣй Іерусалимскій*, *Исаакъ Сиринъ*, *Іосифъ Волоцкой*, *Просвѣтитель Максимъ Грекъ*, *Цвѣтникъ* Симеона Новаго, *Цвѣтникъ* Корнилія, *Прологъ*, *Патерикъ Египетскій*, *Патерикъ Кіевскій*, *Синаксарь житія* Филиппа митрополита, Соловецкихъ чудотворцевъ: Александра Свирскаго (2 экземпляра), Николая Чудотворца Іоанна Богослова, *Хронографъ*, *Лѣтописецъ*, *Степенная книга*, *Бароній*, *Раймундъ Люлій* (2 экземпляра), *Сынъ церковный*, *Цѣпь златая*, *Яковъ Жидовкинъ*, *Преніе о вѣрѣ*, *Духовныя грамоты*, *Алфавитъ*, *Стоглавъ*, *О церковныхъ мятежникахъ*, *Изложеніе правилъ апостоловъ*, *Величаніе праздниковъ*, *Уложеніе царя Алексѣя Михайловича* и два *Демественника*. Изъ новыхъ рукописей замѣтимъ: *Собраніе* (сочиненій) *инока Никодима* (начавшаго дѣло единовѣрія), *Проскинитарій* и *Питиримова рѣчь*. Въ интересахъ науки весьма желательно, чтобъ обозрѣніе этихъ остатковъ знаменитой нѣкогда и бывшей совершенно недоступной библіотеки сдѣлано было ученымъ образомъ.

Изъ книгъ старопечатныхъ замѣтимъ *Библію* (Острогъ 1581 года). *Евангеліе напрестольное* (Радышевскаго, Москва 1606 г.). *Апостолъ* (Москва 1635 г.), *Уставъ* (Москва 1640 г.), *Уставъ* или *Око церковное* (Москва 1641), *Евангеліе* (Москва 1648, другое 1651 г.) и *Кормчую* (Москва 1850 г.).

Кромѣ часовенъ и конторы, въ оградѣ Рогожскаго кладбища находятся дома каменные и деревянные съ разными хозяйственными принадлежностями, частью расположенные улицами, хотя и неправильными. Въ томъ числѣ шесть палатъ, въ которыхъ помѣщаются богадѣльни, сиротскій домъ, домъ умалишенныхъ и пріютъ. Эти дома считались общественною собственностью, остальные-же назывались частными, хотя въ дѣйствительности тоже принадлежали обществу.

Богадѣльни помѣщались въ шести палатахъ, устроенныхъ въ разное время. частью на общественный счетъ, частью богатыми прихожанами, по имени которыхъ и доселѣ называются.

Первая палата, каменная, двухъ-этажная, называется «Новою». Въ ней въ 1854 г. было призрѣваемо 215 женщинъ.

Другая палата «Козина»—также каменная двухъ-этажная. Въ ней было 116 женщинъ. При ней устроена огромная келарня (кухня со столовой) и квасня. Здѣсь готовили кушанье, пекли хлѣбъ и варили квасъ для призрѣваемыхъ, для бо́льшей части остальныхъ жителей кладбища, а частью для пріѣзжихъ.

Третья каменная двухъ-этажная палата называется «Пѣвчею». До 1835 года въ ней помѣщалось Рогожское училище, потомъ жили здѣсь пѣвчіе. Въ 1854 г. въ Пѣвчей палатѣ жило 64 мужчины.

Четвертая палата «Константиновская»; нижній ея этажъ каменный, а верхній деревянный. Наверху въ 1854 г. жило 39 женщинъ, а внизу 4 мужчины, на-

значенные для прислуги и надзора за помѣщеніемъ для пріѣзжихъ, находившимся въ той-же палатѣ. Это была огромная комната съ нарами, въ которой останавливались пріѣзжавшіе крестить младенцевъ, вѣнчаться и пр. Она назначена была для простонародья; для людей побогаче устроенъ былъ особый пріютъ; первостатейные же богачи останавливались въ самой конторѣ. Въ комнатѣ Константиновской палаты пріѣзжихъ бывало иногда въ разъ человѣкъ по сто и болѣе.

Пятая каменная одноэтажная палата называется «Холерною». Въ 1854 году въ ней было 44 женщины Въ ней отъ времени до времени служились тайно литургіи, а 19-го іюня 1850 года Софроній отслужилъ первую архіерейскую обѣдню.

Шестая палата «Антоновская» деревянная. Въ ней въ 1854 году было 36 женщинъ.

Въ каждой палатѣ поставлены были деревянныя кровати съ тюфяками и стегаными одѣялами. Желѣзныхъ кроватей въ богадѣльню не вносили, какъ «новшество»; фланелевыя одѣяла были, но хранились въ кладовыхъ, а кровати призрѣваемыхъ были ими накрываемы лишь во время пріѣзда важныхъ лицъ на кладбище. Бѣлье и платье призрѣваемыхъ въ богадѣльняхъ приготовлялись на общественный счетъ, но каждому сверхъ того дозволялось имѣть свое. Во всякой палатѣ устроенъ былъ иконостасъ, передъ нимъ стояли подсвѣчники и аналогіи, за которыми постоянно читались, ради назиданія призрѣваемыхъ, Псалтырь, Прологъ и другія книги. Читали особо назначенныя для того женщины, извѣстныя подъ названіемъ «читалокъ» или «канонницъ». Онѣ же въ палатахъ отправляли часы, вечерни, заутрени.

Кромѣ призрѣваемыхъ въ палатахъ, призрѣвалось 25 мужчинъ, жившихъ въ семи караульныхъ избахъ, построенныхъ въ разныхъ мѣстахъ кладбища. Они

несли посильныя работы: чистили дворъ, кололи дрова, носили воду и такимъ образомъ замѣняли работниковъ.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, въ палатахъ Рогожскаго кладбища жило слишкомъ тысяча человѣкъ. Уменьшеніе послѣдовало съ 1835 года, когда кладбище было переименовано «Рогожскимъ богадѣльнымъ домомъ» [1]) и въ немъ разрѣшено было жить только престарѣлымъ и страждущимъ, да небольшому числу прислуги, полагая по одному человѣку на десять призрѣваемыхъ.

Особый домъ назначенъ былъ для призрѣнія дѣтей, онъ назывался «Сиротскимъ домомъ». Здѣсь воспитывались такъ называемые «рогожскіе подкидыши». Ихъ приносили на кладбище изъ разныхъ мѣстъ, но обыкновенно это не были осиротѣвшіе младенцы, оставшіеся послѣ неимущихъ родителей: воспитанники Рогожскаго кладбища были преимущественно дѣти, несчастно рожденныя дѣвушками, дочерьми зажиточныхъ старообрядцевъ, рогожскими читалками и канонницами, и, наконецъ, приносимыя изъ деревень бѣдными родителями, особенно солдатками, ради избавленія ихъ отъ участи военныхъ кантонистовъ. Бывали случаи, что отдавали на Рогожское кладбище своихъ новорожденныхъ дѣтей помѣщичьи крестьяне, для избавленіи ихъ отъ крѣпостной зависимости. Кормилицъ на Рогожскомъ не было; младенцевъ воспитывали на рожкѣ и, разумѣется, никогда не лѣчили. Смертность дѣтей была столь огромна, что едва-ли изъ сорока одинъ достигалъ отроческаго возраста. Такою смертностью объясняется и запасъ полутораста дѣтскихъ гробовъ, найденный на Рогожскомъ кладбищѣ въ 1854 г. Когда число младенцевъ увеличивалось до того, что ихъ невозможно было всѣхъ помѣстить въ сиротскомъ домѣ,

[1]) *Собраніе постановленій по части раскола,* стр. 216.

нѣкоторыхъ помѣщали въ домѣ умалишенныхъ. Столь странное совмѣщеніе дѣтей съ сумасшедшими было прекращено министромъ внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибиковымъ въ 1853 году, что̀ возбудило ропотъ со стороны нѣкоторыхъ изувѣровъ, по понятіямъ которыхъ что́ сумасшедшій или юродивый, что́ младенецъ—все одна ангельская душа [1]).

Для подкидышей и дѣтей, отдаваемыхъ на Рогожское кладбище въ отроческомъ возрастѣ для обученія, существовало до 1835 г. училище [2]). Въ немъ дѣти обучались чтенію, письму, ариѳметикѣ и церковному пѣнію. Училище было основано на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и Гребенщиковское въ Ригѣ, закрытое въ 1843 году и возстановленное съ Высочайшаго соизволенія 4-го февраля 1866 г. Изъ Рогожскаго училища выходили тѣ пѣвцы, которыми въ свое время славилось Рогожское кладбище выходили изъ него даже уставщики. Подкинутыя дѣвочки учились грамотѣ у читалокъ и канонницъ, приготовляясь современемъ въ свою очередь сдѣлаться такими же читалками и канонницами и произвести на свѣтъ новое ихъ поколѣніе. По вліянію жившихъ на кладбищѣ монахинь и богадѣленныхъ старухъ, пропитанныхъ духомъ крайняго аскетизма, почти никогда рогожскія воспитанницы не выходили замужъ.

Рогожскій сиротскій домъ значительно уменьшился въ 1834 году, когда воспрещено было держать въ немъ дѣтей свыше трехлѣтняго возраста, по достиженіи котораго велѣно было отдавать ихъ въ Императорскій

---

[1]) А въ то же время умалишенныхъ не пускали въ часовни на молитву. Въ *постановленіи о единообразномъ дѣйствіи* 1825 года, въ статьѣ VI было сказано: «бѣснующимся не молиться съ вѣрными по 79 правилу апостольскому».

[2]) Есть мысль возобновить его на правилахъ рижскаго Гребенщиковскаго училища, Высочайше утвержденныхъ въ февралѣ 1866 г.

Воспитательный Домъ [1]). Въ слѣдующемъ 1835 году закрыто было и училище, какъ не находившееся въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія и не подходившее по своему устройству подъ уставъ учебныхъ заведеній 1828 года. При этомъ учениковъ велѣно было раздать родителямъ, а безродныхъ взять въ кантонисты. Тогда Рогожское училище было тайно перенесено за девять верстъ отъ Москвы въ удѣльную деревню Новинка, что̀ близъ села Коломенскаго, гдѣ оно и существовало до 1839 года при тамошней часовнѣ. Въ этомъ году оно закрыто по распоряженію управлявшаго московскою удѣльною конторой. Но въ 1840 г. открылось, что училище не уничтожено, но перенесено въ село Коломенское, къ тамошней часовнѣ, и находится подъ покровительствомъ мѣстнаго удѣльнаго головы [2]).

Въ особомъ домѣ помѣщены были умалишенные. Въ 1854 году ихъ было 7 мужчинъ и 14 женщинъ [3]). Никакого лѣченія не было. Въ комнатахъ устроены были нары. Кожаныхъ рубахъ для безпокойныхъ больныхъ не употребляли, такъ какъ это «новшество»; ихъ замѣняли старинными цѣпями. Двѣ такія цѣпи утверждены во внутреннихъ стѣнахъ зданія. На ту-же цѣпь сажали провинившуюся прислугу; сиживали также

---

1) Въ томъ же году 54 мальчика отъ 3 до 15 лѣтъ были взяты въ Воспитательный Домъ, а 14, имѣвшихъ болѣе 16 лѣтъ, въ военные кантонисты.

2) *Собраніе постановленій по части раскола*, стр. 161, 162, 172 и 176. *Журналъ московскаго совѣщательнаго о раскольникахъ комитета*, 22-го ноября 1839 г. и 10-го апрѣля 1840 г. въ архивѣ канцеляріи московскаго генералъ-губернатора.

3) Изъ 14 умалишенныхъ женщинъ одна была неизвѣстно кто такая. При пріемѣ Рогожской богадѣльни подъ правительственный надзоръ въ 1854 году, кладбищенскіе раскольники отозвались незнаніемъ, кто такая и откуда пришла на Рогожское эта загадочная женщина, а сама она не могла объяснить этого.

на ней, за пьянство и безобразіе, и бродячіе раскольничьи монахи. Говорятъ, будто въ 1829 году сидѣлъ нѣкоторое время въ этомъ домѣ на цѣпи и греческій архимандритъ Геронтій. Не имѣя на то документальныхъ доказательствъ, не утверждаемъ и не отвергаемъ этого, но передаемъ какъ слухъ, впрочемъ, весьма вѣроятный.

Домъ, извѣстный подъ названіемъ «Пріюта», назначенъ былъ для пріѣзда свадебъ, а также для отдохновенія, между часовенными службами во время говѣнья и передъ заутренями на большіе праздники, прихожанъ, жившихъ въ отдаленныхъ отъ Рогожскаго кладбища мѣстностяхъ столицы. Для сего самые почтеннѣйшіе помѣщались въ конторѣ, средніе въ пріютѣ, а простонародье въ нижнемъ этажѣ Константиновской палаты.

На Рогожскомъ кладбищѣ находились женскія обители или монастыри. Въ 1845 году ихъ было пять: а) *Пульхерина* обитель съ 6 монахинями и 40 послушницами, б) *Александры* съ 28 монахинями и послушницами, в) *Девворы* съ 38 послушницами, г) *Маргариты* съ 4 монахинями и 38 послушницами и д) *Меланіи* съ 10 послушницами. Всего съ настоятельницами въ 1854 г. было 169 женщинъ. Къ 1854 осталась одна только обитель матери Пульхеріи и ничтожные остатки обители Александриной.

Направо отъ въѣзда на кладбище, въ узенькихъ закоулкахъ, стоитъ невысокій деревянный, но обширный и помѣстительный домъ съ цѣлымъ лабиринтомъ внутреннихъ переходовъ, боковушекъ, свѣтелокъ, чулановъ, подклѣтовъ и подпольевъ, съ нѣсколькими выходами наружу и даже, какъ носились правдоподобные слухи, съ подземными переходами въ сосѣдніе дома. Этотъ домъ, уже довольно старый, состоялъ изъ двухъ отдѣленій: одно называлось «Марьинъ домъ», другое

«Маргаритинъ домъ», по имени бывшихъ настоятельницъ двухъ женскихъ обителей, построенныхъ подъ одну крышу. Постройка этихъ домовъ совершенно такая-же, какъ и постройка въ керженскихъ женскихъ обителяхъ. Это обитель матери Пульхеріи.

Въ прошломъ столѣтіи, въ первые годы существованія Рогожскаго кладбища, поступила сюда несмысленнымъ еще ребенкомъ мѣщанская дѣвочка Пелагея Анисимова Шелюкова, принявшая въ ранней молодости иночество съ именемъ Пульхеріи, а въ 1848 году— и схиму. Безъ малаго девяносто лѣтъ живетъ она на Рогожскомъ и въ столь преклонныхъ лѣтахъ сохранила память и бодрость, обладая притомъ рѣдкимъ даромъ слова и большою начитанностью. Пульхерія— живая лѣтопись Рогожскаго кладбища, но, къ сожалѣнію, эта лѣтопись, по весьма понятнымъ причинамъ, далеко не всѣмъ доступна. Строгая аскетическая и притомъ вполнѣ безупречная жизнь ея, безграничная ревность къ расколу, строгое благочестіе, тяжелыя желѣзныя вериги, которыя она носитъ, огромная начитанность, правдивость со своими и ловкая хитрость съ нераскольниками, особенно съ чиновниками,—давно поставили ее высоко во мнѣніи старообрядцевъ. Московскія купчихи-раскольницы постоянно ѣздили и ѣздятъ къ ней на поклонъ и для испрошенія молитвъ ея и совѣтовъ по семейнымъ дѣламъ. Слушая медоточивую рѣчь красноглаголевой матушки Пульхеріи, купчихи «таяли умомъ и сердцемъ», по выраженію одной изъ нихъ. И не только московскіе старообрядцы, но и всѣ знавшіе ее иногородные—питаютъ къ Пульхеріи глубокое уваженіе. Громко имя ея въ самыхъ отдаленныхъ пунктахъ старообрядческаго населенія. Такъ, въ нѣкоторыхъ обителяхъ скитовъ керженскихъ и чернораменскихъ безъ предварительнаго совѣта и благословенія матушки Пульхеріи не предпринималось ни-

чего важнаго. Она считается святою женщиной, и почитатели ея приписывають ей даже даръ прозорливости и пророчества. При такой обстановкѣ мать Пульхерія пріобрѣла огромное вліяніе на дѣла московской старообрядческой общины и сумѣла сохранять его во всю жизнь свою, никогда не возвышая голоса, никогда не переступая за ограду Рогожскаго кладбища. Во время оскудѣнія священства она вмѣстѣ съ конторщиками много заботилась и много приложила труда и обольщеній для привлеченія къ побѣгамъ на Рогожское кладбище православныхъ священниковъ, а по совращеніи ихъ въ расколъ укрывала бѣглецовъ въ своей обители и потомъ отправляла въ какую-либо нуждающуюся въ попѣ старообрядческую общину. У матери Пульхеріи была полотняная церковь, и въ ней изрѣдка, тайно, по ночамъ, служили укрываемые въ женской обители попы литургію. У Пульхеріи постоянно были запасные дары, которые разсылала она по разнымъ мѣстамъ, особенно же по селеніямъ Гуслицкой волости. По удостовѣренію протоіерея Арсеньева, мать Пульхерія въ то время, какъ онъ жилъ на кладбищѣ (1817—1844), принимала самое дѣятельное участіе въ совращеніи православныхъ мірянъ въ свою секту. Въ цвѣтущее время Рогожскаго кладбища подъ ея игуменствомъ живало по пятидесяти и болѣе монахинь и бѣлицъ. Въ 1854 году, когда съ кладбища были уже высланы всѣ иногородныя и имѣющія менѣе 50-лѣтняго возраста, у матери Пульхеріи осталось еще десять монахинь [1]) и

---

[1]) Московскія мѣщанки: Таифа 71 г. (Татьяна Рябцова), Алевтина 74 л. (Анна Макарова), Таисія 70 л. (Татьяна Оксанова), Измарагда 71 г. (Ирина Еремѣева), Θеофанія 50 л. (Θедосья Никитина), государственныя крестьянки: Манефа 67 л. (Марельяна Никитина), Деввора 62 г. (Домна Аθанасьева) и Александра 59 л. (Анна Иванова), солдатка Евсевія 69 л. (Авдотья Андреянова) и крѣпостная крестьянка Θеоктиста 64 л. (Θекла Панфилова). О самой Пульхеріи: «Разсказъ дяди Онисима» и изъ «Записокъ В. А. Сапѣлкина» въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1863 и 1864 г.

шесть послушницъ. Кромѣ того въ такъ называемомъ «Маргаритиномъ домѣ» оставались семь женщинъ, не имѣвшихъ иночества. Это остатокъ бывшей обители Маргаритиной.

Черезъ нѣсколько домиковъ отъ Пульхеріиной обители находилась другая женская обитель, въ которой игуменствовала мать Александра. Обитель эта помѣщалась въ домѣ, нарочно для того построенномъ бывшимъ попечителемъ Рогожскаго кладбища Степаномъ Тихоновичемъ Миловымъ, который въ свое время былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей по устройству заграничной старообрядческой іерархіи. Черезъ него производилась значительная часть заграничной переписки. Въ этомъ домѣ, также какъ и въ Пульхеріиной обители, устроены были внутренніе переходы, тайники и подземелья для отправленія тайныхъ требъ, ночныхъ обѣденъ въ полотняной церкви, мѵропомазанія православныхъ, переходившихъ въ расколъ, постриженія въ иночество и пр. т. п. По учрежденіи митрополіи въ Бѣлой Криницѣ, мать Александра туда перенесла свою обитель, а въ іюлѣ 1852 года сдѣлалась игуменьей Успенскаго Бѣлокриницкаго женскаго монастыря [1]).

---

[1]) Объ устроеніи сего монастыря сказано въ *Памятникѣ происходящихъ дѣлъ Бѣлокриницкаго староверческаго монастыря съ октября мѣсяца 7354 (1846) по прибытіи г-на митрополита Амвросія*, заключающемъ въ себѣ 213 постановленій митрополіи (по 25 марта 1863 г.). До 1854 года 146 постановленій писаны рукой инока Павла Великодворскаго, затѣмъ до 171 № включительно до 1855 года рукой Пафнутія (послѣ епископа коломенскаго, а нынѣ единовѣрческаго инока), потомъ до 185 № включительно до 17-го января 1855 г. рукой епископа Онуфрія, нынѣ обратившагося въ единовѣріе. Затѣмъ пропускъ за два года; въ 1859 году рукою Алипія Звѣрева-Милорадова записано только одно постановленіе о поставленіи въ попы села Бѣлой Криницы дьякона Никиты Купріянова, сына митрополита Кирилла. Затѣмъ съ 1860 года постановленія до конца записаны рукой архидіакона Филарета, нынѣ единовѣрческаго инока. Благосклонному содѣйствію профессора Н. И. Субботина обязаны мы знакомству съ этимъ и другими подлинными документами Бѣлой Криницы, за что пріятною обязанностію считаемъ выра

Съ Александрой переселились въ Бѣлую Криницу бывшія при ней на Рогожскомъ монахини: Варсонофія, Порфирія и Алевтина — вдова ямщика города Валдая, Василья Великодворскаго, мать знаменитаго въ исторіи русскаго раскола Павла, который вмѣстѣ съ Алипіемъ Звѣревымъ-Милорадовымъ, уроженцемъ посада Крылова, отыскалъ для раскольниковъ архіерея. Александру уважали московскіе старообрядцы не менѣе чѣмъ Пульхерію, и обитель ея была едва-ли не богаче всѣхъ другихъ. Въ 1854 году въ ней оставались только двѣ престарѣлыя инокини: слѣпая Варсонофія, да больная Измарагда.

Отъ обителей Девворы и Меланіи въ 1854 году и слѣдовъ по оставалось.

Въ женскихъ обителяхъ Рогожскаго кладбища устроено было общежитіе. Каждая изъ нихъ имѣла значительныя средства. Хлѣбъ, квасъ, капусту, огурцы рыбу, масло и другіе запасы жительницы обителей получали отъ кладбища и независимо отъ того пользова-

---

зить признательность этому безспорно лучшему знатоку прежняго и современнаго русскаго раскола старообрядства. Въ *Памятникѣ*, составляющемъ, такъ сказать, лѣтопись Бѣлой Криницы, подъ № 110, іюля 8-го 1852 г. записано: «Освящена церковь въ здѣшнемъ женскомъ скиту во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, которая выстроена по благоизволенію здѣшняго бѣлокриницкаго верховнаго святителя митрополита Кирилла, деревянная на каменномъ фундаментѣ, длиной въ 10, а шириной въ 6 саженъ. Въ томъ-же корпусѣ заключаются нѣсколько келій съ кухнею и кладовою для служащихъ при церкви и для жительства прочихъ безпріютныхъ одной нашей религіи женскаго пола сиротъ, вдовицъ и старицъ, то-есть въ видѣ сиротскаго призрѣнія. При сей церкви первая игуменія поставлена отъ самого г. митрополита Кирилла инокиня схимница Александра». Подъ № 205 записано: «9-го августа 1862 г. преставилась игуменія Александра». Преемницею ея была въ Бѣлокриницкомъ Успенскомъ скиту мать Евпраксія, переселившаяся вмѣстѣ съ Александрой съ Рогожскаго кладбища, но она возвратилась въ 1865 году въ Москву, гдѣ и умерла въ концѣ этого года, въ домѣ извѣстнаго теперь по старообрядческимъ дѣламъ Крючкова. См. *Русскій Вѣстникъ*, 1866 г. № 1, стр. 222.

лись щедрыми подаяніями московскихъ и иногородныхъ богачей-раскольниковъ. Подаянія эти раздавались къ большимъ праздникамъ, а также по случаю смерти какого-нибудь раскольника. Родственники умершаго обыкновенно заказывали въ обителяхъ читать псалтырь и платили за то широкою рукой. Кромѣ того богатые старообрядцы брали изъ обителей въ дома свои послушницъ, а иногда и самихъ монахинь, читать псалтырь, что́ называлось «стоять свѣчу», за что и послушницы и обитель получали денежное вознагражденіе. За сборами обитательницы рогожскихъ монастырей по городамъ не ѣздили; это водилось во всѣхъ скитахъ и монастыряхъ, но никогда въ обителяхъ рогожскихъ. Московскіе старообрядцы были такъ многочисленны и богаты и на подаянія столь щедры, что рогожскимъ матерямъ не было никакой надобности разъѣзжать по Россіи и подвергать себя разнымъ дорожнымъ затрудненіямъ и лишеніямъ для какой-нибудь тысячи рублей. Кромѣ «уставной службы», то есть чтенія и пѣнія часовъ, вечеренъ и заутренъ, монахини и послушницы занимались рукодѣльями. Рукодѣлья раздѣлялись на «бѣлоручныя» и «черныя». Къ первымъ относились вышиванья по канвѣ шелками, синелью и шерстью, вязанье кошельковъ, поясовъ, лѣстовокъ, золотошвейныя и бисерныя работы. На продажу эти работы не поступали, но назначались обыкновенно для подарковъ богатымъ раскольникамъ, которые въ долгу, разумѣется, не оставались. Къ чернымъ работамъ относились: пряденье льна, приготовленіе холста, полотна для употребленія въ обители. Тѣми-же работами занимались и призрѣваемыя на Рогожскомъ кладбищѣ женщины, пока въ силахъ были работать.

Кромѣ исчисленныхъ заведеній, на Рогожскомъ кладбищѣ было 36 домовъ, называвшихся частною собственностью, всѣ деревянные и только одинъ ка-

менный (купца Тарбѣева). Изъ нихъ въ 1854 году двѣнадцать лучшихъ и болѣе помѣстительныхъ домовъ обращены были на помѣщеніе единовѣрческаго духовенства и должностныхъ лицъ, въ томъ числѣ и домà, считавшіеся принадлежавшими попамъ Ястребову, Арсеньеву, и каменный домъ Тарбѣева. Многіе богатые купцы строили на Рогожскомъ кладбищѣ дома для помѣщенія въ нихъ раскольниковъ, иногда цѣлыми семействами, и содержали на свой счетъ [1]). Другіе раскольники, не столь богатые, но имѣвшіе связи съ вліятельными людьми Рогожскаго кладбища, строили для себя дома и жили въ нихъ до смерти. По смерти же такихъ хозяевъ строенія поступали въ общественное владѣніе. Послѣ умершихъ поповъ семейства ихъ проживали въ домахъ, которые были построены для нихъ обществомъ, получая содержаніе отъ какого-либо богатаго раскольника [2]). Обитатели кладбищенскихъ домовъ или жили на полномъ содержаніи общества наравнѣ съ призрѣваемыми въ палатахъ, или, пользуясь однимъ помѣщеніемъ, имѣли свое хозяйство. Другіе платили даже за квартиру, а иные, внесши единовременно извѣстную сумму денегъ, пользовались помѣщеніемъ пожизненно [3]).

---

[1]) Почетные граждане: Левинъ (коломенскій), Аллилуіевъ, Карпъ Васильевичъ Соколовъ, Николай Осиповичъ Осиповъ; купцы: Рязановъ, Тарбѣевъ, Скочковъ, Аверкышевъ, Турицыны, Миловы, Кобяковы и купчихи: Ширяева, Дубкова, Муравьева и др.

[2]) Такъ, напримѣръ, семейство попа Іоакима Петрова, состоявшее изъ шести женщинъ, принадлежавшихъ къ православному духовному званію, содержалось почетнымъ гражданиномъ Солдатенковымъ. Семейство попа Ефима Ѳедорова, состоявшее изъ двухъ его родственницъ, жило на общественномъ содержаніи и платило только за дрова. (*Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ 1854 г. № 79*).

[3]) Такъ, за домъ, оставшійся послѣ уставщика Заболоцкаго, пятью женщинами въ 1839 году было внесено въ казну кладбища единовременно 4 тысячи рублей ассигнаціями. За домъ попа Арсеньева двѣ женщины заплатили 1,200 р асс. Погодная наемная плата была не высока: за

Въ 1854 году, при поступленіи Рогожскаго богадѣльнаго дома подъ правительственный надзоръ, были потребованы отъ частныхъ лицъ, владѣвшихъ внутри кладбищенской ограды домами, документы на ихъ строенія. Ни у кого документовъ и плановъ не оказалось, и 2-го января 1857 года дѣло кончилось тѣмъ, что всѣ строенія Рогожскаго кладбища признаны были принадлежностью богадѣльнаго дома.

Собственно кладбище находится въ сѣверной части ограды, подлѣ Никольской часовни, нынѣ обращенной въ единовѣрческую церковь, и въ южной находится небольшой общественный садъ.

Для безопасности отъ пожара были на Рогожскомъ кладбищѣ двѣ пожарныя трубы и три бочки.

Рогожское кладбище имѣло свой значительный капиталъ, составленный изъ пожертвованій, дѣланныхъ въ разное время, изъ суммъ, назначавшихся по духовнымъ завѣщаніямъ [1]), отъ кошельковаго сбора, отъ

домъ платили по 50, по 40 и даже по 10 руб. сер. въ годъ. (*Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ* 1854 № 76).

[1]) Въ духовныхъ завѣщаніяхъ обыкновенно предоставлялось душеприказчику сдѣлать пожертвованіе въ извѣстномъ размѣрѣ *на богоугодныя дѣла* по его усмотрѣнію, а куда и сколько дать — о томъ изъявлялась воля завѣщателя словесно или въ частной запискѣ. Такъ дѣлалось потому, что Рогожское общество не было обществомъ признаннымъ правительствомъ, и гражданская палата могла бы не утвердить завѣщанія, если бы въ немъ ясно была высказана воля завѣщателя. Вотъ обыкновенная для того формула; заимствуемъ ее изъ завѣщанія Ѳедора Андреевича Рахманова, утвержденнаго московскою гражданскою палатой, 29-го іюля 1851 года (подлинникъ находится въ *слѣдственномъ дѣлѣ о дѣйствіяхъ Кочуева и другихъ раскольниковъ*): «Завѣщеваю душеприказчикамъ (Василью Григорьевичу и Алексѣю Алексѣевичу Рахмановымъ, Кузьмѣ Терентьевичу Солдатенкову и Николаю Дмитріевичу Царскому) изъ оставшагося по смерти моей капитала на поминовеніе грѣшной моей души, на раздачу неимущимъ и бѣднымъ людямъ, нищей братіи, а равно на искупленіе должниковъ, содержащихся подъ стражей за долги, употребить такую сумму, *какую они, душеприказчики, заблагоразсудятъ съ общаго всѣхъ ихъ согласія, по ихъ благоусмотрѣнію, ибо я сіе совершенно*

продажи въ часовняхъ свѣчъ и т. п. Увѣряютъ, что рогожскій капиталъ въ цвѣтущее время кладбища простирался до 2½ милл. руб. сер., и что при каждомъ значительномъ расходѣ, произведенномъ изъ этого капитала, онъ немедленно пополнялся или подпиской, или даже по раскладкѣ между богачами. Значительнѣйшая доля этого капитала обыкновенно находилась на рукахъ у кого-либо изъ богачей, какъ напримѣръ въ прежнее время у Антипа Дмитріевича Шелапутина, и по смерти его у Θедора Андреевича Рахманова. Они распоряжались общественными деньгами безотчетно, выдавая, однако, исправно извѣстные проценты на содержаніе часовенъ и богоугодныхъ заведеній кладбища. Незначительная часть рогожскаго капитала хранилась въ конторѣ въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, положенныхъ завѣщателями. Въ 1854 году, при пріемѣ Рогожскаго богадѣльнаго дома въ правительственное вѣдѣніе, найдено такихъ капиталовъ въ именныхъ билетахъ Московскаго опекунскаго совѣта только на 17,464 руб. 82 коп. [1]) и незначительное количество наличныхъ денегъ на те-

---

предоставляю на ихъ добрую волю и увѣренъ въ нихъ, что они исполнятъ мое назначеніе вполнѣ». Изъ дѣла видно, что на дѣла благотворенія отчислено 600 тысячъ руб. сер. Но главное назначалось (отъ 300 до 400 тыс.) на Бѣлую Криницу, какъ видно изъ собранныхъ свѣдѣній, находящихся въ томъ же дѣлѣ.

[1]) По билетамъ: 1) купчихи Татьяны Ивановны Соколовой на вѣчное время вложены въ 1832 году пять тысячъ руб. ассиг. на содержаніе убогихъ; 2) за упокой купца Архипа Петровича Абертышева на вѣчное время положены въ 1820 году 200 тысячъ руб. ассиг. на содержаніе богадѣленъ; 3) по духовному завѣщанію купчихи Анисьи Никифоровны Левиной положены въ 1829 году 15 тыс. руб. асс. на содержаніе богадѣленъ; 4) вложенные 1829 г. неизвѣстнымъ 200 руб. асс. на содержаніе богадѣленъ; 5) вкладъ московскаго купца Михаила Александрова Емельянова 1847 года въ 2,860 руб. сер. на содержаніе богадѣленъ и 6) московскаго купца Петра Андреевича Мануйлова 1847 г. въ 3 тысячи руб. сер. на содержаніе богадѣленъ.

кущіе расходы. Безыменныхъ билетовъ, которыхъ было много, не нашлось ни одного. Все было заблаговременно къ рукамъ припрятано. Наконецъ, въ 1865 году и незначительный остатокъ громаднаго нѣкогда рогожскаго капитала былъ украденъ посредствомъ ловкаго мошенничества людей, переодѣвшихся жандармскимъ полковникомъ, квартальнымъ надзирателемъ и добросовѣстными.

Переходимъ за симъ къ замѣчательнѣйшимъ лицамъ изъ рогожскаго духовенства.

Въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія Владимірской губерніи, Юрьевскаго уѣзда, въ селѣ Пѣньѣ [1]), былъ священникъ Иванъ Матвѣевичъ Ястребовъ. Была у него жена, попадья ревнивая, Аѳимьей звали, а попъ падокъ былъ на грѣховную женскую лѣпоту. Грѣхомъ случилось такъ, что молоденькая попова работница отъ батюшки учинилась непраздна. Пока ревнивая попадья Аѳимья о такомъ дѣлѣ не свѣдала, Иванъ Матвѣевичъ заблагоразсудилъ вытравить ребенка въ утробѣ своей Агари. Пѣньевская Сарра не знала о продѣлкѣ своего Авраама и равнодушно смотрѣла, какъ работница, лечась отъ лихоманки, пила взварецъ, приготовленный руками самого батюшки. Но, должно быть, Иванъ Матвѣевичъ очень уже поусердствовалъ, приготовляя цѣлебный напитокъ: прекрасная рабыня умерла. Началось уголовное дѣло о вытравленіи младенца и объ отравленіи его матери. Ястребову приходилось плохо. Провѣдавшіе о томъ рогожцы явились къ Ивану Матвѣевичу, предлагая ему тихое

---

[1]) А не Пеньковѣ, какъ сказано по ошибкѣ писца въ *Журналѣ московскаго совѣщательнаго о раскольникахъ комитета* 28-го іюня 1837 г., статья 3 (въ архивѣ московскаго генералъ-губернатора). Села Пенькова нѣтъ во всей Владимірской губерніи. Село Пѣнье находится въ 37 верстахъ отъ Юрьева, подлѣ почтоваго тракта въ Переяславль (*Списки населенныхъ мѣстностей Россійской имперіи*, часть VI, № 6,080).

и безмятежное житіе на ихъ кладбищѣ. Онъ былъ непрочь. Но двоюродный братъ Ястребова, Лука Ивановичъ Сокольскій, помощникъ секретаря владимірской консисторіи, приказными своими продѣлками повернулъ дѣло на то, чтобы родственнику его остаться правымъ, а смерть работницы отнести къ волѣ Божіей. «Отъ Сокольскаго, вѣроятно для таковаго же прикрытія,—сказано въ журналѣ,—передано секретарю Протопопову, отъ чего и неизвѣстно о немъ было епархіальному начальству». При такомъ оборотѣ дѣла [1]) Иванъ Матвѣевичъ и раздумалъ было идти къ раскольникамъ, но на бѣду очень онъ любилъ лошадокъ. Московскіе раскольники подвели ему великолѣпнаго рысака въ 800 рублей—деньги по тому времени очень большія, и попъ не въ силахъ былъ удержаться передъ видомъ породистаго жеребца. Онъ перешелъ на Рогожское. Это было въ 1802 году. Полвѣка прожилъ Ястребовъ, этотъ хитрый, лукавый, но умный и начитанный попъ, на Рогожскомъ кладбищѣ, пользуясь громаднымъ уваженіемъ раскольниковъ за свой фанатизмъ въ дѣлѣ раскола [2]). Но еще въ селѣ Пѣньѣ, къ крайней обидѣ попадьи Афимьи, соблазняясь на женскую красоту,—не покинулъ Иванъ Матвѣевичъ своей грѣховной страсти и на новомъ мѣстѣ. И не покидала его страсть сія даже до смерти. Соблазновъ же для сладострастнаго пастыря на Рогожскомъ было много: молодыя читалки жили какъ-разъ рядомъ съ домомъ,

---

[1]) *Журналъ московскаго совѣщательнаго о раскольникахъ комитета* 28-го іюня 1837 г., гдѣ и справки изъ дѣлъ владимірской консисторіи. *Дѣло владимірской духовной консисторіи 1801 года о священникѣ села Пѣнья Юрьевской округи, Іоаннѣ Ястребовѣ.*

[2]) На его надгробномъ памятникѣ, на Рогожскомъ кладбищѣ, слѣдующая надпись: «подъ симъ камнемъ погребено тѣло священноіерея Іоанна Матеѣевича Ястребова, трудившагося паствою православныхъ христіанъ при семъ Рогожскомъ кладбищѣ 49 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ. Скончался 19-го декабря 1853 года. Житія его было 83 года»

выстроеннымъ для Ивана Матвѣевича. Ревнивая попадья Афимья много скорбѣла, глядя на новыя любовныя похожденія сожителя, и не выдержала—подожгла кельи читалокъ. Но Иванъ Матвѣевичъ не исправился и послѣ этого [1]).

Но все прощалось рогожцами попу Ивану Матвѣевичу, прощалось за его безпредѣльную ревность къ расколу, за его «словеса учительныя и пользительныя старообрядству», за важныя услуги, оказанныя имъ Рогожскому кладбищу. Еще былъ онъ «попомъ-новикомъ» на Рогожскомъ, всего еще десять лѣтъ священствовалъ у раскольниковъ, какъ надъ Москвой разразилась французская гроза 1812 года. Старообрядцы въ страхѣ разбѣжались. Бо́льшею частью укрылись они въ Гавриловомъ посадѣ Владимірской губерніи, въ Романовѣ и въ Керженскихъ скитахъ. Иванъ Матвѣевичъ остался на кладбищѣ. Извѣстно, что вступленіе непріятеля въ столицу было совершенно неожиданно для ея жителей, которыхъ графъ Ростопчинъ до послѣдняго часа обнадеживалъ въ безопасности Москвы. Извѣстно также, что изъ самыхъ даже кремлевскихъ соборовъ не успѣли вывезти заблаговременно драгоцѣнности, которыя и сдѣлались добычей наполеоновской арміи. Драгоцѣнности Рогожскаго кладбища тоже, разумѣется, остались на своихъ мѣстахъ. Попъ Иванъ Матвѣевичъ не бѣжалъ, подобно другимъ, въ виду непріятеля, хотя и имѣлъ къ тому всѣ средства,—онъ остался хозяйничать на Рогожскомъ. Съ помощію нѣсколькихъ работниковъ, иконы, книги и все церковное

---

[1]) Изъ «Записокъ В. А. Сапѣлкина» въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1864 г., № 11. О нѣкоторыхъ любовницахъ попа Ивана Матвѣевича, на основаніи офиціальныхъ документовъ, было сказано въ IX главѣ настоящихъ очерковъ. Все что говорится въ настоящихъ очеркахъ о духовныхъ лицахъ Рогожскаго кладбища основано на документахъ, хранящихся въ правительственныхъ архивахъ Петербурга и Москвы.

имущество онъ успѣлъ скрыть въ нарочно вырытыхъ, а потомъ засыпанныхъ на кладбищѣ могилахъ. Ограбивъ Москву, французы пожаловали и на Рогожское кладбище, но, не найдя, чѣмъ поживиться, оставили его нетронутымъ. Какъ скоро они очистили городъ, Иванъ Матвѣевичъ, еще до возвращенія разбѣжавшихся старообрядцевъ, все поставилъ на своихъ мѣстахъ. Спасеніе рогожскихъ драгоцѣнностей приписано было особенному покровительству Божію, оказанному послѣдователямъ «истинной вѣры» [1]), и въ память того сдѣлана надпись въ Рождественской часовнѣ. «И дѣйствительно,—говорили рогожцы,—православныя церкви разграблены, у безпоповцевъ на Преображенскомъ кладбищѣ все цѣло, но потому, что преображенцы въ день вступленія французовъ въ Москву посылали къ французскому коменданту ходатая на поклонъ съ тарелкой золота, получили охранную стражу изъ жандармовъ, водворили на преображенскомъ французскую фабрикацію русскихъ фальшивыхъ ассигнацій и даже удостоились посѣщенія самого императора французовъ съ королемъ Неаполитанскимъ. А Рогожцы никого не просили, а все осталось цѣло. Это чудо: Богъ ослѣпилъ враговъ, ничего они не нашли»,—стали говорить рогожцы, и такіе разсказы имѣли огромное вліяніе на увеличеніе совращеній въ поповщинскую секту православныхъ и нѣкоторыхъ безпоповцевъ. Другую услугу Рогожскому кладбищу оказалъ попъ Иванъ Матвѣевичъ немедленно по очищеніи Москвы непріятелемъ. Ему, говорятъ, обязано было Рогожское кладбище тѣмъ, что графъ Платовъ оставилъ въ немъ полотняную церковь, а начальникъ Москвы словесно разрѣшилъ служить въ ней обѣдни.

---

[1]) Протоіерей Арсеньевъ. *Записка о Рогожскомъ кладбищѣ.*

Возвысившись такимъ образомъ во мнѣніи старообрядцевъ въ годину московскаго разоренія, Иванъ Матвѣевичъ окончательно стяжалъ славу «крѣпкаго адаманта и твердаго хранителя святоотеческихъ законовъ и древлецерковнаго благочестія» вскорѣ послѣ воспретительнаго указа 1827 года. При послѣдовавшемъ, вслѣдствіе того указа, «оскудѣніи священства», рогожскіе старообрядцы увидѣли себя въ безвыходномъ положеніи. Значительная ихъ часть громко заговорила о принятіи правильнаго священства, то есть единовѣрія, особенно простонародье. Старики и фанатическіе ревнители раскола ужаснулись, при видѣ столь несообразнаго съ ихъ видами и расчетами направленія умовъ народа. Во что бы то ни стало они вознамѣрились поддержать прежній порядокъ вещей и ни подъ какимъ видомъ не допускать на кладбищѣ единовѣрческаго богослуженія [1]. Помогъ и въ этомъ случаѣ горю ихъ попъ Иванъ Матвѣевичъ.

Много было по этому случаю собраній на Рогожскомъ. Много было толковъ, споровъ и ссоръ. У простыхъ людей и до драки дѣло доходило. Наконецъ, чтобы «умирить все народное множество», по совѣту Ивана Матвѣевича, назначенъ былъ день для великаго собора. Накунунѣ отпѣли всенощную, поутру отправили часы и совершили крестный ходъ кругомъ часовни. Все это сдѣлано было съ особенною торжественностью, стройно и чинно и сильно подѣйствовало на народную массу. Затѣмъ среди Рождественской часовни поставили аналогій, Иванъ Матвѣевичъ положилъ на немъ крестъ и евангеліе и сталъ возлѣ. Какъ скоро часовня наполнилась собравшимися на со-

---

[1]) Протоіерей Арсеньевъ. *Записка о Рогожскомъ кладбищѣ.*

вѣщаніе, онъ, не допуская начала разсужденій, поднялъ руку съ двуперстнымъ сложеніемъ и громко произнесъ: «Стойте въ истинной вѣрѣ и за правый крестъ до послѣдней капли крови! Кто послѣдуетъ истинной Христовой вѣрѣ, подходи и цѣлуй крестъ и евангеліе, а кто не желаетъ оставаться на прежнемъ положеніи—выходи вонъ». Эффектъ вышелъ чрезвычайный: всѣ до единаго приложились ко кресту, и о принятіи на кладбищѣ правильнаго священства и рѣчи больше не стало. Вѣсть объ этомъ распространилась по всему старообрядству, и слава Ивана Матвѣевича прогремѣла далеко [1]).

По смерти попа Ивана Ефимова, около 1825 года, Иванъ Матвѣевичъ сдѣлался старшимъ попомъ Рогожскаго кладбища. У него духовными дѣтьми, за весьма немногими исключеніями, была вся московская старообрядческая аристократія, всѣ богачи и вліятельные люди. Онъ былъ умнѣе и начитаннѣе другихъ рогожскихъ поповъ, и странное повидимому дѣло: между тѣмъ какъ товарищи его всячески старались какъ можно осторожнѣе выражаться о православіи, Иванъ Матвѣевичъ постоянно относился къ нему враждебно, съ желчью и нерѣдко даже съ богохульствомъ. Другіе попы замѣтно тяготились совѣстью при воспоминаніи объ оступничествѣ и старались хоть виномъ залить ее: Ивана Матвѣевича никогда не мучило раскаяніе. За то и пилъ онъ воздержно, предпочитая вину фрукты изъ оранжерей духовныхъ чадъ своихъ и красивыхъ дѣвицъ изъ собственнаго своего духов-

---

1) *Журналъ московскаго совѣщательнаго о раскольникахъ комитета*, 28-го іюня 1837 г. (въ архивѣ канцеляріи московскаго генералъ-губернатора), изъ котораго видно, что объ этомъ происшествіи писалъ саратовскій преосвященный московскому викарію, управлявшему епархіей за отсутствіемъ митрополита Филарета, жившаго тогда въ Петербургѣ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ.

наго вертограда. Другіе рогожскіе попы рано или поздно возвращались въ нѣдра покинутой церкви: Иванъ Матвѣевичъ не допускалъ и мысли о примиреніи съ нею. Ни одинъ изъ дозволенныхъ поповъ не соглашался на учрежденіе заграничной старообрядческой іерархіи: Иванъ Матвѣевичъ былъ въ числѣ ея учредителей и впослѣдствіи призналъ надъ собой главенство и бѣлокриницкаго митрополита, и Софронія, который нѣкогда подъ именемъ Степки Жирова былъ у него въ пѣвчихъ. Въ то-же время и съ рогожскою святыней Иванъ Матвѣевичъ обращался самымъ безцеремоннымъ образомъ и на свое служеніе постоянно смотрѣлъ какъ на доходное ремесло.

Другой рогожскій попъ, очень уважаемый раскольниками и уважаемый по справедливости, Александръ Ивановичъ Арсеньевъ, былъ прежде православнымъ священникомъ въ Костромской епархіи. Приходъ у него былъ бѣдный, и Арсеньевъ нуждался въ самыхъ необходимыхъ жизненныхъ средствахъ. Прельщенный раскольниками, посулившими ему жизнь спокойную и не только безбѣдную, но даже роскошную, онъ бѣжалъ на Рогожское въ 1817 году, и старшимъ попомъ Иваномъ Ефимовымъ перемазанъ въ полотняной церкви. Двадцать семь лѣтъ служилъ онъ на кладбищѣ, и странная судьба семейства Арсеньевыхъ· служилъ онъ раскольникамъ въ то самое время, когда родной братъ его, Константинъ Ивановичъ, нашъ извѣстный ученый, преподавалъ исторію и статистику Россіи Наслѣднику-Цесаревичу. Александръ Ивановичъ Арсеньевъ былъ человѣкъ съ отличными природными способностями, большой начетчикъ и отличался безупречной жизнью, коризненною нравственностію. За то и пользовался онъ уваженіемъ и любовію старообрядцевъ. Многіе изъ нихъ, даже въ нѣкоторый ущербъ Ивану-Матвѣевичу, считали его «что ни на есть лучшимъ по-

помъ [1]). Духовныхъ дѣтей было у него больше, чѣмъ у другихъ поповъ, особенно много бывало у него на духу женщинъ. Арсеньевъ былъ человѣкъ энергическій, рѣшительный, но въ то-же время крайне самонадѣянный. Вслѣдствіе того онъ нерѣдко нарушалъ условія, съ соблюденіемъ которыхъ правительство дозволяло попамъ, дозволеннымъ правилами 1822 года, доживать вѣкъ свой на Рогожскомъ кладбищѣ. Въ 1833 году онъ переправилъ въ расколъ солдатку, вѣнчалъ свадьбы ранѣе опредѣленнаго закономъ возраста, вѣнчалъ по раскольнически православныхъ и даже выдавалъ въ томъ письменныя свидѣтельства. Возникли дѣла, и московскій совѣщательный о раскольникахъ комитетъ въ 1837 году постановилъ: отослать Арсеньева на законное сужденіе къ костромскому преосвященному, изъ епархіи котораго онъ двадцать лѣтъ передъ тѣмъ бѣжалъ. Для исполненія этого постановленія потребовали Александра Ивановича въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора, но рогожцы отвѣчали полиціи, что Арсеньевъ находится въ отсутствіи [2]), хотя отлучки рогожскимъ попамъ и были воспрещены закономъ. Дѣйствительно же Арсеньевъ не думалъ выѣзжать изъ Рогожскаго кладбища и жилъ спокойно въ своемъ домѣ, даже разъѣзжалъ по Москвѣ въ каретѣ, но съ опущенными сторами на окнахъ. Такимъ образомъ, скрытно, но конечно небезызвѣстно для московской полиціи, проживалъ Александръ Ива-

---

[1]) *Письмо московской купчихи Соколовой* къ Александрѣ, игуменьѣ Игнатьевой обители въ Комаровскомъ скиту (Семеновскаго уѣзда, Нижегородской гуоерніи), 23-го марта 1840 года, находится при *дѣлѣ о бѣгломъ іеромонахѣ Иларіи* въ архивѣ въ нижегородскомъ губернскомъ правленіи.

[2]) *Журналы московскаго совѣщательнаго о раскольникахъ комитета* 28-го іюня 1837 и 17-го іюля 1838 года въ архивѣ московскаго генералъ-губернатора.

новичъ цѣлые семь лѣтъ, до самыхъ тѣхъ поръ, какъ, наконецъ, по Высочайшему повелѣнію, 25-го апрѣля 1884 года, былъ взятъ и отправленъ въ Кострому [1]). Кладбищенскій конторщикъ Синицынъ и пѣвчій, а потомъ уставщикъ, Жигаревъ нерѣдко ѣздили въ Кострому и поддерживали связи Арсеньева съ московскимъ старообрядчествомъ. Черезъ нѣсколько времени онъ, однако, обратился къ единовѣрію и сдѣланъ былъ протоіереемъ и благочиннымъ всѣхъ единовѣрческихъ церквей Черниговской епархіи. Связи свои съ Рогожскимъ кладбищемъ онъ, однако, сохранялъ до самой смерти и, бывая въ Москвѣ, всегда посѣщалъ бывшихъ своихъ сослужебниковъ, поповъ Ястребова и Русанова [2]). Двѣ большія записки его, одна — *о Рогожскомъ кладбищѣ*, другая — *о дѣйствіяхъ Кочуева*, писанныя въ 1854 году, служили важнымъ пособіемъ при составленіи этихъ очерковъ.

Попъ Петръ Ермиловичъ Русановъ — лицо также весьма замѣтное въ старообрядчествѣ. Онъ былъ православнымъ сельскимъ священникомъ во Владимірской епархіи и бѣжалъ на Рогожское въ началѣ 1822 года. Былъ слухъ, что раскольники, уговаривая его перейти къ нимъ, соблазнили его, — подаривъ бочку самаго лучшаго, самаго чистаго дегтя. Объ этой молвѣ упоминается въ архивныхъ дѣлахъ. Веселый былъ человѣкъ Петръ Ермиловичъ и подъ пьяную руку самъ иногда подтверждалъ этотъ слухъ. «Ермилычъ» —

---

1) Какъ его брали съ кладбища—подробно разсказано въ *Зрителѣ* 1863 года. Статья *Зрителя* перепечатана въ *Сборникѣ изъ исторіи старообрядчества* Н. Попова.

2) Собственноручное его показаніе, находящееся въ *слѣдственномъ дѣлѣ о дѣйствіяхъ Аѳонія Кочуева и другихъ раскольниковъ*, находившихся подъ слѣдствіемъ и прикосновенныхъ къ нему въ 1854 и 1855 годахъ. При дѣлѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ 7-го мая 1853 года, № 8—519.

такъ обыкновенно звали этого забубеннаго попа—былъ человѣкъ пьяный, алчный до денегъ и распутный. Въ пьянствѣ всегда доходилъ до безобразія. Его терпѣли единственно «ради оскудѣнія священства». Бывало, какъ только попадаетъ ему въ голову, сейчасъ ругаться. Кто ни попадись на глаза, хоть сама мать Пульхерія, сейчасъ обзоветъ ее дурой и раскольницей и начнетъ обличать расколъ и разсказывать всѣ извѣстныя ему рогожскія тайны. Онъ презиралъ раскольниковъ и не упускалъ ни одного случая посмѣяться надъ ними. На свадьбахъ, на обѣдахъ у богачей, если тутъ случался Ермилычъ, и хозяева и гости бывало Бога молятъ, чтобы пронесъ благополучно. Но этого никогда почти не вымаливали. Какъ напьется Ермилычъ, такъ и пойдетъ всѣхъ еретиками обзывать и ругаться надъ расколомъ. Молодыя женщины и дѣвушки къ нему и на духъ не ходили. Съ Иваномъ Матвѣевичемъ онъ никогда не ладилъ. Не только при частныхъ встрѣчахъ, но и въ соборныхъ служеніяхъ, на которыхъ Ястребовъ занималъ первое мѣсто, не упуститъ бывало Ермилычъ кольнуть сослужебника.

— Эхъ ты, архипастырь! на сиваго жеребца святую церковь промѣнялъ!—скажетъ ему бывало вполголоса.

— А ты, пьяница. на бочку дегтю, — злобнымъ шопотомъ отвѣтитъ Иванъ Матвѣичъ и набожно возведетъ горѣ преподобныя очи свои.

Впослѣдствіи, когда, за недостаткомъ поповъ, прекратились въ рогожскихъ часовняхъ соборныя служенія и осталось только двое священнослужителей — Ермилычъ съ Ястребовымъ, они ужь и не встрѣчались. Бывало Ермилычъ въ часовню, Иванъ Матвѣевичъ хоть и служитъ—ризы долой и вонъ. Привелось же, однако, Ермилычу отпѣвать своего друга. И въ чинѣ погребенія у него ругательства мѣшались съ мо-

литвами. Не забылъ онъ, сказываютъ, надъ гробомъ преставльшагося и сиваго жеребца помянуть. Ужь на что мать Пульхерія, всегда снисходительная къ попамъ и обвинявшая одного дьявола во всѣхъ ихъ безобразіяхъ, и та послѣ говорила, что нехорошо было на похоронахъ Ивана Матвѣевича и грѣшно.

Особенно тѣмъ пугалъ старообрядцевъ Петръ Ермилычъ, что при каждой съ ними брани грозилъ, что сейчасъ же поѣдетъ къ митрополиту Филарету, падетъ ему въ ноги, будетъ просить прощенія и дозволенія возвратиться въ православіе—и разскажетъ все, что знаетъ о раскольничьихъ тайныхъ дѣлахъ. Много ему денегъ за то перепало, чтобы онъ какъ-нибудь и въ самомъ дѣлѣ не исполнилъ такого обѣщанія. Но подъ конецъ онъ возвратился же въ православіе. Въ 1854 года, 24-го іюня, давая отвѣты слѣдственной комиссіи по дѣлу о дѣйствіяхъ Кочуева и другихъ раскольниковъ [1]), Русановъ собственноручно написалъ «всегда было и теперь желаніе мое есть присоединиться къ православію, но предоставляю это времени». Ровно черезъ четыре мѣсяца послѣ этого (23-го ноября) онъ, дѣйствительно, присоединился къ церкви на условіяхъ единовѣрія и остался жить на Рогожскомъ до самой смерти (въ январѣ 1857 года). Обратившись къ единовѣрію, Ермилычъ покинулъ пьянство и прежнія безобразія, но алчность къ деньгамъ не оставила его: онъ продавалъ рѣдкія книги и прикидывался нищимъ, выпрашивалъ подаяній у единовѣрцевъ, хотя у него и лежало на сто тысячъ рублей процентныхъ бумагъ, какъ говорила дочь его [2]).

---

[1]) Въ 1854 году Высочайше учрежденная слѣдственная комиссія на нѣкоторое время переведена была изъ Петербурга въ Москву.

[2]) Вскорѣ по присоединеніи его къ единовѣрію (24-го марта 1855 г.) раскольникъ, мѣщанинъ Василій Васильевъ, забравшись къ нему въ домъ, хотѣлъ убить его. Но пистолетъ, поставленный въ упоръ, далъ три осѣчки сразу. Васильевъ смутился и кинжаломъ распоролъ себѣ животъ.

Изъ недозволенныхъ священнослужителей, которыхъ не мало перебывало на Рогожскомъ кладбищѣ, упомянемъ о трехъ болѣе замѣчательныхъ: архимандритѣ Геронтіи, іеромонахѣ Иларіи и попѣ Ѳедорѣ Васильевичѣ Соловьевѣ.

Геронтій былъ архимандритъ греческій, съ Аѳонской, кажется, горы, жилъ въ Оптиной Козельской пустыни и даже нѣкоторое время былъ въ ней настоятелемъ. Но, вдавшись въ пьянство, вдался онъ и въ расколъ, конечно, какъ грекъ, не понимая вполнѣ его сущности и перейдя къ раскольникамъ единственно изъ-за денегъ и изъ-за обѣщанной хорошей жизни. Въ 1825 году Геронтій явился въ Макарьевъ монастырь[1]), гдѣ былъ принятъ настоятелемъ Евлогіемъ и всѣмъ «Вѣтковскимъ соборомъ». Но подъ чинъ прі ятія, то есть подъ мѵропомазаніе, Геронтій здѣсь не ходилъ, едва-ли не потому, что въ вѣтковскихъ монастыряхъ на ту пору не случилось ни бѣглаго попа, ни мѵра. Вскорѣ грекъ-раскольникъ явился на Рогожскомъ, гдѣ и былъ принятъ попомъ Алексѣевымъ, посредствомъ мѵропомазанія. Рогожцы очень было возрадовались тому, что совершенно неожиданно попалъ къ нимъ не попъ, а цѣлый архимандритъ; но безобразіе Геронтія, постоянно бывшаго въ безпросыпномъ пьянствѣ, было такъ велико, что и они, вообще снисходительные къ подобнымъ поступкамъ пастырей, выслали Геронтія не только съ кладбища, но и изъ самой Москвы (около 1830 г.). Вскорѣ Геронтій былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе за бродяжничество и уклоненіе въ расколъ. По увольненіи его тамъ на собственное продовольствіе, онъ покинулъ было расколъ и по слезной просьбѣ былъ принятъ въ число

[1]) Могилевской губерніи, Гомельскаго уѣзда, основанъ около 1740 г., обращенъ въ единовѣрческій въ 1844 году.

братства Селенгинскаго Троицкаго монастыря. Въ 1833 году, отлучась на время изъ монастыря подъ благовиднымъ предлогомъ, Геронтій былъ найденъ въ Урлукскомъ селеніи пьянствующимъ у тамошняго раскольничьяго уставщика. При немъ найдены запасные дары, старинный антиминсъ патріарха Іоасафа I и актъ, данный Геронтію отъ вѣтковскаго собора Макарьева монастыря и отъ Рогожскаго кладбища, свидѣтельствующій о пріемѣ его въ расколъ и повелѣвающій всѣмъ старообрядцамъ оказывать ему уваженіе и принимать отъ него, *яко отъ страдальца*, благословеніе[1]). Оказалось, что Геронтій правилъ требы у сибирскихъ раскольниковъ Дальнѣйшая судьба его намъ неизвѣстна

Иларій происходилъ изъ купеческаго званія и былъ іеромонахомъ и казначеемъ въ Спасопреображенскомъ монастырѣ, что̀ въ кремлѣ города Казани. Бѣжалъ къ раскольникамъ въ 1830 году. Онъ жилъ то на Иргизѣ, то въ Москвѣ, то въ Казани, то въ женской обители Игнатьевой Комаровскаго скита, въ Семеновскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи [2]). Пріобрѣтеніе Иларія для

---

[1]) *Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ* 1834 г., № 55. Къ свидѣтельству была приложена печать Рогожскаго кладбища, вслѣдствіе чего оно было отобрано.

[2]) Комаровскій скитъ близъ деревень Елфимова и Ронжина, основанъ въ началѣ XVIII ст. раскольникомъ Комаромъ, пришедшимъ сюда изъ окрестностей Твери. Въ этомъ скиту была мужская обитель Іоанна, существовавшая до тридцатыхъ годовъ, и 16 женскихъ обителей, одна отъ другой независимыхъ. Въ числѣ такихъ обителей была обитель Игнатьева, находившаяся рядомъ съ Іониной, одна изъ самыхъ богатыхъ и многолюдныхъ, съ большою часовней. Она была основана новоторжскимъ раскольникомъ, отцомъ Игнатіемъ, лично извѣстнымъ императрицѣ Екатеринѣ II. Впослѣдствіи (еще въ прошломъ столѣтіи) мужская Игнатіева обитель обращена въ женскую и существовала до 1853 г., когда вмѣстѣ съ другими уничтожена. Въ послѣднее время настоятельницей этой обители была крестьянская дѣвка государственной деревни Михайловой (Семеновскаго уѣзда) Агаѳья Константинова, во иночествѣ Александра, за-

раскольниковъ было очень важно: хотя въ то время у нихъ было довольно бѣлыхъ поповъ, но мало было черныхъ (іеромонаховъ), необходимыхъ для полнаго постриженія въ иноческій чинъ. Въ этомъ отношеніи Иларій вполнѣ оправдалъ возлагавшіяся на него надежды раскольниковъ: въ семнадцать или восемнадцать лѣтъ пребыванія между ними, говорятъ, онъ постригъ въ разныхъ мѣстахъ до двухъ тысячъ монаховъ и монахинь. Изъ этого числа цѣлая половина приходится на долю Москвы. Въ 1837 году, по обращеніи Средненикольскаго монастыря на Иргизѣ въ единовѣрческій, тамошніе отцы успѣли передать Иларію полотняную церковь во имя Симеона Столпника. Съ этою церковью Иларій разъѣзжалъ по Россіи, служа обѣдни; бывалъ онъ на Дону, на Уралѣ, въ Пермской и Вятской губерніяхъ, но преимущественно проживалъ въ Москвѣ, въ Казани, при тамошней Коровинской часовнѣ, и въ Игнатьевской обители Комаровскаго скита. Въ этомъ скиту священноинокъ сблизился съ сестрою тамошней игуменьи, сдѣлалъ ее инокиней и своею любовницей. Когда, по Высочайшему повелѣнію, возникли розыски Иларія, онъ удалился съ своею подругой въ Яранскій уѣздъ Вятской губерніи, гдѣ и жилъ въ деревнѣ Починкѣ, подъ именемъ нижегородскаго мѣщанина Ѳедора Григорьева. Изъ Починка ѣздилъ изрѣдка на Рогожское, а чаще въ Казань. Въ этомъ городѣ былъ взятъ и преданъ законному сужденію. Его лишили сана и послали въ Соловецкій монастырь въ заточеніе.

мѣчательная умомъ, фанатизмомъ, краснорѣчіемъ и толщиной: въ ней было тринадцать пудовъ вѣсу. Въ ея обители жила сестра ея, дѣвица Авдотья Константинова, въ иночествѣ Елисавета, съ дочерьми Клавдіей и Александрой, рожденными отъ Иларія. По высылкѣ изъ скитовъ постороннихъ жителей, то есть неприписанныхъ къ скитамъ по ревизіи, что̀ было въ 1853 году, мать Александра жила въ деревнѣ Михайловой, гдѣ и умерла около 1860 года.

Во время пересылки Иларія въ Соловки, раскольники совершили одну изъ самыхъ ловкихъ своихъ продѣлокъ. И побуждены они были къ этой продѣлкѣ не столько быть можетъ ради достиженія сектаторскихъ цѣлей, сколько ради удовлетворенія горячаго чувства черноглазой, краснощекой старицы Елисаветы. Она, дѣйствительно, была очень хороша собой и въ пожилыхъ уже лѣтахъ, а дочери ея и Иларія были рѣдкія красавицы. Украли Иларія комаровскія матери слѣдующимъ образомъ. Изъ Казани онъ препровождался по этапу, и въ одной съ нимъ партіи шелъ до Нижняго Новгорода нѣкто Волковъ, дворовый человѣкъ казанскаго помѣщика Палицына, за пьянство и воровство отданный въ солдаты и назначенный въ нижегородскій гарнизонный батальонъ внутренней стражи. Дѣйствуя по плану, напередъ обдуманному въ Игнатьевой обители, отецъ Иларій, при выходѣ изъ Казани, уговорился съ Волковымъ перемѣниться именами, обѣщавъ ему за то тысячу рублей и обнадеживъ, что во время пути по Вологодской губерніи раскольники отобьютъ его у конвоя и препроводятъ въ одинъ изъ скитовъ, гдѣ онъ спокойно и въ полномъ довольствѣ проведетъ остальную свою жизнь. Посулилъ пропойцѣ Волкову священноинокъ Иларій вина сколько хочетъ, сытные обѣды, большія деньги, теплыя кельи и любую изъ послушницъ или монахинь для сожительства. Волковъ соблазнился на предложеніе знаменитаго постригателя раскольническихъ иноковъ и инокинь. Въ городѣ Чебоксарахъ Иларій обрился, а на слѣдующемъ этапѣ, при перекличкѣ пересыльныхъ арестантовъ, перемѣнились именами: Иларій назвался Волковымъ, Волковъ Иларіемъ. Въ городѣ Василѣ Иларій сказался больнымъ, и подъ именемъ рядового Волкова былъ оставленъ до выздоровленія въ тюремной больницѣ. Лжеиларій пошелъ далѣе и, не встрѣтивъ никакихъ раскольниковъ въ Вологодской губерніи, переплылъ

Бѣлое море и попалъ въ Соловкахъ въ тюремное отдѣленіе, гдѣ и отданъ былъ подъ надзоръ искуснаго старца для убѣжденія его въ истинѣ православія и неправотѣ раскола, о которомъ Волковъ и понятія не имѣлъ. Но, опасаясь за обманъ и побѣгъ наказанія сквозь строй, онъ рѣшился молчать, тщательно хранить выросшую во время пути бороду и креститься двуперстнымъ сложеніемъ. Искусный старецъ обращался къ нему съ наставленіями, начиналъ съ нимъ богословскіе споры, но Волковъ молчалъ, не зная, что говорить. Монастырское начальство отмѣтило его въ арестантскихъ спискахъ самымъ упорнымъ и закоснѣлымъ раскольникомъ, а архимандритъ Досифей донесъ Святѣйшему Синоду, что новый заключенникъ не подаетъ никакой надежды къ уразумѣнію святыхъ истинъ православной церкви. Такъ прошло не мало времени. Не выдержалъ, наконецъ, мнимый Иларій—соблазнился солдатской махоркой. Видитъ разъ искусный старецъ своего закоснѣлаго старовѣра среди солдатъ соловецкой инвалидной команды съ трубкой въ зубахъ Тутъ все объяснилось. Волковъ признался во всемъ и, конечно, не миновалъ наказанія [1]).

А Иларій между тѣмъ благополучно дошелъ до Нижняго и поступилъ въ тамошній гарнизонный батальонъ. Дѣло было въ концѣ сентября, и батальонный командиръ, хорошо знакомый съ матерью Александрой, игуменьей Игнатьевой обители, послалъ обритаго священноинока въ шинели, вмѣстѣ съ другими солдатами и новобранцами, убирать на гарнизонныхъ огородахъ капусту. Огороды находились на острову рѣки Волги. Иларій въ тотъ же день бѣжалъ въ Заволжье, и сча-

[1]) *Донесеніе соловецкаго архимандрита Святѣйшему Синоду* и находящееся въ нижегородскомъ губернскомъ правленіи *дѣло о розысканіи по Высочайшему повелѣнію бѣглаго іеромонаха Иларія.*

стливая старица Елисавета въ крытой кибиткѣ благополучно довезла своего любезнаго до Комаровскаго скита. Но здѣсь Иларію жить было опасно; и страстно любящаяся иночествующая чета, съ двумя плодами любви—въ образѣ миленькихъ дѣвочекъ, перебралась въ Москву, гдѣ Иларій и жилъ до 1848 года, когда умеръ отъ холеры, оплаканный вѣрною подругой, малолѣтними дѣтьми и многочисленными московскими почитателями.

Бѣглый попъ Ѳедоръ Васильевичъ Соловьевъ, хотя и не очень долго жилъ на Рогожскомъ кладбищѣ, но въ короткое время успѣлъ пріобрѣсть немалое вліяніе на московское старообрядческое общество. Съ 1802 года былъ онъ священникомъ въ селѣ Никола-Станъ, недалеко отъ города Мосальска, Калужской губерніи, и духовнымъ начальствомъ неоднократно замѣчаемъ былъ въ дурномъ поведеніи и несообразныхъ съ священническимъ саномъ поступкахъ. Ожидая по дѣламъ своимъ воздаянія, Соловьевъ въ 1832 году бросилъ приходъ и бѣжалъ въ Тверскую губернію къ раскольникамъ города Ржева. Здѣсь, вмѣстѣ съ дозволеннымъ правилами 1822 года попомъ Василіемъ Смирновымъ, служилъ онъ при часовнѣ, находившейся на Князь-Димитріевской сторонѣ, и повременамъ пріѣзжалъ въ Москву помогать рогожскимъ попамъ исправлять требы. Въ 1836 году его взяли въ Ржевѣ. При производствѣ слѣдствія, Соловьевъ обратился было къ православію, но тотчасъ же попрежнему сталъ раскольничать. Святѣйшій Синодъ, опредѣленіемъ 23-го декабря 1836 года, лишилъ Соловьева сана съ отданіемъ его въ распоряженіе калужскаго губернскаго правленія, но покойный государь на синодскомъ докладѣ написалъ собственноручно: «лучше, лишивъ священническаго сана, заключить въ монастырь подъ строгій надзоръ». Его помѣстили въ Козельскую Оптину пустынь, гдѣ

Соловьевъ въ 1839 году лицемѣрно раскаялся и просилъ о возвращеніи ему іерейскаго сана. Въ возвращеніи сана ему было отказано, но по чиноположенію его присоединили къ св. церкви. Послѣ того онъ въ третій разъ впалъ въ расколъ; его переводили изъ монастыря въ монастырь, наконецъ, изъ Архангельскаго монастыря, что въ городѣ Юрьевѣ, Владимірской губерніи, Соловьевъ бѣжалъ (30-го іюня 1845 г.) на Рогожское кладбище, гдѣ и былъ принятъ, какъ нѣкій великій исповѣдникъ, съ большими почестями. Но на самомъ кладбищѣ раскольники боялись держать попа Ѳедора и помѣстили его въ Рогожской части, въ квартирѣ вольнаго хлѣбопашца Липатова, гдѣ онъ крестилъ, вѣнчалъ, исповѣдовалъ и причащалъ присылаемыхъ съ кладбища крестьянъ. Въ началѣ 1846 года онъ былъ снова взятъ и заключенъ въ Суздальскій Спасо-Евѳиміевъ монастырь [1]).

Кромѣ рогожскихъ моленныхъ, въ Москвѣ было не мало моленныхъ въ домахъ богатыхъ купцовъ, а въ Московской губерніи были, кромѣ того, и общественныя моленныя. Мы уже упомянули, что въ настоящее время въ Москвѣ считается 15 дозволенныхъ, открытыхъ моленныхъ, а въ Московской губерніи 35. Прежде было болѣе: въ 1838 г. ихъ считалось въ Москвѣ 28, а въ уѣздахъ 77, не считая множества тайныхъ.

Три моленныя въ Москвѣ были устроены съ алтарями и престолами: a) въ домѣ бывшаго попечителя Рогожскаго кладбища Николая Дмитріевича Царскаго, близъ Тверской заставы, въ Сущевской части, едва-ли не на мѣстѣ существовавшаго до 1771 года старообрядческаго кладбища; b) въ домѣ бывшаго попечителя Павла Филипповича Дунякова, у Москворѣцкаго моста,

---

[1]) *Слѣдственное дѣло о попѣ Ѳедорѣ Соловьевѣ* 1846 года въ архивѣ московскаго генералъ-губернатора.

въ Пятницкой части; и с) въ домѣ купца Григорья Степановича Рылова, за Большимъ Каменнымъ мостомъ, въ Якиманской части.

Изъ моленныхъ безъ алтарей особенно замѣчательны были: въ Рогожской части въ домахъ Саввы Борисова, Павла Аѳанасьевича Баулина (въ Таганкѣ), у купцовъ: Сергѣя Дмитріевича Худякова и Тимоѳея Красикова (ихъ обоихъ общій домъ). Въ другихъ мѣстахъ столицы: въ домѣ Николая Осипова за Москвой-рѣкой на Красномъ холму, Медвѣдева—въ Кожевникахъ, Арженикова—въ Покровскомъ, Ивана Аѳанасьевича Быкова—у Никиты Мученика, Рахмановыхъ, Соколова, Солдатенкова, Окорокова, Карташова и устроенная въ 1845 году новая моленная въ домѣ Андрея Александровича Досужева [1]).

Изъ часовенъ, находящихся въ Московской губерніи, особенно были замѣчательны:

Въ городѣ Вереѣ каменная, устроенная по подобію церкви и принадлежавшая всему мѣстному старообрядческому обществу. При ней бывали бѣглые попы. Въ тридцатыхъ годахъ былъ тамъ попъ Иванъ Петровъ Сергіевскій, бѣглый изъ Александровскаго уѣзда Владимірской губерніи, о помѣщеніи котораго на Рогожскомъ кладбищѣ въ 1829—1832 годахъ напрасно

---

1) Прочія московскія моленныя находились: въ Рогожской части: у купцовъ Ѳедота Филиппова, Макара Копытова и мѣщанина Петра Миронова; въ Тверской части: у купца Ивана Царскаго; въ Басманной части: у купеческихъ братьевъ Емельяновыхъ; въ Пятницкой части: у бывшаго попечителя Рогожскаго кладбища купца Трифона Петровича Лубкова; въ Якиманской части: у купчихи Павловой и у мѣщанина Дементія Гаврилова; въ Прѣсненской части: въ домѣ ямщика Карманова; въ Серпуховской части: у купцовъ Дмитрія Широкова, Дмитрія Михайлова и Александра Столокова; въ Срѣтенской части: у купцовъ Шевалдышева, Соколова и Чудинова. Кромѣ того, нѣсколько недозволенныхъ, хотя и извѣстныхъ полиціи. Все это заимствовано изъ разныхъ дѣлъ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ и канцеляріи московскаго генералъ-губернатора.

хлопотали у правительственныхъ лицъ московскіе раскольники

Въ городѣ Коломнѣ деревянная, при домѣ купца Григорья Титова.

Бронницкаго уѣзда въ деревнѣ Чулковой, устроенная наподобіе церкви, деревянная, на каменномъ фундаментѣ, съ колокольней.

Серпуховскаго уѣзда—въ деревнѣ Глазовой.

Московскаго уѣзда—въ селѣ Коломенскомъ, составлявшая какъ-бы отдѣленіе Рогожскаго кладбища, и при ней богадѣльня, а съ 1850 года училище.

Больше всего часовенъ въ Богородскомъ уѣздѣ (1-го стана) въ такъ называемой Гуслицѣ. Тамъ ихъ было 53, а теперь 27 однѣхъ дозволенныхъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны: въ деревняхъ Бѣливѣ, Заваленьѣ (въ каждой по двѣ часовнѣ), Шувоѣ, Слободищахъ и Заполицахъ.

Всѣ эти часовни и моленныя находились въ прямой зависимости отъ Рогожскаго кладбища. Въ нихъ ничего важнаго не предпринималось и не дѣлалось безъ воли и благословенія рогожскихъ властей. Конторщики и матери Пульхерія и Александра также въ свое время надъ ними владычествовали.

КОНЕЦЪ ТРИНАДЦАТАГО ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ ТРИНАДЦАТАГО ТОМА